

**УРАЛЬСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 14

2006

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**УРАЛЬСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 14

Материалы к II Международному
Северному археологическому конгрессу

Специальный выпуск

Екатеринбург
2006

ББК 63.4
У 68
УДК 902

Уральский исторический вестник. № 14. Материалы к II Международному Северному археологическому конгрессу. Специальный выпуск. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. ISBN 5-7691-1717-6.

В основе предлагаемых статей лежит анализ археологических, этнографических и фольклорных источников. Хронологические рамки затронутых в Вестнике вопросов охватывают широкий период – от финального палеолита до XVII – XVIII вв. Обсуждаются проблемы древней и средневековой археологии, тесно связанные с основной проблематикой II Международного Северного археологического конгресса. Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся далеким прошлым Урала и сопредельных территорий.

Главный редактор
академик РАН *В.В. Алексеев*

Редакционная коллегия:

к.и.н. Е.Т. Артемов, д.и.н. А.М. Белавин, д.и.н. Л.И. Бородкин, чл.-корр. А. В. Головнев, д.и.н. В.В. Запарий, д.и.н. В.А. Ильиных, д.и.н. К.И. Куликов, д. филол.н. М.А. Литовская, к.и.н. И.Л. Манькова, д.и.н. В.С. Мосин, к.и.н. М.Ю. Нечаева (отв. секретарь), к.и.н. И.В. Побережников (зам. главного редактора), д.и.н. С.П. Постников, д.и.н. А.С. Сенявский, к.и.н. А.Ф. Сметанин, д.и.н. А.В. Сперанский, д.и.н. В.П. Тимошенко, к.и.н. А.Т. Шашков, д.и.н. А.Ф. Шорин

Ответственные за выпуск: *В.Н. Широков, Р.Б. Волков*

ISBN 5-7691-1717-6
у ПРИ-2006-24(06)-236 ПВ-2006
8П6(03)1998

© Институт истории
и археологии УрО РАН,
2006 г.

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Очередной выпуск Уральского исторического вестника, подготовленный учеными Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Тюмени, Нижнего Тагила, Салехарда, Уфы, содержит статьи и публикации по различным проблемам древней и средневековой археологии Урала и Западной Сибири. Хронологические рамки затронутых сюжетов охватывают большой период – от финального палеолита по XVII – XVIII вв. Значительная часть статей написана на материалах северной зоны центральной части Евразии и связана с решением тех проблем, которые вынесены на обсуждение II Международного Северного археологического конгресса (сентябрь 2006 г., г. Ханты-Мансийск). В его подготовке принимали участие Институт истории и археологии УрО РАН, правительство Ханты-Мансийского автономного округа и Уральский государственный университет им. А.М. Горького.

В центре внимания авторов Вестника теоретические проблемы современной археологии, мифологии и знаковых систем древних и традиционных обществ, их экономика, культурогенетические аспекты некоторых археологических образований, анализ отдельных категорий вещей и комплексов стоянок и святилищ, методические вопросы изучения памятников промышленной археологии.

Открывают Вестник статьи Л.Н. Коряковой и С.В. Шараповой, Н.А. Берсеневой. На основе отечественных и зарубежных теоретических моделей и археологических материалов южной зоны Урало-Западносибирского региона, относящихся к поздним этапам первобытности (бронзовый – раннегородской век), в них рассматриваются проблемы вариативности путей социальной эволюции первобытных обществ в классовые, символики власти и престижа, гендерных отношений.

Следующие две статьи освещают некоторые аспекты развития духовной культуры первобытных и традиционных обществ. В.Д. Викторовой показано, что знаковая система, через которую древний человек раскрывал мифологическую картину мира, имела сложные пути эволюции. В.Ф. Кернер на обширном фольклорном и этнографическом материале народов северной зоны Евразии и Америки рассматривает интересный сюжет, в представлении традиционных обществ связанный со значением емкостей, изготовленных из растительных материалов, в акте творения мира.

Серия статей посвящена некоторым категориям археологических изделий и комплексов. И.В. Усачева анализирует функциональное назначение так называемых «утюжков» в технологических операциях по изготовлению легких древков стрел и дротиков. Ю.Б. Сериков на основе статистико-типологического анализа микропластинчатого комплекса уникального пещерного святилища на Камне Дыроватом, р. Чусовая, приходит к выводу, что все изделия на микропластинах в данном комплексе являются вкладышами костяных наконечников стрел. С.Н. Погорелов, изучая деревянные составные орудия неолита – бронзового века из торфяниковых памятников Среднего Урала, делает заключение об универсальности этих орудий и применении их в различных сферах хозяйственной деятельности. И.В. Калинина, анализируя изделие из рога в форме головы лосихи в коллекции «Шигирские древности» Государственного Эрмитажа, показывает, что это

изделие имело и утилитарное назначение. Оно являлось частью рукояти копотушки во время рыбного промысла. Н.А. Алексашенко на основе трапециевидного и технологического анализов изделий из кости с городища Усть-Полуй реконструирует приемы и способы их обработки, определяет функциональное назначение этих вещей.

Рассматриваются в работах Вестника и традиционные для археологических изысканий вопросы происхождения, культурной специфики и этнической принадлежности носителей археологических культур, времени и места зарождения новых форм хозяйственной деятельности. А.А. Погодин и Ю.П. Чемякин обосновывают свою точку зрения на происхождение белоярской культуры Сургутского Приобья. К.Г. Каракаров приводит дополнительные доказательства в пользу выделения вожпайской культуры IX – X вв. как самостоятельного культурного явления на территории лесной зоны Западной Сибири и Западного Таймыра. Н.В. Федорова на основании анализа археологических и этнографических источников заключает, что оленеводство как особая форма хозяйственной деятельности сложилось на севере Западной Сибири уже в последние века до н. э. С миграциями населения кулайской культуры оно распространялось в южные регионы. Формирование же крупностадного оленеводства датируется XII в.

В поле зрения археологов находятся и объекты промышленной археологии. Особенности комплексного историко-археологического исследования памятников промышленности Урала XVII – XVIII вв. рассматриваются в статье Е.А. Курлаева. В ней предложена и компьютерная анимированная модель металлургического предприятия.

В традиционной для Вестника рубрике «Публикации» представлены материалы стоянки каменного века Игнатиевская II (В.Н. Широков, Р.Б. Волков) и Кокшаровского холма (Е.В. Вилисов).

Вестник поздравляет с юбилеями известных уральских археологов А.Х. Пшеничнюка и Ю.Б. Серикова.

Надеюсь, что круг поднятых и рассмотренных в данном издании проблем заинтересует не только российских, но и зарубежных читателей.

*Главный редактор
академик РАН*

V.B. Алексеев

СТАТЬИ

Л.Н. Корякова

СОЦИАЛЬНЫЙ ТРЕНД В ЮЖНОЙ ЧАСТИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ¹ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

ВВЕДЕНИЕ

Новые открытия в любой науке, не исключая археологию, стимулируют поиск свежих теорий и объяснительных идей. Сравнительно недавнее появление на археологической карте степной зоны памятников синтактического типа заставило исследователей не только актуализировать традиционные и ставшие уже «вечными» проблемы, такие как хронология и периодизация эпохи бронзы, содержание и смысл культурных образований, объединенных названием андроновской общности, но и обратиться к вопросам более широкого плана. Детальные раскопки поселения Чича, пре-восходящего своими размерами и внутренней организацией многие подобные памятники Западной Сибири, также обозначили необходимость переоценки их социального контекста [1].

Эти и ряд других открытий последних лет обусловили задачу настоящей статьи: оценить тенденцию социального развития на евразийском пространстве в эпоху бронзы и раннего железа².

Сравнивая бронзовый и железный века Евразии

Исследователи уже отметили некоторое внешнее сходство в археологическом проявлении реалий начала второго и первого тысячелетий до

¹Следует уточнить географические рамки предмета обсуждения. В археологии под понятием «Северная Евразия» негласно признается территория арктической и умеренной зон Европы и Азии. Однако согласно геолого-географическому делению Евразии на природно-ландшафтные страны, Северная Евразия включает равнины Восточной Европы, Западно-Сибирскую низменность и Урал. Восточная Сибирь и Монголия составляют отдельную страну – Внутреннюю Евразию. Она объединяет равнины внутреннего Казахстана, Прикаспия, Средней и Центральной Азии, а также горы и нагорья Средней и Центральной Азии (БСЭ, 1972. Т 9, с. 7 – 9). В настоящей статье в поле зрения находится территория преимущественно степной и лесостепной зон Приуралья, Южного Урала, Зауралья, Западной Сибири, Казахстана, что, строго говоря, соответствует частично южной части Северной Евразии и частично – северо-западной части Внутренней Евразии.

²Статья подготовлена при поддержке гранта интеграционной программы УрО – СО РАН, проект «Формы и проявления социокультурной сложности в Урало-Сибирском регионе в эпоху бронзы и раннего железа», и РГНФ, проект № 05-01-83104 а/у. Некоторые положения статьи изложены в находящейся в печати монографии: Koryakova L.N., Epimakhov A.V. *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Age*. Cambridge: Cambridge University Press.

н.э., нашедшее отражение в памятниках синташтинского типа, с одной стороны, и элитных курганах скифской эпохи, с другой. Об этом писали Д.Г. Савинов [2], Н.А. Боковенко [3, 4], указывая на внешнюю похожесть формы поселения Аркаим и кургана Аржан. Предлагаемые объяснения лежат либо в области генетической связи данных явлений, либо в рамках теории социальных циклов, базирующейся на признании нелинейности развития социальной сложности и взаимодействия типа «центр–периферия», о чём мы будем говорить ниже. Обращалось также внимание на очевидный параллелизм форм Аркаима и круглоплановых укрепленных поселений раннего железного века в Средней Азии и Западной Сибири [5].

В чём причина данного явления и есть ли она вообще? Если взглянуть на археологические карты Евразии второго (рис.1) и первого (рис. 2) тысячелетий до н.э., то кроме, конечно, чисто номенклатурных различий можно увидеть структурную разницу. На карте раннего железного века относительно легко выделяются своеобразные культурные миры, которые в большей или меньшей степени коррелируют с известными впоследствии группами родственных этносов или этносоциальных образований: 1) мир классических античных цивилизаций; 2) кельтский мир; 3) мир культур северной Европы (третий мир Европы); 4) мир лесных культур восточной Европы – мир городищ при отсутствии могильников; 5) мир лесных культур Приуралья и Прикамья; 6) мир кочевых и полукочевых культур степной и лесостепной Евразии; 7) мир культур Прикарпатья; 8) мир лесных культур к востоку от Урала [6, 7]. Разумеется, эти миры не были разделены непроходимыми границами – они периодически меняли конфигурацию и состав, но в целом оставались стабильными вплоть до Великого переселения народов. Они различались не только преобладанием тех или иных свойственных им культурных маркеров и экологической обусловленностью, но и внутренним социальным порядком. Его крайними проявлениями были на одном полюсе развитые античные государства – центры экономического, политического и культурного влияния, на другом – нечеткие социальные структуры лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири. Кроме того, среди них были технически и экономически более и менее развитые, но с распространением железа все они оказались втянутыми в систему взаимных контактов, торговых, обменных и политических связей.

Попытки выделить подобные «миры» для эпохи бронзы пока не увенчались успехом. Там можно видеть так называемые «блоки культур» (не очень удачный термин, предполагающий жесткую связь между составляющими звеньями) или культурно-хронологические горизонты, связанные с ландшафтными зонами Евразии и имеющие размытые внутренние границы с монотонным распространением стереотипов материальной культуры. Это особенно заметно на примере Евразийской металлургической провинции. Данное обстоятельство, на наш взгляд, вызывает запутанность археологической систематики эпохи бронзы, допуская в ней много остро дебатируемых культур и типов. При этом, однако, отдельные периоды, в частности период средней бронзы, обозначены ярко выраженными проявлениями социокультурной активности в отдельных регионах (так называемые очаги культурогенеза, по В. Бочкареву). Вокруг этих очагов складывалась периферия, через которую транслировались сначала технологические, а затем социальные достижения.

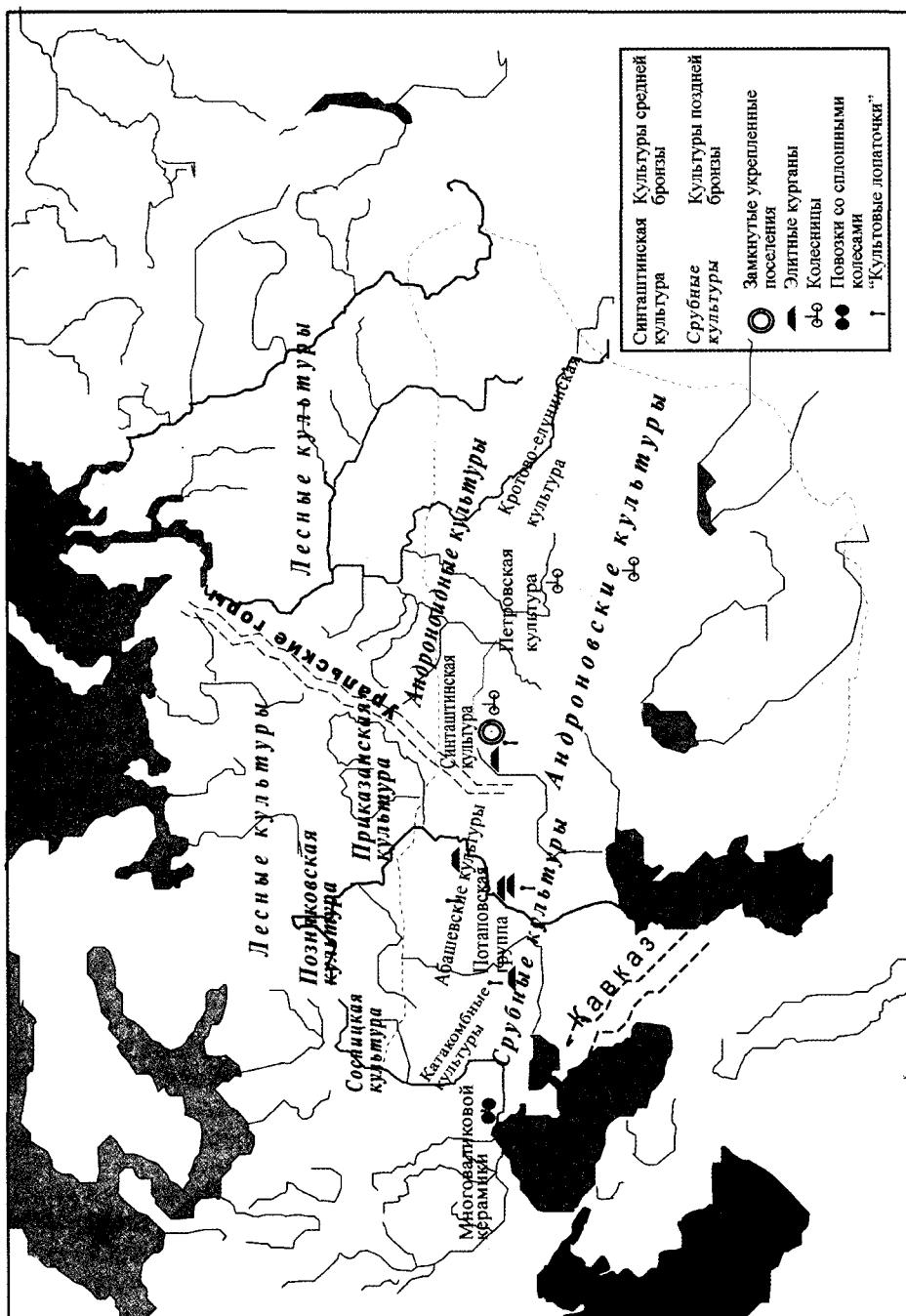

Рис. 1. Основные археологические культуры Центральной Евразии II тыс. до н. э.

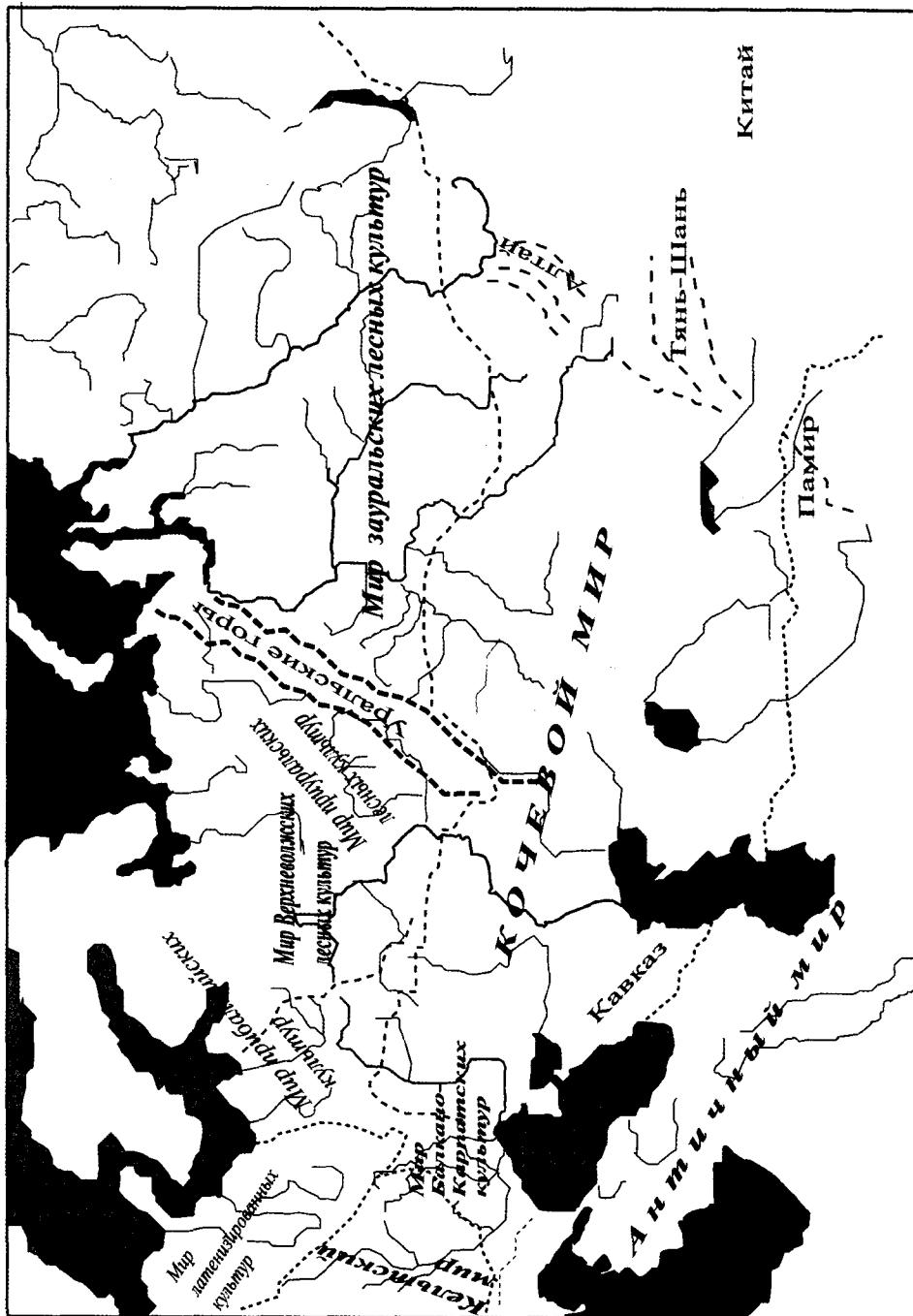

Рис. 2. Культурные миры Евразии I тыс. до н. э.

Какова природа отмеченного различия? Лежит ли оно в области культурной или экономической, и какова роль социального фактора в данной ситуации? Как изменялся социальный ландшафт от эпохи бронзы к железному веку?

Некоторые теоретические положения российской и зарубежной социальной археологии

Попробуем ответить на поставленные вопросы, учитывая опыт российской и западной археологии. Но вначале остановимся на некоторых базовых концепциях социальной археологии.

В результате исследований, обусловленных периодически возрастающим интересом археологов к проблемам социологического анализа археологических памятников, современной наукой предложен целый ряд моделей интерпретации обществ эпохи поздней первобытности (в русской традиции) и так называемых сложных обществ различного уровня (в западной, главным образом процессуальной традиции).

Основной принцип марксистской теории архаических обществ был связан с вопросом исторической периодизации, которая, как известно, состояла из пяти прогрессивных социально-экономических формаций, основанных на соответствующем способе производства. Первая из них – архаическая, по Марксу, – была представлена первобытным обществом. Первоначально модель этой формации была схематической и состояла из трех стадий. Затем она была детализирована и расширена, но, несмотря на серьезные изменения, сохраняет свое значение, если вспомнить, что она лежит в основе университетского курса первобытной истории. Выяснилось, что переходные формы от первобытности к государствству весьма разнообразны [8–9, 10]. Новые модели строились с широким использованием этнографического материала и с учетом теорий, появившихся в это время на Западе. Подчеркивалась роль различных факторов, действующих на процессы социального преобразования: природного, экономического, демографического, технологического и военного, а также фактора обмена и торговли [11, 12].

Значительное внимание уделялось проблеме происхождения государства, но это касалось главным образом классических государств. Позднепервобытные общества, определяемые как предклассовые и относящиеся к одному из трех типов – азиатскому, европейскому или классическому, трансформировались в протоклассовые [13]. По мнению Ю. Семенова [10], грань между собственно первобытным и предклассовым обществом совпадает с появлением частной собственности и основанной на ней эксплуатации.

В 50-е годы прошлого века на Западе возникла теория социальной и культурной интеграции, в соответствии с которой догосударственные общества развивались по пути увеличения социальной сложности [14, 15]. Несмотря на значительную критику этого понятия, оно используется довольно активно для исследования динамики общественного развития.

Э. Сервис разработал четырехчленную классификацию обществ, которая позднее была детализирована и стала широко применяться в археологической практике [16]. На этой базе была создана модель Фрида [17], согласно которой линия развития обществ идет от простых форм к более сложным (complex). Простые общества определялись как эгалитарные, сложные – как ранжированные или сегментарные и стратифицированные. Последние пред-

шествовали государству. Сегментарное общество сопоставлялось с племенем. Как отметил Н. Иоффи, в последние десятилетия преобладающей была неоэволюционистская модель «стремянки», которая использовалась археологами для исследования происхождения ранних государств: локальная группа (band), переходящая в племя (tribe), затем в чифдом (chiefdom) и, наконец, в государство (state) [18]. Термины «банд», «племя», «чифдом» и «государство» были предназначены для кросс-культурного сравнения и определения обществ в целом похожих масштабов и организаций.

В российской терминологии «племя» – термин более широкого и привычного употребления. Пан-племенные ассоциации (в западной классификации), или союзы племен (в отечественной терминологии), характерны для позднего доисторического периода. В то же время возникает много вопросов относительно употребления традиционной концепции племени, которая широко используется в исследовательской практике. Этот термин имеет как минимум два значения: 1) тип этнической группы; 2) форма социальной организации и управления. Кроме того, выделяются несколько исторических форм племенной организации. Архаическая форма представляет собой аморфное объединение различных таксономических сегментов, связанных реальным или фиктивным родством и имеющих общие территорию, имя, ритуалы и, возможно, общий диалект языка. Такое объединение именуется иногда «первичным племенем», «сегментным племенем» или, как в русской литературе, «соплеменностью» [19]. В нем не существовало общеплеменной управленческой администрации или потестарной структуры, которая была характерна для исторического племени, описанного Морганом. В соответствии с современными антропологическими представлениями, такое племя (вторичное) возникло довольно поздно в результате внешнего давления более развитых обществ на догосударственные образования [20, 21].

В поисках различных форм социального развития в эпоху поздней первобытности российские ученые (прежде всего этнологи и историки) заимствовали из западной антропологии понятие «чифдом» [22 – 25].

Подобный тип общества впервые был описан Дж. Стюардом на основе этнографического материала Карибского региона [26]. Сам термин вошел в научный лексикон из работ К. Оберга [27]. Возведение этой концепции в ранг обобщающей теории было предпринято М. Салином и Э. Сервисом, которые подчеркнули важную роль экономического фактора в оформлении социальной стратификации, являющейся одной из основных черт чифдома («вождества») [28]. Работы этих исследователей получили поддержку археологов, особенно в Британии и США [29, 30]. В 70 – 80-е годы прошлого века с позиций «вождества» стали анализироваться культуры позднего неолита, эпохи бронзы и начала железного века Западной Европы. Первоначально чифдом рассматривался как универсальная форма организации общества, непосредственно предшествующая государству, но позже эта универсальность была ограничена, поскольку однолинейная эволюция была признана неправильной из-за большого разнообразия переходных форм [31, с. 148 – 149]. Исследователи стали склоняться к определению чифдома как типа политической организации [32]. Таким образом, «вождество – это форма социополитической организации, которая характеризуется, с одной стороны, как система, стремящаяся к интеграции путем политической централизации, с помощью дистрибутивной экономики и идеологического единства, с другой, она тяготеет к внутренней дифференциации через трудовую специализацию, неравный доступ к ресурсам».

сам и статусную дифференциацию культуры» [20, с. 31]. Разнообразие типов вождества (военное, теократическое, компактное, дисперсное, ориентированное на групповые или индивидуальные интересы и т. д.) отражает социальное разнообразие.

Недавние антропологические исследования показали, что в социальной эволюции существуют альтернативы вождеству как иерархической форме социальной организации. Такие общества не имеют иерархической структуры, хотя обладают большими демографическими параметрами и развитой экономикой. Это позволило сделать вывод о том, что в социальной эволюции прослеживаются как минимум две стратегии: иерархическая, или «вертикальная» (вождество и государство) и не-иерархическая, или «горизонтальная» (демократические горские общины и греческие полисы) [33, 34].

Типологически чифдом может быть поставлен в определенное соответствие с военно-иерархическим (потестарным) обществом российской классификации [35]. Для общей характеристики такого социального и экономического уровня Ю. Семенов также использует понятие «политаризм» как особый вид общественного строя [10].

Таким образом, различные определения, предлагаемые для характеристики переходных обществ, как то: вождество, протополитария, поздне-потестарное общество, военно-иерархическое общество, племенной союз – являются близкими по существу, различаясь лишь в акцентах и деталях.

Наиболее общими археологическими признаками вождества считаются монументальная архитектура (признак отличия от автономного поселения, но не от государства), иерархия поселений, наличие церемониального центра, дифференцированные погребения.

Несмотря на существующие различия в терминологии, нередко приводящие к непониманию, можно заметить близкие моменты в подходах российских и западных археологов, когда они выделяют признаки социального уровня переходного общества. Среди этих признаков указываются следующие: 1) технологический и экономический уровни общества (наличие продукции ремесла и организация производства, специализация, разделение труда); 2) размер и масштаб общества (является ли оно автономным или частью большей системы); 3) внутренняя структура (однородное оно или включает много различных компонентов, уровень стратификации, распределительная система); 4) участие в торговле на длинные дистанции и отношения с другими обществами, в частности с цивилизационными центрами; 5) модели расселения и сложность погребальной практики [7].

Традиционно советские археологи анализировали археологические источники исходя из понятия «археологическая культура». В работах 60 – 70-х годов прошлого века археологический ландшафт, представленный множеством отдельных культур, имел ярко выраженный дискретно-мозаичный вид. Это был дифференцирующий подход. Хотя понятие «археологическая культура» является основным операционным инструментом в российской археологии, иногда стало более удобно использовать интегрирующий подход, вводящий такие конструкции, как «блоки культур», «историко-культурные общности», «культурно-хронологические горизонты», «центры культурогенеза», «ассоциации культур». При этом все большее внимание стало уделяться различным контактам между культурами. Виды контактов, включая экономические, социальные, культурные, идеологические, потестарные и политические, имевшие структурно-функциональный характер, и другие, определяемые по типу «центр – близкая периферия – дальняя периферия», находят

отражение в различных частях археологически представленного пространства [36]. В основных положениях данная концепцияозвучна принятой рядом европейских и американских археологов теории мировой системы, со средоточенной на изучении отношений ядра (*core area*) и периферии [37 – 41].

За последние годы мир-системная теория значительно изменилась по сравнению с оригинальной версией И. Валлерштайна [42]. Она также была распространена вглубь на докапиталистические общества [43 – 45]. По мнению А. Фрэнка и Б. Джил, капиталистические отношения уходят корнями в евразийскую мировую систему, которая зародилась на Ближнем Востоке вместе с появлением первых государств. Китай, в частности, был центром (ядром) этой системы, по крайней мере до XVIII в. [46].

Привлекательным моментом этой теории является признание того, что общества в своем большинстве включены в широкие сети различных видов взаимодействия, основанного на межкультурном разделении труда. Как заметил М. Манн, общества существуют в определенных узлах регионального взаимодействия, уникального даже в своих базовых проявлениях [47, р. 30].

Особенно важны отношения «центр – периферия», которые могут существовать в форме специализации центра и периферии и их иерархии. Первая форма предполагает взаимовыгодные (равные) отношения между обществами с различными уровнями сложности. Вторая форма подразумевает существование в системе взаимодействий экономического и политического доминирования и контроля со стороны одних обществ над другими [48]. Промежуточная зона между центром (ядром) и периферией – полупериферия – составляет третий компонент мир-системы [45].

Все три компонента очень важны для ее функционирования. Они интегрируются в различные многомерные сети, включающие обмен товарами, военно-политические взаимодействия, циркуляцию престижных ценностей и потоков информации. Зоны инкорпорации между центром, полупериферией и периферией всегда представляют собой ареалы, где встречаются две или несколько культур, этнических групп, обществ или экономических укладов. Эти контакты отражаются на всех участниках взаимодействия, трансформируя их в той или иной степени. Географическое положение, технологический уровень, окружающая среда играют значительную роль в формировании инкорпораций (объединений). Очень часто взаимодействие между государственным центром и племенной периферией приобретает форму военного конфликта. Он может возникнуть из-за экспансионистских целей центра или желания «периферийной» элиты получить доступ к престижным ценностям или ресурсам государства. Хотя влияние центра на периферию во многих случаях больше, чем наоборот, иногда периферия может разрушить или завоевать общества центра, образуя при этом вторичную периферию.

Многие специалисты подчеркивают, что мир-системный процесс оказывает влияние на объединения (инкорпорации) групп населения, занимающих различные экологические ниши [49 – 51].

Особый вид периферии формируется в промежутке между конкуриирующими и конфликтующими мир-системами, как, например, это было в Средней Азии, когда противостояли Китай и Рим. Общества, входящие в этот вид периферии, могли использовать антагонизм враждующих мир-систем ради своей пользы. По мнению ряда ученых, большую роль в функционировании мир-системных отношений играют престижные ценности [52].

Общества ближней периферии нередко зависели от циркуляции престижных предметов, которые использовались элитой для образования выгодных альянсов, поддержания своего статуса и, наконец, для предпочтительного социального воспроизведения. Такая циркуляция могла существовать в различных формах: дарообменных связях, торговле импортными товарами или обмене эзотерическими знаниями [53 – 55]. Или, как в случае с кочевыми «периферийными» обществами, это была экономика вынужденных «подарков», представляющая собой своего рода эксплуатацию обществ центра.

Модель «центр–периферия» оказалась полезной в рассмотрении взаимодействия между удаленными регионами, приводившего к значительным социальным изменениям, а также в изучении циклов экономической активности в различных частях ойкумены. Примерно со II тыс. до н. э. развитие торговли и обмена увеличило разницу между региональными культурными традициями и с освоением технологии бронзы создало зависимость различных районов от снабжения металлом и новыми идеями. Эта взаимная зависимость – суть концепции мировой системы. Второй ее элемент – социальная трансформация, на которой остановимся ниже.

Социальный ландшафт южной части Северной Евразии и его трансформация

Учитывая сказанное, посмотрим, как мог выглядеть и развиваться социальный ландшафт обозначенной территории. Сразу оговоримся – данный обзор не претендует на исчерпывающую полноту. Его цель – осветить ряд сюжетов, которые кажутся интересными.

Если обратиться к европейской археологии, известной своим вниманием к социальным реконструкциям, то можно увидеть два основных подхода в оценке социального пространства эпохи бронзы и раннего железа. Первый опирается на описанную выше модель переходного общества – вождества, подчеркивая усиление влияния престижной экономики, рост уровня социальной иерархии и стратификации, оформления института вождей и элиты [40, 56]. Обосновывается существование сложных вождеств и ранних государственных образований у кельтов [57].

Второй подход избегает социально-эволюционной терминологии, отдавая предпочтение технологическому (индустриальная, сельскохозяйственная революции) или идеологическому факторам. При этом подчеркивается важность внешней торговли, войны и отношений типа центр – периферия [58, 59].

Большое внимание российских археологов привлекают древности эпохи бронзы степной и лесостепной полос Евразии, имеющие ключевое значение для понимания специфики и закономерностей развития и в последующую эпоху. Нет никаких сомнений, что характеристика этого и более поздних периодов доисторической иprotoисторической эпох в терминах первобытного общества не соответствует действительности. Однако до выработки или принятия более приемлемых понятий, может быть, стоит воспользоваться тем, что было предложено И.М. Дьяконовым [60]: «древнее общество» с подразделением на раннее и позднее и соответственно – его временные рамки – «ранняя древность» (неолит – эпоха бронзы) и «поздняя древность» (эпоха железа).

Помня о специфике археологических источников и об отсутствии прямых этнографических аналогов обществам древности, не стоит обольщаться по поводу возможности полной реконструкции социальных организмов той эпохи, даже при наличии письменных свидетельств. Во всех случаях наши реконструкции будут иметь вероятностную природу. Но мы в силах увидеть тенденцию на относительной шкале социальной сложности, условившись о ее критериях. Эта тенденция может быть описана некоей траекторией развития, в которой могут отражаться как локальный, так и региональный и интэррегиональный уровни [7, 61]. Когда мы рисуем такую кривую, охватывающую много столетий, мы видим суммарную тенденцию, состоящую из множества конкретных «историй», незаметных нашему взгляду. Эти «истории» в очень преломленном виде выступают в различных типах керамики, стилях, архитектурных традициях, в разнообразных формах материальной культуры, которые мы не всегда можем сопоставить (рис. 3).

Очевидно, что социальный тренд на исследуемом отрезке времени (II – I тыс. до н. э.) будет далек от прогрессивно-поступательного эволюционного пути. Как показывают многие исследования, он имеет циклическую природу, обусловленную сочетанием и действием многих факторов (природно-экологического, экономического, демографического, социального, политического, этнического и т. д.) и выраженную в чередовании периодов подъема и упадка, кризиса и стабильности и т. д., консолидации и распада социальных систем. Как отмечал Ю.И. Семенов [10], циклический характер развития присущ и протополитарным, и политарным обществам, причем он объясняется не только и не столько внешними причинами или экологическими факторами, сколько социально-политическими отношениями. Может быть, самым важным результатом развития Северной и Центральной Евразии в древности было вовлечение этой территории в орбиту широких взаимных связей.

Признаки нарастания социальной сложности появляются уже в эпоху энеолита, становясь более отчетливыми в эпоху ранней и средней бронзы. Тем не менее, ставя вопрос о том, что представлял собой социальный ландшафт Северной Евразии в это время, мы не можем ответить на него однозначно. Сопоставляя материал с теми или иными моделями, мы неизбежно наталкиваемся на препятствия.

Нет сомнения в том, что поворотным моментом в развитии региона было его вступление в бронзовый век, который ознаменовался новой социально-экономической ситуацией. С этого времени отчетливо проявилась разница между северной и южной зонами Евразии. В начале эпохи бронзы ареал производящей экономики покрывал только часть южной зоны, но ее влияние было достаточно ощутимым как хронологически, так и географически. Развитие скотоводства и формирование основных горно-металлургических областей имели очень большое значение для «социального созревания» евразийского населения.

Внедрение металлургии в повседневную практику может рассматриваться как один из наиболее значительных стимулов интенсификации взаимодействия и формирования отношений межрегиональной зависимости. Обобщая данное положение, заметим, что индустрия бронзы с ее естественной привязкой к месторождениям меди определила «центростремительную» форму культурного развития, когда несколько более развитых в технологическом отношении регионов становились центрами притяжения и влияния.

Рис. 3. Схема социального тренда во II и I тыс. до н. э.

Социальные стратегии населения ямной культуры были направлены на расширение территории обитания, а потребность в металле могла быть катализатором этого процесса. Не стоит забывать о таком технологическом новшестве, как колесный транспорт, свидетельства появления которого становятся все многочисленней. Никто не сомневается в пришлом характере ямной культуры на Урале, однако среди специалистов нет единодушия в оценке механизмов и времени миграции. В.В. Ткачев детально рассматривает юго-западные связи, ссылаясь на Предкавказье как один из вероятных источников различных культурных традиций и их элементов [62]. П.Ф. Кузнецов говорит о прямой миграции из этого региона в середине III тыс. до н. э. [63, 64].

Думается, что не только миграции имели место, но, может быть, более значительным было расселение небольших групп, осваивавших новые территории. Необходимым условием такого процесса должно быть существование относительно хорошего информационного обмена внутри обществ и между ними. Было бы неправильно думать, что такое движение могло происходить спонтанно, без какой-либо организации. Нарождающаяся элита, чьи представители погребены под большими позднеямными курганами, могла осуществлять такую организующую функцию.

В то же время трудно представить, что горняки, приходившие сезонно на Каргалинское поле, работавшие и живущие в убогих условиях [65], могли иметь элитный статус. Возможно, производители металла и его потребители или распределители имели различное положение в обществе. Судя по всему, общества ямной культуры знали как минимум две неравные группы (немногочисленную элиту и многочисленное рядовое население). Однако, учитывая достаточно большую вариабельность ямной погребальной обрядности, можно допустить немалую степень социальной неоднородности ямного населения.

К сожалению, детализировать это положение совсем нелегко на основе имеющихся данных. Ограниченный объем материала не позволяет реконструировать демографические и социальные структуры. Однако нет сомнения, что усложнение общественной структуры шло по пути усиления персональной власти, что прослеживается в вариативности погребальной практики и индивидуальном характере большинства погребений. Можно логически допустить, что в ямном обществе социальное лидерство было связано с ритуальной сферой, порождая иерархичность социальной структуры. Как известно, ритуал, ранжирование и принуждение сопровождают рост социальной сложности.

С точки зрения теории культурного отбора [66], ямное общество было подвержено влиянию г-стратегии, обеспечивающей территориальную экспансию и распространение достижений циркумпонтийского технокультурного комплекса в восточном и северном направлениях. Такой вид стратегии базируется на сильном лидерстве.

Социальные последствия экономической, информационной и духовной «революций» раннего бронзового века оказались весьма существенными. Они «подготовили» следующие поколения к серьезным изменениям, открывшим на рубеже III и II тыс. до н. э. «эпоху больших открытий и трансформаций».

Первые века II тыс. до н.э. между Волгой и Уралом были «окрашены в цвета» абашевской и синташтинской культурных традиций. К этому времени появились признаки сложения межрегиональных отношений типа «центр – периферия», когда синташтинский и абашевский технологичес-

кий и культурный комплексы стали играть генерирующую роль для окружающих групп.

Для региона Южного Урала можно выделить несколько уровней социальной сложности в культурах конца III – начала II тыс. до н. э.

1. Уровень социальной организации аборигенных культур, восходящих корнями к постэнолитическим общинам с явными признаками коллективного эгалитаризма. К сожалению, сказать что-либо определенное об этих культурах пока затруднительно, они все еще остаются «белым пятном» в силу своей слабой археологической представительности и недостаточной изученности.

2. Уровень высокоорганизованной синташтинской культуры, с трудом поддающейся четкому определению в терминах существующих понятийных систем. В литературе синташтинское общество характеризуется: 1) как среднемасштабное, основанное на протогородской структуре и социальной организации [67]; 2) специализированное общество металлургов [68]; 3) простое вождество [25]; 4) сложное вождество [7, 69]; 5) раннее комплексное общество [70]; 6) раннее урбанизированное илиprotoурбанизированное общество [5, 71].

Большинство исследователей признают в целом прищий характер данного комплекса культуры в Южном Зауралье. Однако все оценки наталкиваются на противоречия, обусловленные либо неразвитостью аппарата социального анализа доисторических культур Евразии, либо недостаточным уровнем собственно археологического исследования.

Если сформулировать кратко отличительные черты синташтинского археологического комплекса, их можно свести к следующему:

1) структурированные поселения с монументальными фортификационными сооружениями и секционным архитектурно-планировочным решением в форме овала, круга или прямоугольника;

2) сложные погребальные памятники с высоким содержанием остатков ритуальной практики, включающей различные виды манипулирования телами умерших людей и жертвенных животных;

3) значительное присутствие в материальном комплексе предметов металлургического производства, вооружения, наличие остатков колесного транспорта передовой для того времени конструкции и довольно эклектичный набор керамики.

Судя по материалу, экономическую основу синташтинского общества составляли скотоводство, металлургия и, возможно, примитивное земледелие. (Нам кажется, не стоит отбрасывать эту гипотезу до проведения необходимых биологических анализов.) Экономический и технологический потенциалы синташтинского общества были, судя по всему, относительно высоки. Еще предстоит оценить их объем и состав, но, видимо, не будет большой ошибки, если допустить существование избыточного продукта, направляемого как на строительство монументальных сооружений, что, безусловно, требовало большого вложения труда, так и, весьма вероятно, на изощренную ритуальную деятельность. В обильных сопроводительных жертвах животных можно увидеть отражение редистрибутивной системы, используемой живыми членами коллектива для умножения его богатства и служившей целям корпоративной консолидации.

По внешним показателям данный комплекс может быть соотнесен с социальным уровнем сложного вождества, состоящего из отдельных групп и имеющего как минимум два уровня иерархии, если гипотеза о социальном

вании так называемых «деревень» и «округов» будет подтверждена. Однако более детальный анализ всех элементов культуры, и в частности погребального обряда, не выделяет в последнем отчетливо выраженной внутренней стратификации, соответствующей нашему пониманию богатства, и это заставляет исследователей сомневаться в наличии большого социального неравенства внутри коллективов. Хотя этот критерий, являясь ключевым в определении социальной стратификации, далеко не бесспорен. Впрочем, совсем нередки случаи, когда общественные лидеры разделяли одинаковые условия жизни с другими членами общества.

В то же время численность и половозрастной состав погребенных не соответствуют размерам поселений, допуская возможность существования альтернативных форм захоронения для населения, не относящегося к разряду элиты [72].

Не вдаваясь в подробности, отметим, что весь комплекс культуры указывает на довольно высокий уровень социокультурной интеграции и централизации в пределах отдельных социальных единиц, из которых состояло общество, материализованное в памятниках синташтинской культуры. Этого нельзя сказать о специализации, она не столь очевидна. Если предположить, следуя распределению остатков металлургического производства в жилищах Синташтинского поселения и Аркаима, что оно имело домашний характер, то возникает вопрос: кто тогда выращивал скот? Эти две отрасли сами по себе достаточно специализированы, когда речь идет об обеспечении отдельного коллектива. Очевидно, что этот вопрос нуждается в серьезном исследовании.

Материал заставляет думать о том, что синташтинское общество управлялось «неким сакральным знанием». Те, кто владели этим «знанием», были правители и организаторы, подобно друидам в кельтском обществе. Однако их власть не афишировалась внешне и не отмечалась материальными атрибутами. Это позволяет допустить, что рост социальной сложности шел не по пути возрастания личного лидерства, имущественного неравенства и иерархии. Данный процесс, возможно, был ограничен демократической идеологией, оправдывающей единство элиты и остального населения (так называемая k-стратегия).

В целом можно сказать, что главное содержание социального процесса в начале II тыс. до н. э. заключалось в появлении новых форм социальной организации на фоне революционных технологических открытий. Кроме того, наметилась тенденция к формированию отношений «центр – периферия», для которых характерны культурные, экономические и социальные контрасты. Обратившись к теории цикличности Евразийской мировой системы [73, 74], можно увидеть, что такие контрасты присущи той фазе ее развития, когда экономические и технологические инновации сопровождаются далеко идущими социальными последствиями³.

Эти контрасты сглаживаются или, по крайней мере, меняются в последующий период – поздней бронзы, который можно назвать эпохой стабилизации, а в случае с андроновской культурой она может быть на-

³Любая мир-система имеет циклическую динамику. Лучше других известны циклы, состоящие из подъема (A-фаза) и спада (B-фаза). Первая фаза связана с внедрением и распространением новых технологий, стимулирующих подъем и территориальную экспансию новых форм экономики. После того, как рынок насыщается и возрастают конкуренция, наступает спад, который длится до начала нового цикла[75].

Циклы Евразийской мир-системы (по А.Г. Frank, 1993)

Фаза циклов	Время	Степень соответствия с урбанизированными регионами	Характеристика цикла
A1	2000 – 1500/1700 гг. до н.э.	Недостаточно данных	Технологические инновации
B1	1700 – 1400 гг. до н.э.	Слабая	Экспансия металлургии бронзы. Конкуренция
A2	1600/1500 – 1400/1200 гг. до н.э.	Умеренная	Колонизация и стабилизация
B2	1200 – 1000 гг. до н.э.	Умеренная	Стагнация
A3	1000 – 800 гг. до н.э.	Для 1000–650 гг. до н.э. сильная	Кризис
B3	800 – 550 гг. до н.э.	Нет данных	Появление кочевого скотоводства
A4	600/500 – 450/400 гг. до н.э.	Сильная	Распространение технологии производства железа. Подъем кочевого скотоводства
B4	450 – 350 гг. до н.э.	Слабая	Миграции
A5	350 – 250/200 гг. до н.э.	Сильная	Распространение влияния государства на периферию. Совершенствование военного дела. Миграции
B5	250/200 – 100/50 гг. до н.э.	Слабая	Войны. Давление периферийных обществ на регионы центра
A6	100 г. до н.э – 200 г. н.э	Сильная	Подъем торговли на длинные дистанции
B6	200/250 – 500 гг. н.э.	Сильная	Великое переселение народов. Нарушение торговых связей

звана эпохой большой колонизации. Время формирования андроновской семьи культур соответствует фазе мир-системного цикла, которая характеризуется широкой экономической экспансией. В начале эпохи поздней бронзы зона производящего хозяйства значительно расширилась, но при этом победила стратегия экстенсивного территориального развития экономики и культуры (г-стратегия), поэтому мы видим необычайно широкое распространение общих материальных стереотипов (см. таблицу).

Данное явление сопровождалось снижением социальных контрастов, что одновременно влекло за собой разветвление культурной традиции и появление культурного разнообразия, нашедшего отражение прежде всего в оформлении основных комплексов алакульской и федоровской линий развития и бесконечного числа их вариаций. В условиях благоприятной климатической и, видимо, политической обстановки и при наличии широких возможностей для территориальной экспансии андроновское население вступило на экстенсивный путь развития, который тем не менее сопровождался определенным техническим подъемом.

Однако экстенсивный путь развития имел свои пределы. Они задавались не только экологическими условиями, что вполне закономерно, но и степенью развитости социальных структур, изучению которых должно быть уделено большее внимание. Как известно, любая миграция – это социальный процесс, имеющий свои побудительные мотивы и результаты.

Несмотря на внешнее упрощение социальных структур в эпоху поздней и финальной бронзы, контрастирующее поначалу с предыдущим периодом, тенденция к возрастанию социальной неравномерности не ослабла. Она развивалась вместе с ростом населения, сопровождавшимся сегментацией общин, поглощением одних групп другими, смешением этнических групп и образованием относительно крупных автономных социальных групп. К концу эпохи бронзы в отдельных регионах появляются крупные поселения (Кент, Чича), демонстрирующие некоторые признаки урбанизма. Межрегиональная специализация в этот период приобретает форму стабильной системы, будучи все более зависимой от источников металла.

Переход к эпохе железа, как известно, был связан с серьезным экономическим кризисом, вызвавшим появление в степной полосе нового социально-экономического явления – кочевого скотоводства. В отличие от плавкого скотоводства эпохи энеолита оно обладало вполне специфическими чертами культуры, считающей наивысшей ценностью военную доблесть, и социальной организацией с четкой половозрастной и стратословной иерархией. Не углубляясь в дискуссию о путях становления кочевого скотоводства, заметим лишь, что, конечно, его появление было обусловлено экологическим фактором, но распространение и своеобразие его были в немалой степени предопределены социальным процессом. Судя по поздним этнографическим данным, относящимся к евразийским кочевникам, между ними всегда существовала жесткая конкуренция за паства, воду и политическое лидерство; в ней выигрывали те коллективы, которые были социально более организованы и идеологически едины.

Главным отличием эпохи железа от предыдущей эпохи можно считать, наряду с прочими, рост роли политического фактора и как следствие – повышенную милитаризацию культуры. А это, как известно, непосредственно вытекает из усложнения социальных структур. Ситуация начала I тыс. до н.э. в Северной и Внутренней Евразии коренным образом отличалась от предыдущей эпохи еще и тем, что зона государственных образований значительно расширилась. Появились мировые империи, которые в своем стремлении к господству по сути дела разделили Евразию на несколько сфер влияния, сформировав свою ближнюю периферию, размеры которой во многом определялись уровнем социальной зрелости составлявших ее основу коллективов. Данное обстоятельство наложило свой отпечаток на процессы социогенеза и на рассматриваемой нами территории. Сначала степное (кочевое), затем лесостепное и позже лесное население втягивалось в систему отношений «центр – периферия».

Вернемся, однако, к вопросу, поставленному ранее, о сходстве некоторых элементов синташтинско-аркаимских и раннесакских (раннесакских) структур. На наш взгляд, в нем есть несколько слов. Один, по-видимому, генетический, хотя и не столь очевидный, как кажется на первый взгляд. Второй – социально-стадиальный, соответствующий одному и тому же уровню на траектории социального развития. Этому уровню свойственно возрастание социальной сложности, сопровождаемое рождением новой элиты, отделяющей себя от остальной части населения и выражаящей свое превосходство в строительстве монументальных погребальных или общественных сооружений. Причем этот контраст – между большими, сложными, преимущественно индивидуальными сооружениями с обильными жертвоприношениями и курганами простого населения – бывает особенно заметен в начале цикла, подчеркивая не столько имущественное раз-

деление, сколько идеологическое обоснование новых отношений господства и подчинения. Данное наблюдение относится не только к собственно классическим кочевым обществам эпохи железа, но и к производным от их взаимодействия с другими, так или иначе попавшими в их сферу влияния (в частности к саргатской культуре). Этой же цели служат новая система престижных ценностей и соответствующая ей система престижной экономики.

Как отмечают некоторые специалисты, в частности по отношению к региону Алтая, в VIII – VII вв. до н.э. воспроизведение высокого социального статуса было еще недостаточно стабильным в отличие от последующего времени [76, с. 32]. Престижная экономика становится более ориентированной на вооружение и импортные предметы роскоши. Формируется четкая система социальных маркеров, включающая элементы костюма и конского снаряжения [77, 78]. Благодаря родственным и дипломатическим связям между элитными родами, в степи и лесостепи распространяется надэтническая система атрибутов социального статуса, особенно заметная к концу I тыс. до н. э., воплощаясь в золото-бирюзовом зверином стиле.

Благодаря кочевникам с их естественной потребностью в контактах (далеко не всегда мирных) с различными обществами, достижения и отдельные атрибуты «цивилизованной» жизни, такие как предметы роскоши, становятся престижными далеко за пределами государств, достигая порой отдаленных лесных территорий.

В оценке социального уровня и политического устройства обществ раннего железного века до недавнего времени преобладали довольно традиционные подходы. Сейчас мало кто сомневается в том, что Скифия Геродота имела государственное устройство, хотя его уровень был весьма близок уровню сложного вождества. В то же время культуры других известных для той эпохи кочевников – саков, сарматов – все еще интерпретируются по традиции как этнопотестарные объединения, или союзы племен. Однако вряд ли сарматские объединения были проще организованы, чем скифские. Тагарская культура ассоциируется исследователями с государством диналией [79, с. 61], а пазырыкская интерпретируется как союз из пяти политархий [76, с. 35]. В последнее время получил распространение термин «кочевые империи», моделируемые как союзы, состоящие из кочевых вождеств с различной степенью внутренней стратификации и централизации [24]. Иерархичность этих обществ не подлежит сомнению.

Таким образом, налицо стремление исследователей отойти от устаревших идей, но этому препятствуют два основных обстоятельства: неполнота археологических источников и отсутствие более или менее последовательной теории их социальной реконструкции. Отсюда разделение археологов на две группы: консерваторов-скептиков, следующих традиционно-культурологическому подходу, и модернистов-оптимистов, склонных более к процессуальным и постпроцессуальным объяснениям.

Заключение

В целом можно заключить, что в эпоху раннего железа по сравнению с эпохой бронзы «очаговое» распространение проявлений социальной сложности приобретает зональный характер и значительно углубляется. В пределах миров, обозначенных нами ранее, складываются социально-культурные механизмы, обеспечивающие консолидацию обществ, которым в зна-

чительной мере свойственны все основные признаки роста социальной сложности. Можно выделить несколько уровней в отношениях «центр – периферия»: 1) трансконтинентальный – в пределах Евразии; 2) региональный – внутри определенной территории (Волго-Уральская зона, Урало-Казахстанская зона и т.д.); 3) локальный – внутри локального района. Два последних уровня, похоже, были более характерны для эпохи бронзы, тогда как два первых были свойственны железному веку. На протяжении двух тысячелетий в рассматриваемом нами регионе Евразии социальный тренд имел циклический характер.

Изложенная выше модель – не более чем попытка взглянуть на часть евразийского культурного ландшафта отвлекаясь от его этнокультурной доминанты. Нам хотелось привлечь внимание исследователей к социальным аспектам анализа и тем теоретическим моделям, которые еще недостаточно освещены в нашей литературе. Удалось ли это – судить читателям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Молодин В.И., Парцингер Г. Чича – городище переходного периода от бронзы к железному веку в Барабинской лесостепи. Новосибирск, 2001.
2. Савинов Д.Г. Синташта и Аржан // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 2004.
3. Боковенко Н.А. Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994.
4. Боковенко Н.А. Новые памятники радиальной конструкции эпохи поздней бронзы в Центральной Азии // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э. Челябинск; Аркаим, 1999.
5. Кызыласов Л.П. Первогорода Древней Сибири // Вестн. МГУ. Сер. 8. История, 1999. № 3.
6. Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
7. Koryakova L.N. Social Trend in Temperate Eurasia during the Second and First Millennia BC // J. Europ. Archaeology, 1996. № 4.
8. Черных Е.Н. От доклассовых обществ к раннеклассовым (к итогам деятельности Методологического семинара Института археологии АН СССР в 1976 – 1984 гг.) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
9. Семенов Ю.И. Возникновение классового общества: вариативность и инвариантность // Исследования по первобытной истории. М., 1992.
10. Семенов Ю.И. Война и мир в земледельческих предклассовых и раннеклассовых обществах // Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. Т. 2.
11. История первобытного общества. Т. 1. Общие вопросы. М., 1983.
12. История первобытного общества. Т. 3. Эпоха классообразования. М., 1988.
13. Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев, 1989.
14. Rothman M. Evolutionary Typologies and Cultural Complexity // Chiefdoms and Early States in the Near East: The Organizational Dynamics of Complexity. Monographs in World Archaeology. Madison, 1994. No. 18.
15. Tainter J. The Collapse of Complex Societies. Cambridge, 1988.
16. Service E.R. Primitive Social Organization. New York, 1962.
17. Freid G.M. The evolution of political society: an essay in political economy. New York, 1967.
18. Yoffee N. To many chiefs? (or Safe text for the 90-s) // Archaeological theory: Who Sets the Agenda? Cambridge, 1993.
19. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
20. Крадин Н.Н. Политическая антропология. Владивосток, 2001.
21. Fried M. The Notion of the Tribe. Menlo Park, 1975.
22. Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
23. Васильев Л.С. Протогосударство – чифром как политическая структура // Народы Азии и Африки, 1981. № 6.
24. Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992.

25. Березкин Ю.Е. Аркаим как церемониальный центр: взгляд американца // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Саратов, 1995.
26. Steward J.H. Theory of culture change. Urbana, 1955.
27. Oberg K. Types of social structure among the lowland tribes of South and Central America // American Anthropologist, 1955. Vol. 57.
28. Carneiro R.L. The chiefdom: precursor of the state // The transition to statehood in the New World. Cambridge, 1981.
29. Renfrew A.C. Beyond a subsistence economy, the evolution of social organization in Prehistoric Europe // Reconstructing Complex Societies. Bulletin of American School of Oriental Research, 1974. No. 20.
30. Renfrew A.C. Approaches to Social Archaeology. Edinburgh, 1984.
31. Shanks M., Tolley C. Social theory and archaeology. Cambridge, 1987.
32. Earle T. The evolution of chiefdom // Chiefdoms: power, economy and ideology. Cambridge, 1991.
33. Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995.
34. Коротаев А.В. Факторы социальной эволюции. М., 1988.
35. Куббель Л.Е. Очерки постарно-политической этнографии. М., 1988.
36. Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблема исторических контактов). М., 1978.
37. Champion T.C. Introduction // Centre and Periphery: Comparative Studies in Archaeology. London, 1995.
38. Edens C.M. and Kohl F. L. Trade and World Systems in Early Bronze Age Western Asia // Trade and Exchange in Prehistoric Europe. Oxford, 1993.
39. Kristiansen K. The Emergence of the European World System in the Bronze Age: Divergence, Convergence and Social evolution during the First and Second Millennia BC in Europe // Europe in the First Millennium BC. Sheffield Archaeological Monographs, 1993. Vol. 6.
40. Kristiansen K. Europe before History. Cambridge, 1998.
41. Sherratt A. What would a Bronze Age world system look like? Relations between temperate Europe and the Mediterranean in later prehistory // J. Europ. Archaeology, 1993. Vol. 1, 2.
42. Wallerstein I. The Modern World System. New York, 1974.
43. Chase-Dunn C., Hall T. Core/Periphery Relations in Pre-Capitalist Worlds. Boulder, 1991.
44. Hall T.D. World-Systems and Evolution: An Appraisal // World-Systems Theory in Practice. Leadership, Production, and Exchange. New York; Oxford, 2000.
45. Hall T.D. Frontiers, Ethnogenesis, and World-System: Rethinking the Theories // A World-System Reader. New Perspectives on Genders, Urbanism, Culture, Indigenous People, and Ecology. New York; Oxford, 2000.
46. The World System: Five Hundreds Years or Five Thousands? / Ed. A.G. Frank and B.K. Gills. London, 1993.
47. Mann M. The sources of social power. Vol. 1. Cambridge, 1986.
48. Grimes P. Recent Research on World-Systems // A World-System Reader. New Perspectives on Genders, Urbanism, Culture, Indigenous People, and Ecology. New York; Oxford, 2000.
49. Barfield T. J. Inner Asia and Cycles of Power in China's Imperial Dynastic History // Rulers from the Steppe: State Formations on the Eurasian Periphery. Los Angeles, 1991.
50. Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2001.
51. Kradin N.N. Nomadism, Evolution and World-System: Pastoral Societies in Theories of Historical Development // J. World-System Research, 2002. Vol. VIII (III).
52. Peregrine P.N. Archaeology and World-System Theory // A World-System Reader. New Perspectives on Genders, Urbanism, Culture, Indigenous People, and Ecology. New York; Oxford, 2000.
53. Frankenstein S., Rowlands M. The Internal Structure and Regional Context of Early Iron Age Society in Southwestern Germany // Bulletin of the Institute of Archaeology of London, 1978. Vol. 15.
54. Friedman J., Rowlands M. Notes towards an Epigenetic Model for the Evolution of «Civilization» // The Evolution of Social Systems. London, 1977.
55. Peregrine P.N. Legitimizing Crises in Prehistoric Worlds // World-Systems Theory in Practice. Leadership, Production, and Exchange. New York; Oxford, 2000.
56. Prehistoric Europe / Ed. T. Champion, C. Gamble et al. London, 1984.
57. Celtic chiefdom, Celtic state: the evolution of complex social system in prehistoric Europe / Ed. B. Arnold and D. Gibson Cambridge, 1995.
58. Sherratt A. Economy and Society in Prehistoric Europe. Princeton, 1997.
59. Cunliff B. (ed.) Prehistoric Europe. Oxford, 1997.
60. Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1989.

61. Koryakova L.N. Social Landscape of central Eurasia in the Bronze and Iron Ages: Tendencies, Factors and Limits of Transformation // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional Specifics in Light of Global Models. Washington D.C., 2002. Vol. 1.
62. Ткачев В.В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Урала. Орск, 2000.
63. Кузнецов П.Ф. Кавказский очаг и культуры бронзового века Волго-Уралья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV – I тыс. до н. э. СПб., 1996.
64. Кузнецов П.Ф. Проблемы миграции в развитом бронзовом веке Волго-Уралья // Древности волго-донских степей в системе восточно-европейского бронзового века. Волгоград, 1996.
65. Черных Е.Н. Каргалы – забытый мир. М., 1997.
66. Fog A. Cultural Selection. Dordrecht, 2000.
67. Зданович Д.Г. Синтетическое общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.
68. Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
69. Kristiansen K., Larsson T. The Rise of Bronze Age Society. Cambridge, 2005.
70. Macón B.M. Эпоха древних великих степных обществ // Археологические вести, 1998. Вып. 5.
71. Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. V, кн. 1.
72. Епимахов А.В. Южное Зауралье в период средней бронзы. Челябинск, 2002.
73. Frank A.G. Capitalism and development in Latin America: historical studies of Chile and Brazil. New York, 1967.
74. Frank A.G. Bronze Age World System Cycles // Current Anthropology, 1993. Vol. 34(4).
75. The World System: Five Hundreds Years or Five Thousands? / Ed. A.G. Frank and B.K. Gills. London, 1993.
76. Васютин С.А. Проблемы изучения социальной организации кочевников скифского времени Горного Алтая по материалам погребений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
77. Марсадолов Л.С. Социальные ранги курганов кочевников VI – IV вв. до н. э. Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997.
78. Полосьман Н.В. Стерегущие золото грифы (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994.
79. Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

СОЦИАЛЬНЫЙ ТРЕНД В ЮЖНОЙ ЧАСТИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Статья посвящена обзору развития социального тренда на юге Северной Евразии в означеннное время. Исследование базируется на главных теоретических моделях российской и англо-американской социальной археологии

Л.Н. Корякова

SOCIAL TREND AT THE SOUTHERN PART OF NORTHERN EURASIA AT BRONZE AND EARLY IRON AGES

This paper explores the trend of social development in South-Northern Eurasia (Cis-Urals, Southern Urals, Western Siberia) in the Bronze and Iron Ages. The research is based on major theoretical models known in Russian and Anglo-American social archaeology. Special attention is paid to the concept of social complexity and its derivates, united by the neo-evolutionist paradigm. Short review of world-system and core/periphery approach in archaeology is also presented. It is concluded that social trend in the area under analysis during the second and first millennia BC was far from progressive evolutionary trend. It was of cyclical character, conditioned by acting of various factors (environmental and ecological, economical, demographic, social, political, ethnical etc) and expressed in alternation periods of rise and decline, crises and stability, consolidation and fragmentation of social systems.

L.N. Koryakova

С.В. Шарапова, Н.А. Берсенева

СОЦИАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА: СИСТЕМА ПОНЯТИЙ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

Как известно, в отечественной науке социальные теории развивались преимущественно в комплексе исторических наук: истории, археологии и этнографии, а концепция власти и отношения власти рассматривались в рамках постстарно-политической этнографии [1], которая во многом синонимична политической антропологии [2]. В западной археологии изучение социальных структур является одним из теоретических аспектов культурной или социальной антропологии, базирующейся на широко известном постпроцессуальном (интерпретационном) подходе (см., в частности, [3, 4]).

В настоящее время существенно расширяется сфера участия российских исследователей в изучении и теории социальной сложности, и отдельных ее аспектов. Практическая сфера, как правило, охватывает данные археологии (материалы погребальной обрядности) и иллюстрирует теоретические модели результатами раскопок. При этом весьма разнообразно представлены социальные модели отдельных культур [5, 6] и регионов [7, 8]. Существенным компонентом теории социальной сложности является символика власти и престижа, гендерных отношений, однако социальный контекст символов и гендера наибольшее развитие получил в трудах западных археологов, в то время как для отечественной науки это относительно новое направление.

Общее представление

Изучение проявлений социальной и гендерной символики непосредственно связано с предварительным уточнением собственно термина «символ». Известно, что он восходит к греческому слову σύμβολον, означавшему в древности условный знак, который был опознавательной приметой для маркировки той или иной общественной группы и, по словам В.В. Бочарова, «изначально был связан со сферой политики» [9, с. 16]. С тех времен слово «символ» обрело немало разных значений. В отечественной литературе представлены десятки его дефиниций и толкований². В обобщенном виде их можно свести к рассмотрению преимущественно семантических аспектов, природы ритуального поведения и мифологического сознания, сформировавшихся под влиянием трудов Л. Леви-Брюля, Э. Тэйлора, Дж. Фрэзера. Функционально-знаковый контекст символа – это смысл, идея явления [10, с. 302], а его идейно-образная структура направлена на то,

¹Работа подготовлена в рамках реализации исследований по гранту РГНФ, проект 05-01-83104а/У, и комплексного интеграционного проекта УрО и СО РАН «Формы и проявления социокультурной сложности в Урало-Сибирском регионе в эпоху бронзы и раннего железа (степная и лесостепная зоны)».

²В нашей стране помимо этнографии символика становилась объектом исследования лингвистов; в советское время природа социальной символики наиболее интенсивно осмысливалась историками религии (С.А.Токарев, А.М.Золотарев и др.). В эстетической сфере литературная теория символизма, особенно русского, возродила романтическую традицию понятия «символ» (А. Белый, А. Блок, Ф. Сологуб и др.).

чтобы через каждое частное явление дать целостный образ. Иными словами, он не дан, а задан [11, с. 581].

В литературе, переводной и русскоязычной, истоки социальной символики достаточно подробно освещены в работах В. Тэрнера [12], В.А. Попова [13], В.В. Бочарова [9], а также Н.Н. Крадина [2]. И, несмотря на различия жанра изданий (монография, статьи, учебное пособие), в них наиболее полно отражена ритуальная и социальная природа явления. Появление символов исследователи связывают с иррациональными пластами психики человека [13, с. 9 – 14]. Одним из древнейших проявлений символизма, фиксируемых археологически, следует считать использование в ритуалах цветовой триады белое – красное – черное (и особенно охры), детально прокомментированное В. Тэрнером [12, с. 71 – 103]. На начальном этапе сложения символических форм существенная роль отводится случайности, закрепляющейся традицией. «Главным психологическим механизмом был эмоциональный...» – указывает В.В. Бочаров, имея в виду бессознательную потребность организма воспроизвести действие, приведшее в прошлом к положительным эмоциональным переживаниям [9, с. 23]. Н.М. Гиренко также касался рассмотрения отдельных аспектов знаковой символики: «Знак, как и система знаков (звук, цвет, форма и т. д.), всегда материален. В связи с этим, если говорить о материальном процессе в общественной системе, для человеческих ощущений необходимо взаимодействие с окружающим миром, что предполагает взаимодействие вполне материальное» [14, с. 75]. Затем предмет начинает использоваться по аналогии, и в этом ключе «...он функционирует недвусмысленно как символ» [12, с. 40]. Впоследствии для поддержания все тех же традиций формируется особое ритуальное поведение, в котором уже достаточно очевидна регулирующая функция символа [9, с. 11; 2, с. 109].

Повторяясь, все же стоит заметить, что символ был объективно оппозиционен, поскольку изначально служил для передачи определенной социальной информации. Данное утверждение вполне согласуется с исследованиями социального поведения индивидов и некоторыми положениями структурного подхода (см. ниже). Ю.М. Плюснин так характеризует социально-витальные потребности сохранения себя в сообществе: «это отношения, направленные на поддержание порядка как выражение потребности сохранения статуса каждого индивида. Любое взаимодействие сложных систем по чисто физическим причинам асимметрично ...любые стабильные отношения, устанавливаемые в сообществе, изначально несимметричны, участники любого контакта неравноправны. В силу этого стабильные социальные отношения, как правило, структурированы «по вертикали», т.е. иерархически организованы» [15, с. 154].

Достаточно значимым компонентом формирования специфических символов было табуирование отношений, которое в конечном счете приводило к усилению различий. В научной литературе довольно много примеров соблюдаемых запретов: пищевые и поведенческие табу, ритуалы смеси социального статуса, сопровождавшиеся обладанием определенными предметами, запретными для других групп, и т.д. Таким образом осуществлялось отождествление символов с социально-политическим статусом или властью, главной характеристикой которой считается использование средств физического принуждения [9, с. 18]. Вполне очевидно, что развитие символов власти важно для самой власти. В этой связи рациональная функция символа направлена на поддержание стабильных социальных отношений «по вертикали» [2, с. 111].

Западные теории символов

Структурный подход, в котором предпринимается попытка выйти на проблему причинности, часто связывается в современной социальной антропологии и этнографии с именем выдающегося франко-американского этнолога К. Леви-Строса. В структурной антропологии Леви-Строса социальный процесс тождествен культурному [16, 17]. Предложенная им теория бинарных оппозиций (согласно которой установление отношений выстраивалось посредством противоположностей, таких, например, как мертвое/живое, природа/культура, материнский/отцовский) [16, р. 548] дала дополнительный и новый импульс для анализа мировоззренческих построений в общественных системах как прошлого, так и настоящего.

Отношения между ритуалом, символами и социальной сферой легли в основу уже упоминавшегося исследования В. Тэрнера «Символ и ритуал», где автор также рассматривает коммуникативную функцию символа: «...исследователь уравнивает значение символа с его использованием – он наблюдает, что исполнители делают с ним и как они относятся друг к другу в этом процессе... Группы символов могут быть выстроены таким образом, чтобы составить сообщение, в котором определенные символы функционируют аналогично частям речи и в котором могут существовать условные правила соединения» [12, с. 41 – 42].

Существенная роль изучению символики отводится в рамках постпроцессуальной археологии, предложенной Я. Ходдером в 1986 г. и получившей освещение в последующих публикациях [18, р. 70 – 75; 19, р. 121 – 155]. Данное направление предполагает контекстуальный подход к анализу материальной культуры. Помимо социальных интерпретаций в его основе лежит интересующая нас концепция значений, отведенных артефактам или объектам, и символов, являющихся их материальным отражением [3, р. 73 – 75; 18]. Социальное значение может быть дано материальным объектам, народам, обществам и пространству через интерпретацию. Интерпретация и значение диктуются идеологией, политикой и религией одновременно и древних людей, и археологов. Значения, отраженные в материальных символах, информируют о значениях, которые создавались внутри политической, идеологической и культурной структур общества. Символизм – это передача важной культурной информации материальными средствами (через объекты, письменные источники и т.д.). Символы являются неотъемлемой частью повседневной жизни, средством социализации и управления людьми [18, 19; 20, р. 3 – 25]. Человеческое мышление и речь базируются на символах: слова сами по себе являются символами, отражающими аспекты реального мира. Многозначность утилитарности представляет различные уровни, и ни одно из значений не может быть более правильным, чем другие. Поэтому каждый символ рассматривается в контексте других как ансамбль, а не индивидуальный объект в изоляции.

Некоторые аспекты выработки особых символов и их использования рассматриваются в рамках когнитивной (в определении К. Ренфрю) археологии [21, р. 393 – 428]. Возникнув в русле веяний новой археологии в 1960 – 1970-х годах, она не приобрела сколько-нибудь явных особенностей до начала 1990-х. Данное направление следует воспринимать, скорее всего, не как опровержение концепций процессуальной археологии, а в качестве некоего развития ее отдельных положений. В обобщенном виде основные идеи и научный охват когнитивной археологии в рамках обозначенной парадигмы распространя-

няются на следующие сферы человеческой жизнедеятельности: социальную (символы структурируют и регулируют межличностные отношения), сверхъестественную (символы – посредники в общении между людьми и внешним миром), идеологическую (замена знака изображением, содержание которого отражает уже широкий круг идей). При этом символы рассматриваются в некотором смысле как логически последовательное структурированное целенаправленное поведение индивидов [22, р. 171 – 174].

Вертикальный символизм и его проявления

Способность предмета воздействовать на человека или запечатлевать в себе его воздействие – характерное свойство, фиксируемое и в архаических обществах, и в традиционных культурах [12, 23]. Исследуя взаимодействие символа и поведения людей, В.В. Бочаров установил связь символа не только с идеологическими или мировоззренческими представлениями, но и с уровнем развития сознания и социальной организации [9]. На ранних этапах развития обществ существовала особая ритуальная символика. Знак становится символом через поведение (или ритуал), в данном контексте символ тождествен поведению. Социальное значение символ приобретает в обществах с более высокой степенью социальной организации, становясь знаком власти, и обозначает определенный вариант поведения, который указывает на место, занимаемое индивидом (или группой) в иерархической структуре общества [9, с. 16]. Постепенно особая знаковая символика начинает касаться различных существовавших внутри коллективов отношений. Проявление такого многообразия настолько ярче, насколько иерархично и стратифицировано само общество: от ярко выраженной половозрастной природы в эгалитарных обществах до вертикальных статусных отношений в сложных [21, р. 412 – 422]. Подчеркивая статус, такие знаки визуально отделяют власть от группы посредством специфических атрибутов (от латинского слова *attribuo* – предаю, наделяю). В самых общих чертах атрибуты – это знаки, ассоциируемые с вполне конкретным индивидом. Роль различного рода поведенческих ограничений очевидна и для данной категории социальной статусности. Многие предметы власти считались запретными для представителей нижних страт. Как видно, структура символа многообразна, в ней достаточно тесно переплелись предметы и явления, вырабатываемые человеческими коллективами для поддержания господства и подчинения.

С одной стороны, атрибутика власти относительно хорошо документируется (там, где это возможно) археологическими данными (серебряные и золотые украшения, предметы вооружения, импортные изделия и т. д.). В ранних культурах вещи олицетворяли человека при жизни и погребались вместе с ним посмертно. Духовность вещи в ритуале преобладала над ее материальностью. Этнографические данные, в частности по культуре коренных народов Северо-Западной Сибири, свидетельствуют о предельно высоком первоначальном духовном статусе вещи [23, с. 24]. С другой стороны, очень трудно, практически невозможно, восстановить целостную структуру связанного с исследуемым предметом ритуального поведения «ископаемой» культуры, поскольку контекстуальная составляющая такого явления, как символика власти, находится вне фиксируемых в погребальных комплексах статусных различий [21, р. 412 – 422].

Материалы раскопок иногда весьма недвусмысленно демонстрируют наличие специфических культурных символов (татуировка, следы предна-

меренной деформации, фиксирующиеся на черепах отдельных популяций, элементы прически и одежды, предметы вооружения и т. п.), которые могут отражать особые социальные отношения. Широкое распространение получила гипотеза о символически-ритуальной монополии элиты на предметы роскоши, в том числе предметы импорта, особые жилые и погребальные сооружения, монументальную скульптуру и архитектуру [24, р. 1 – 15; 2, с. 110 – 116]. Известно, что торговля и обмен на дальние расстояния не только осуществлялись посредством специфических ритуальных и коллективных символов [25, р. 245], но и способствовали «пополнению» статусной символики экзотическими предметами. Это еще раз подтверждает предположение, что заимствования престижного плана раньше всего проникают в элитарную культуру, закрепляются и передаются внутри этой группы [26, с. 177; 27, с. 25; 28, с. 242].

Есть основания утверждать, что естественная эволюция религиозно-мифологических представлений, связанная с социально-экономическим развитием социума, с течением времени приводила к изменению некоторых «граней» социально-политических символов. Подобная динамика прослежена В.С. Ольховским на примере каменных изваяний, в которых, по словам автора, «социальная структура и отношения отражаются опосредованно, но достаточно ярко» [29, с. 11]. Довольно широко в кочевой и полукочевой евразийской среде фиксируется видоизменение изобразительных стилей. Наблюдается усиление проявлений «антропоморфности» у традиционных памятников – неантропоморфных (фаллоидных) стел: «Новая, антропоморфная, изобразительная модель значительно больше соответствовала потребностям манифестирования военного и социального лидерства, так как позволяла абстрактный, но легко узнаваемый образ наделять индивидуальными чертами реальной личности» [29, с. 153].

Гендерные аспекты

Через ассоциации индивидов с определенными предметами (символами) находят свое отражение в материальной сфере и гендерные отношения. Гендерные исследования в археологии, начавшись в 1970-х годах в русле западной феминистской археологии, к настоящему времени имеют довольно длительную историю [30 – 32]. В отличие от традиционного «половозрастного» подхода гендерный рассматривает индивидуумов как социальные личности. Биологический пол является фиксированным, данным от рождения, тогда как гендер создается внутри общества и может, соответственно, изменяться. Гендерные категории могут быть обусловлены полом, стадиями жизненного цикла, физическими особенностями, стилем жизни, а также профессиональным или религиозным статусом [33, р. 43 – 44]. Понятием «гендер» можно оперировать, только изучая общества, так как индивидуум в изоляции не может создать гендерные связи и, следовательно, не имеет гендера. Исследования гендера в археологии касаются отношений между людьми в древних обществах, особенно связи женщин и мужчин с социальной, экономической, политической и идеологической структурами отдельных обществ.

Необходимо отметить, что общепринятой теории гендера как таковой нет. Наиболее ранние исследования были вызваны желанием феминистского направления в археологии «найти женщин в древности» [30]. Феминистская критика осуществлялась по двум основным линиям. В первую очередь

критиковался подход, при котором половозрастное распределение труда в древних обществах *a priori* полагалось подобным современному (так называемому «западному»). Например, охота и торговля рассматривались как сугубо мужские занятия, а собирательство и ткачество – как женские. Второе направление заключалось в критике позиций мужского «превосходства». «Мужчины обычно изображались как более крепкие, более агрессивные, более влиятельные, более важные, чем женщины, которые часто выглядели как слабые, пассивные и зависимые. Прошлое писалось в терминах лидерства, власти, войны, прав наследования, обмена женщинами, контроля над ресурсами и т. д.» [19, р. 169]. Некоторые исследователи полагают, что количественное преобладание мужчин в среде археологов и этнографов (особенно в XIX и первой половине XX вв.) сыграло не последнюю роль в том, что древние общества стали выглядеть «гендерно нейтральными» или, в лучшем случае, населенными лишь взрослыми мужчинами [30, 34]. «Слишком много работ не только не уделяло внимания женщинам в археологическом источнике, но и мужчинам или даже вообще людям» [30, р. 15]. Первоначальные задачи, таким образом, заключались в критике «андроцентрических» публикаций, изучении деятельности женщин в прошлом, поиске матриархий в древних обществах и восстановлении баланса между мужчинами и женщинами в отношениях власти. Основная заслуга феминистского направления состоит прежде всего в привлечении внимания научной общественности к межнациональному несоответствию в интерпретации археологических памятников.

С возникновением постпроцессуальной школы археологической мысли с ее акцентом на активную природу материальной культуры, важностью контекста и рассмотрением индивида как активной социальной личности рамки гендерных исследований были расширены (отношения между мужчинами и женщинами), тогда как феминистская позиция состояла, как правило, в изучении только женщин.

Гендерные отношения могут изучаться под разными углами зрения. С. Люси определил понятие гендера следующим образом. Гендер – это 1) то, что не «дано», но тесно связано с биологическим полом; 2) то, что активно создается – сразу и индивидуумом, и обществом; 3) то, что может изменяться в течение жизни человека; 4) то, что может варьироваться от общества к обществу и во времени; 5) то, что тесно вплетено в конструкцию и поддержание социальных отношений; 6) то, что свойственно мужчинам так же, как и женщинам [35, р. 154].

В свою очередь, К. Лесик предлагает трехчастную систему организации гендерных классов: 1) дети; 2) взрослые (мужчины и женщины); 3) старики. Дети могут быть гендерно нейтральными (или составлять отдельный гендер) до достижения подросткового возраста и физического взросления. Старики после определенного возраста и/или при утрате некоторых способностей (к деторождению, ношению оружия) также могли переходить в другой гендерный класс. Рассмотрение возрастных классов с точки зрения перехода из одной гендерной группы в другую позволяет обратить внимание на те социальные категории, которые крайне мало исследуются как в отечественной, так и в зарубежной археологии, – стариков и детей. Исследуя гендерные группы, неоднозначные по отношению к мужской/женской дилемме, можно исключить, по мнению ученого, сразу «андроцентрический» и «гинкоцентрический» уклоны [34].

Кроме указанных выше групп существуют и другие, не вписывающиеся в бинарную конструкцию, в частности гермафродиты или просто негендерные.

теросексуальные категории (институционализированная, ритуальная, личная или иная гомосексуальность). Случаются ситуации, когда индивиды отвергают свою «врожденную» гендерную принадлежность. Те, кто должны обычно определяться как «мужчины», ведут себя и/или адаптируют свойства, которые позволяют классифицировать их как «женщин», и наоборот (например скифские энареи [36, IV; 38]). Эти «гендерные мигранты» в некоторых обществах составляли сепаратные классы и у них был ряд собственных атрибутов, так что их групповая узнаваемость и альтернативный гендер могли поддерживаться в том числе и материальными средствами.

Проблемы интерпретации гендерных отношений в древних обществах

Различные гендерные группы распознаваемы в археологическом источнике через материальные маркеры. В погребальной археологии есть принципиальная методологическая проблема – приписывание биологического пола на основании сопроводительного инвентаря и одежды. До сих пор часто воспроизводятся современные гендерные стереотипы и продолжают оставаться невидимыми потенциальные дополнительные или трансвеститные гендерные категории, несмотря на то, что археологически и антропологически доказано, что биологические женщины и мужчины иногда погребались с противоположными им полу погребальными наборами [37, р. 194; 38].

М. Соренсен очертила две большие группы археологических источников, наиболее информативных для гендерной археологии: во-первых, сфера погребальных действий (индивидуальный внешний вид через костюм и некоторые типы предметов) и, во-вторых, сфера домашней деятельности (производство продуктов, разделение труда, сегрегация пространства) [31]. Последняя категория источников, конечно, более проблематична в своей интерпретации. Согласно С. Нельсон, наиболее эффективным путем изучения гендера является использование всех линий свидетельств по возможности вместе. Потенциальными источниками могут быть письменные документы, изображения мужчин и женщин (трехмерная скульптура или рисунки), погребения и человеческие останки (антропологический аспект), артефакты (сопроводительный инвентарь), организация пространства (поселений, погребений, строений и т. д.). Нетрудно заметить, что сквозь призму гендерных отношений могут рассматриваться буквально все стороны человеческой деятельности, так как гендерные аспекты действуют на любую сферу общественной жизни [30, р. 58 – 64].

Как гендер выражается через объекты и действия? Идея гендерных различий часто соотносится с разрешением/запрещением чего-то для некоторых категорий индивидов: например, ношения определенной одежды, украшений, предметов или выполнения каких-то действий. В этих операциях используются объекты, и через них гендерные связи становятся более «видимыми». Следовательно, предметы являются не только носителями гендерной информации, но «... имеют и креативную роль – это механизм, через который гендерные различия пропитывают общество как целое; сохраняются и воспроизводятся в течение времени и между событиями» [31, р. 76]. Тот факт, что гендерные отношения и/или различия могут находить свое отражение в материальных символах, как раз и делает принципиально возможным их археологическое изучение, поскольку именно археология исследует общества через материальную сферу.

Динамика гендерных различий во времени

Гендерные отношения существуют (и существовали) в каждом человеческом обществе, они могут находить множество проявлений и быть на редкость культурно-специфичными. Система гендерных различий, однако, часто имеет непосредственное отношение к вертикальной социальной иерархии. В любом социуме важность гендера становится более явной, когда на нее влияют редистрибуция и доступ к различным материальным ресурсам. По мнению Т. Тайлора, роль гендерных отношений существенно возросла с конца неолита вместе с ростом политической сложности в Европе [37, р. 194]. Развитие интенсивного плужного земледелия, возрастающее использование металла и рост торговли в бронзовом и железном веках позволили индивидам стать богаче. Инсигнии ранга, усиленные в сложных персональных погребальных монументах, включали инсигнии гендера – сложные коды одежды для мужчин и женщин. Одежда несла исключительно важную гендерно-различительную информацию. Появление «гендерной» одежды – это момент начала развития более сложной социальной иерархии. Если люди принимают, что мужчины и женщины естественно одеваются различно, тогда естественность других различий, таких как между богатыми и бедными, которые в действительности не поддерживаются биологическими реалиями, будет выглядеть более легитимной. Одежда использовалась, чтобы натурализовать существование социальной иерархии. Следовательно, не случайно, что общества, где гендерные различия наиболее видимы, имеют самые суровые законы относительно «приличных» одежд для пола и класса; это общества, минимально толерантные к сексуальной неопределенности – одежда есть пол. Когда один из царей Скифии – Скил нарушил обычай ношением греческой одежды и практикованием вакхических оргий, он был убит [36, IV: 78 – 80].

В целом большинство исследователей так или иначе сходятся во мнении, что любые экономические сдвиги приводят также и к изменению гендерных связей. Как правило, такие трансформации рассматриваются учеными в терминах «положения (статуса) женщин». Еще Ф. Энгельс полагал, что статус женщин в целом снижается с появлением экономических классов [39]. Из теории марксизма так или иначе вытекает, что социальная сложность является синонимом подчинения женщин. Множество этнографических и исторических источников демонстрируют обоснованность этой точки зрения, которую частично разделяют и многие современные ученые. Т. Тайлер полагает, что переход к земледелию и сопутствующим ему правилам производства и собственности привел к женскому экономическому неравенству, которое длится до сих пор [37, р. 146]. Это обусловлено прежде всего тем, что труд женщин, часто связанный с домашней деятельностью и заботой о детях, низко ценится на рынке труда.

Феминистское направление, однако, выступает против обобщений [32]. Сегодняшние модели цивилизаций, комплексного общества и ранних государств до сих пор содержат безусловные предположения об универсальности нуклеарной семьи, мужском превосходстве и гендерном разделении труда (на публичный и приватный миры). Несмотря на то, что гендер очевидно связан с экономической системой, нельзя игнорировать специфические исторические процессы и помещать женщин из различных культур в базовую, вечную модель женственности. Хорошо известно, что некоторые женщины владели большим богатством и, воз-

могло, обладали властью, что подтверждается как археологическими, так и письменными источниками.

На протяжении своей истории отдельные сообщества временами демонстрировали относительное равенство между полами, и женщины могли стать лидерами в некоторых из них. Например, Боудика, королева восточных англов, которая в 60 г. н.э. возглавила восстание против римской оккупации. Примеры женщин, адаптирующих мужские роли и внешние атрибуты, известны по некоторым этнографическим данным [40, 41].

Особенности гендерных отношений в мобильных скотоводческих обществах

О гендерных отношениях в среде древних nomadov, несмотря на сведения античных источников, известно не слишком много. Учеными предполагается относительно более низкий статус скифских женщин по сравнению с савроматскими и сарматскими [5]. Этот вывод базируется в основном на данных античных авторов (хорошо известная легенда об амазонках, рассказанная Геродотом [36, IV: 114], которых часто идентифицируют с женщинами савроматов и сарматов) и косвенно – на данных погребальных памятников. В савроматских и особенно сарматских женских погребениях содержится относительно больше предметов вооружения, чем в скифских. Но этот вопрос, несомненно, требует пересмотра, так как со времени последних обобщающих исследований скифской погребальной обрядности прошло не менее 20 лет [42, 43], а антропологические определения тогда практиковались в весьма скромном масштабе. В настоящее время появляются новые материалы, в том числе о наличии в скифских женских погребениях предметов тяжелого вооружения [44].

«Царские» курганы ясно демонстрируют существование вертикальной социальной иерархии. Но семейные связи являются базовыми для большинства мобильных обществ благодаря рассеянному образу жизни, отсутствию централизованного управления и особым формам собственности. Поэтому вертикальные и гендерные социальные отношения реализуются в большей степени между семьями, а не внутри них. В древности гендерные различия внутри одной семьи были, возможно, менее выражены, чем в оседлых сообществах сопоставимой степени сложности. Тот факт, что существуют погребения с оружием (как мужские, так и женские) и погребения без оружия (также как мужские, так и женские), заставляет искать гендерные (и вертикальные) различия именно здесь, между этими двумя категориями. Представители одних семей имели право владеть оружием, а других – нет. По-видимому, некоторые группы женщин из высших эшелонов степного общества участвовали в набегах на поселения греков или другие оседлые общины. Гиппократ полагал, что женское участие в таких рейдах могло быть включено в систему воинской повинности (цит. по: [7, с. 205]).

В заключение необходимо подчеркнуть, что данная статья носит скорее ознакомительный, нежели конкретно-исследовательский характер. Авторы ставили целью привлечь внимание научной общественности к проблемам, которым уделяется недостаточно внимания при анализе археологического материала: анализу гендерных отношений и отношений власти в древних обществах. С этой точки зрения выявление и адекватная интерпретация социальных символов, атрибутов и гендера представляют собой одну из главных про-

блем социологических реконструкций. Направления социального анализа, затронутые в данной статье, нуждаются в дальнейшей разработке, однако перспективность подобных исследований не оставляет сомнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куббелль Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
2. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2001.
3. Shanks M. and Tilley C. Social Theory and Archaeology, 1987.
4. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социальная антропология: Учебник. М., 2005.
5. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.
6. Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV – X вв. СПб., 2003.
7. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск, 2000.
8. Тишкун А.А., Дашиковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003.
9. Бочаров В.В. Власть и символ // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996.
10. Краткий словарь по социологии. М., 1988.
11. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
12. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
13. Попов В.А. Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996.
14. Гиренко Н.М. Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб., 2004.
15. Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск, 1990.
16. Jameson R. Structuralism // A Dictionary of Archaeology / Eds. I. Shaw and R. Jameson. Oxford, 1999.
17. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.
18. The Meanings of Things. Material Culture and Symbolic Expression / Ed. I. Hodder. Cambridge, 1991.
19. Hodder I. Reading the Past: Current Approaches to Interpretation in Archaeology. Cambridge, 1991.
20. Bradley R. A life less ordinary: the ritualization of the domestic sphere in later prehistoric Europe // Cambridge Archaeological J., 2003. Vol. 13 (1).
21. Renfrew C. and Bahn P. Archaeology: Theories, Methods and Practice. London, 2004.
22. Renfrew C. Cognitive Archaeology // Shaw I., Jameson R. (eds.). A Dictionary of Archaeology. Oxford, 1999.
23. Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
24. Earle T. The Evolution of the Chiefdoms // Chiefdoms: Power, Economy and Ideology / Ed. T. Earle. Cambridge, 1991.
25. Feinman G. Demography, Surplus, and Inequality: Early Political Formations in Highland Mesoamerica // Chiefdoms: Power, Economy and Ideology / Ed. T. Earle. Cambridge, 1991.
26. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
27. Масон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.
28. Түр С.С. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996.
29. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.
30. Nelson S.M. Gender in Archaeology. Analyzing Power and Prestige. Walnut Creek, 1997.
31. Sorensen M.L.S. Gender Archaeology. Cambridge, 2000.
32. Ungendering Civilization / Ed. K.A. Pyburn. New York; London, 2004.
33. Gilchrist R. Ambivalent Bodies: Gender and Medieval Archaeology // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology /Eds. J. Moore and E. Scott. London; New York, 1997.
34. Lesick K. S. Re-engendering gender: some theoretical and methodological concerns on a burgeoning archaeological pursuit // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology /Eds. J. Moore and E. Scott. London; New York, 1997.
35. Lucy S. J. Housewives, warrior and slaves? Sex and gender in Anglo-Saxon burials // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology /Eds. J. Moore and E. Scott. London; New York, 1997.
36. Геродот. История в девяти книгах. М., 2004.
37. Taylor T. The Prehistory of Sex: Four Million Years of Human Sexual Culture. New York, 1996.

38. Parker Pearson M. *The Archaeology of Death and Burial*. Stroud, 1999.
39. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. М., 1961.
40. Ucko P.J. Ethnography and the archaeological interpretation of funerary remains // *World Archaeology*, 1969. Vol. 1.
41. McHugh F. Theoretical and quantitative approaches to the study of mortuary practice // BAR International, 1999. Series 785.
42. Буянятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV – III вв. до н. э. Киев, 1985.
43. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н. э.). М., 1991.
44. Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004.

СОЦИАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА: СИСТЕМА ПОНЯТИЙ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена проблемам изучения социальных отношений в древних обществах и особенностям их проявления в археологическом источнике. Основное внимание уделено символике власти и гендера

S.B. Шарапова, Н.А. Берсенева

SOCIAL SYMBOLISM: PARADIGM AND BASIC STUDIES

The article considers two aspects of social studies such as social power symbolism and gender relations. On the one side, there are number of artifacts with evidently symbolic status (silver and golden jewellery, weapons as well as decorated ones, porcelain shells, and so on). But on the other side the symbolism of power goes far beyond merely the burial evidence to rank society, for example, by age and gender character. Archaeological evidences are approached in some recent theoretical explorations.

S. Sharapova, N. Berseneva

В.Д. Викторова

ЭВОЛЮЦИЯ ОДНОГО ЗНАКА И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ

Две тенденции становления и развития духовных ценностей в ранних обществах были выделены, с одной стороны, из обширной литературы по археологии, этнографии и фольклору, с другой стороны, эмпирически. Далее их наличие неоднократно проверялось на конкретном археологическом материале. В тезисном варианте они звучат так.

– Мифологическая картина мира (МКМ) складывается в соответствии с определенным образом жизни конкретной культурно-исторической общности [1] и служит одним из средств организации общества.

– У МКМ любой общности есть три источника формирования языка/кода знаковой системы и текстов-мифологем: традиция, объекты и свойства природной и социальной окружающей среды, заимствование в результате контактов и миграций.

В задачу статьи входит еще одна проверка правильности этих тезисов. В пределах двух эпох – неолита и энеолита – она уже однажды решалась при анализе знаковой системы на сосудах боборыкинской культуры и ее преобразования при вхождении в систему знаков МКМ охотников и рыболовов Зауралья и Западной Сибири [2]. В данной статье этот вопрос рассматривается в более широких пространственно-временных параметрах на судьбе одного знака – рогов быка/козла.

1. Двурогие фигуры на уральских артефактах эпохи камня

В наскальных памятниках Северной Евразии сюжеты с двурогими антропоморфными фигурами встречаются от Скандинавии до Восточной Сибири. Но следует отметить, что рогатые фигуры на уральских писаницах в массе своей отличаются от европейских и восточноазиатских. В наскальных изображениях Урала только у одной фигуры можно увидеть голову с рогами, у остальных есть рога, переходящие в шею (рис. 1, 3 – 10). Думается, что истоки подобной иконографии образа лежат в особенности его генезиса на территории горно-лесного Урала.

На первый взгляд, самый ранний образ двурогого антропоморфного персонажа следует отнести к эпохе мезолита, по радиоуглеродным датам древесины Большого Шигирского идола – 7886 – 7498 лет до н. э. [3, с. 52]. У одной из фигур на оборотной плоскости доски вместо головы изображены рога (рис. 1, 1).

Но есть сомнение в столь раннем возрасте Большого Шигирского идола. Дело в том, что аналогов фигурам нет на иных мезолитических или неолитических артефактах. Они появляются лишь в энеолитическое время. Именно к этому времени относятся массовые изображения на сосудах и скалах, выполненные в едином стиле с фигурами Большого Шигирского идола [4, с. 14].

Попробуем рассмотреть иные истоки образа. В горно-лесной полосе Урала известно около 90 писаниц с рисунками, выполненными на скалах охрой. Поэтому для уральских археологов было неожиданностью увидеть фигуры, нанесенные на гранит техникой шлифования. Они были обнаружены на скале западной гряды острова Каменные палатки, расположенного в южной части палеоозера Романовского (рис. 2). По определению трапсолога Н.А. Алексашенко, прошлифовка фигур производилась небольшими и неглубокими овальными лунками. Они смотрятся как две фигуры в виде слегка изогнутых линий, расходящихся под тупым углом от небольшого отростка в разные стороны. Размах линий большой фигуры на центральной части скалы достигает 1 м (левая линия повреждена поздним сколом), высота фигуры 48 см (см. рис. 2, 1). Наиболее четко знак виден на скале ранним утром, но слабо заметен и днем. Размах линий второй фигуры равен 50 см, высота 16 см. Знак небрежно прошлифован в нижней части скалы под уступом (см. рис. 2, 2).

Возможны два предположения относительно семантики фигур. Первое – на скале изображены птицы в полете. Аналоги подобным фигурам, на первый взгляд, есть в мелкой кремневой пластике с нео- и энеолитических памятников западной и центральной частей Русской равнины. Исследователи [5, рис. 135, 1, 2, 5; 6, рис. 167, 1, 2, 5] видели в подобных фигурах образы летящих птиц. Но в этом определении семантики фигур тоже есть противоречия.

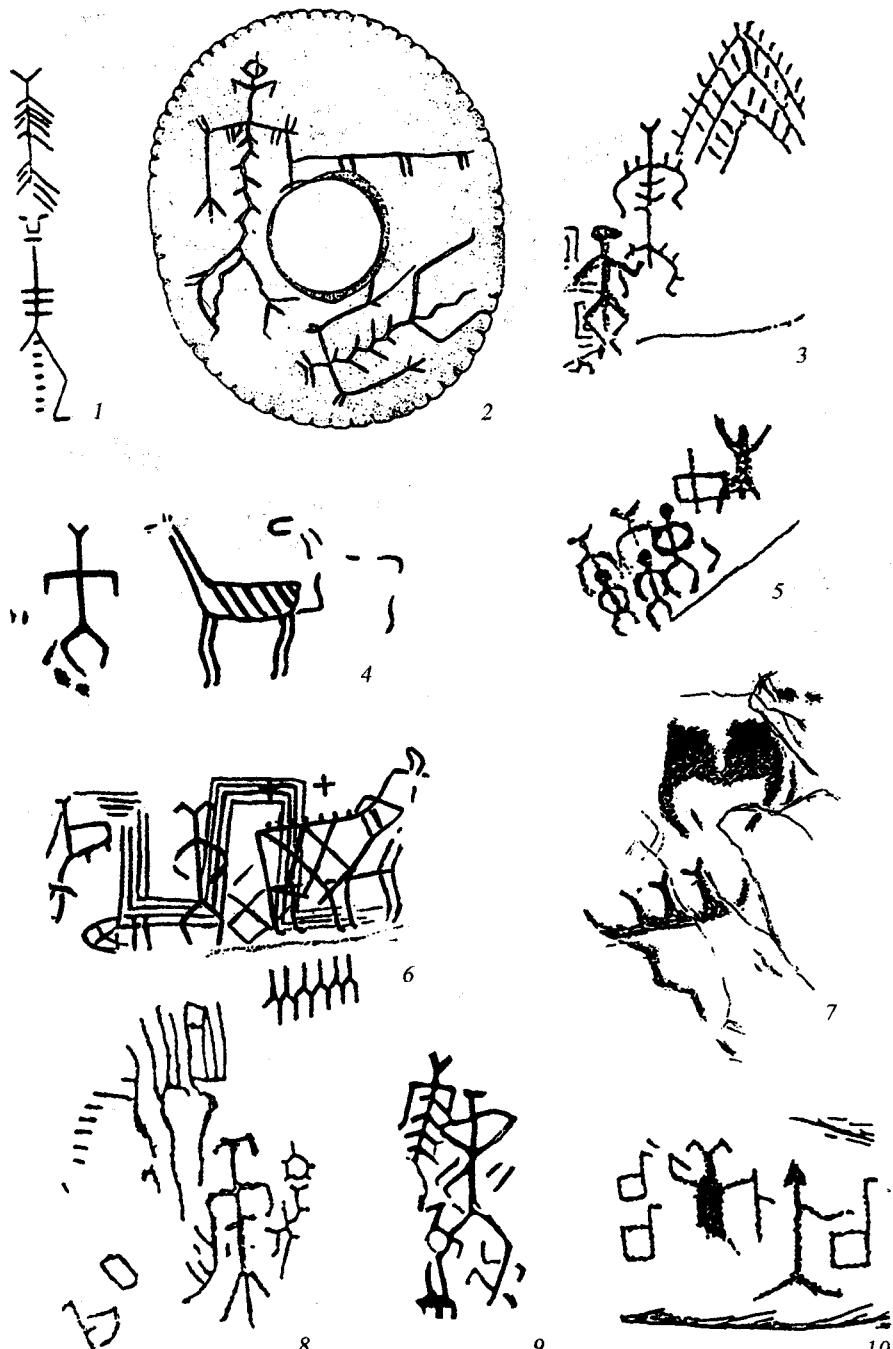

Рис. 1. 1 – Большой Шигирский идол (фрагмент); 2 – навершие антоновского жезла; 3, 5 – Тагильский Писаный Камень; 4 – Бородинская I писаница; 6 – Бородинская II писаница; 7 – Косой Камень; 8 – Карелинская писаница; 9 – Ирбитский Писаный Камень; 10 – Северская писаница (1 – по В.Я. Толмачеву, 2 – по Ю.Б. Серикову, 3 – 10 – по В.Н. Широкову)

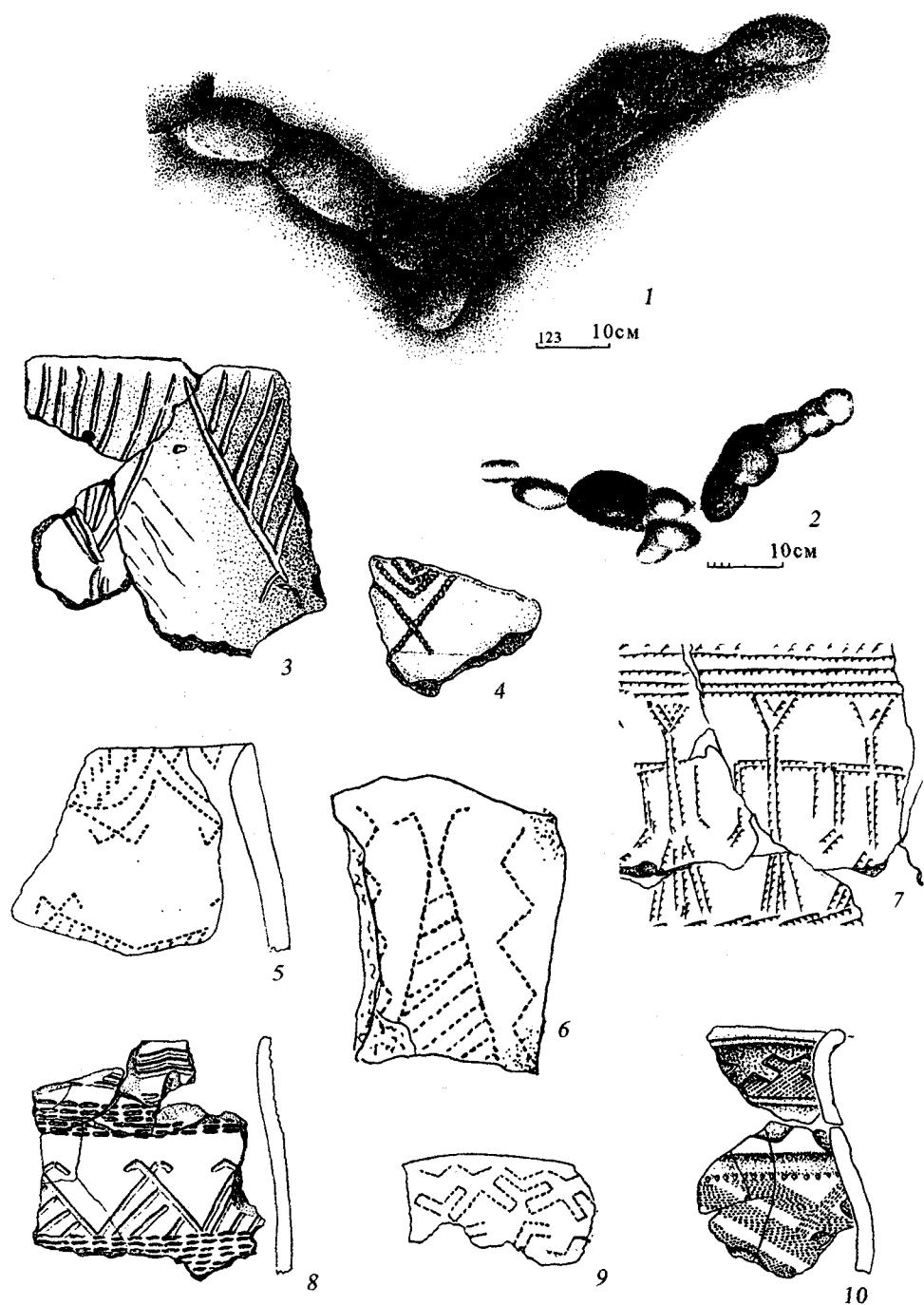

Рис. 2. Знаки рогов на скале и сосудах.

1 – знак на центральной части скалы острова Каменные палатки; 2 – знак в затемненной части скалы; 3,4 – фрагменты сосудов бобровинской культуры с памятников ЮАО V и ЮАО IX; 5–7 – фрагменты сосудов аятской культуры; 5,6 – Аятское поселение, 7 – пос. Палатки I; 8 – фрагмент сосуда карасльозерской культуры с поселения Палатки I; 9 – фрагмент блюда с Горбуновского торфяника; 10 – фрагмент керамики черкаскульской культуры со святилища Вершина I (5,6 – по Е.М. Берс, 9 – по Д.Н. Эдингу)

Первое отметила М.П. Зимина. У одной из фигур от «крыла» отходит сбоку отросток, что позволило автору определить ее как рога олена [6, рис. 167, 8, с. 121]. К тому же у «летящих» фигур туловище нередко имело тутое завершение и отнюдь не напоминало тело с головой птицы. Второе противоречие связано с нарушением иконографической традиции древних изображений. Ни до, ни после появления «летящих» птицы не изображались в подобной позе. В наскальных рисунках и петроглифах, в орнаментальных композициях на сосудах и в кремневой пластике в неолите – энеолите как в данном районе, так и во всей лесной зоне Евразии летающие персонажи выполнены в профиль.

Второе предположение относительно значения фигур на скале как рогов смыкается с точкой зрения М.П. Зиминой. Только изображения простых, без ответвлений, слегка изогнутых рогов на скале не могли быть знаками олена или лося, они весьма похожи на знаки рогов быка или козла.

Откуда могли появиться пока что единично встречающиеся на уральских скалах знаки фрауны, не характерной для края? Для ответа на вопрос следует учесть все особенности находки, прежде всего ее возможный контекст и необычность техники нанесения знака и его семантики. Не характерно для уральских писаниц местоположение фигур на скале, обращенной не на юг, а на запад. Эта особенность находит свое объяснение, если предположить, что знаки-рога составляют единый комплекс с неолитическим святилищем боборыкинской культуры, расположенным в северо-западной оконечности острова, в 40 м от западной гряды. Есть доказательства, что святилище на острове Каменные палатки принадлежало одной из групп мигрантов с Ближнего Востока [7, с. 58 – 61].

Гипотеза о сакральном пространстве, объединяющем западную гряду с боборыкинским святилищем, имеет определенное основание. В пределах этого пространства помимо упомянутых изображений рогов еще три объекта не имеют аналогий в памятниках Урала или Западной Сибири: прошлифованный круг с диагональю в северной оконечности западной гряды, три глиняные вымостки красного, серо-желтого и белого цвета, а также ямки от столбов у костищ, образующие фигуру ромба на святилище. Необычность объектов, на наш взгляд, связана с ритуалом утверждения прошлого населения на новой земле. Все четыре символа находят аналогии в материалах памятников раннеземледельческих культур.

Для раннеземледельческих культур Ближнего Востока образ рогатых, в первую очередь быка или горного козла, был одним из важнейших в мифологии [8, с. 82 – 93]. Предметами почитания были головы или рога копытных, которые обнаружены при раскопках в святилищах, а также погребениях начиная с VIII – VII тыс. до н. э., фигурки копытных, выполненные в пластике, прорисованные на сосудах и печатях. В мифоритуальной практике, жертвоприношениях ранних земледельцев эти символы, принадлежа верхнему миру, являли собой смысл природных циклов, важных для земледелия, – умирание и возрождение природы [8, с. 97, 102].

Изображения голов и рогов быка/козла были весьма распространеными знаками в трипольской культуре конца среднего периода. Наиболее повторяющимся было сочетание символов быка и солнца на трипольских сосудах. В этом сочетании ученые увидели трансформацию древнего тотема охотников в зооморфное воплощение солнца-быка [9, с. 251].

В.Н. Даниленко [10, с. 14, 15] обосновывал значение фигур быка и козла как мужского начала образа солнца в азиатском ареале раннеземледель-

ческих культур. Этот же образ в более позднем южноевропейском ареале, по его мнению, трансформировался в фигуру солнечного дракона, в которой бурканий (голова копытного, рога) сочетается с крыльями птицы и телом змеи. Автор отметил также семантическое и изобразительное раздвоение образов как солнечного дракона, так и буркания. Оно проявляется в таких вариантах, как различный уровень размещения фигур или различные их размеры.

По отношению к боборыкинскому святилищу скала с изображением рогов на острове Каменные палатки находилась там, где восходит солнце, — на востоке. Возможно, мигранты нанесли на скалу большие рога как символ восходящего солнца. Вероятно, этому событию был посвящен один из огненных ритуалов на восточной площадке святилища, где сохранились большое пятно прокала и мощный слой золы [7, с. 49 – 50].

В западной части святилища тоже был след прокала, но значительно меньшего размера. Возможно, это след ритуала, посвященного заходу солнечного диска, наскальный символ которого находился в затененной части скалы.

Знак рогов, нанесенный на вершины треугольников-гор в композициях на боборыкинской керамике, — еще одно подтверждение гипотезы о том, что образы рогов быка/козла ассоциировались с верхним миром, миром солнца [7, рис. 3, 3, 6, 13].

В более суровых природных условиях лесной полосы Урала и Западной Сибири мигранты постепенно влились в среду аборигенов и были вынуждены перейти к образу жизни охотников и рыболовов. При новом образе жизни, а также при наличии устойчивой МКМ аборигенов большая часть знаков и мифологем духовного потенциала мигрантов стала неактуальной. Одни исчезли (знаки зерна, лозы), другие стали декоративными (знак дождя). Ряд знаков органично вписался в мифологию охотников и рыболовов, обогатив ее. К ним относятся знак змеи как символ посредника между мирами, ромб со значением земля/женщина/жизнь и знак рогов.

2. Знак рогов в мифологии энеолитического населения Зауралья

Можно предположить, что при формировании новых образов мифологии энеолитического времени от неолитических предков-мигрантов было воспринято значение фигуры рогов как знака верхнего мира. Этот образ был понятен охотникам-аборигенам как абстракция головы/рогов любого обитателя уральского леса — лося, оленя, косули. Некоторым подтверждением этой идеи может служить факт изменения/усложнения формы рогов на ряде артефактов эпохи энеолита. Рога, загнутые под прямым углом, венчают антропоморфные фигуры на Карелинской и Северской писаницах (см. рис. 1, 8, 10), а также треугольники — знаки гор на сосудах аятской культуры (см. рис. 2, 5, 6). Вместе с тем знак рогов на зауральских памятниках претерпел сложные преобразования. Сохраняя свое значение образа верхнего мира в сочетании с треугольником-горой, он начал также венчать и антропоморфные фигуры в изображениях на скалах, сосуде (см. рис. 2, 7), навершии посоха/жезла (см. рис. 1, 2).

Знаки, выполненные в едином стиле, варьируются в деталях. А.А. Герасименко [11, с. 86 – 87] в результате иконографического анализа двух фигур на навершииantonovskого жезла выделила наличие семантических

ярусов у фигур – основу изображений и дополнительные детали. Она предположила, что чем больше важных деталей у фигуры – отростки, обозначающие мощь, силу, посох – символ власти, – тем выше ее статус (см. рис. 1, 2). Это положение вполне может быть распространено на три фигуры, изображенные на аятском сосуде. В руках одной из них видна деталь, напоминающая часть посоха; у всех трех фигур удвоены рога – знак принадлежности верхнему миру (см. рис. 2, 7).

Еще в большей степени различна детализация двурогих фигур в наскальных изображениях. На ряде писаниц – Аллакской, Бородинских I, II – фигуры представлены только основой (см. рис. 1, 4, б). Она более проста, нежели на антоновском навершии: только развилика вместо головы, а дальше схема антропоморфной фигуры – руки опущены вниз или поставлены вбок, ноги расставлены в стороны или согнуты в коленях. На некоторых фигурах прорисованы ребра (Соколий Камень). Образ фигуры с Северской писаницы усложнен деталями: прямоугольное туловище закрашено, в руке виден предмет, напоминающий посох (см. рис. 1, 10). На Ирбитском и Тагильском Писаных Камнях двурогие выполнены в скелетном стиле, а у персонажа с Писаного Камня на р. Тагил есть еще и отростки на руках и ногах – знаки моць (см. рис. 1, 3, 9). Различны и позы фигур. Движение передано либо положением рук (Северская писаница), либо согнутыми в коленях ногами (Тагильский Писанный Камень, антоновское навершие). Есть статичные фигуры (на Карелинской писанице и др.). Единично представлены двурогие, плывущие в лодке (см. рис. 1, 7), и фигура, сидящая на копытном (Карелинская писаница).

В пользу ассоциации знаков рогов с верхним миром повествует несколько сюжетов уральских писаниц: два рога (Соколий Камень) завершают древовидную фигуру (мировое древо?). Этот же символ находится на кончиках лучей солнечного диска (Балабанские утесы), а также завершает углы ромбов на писаницах Соколий Камень, Кваршинской, Зенковской [12, рис. 8, 8; 7, 1; 11, 42; 20, 6].

У исследователей сложились различные мнения по поводу семантики двурогих фигур, изображенных на уральских скалах. В.Н. Чернецов [13, с. 92] видел в двурогих персонажах изображения предков в ритуальных плясках. Е. Аутио [14, р. 13 – 17] полагал, что возможны два толкования образов двурогих, изображенных на финских и уральских памятниках наскального искусства. Это либо люди, исполняющие тотемистический ритуал, либо мифические существа. В.Т. Петрин, В.Н. Широков [15, с. 96], Ю.Б. Сериков [16, с. 33] отождествляют двурогие антропоморфные фигуры с образом шамана. В одной из последних работ В.Н. Широков [12, с. 99] соглашается с мнением В.Н. Чернецова, что некоторые антропоморфные изображения могли быть духами различного ранга. Персонажей в масках (двурогие?) он определяет как шаманов [12, с. 100].

Иконографический анализ позволяет поставить вопрос в новом ракурсе. Какой смысл может скрываться за этим фактом: изображений двурогих фигур много, а они разные при единой стилистической основе?

Если искать этнографические параллели, то ближе всего, на первый взгляд, представление обских угров о множестве духов, их иерархии и различных функциях [17]. Думается, что для более ранних эпох вполне приемлема точка зрения Б. Мункачи. Он полагал, что у духов, известных по этнографии обских угров, в период, когда люди еще не знали металлов, были «предшественники и прообразы идолов в тех каменных и скальных изо-

бражениях в виде человека и зверя, которые находились на отдельных и недоступных местах» [17, с. 167].

Как может выглядеть семантический ряд двурогих антропоморфных изображений в мифологических представлениях населения горно-лесного Зауралья эпохи энеолита? Можно предложить следующую гипотезу их расшифровки. Первый ряд составляют космогонические образы. Три антропоморфные фигуры в статичной позе на аятском сосуде – это духи-предки, скорее присутствующие при рождении Земли, чем инициирующие ее появление. Подобные первопредки, но в антропоморфном варианте старухи и старика запечатлены в мансийском мифе о гагарах, ныряющих за землей в воды Мирового океана [18, с. 258].

Второй ряд составляют две фигуры разного ранга наantonовском диске с календарным содержанием. В них можно предположить духов, отвечающих за два времени года, связанных со спецификой хозяйственной деятельности охотников и рыболовов.

Многочисленные антропоморфные изображения двурогих на скалах могут представлять третий семантический ряд духов различного ранга.

Наиболее значимые образы усложненных вариантов с Тагильского (см. рис. 1, 3) и Ирбитского (см. рис. 1, 9) Писаных Камней помещены выше всех остальных антропоморфных изображений и как бы за спиной фигур с птичьими головами (в масках?). Чуть выше тагильского персонажа прорисована фигура Мировой горы. Возможно, так виделись древним обитателям Урала и были переданы в композициях-мифологемах главные духи – хозяева мест бассейнов рек Тагил и Ирбит.

Если считать рисунки на Северской писанице сюжетом одного мифа, то двурогая фигура с посохом находится в центре по отношению к круглоголовым антропоморфным образам, целой веренице водоплавающих птиц и копытному, заключенному в сеть [19, с. 80]. Здесь представлено либо иное видение главного духа места (верховьев р. Исети), либо образ духа, хозяина зверей и птиц.

Единичные двурогие персонажи, выполненные в простом варианте и позе движения, могли быть изображениями духов более низкого ранга, имеющих значимость в ритуалах перед началом охоты на копытных. Ряд композиций с подобными двурогими фигурами предстает как две части одного мифоритуального текста. Изображения двурогих, по направлению к которым движутся копытные, можно трактовать как призыв духом стада копытных для последующей охоты на них (Шайтанская, Бородинская писаницы (см. рис. 1, 4)). В двурогом персонаже, стоящем около копытного, попадающего (Ирбитский Писаный Камень) или попавшего в сеть (см. рис. 1, 6), просматривается еще одна сцена помощи духов охотникам. Иной и пока недоступный для понимания смысл был у мифов на Аллакской и Карелинской писаницах. В первом случае имеем самое большое число двурогих фигур разного пола в сочетании с геометрическими знаками. На Карелинском Камне помимо двурогого персонажа в композицию включены солнечный диск, фигура водоплавающей птицы и второй двурогий, сидящий на копытном [19, рис. 51].

3. Эволюция знака и значения или превращение знака в декор?

Какова дальнейшая судьба образа-знака двурогих в эпоху бронзы? На Южном Урале эпоха бронзы – пик культурогенеза индоиранского насе-

ния, а в горно-лесном Зауралье – время миграции населения с юга и время становления производящего хозяйства.

В соответствии с новым образом жизни произошли существенные изменения в МКМ и знаковых системах культур Зауралья. Существенные, потому что при формировании новых МКМ происходил процесс осмысливания иных духовных ценностей и комбинированный зоантропоморфный и геометрический код сменился геометрическим, посредством которого создавались новые композиции знаков – мифологемы.

Все известные нам попытки анализа геометрического кода на сосудах андроновской КИО, баланбашской и черкаскульской культур носили формальный или формально-типологический характер. В большинстве своем они сводились к таблицам элементов по шейке, тулову и придонной части.

Обратимся к применению формализованных методов по выявлению эволюции орнамента на сосудах андроновской КИО.

Сама идея эволюции орнаментальных узоров на сосудах андроновской КИО не вызывает сомнений. Сомнения возникают по поводу исходных посылок в рассуждениях авторов. В статье С.В. Зотовой [20] это простой элемент – «крючок», отходящий от фигуры горизонтального зигзага. При семантическом анализе сразу же встает вопрос: с какими традициями знаковых систем эпохи энеолита или новыми ценностными ориентациями степных скотоводов можно соотнести этот элемент?

Для исходного анализа тезису А.П. Сенчилова [21] требуется объяснение: какие из более чем 500 знаков и почему отнесены к разряду небольшого числа элементов? Действительно, исходных простых элементов на сосудах андроновской КИО немного: «классический» меандр, заштрихованные треугольники, ромбы, ступенчатые фигуры, крест, косо поставленные зигзагообразные отрезки, горизонтальный зигзаг, «уточка», роговидные фигуры. Но они характерны не для одного центра андроновской КИО, а известны на сосудах эпохи бронзы лесостепи Зауралья и в степной полосе от Приуралья до Центрального Казахстана. Их дальнейшая эволюция состоит в усложнении исходных фигур и в превращении ряда фигур в декоративные.

Думается, что нет смысла начинать стилистический и семантический анализ уже сложившихся геометрических кодов на андроновской керамике, а есть основания поискать истоки некоторых геометрических знаков и их значений в композициях на артефактах более ранних обитателей Урала. О частичном сохранении знаковой и смысловой традиции мигрантов с Ближнего Востока в артефактах энеолитических культур Зауралья уже говорилось выше. В материалах степной древнеямной культуры также просматривается стилистическая и смысловая преемственность со знаковыми системами более ранних индоевропейских памятников Ближнего Востока, Балкан, Причерноморья.

В эпоху бронзы со знаками ромб, вертикальный и горизонтальный зигзаг, равнобедренный треугольник, «уточка» и, наконец, со знаком рогов произошли изменения. Во-первых, они стали более схематичны, во-вторых, начали занимать иное место в композициях на сосудах. О схематизации знака «уточка» и некотором изменении его смысла на уральской керамике эпохи бронзы уже шла речь [22, с. 68].

Прежде чем перейти к анализу знаков на сосудах эпохи бронзы, отметим, что предположительно читаемые мифологемы, как правило, встречаются редко. По-видимому, сосуды с подобными сюжетами не предназнача-

лись для повседневного утилитарного использования. Именно по ним и пробуем проследить эволюцию знака рогов.

Стилизация знака и изменение его места в композициях на сосудах происходили в двух направлениях/вариантах.

Первое направление можно выделить при рассмотрении орнамента на керамике карасьеозерского типа горно-лесного Зауралья. На сосудах ранней бронзы с поселений Палатки I (см. рис 2, 8), Коптяки 5 видим продолжение традиции, появившейся в неолите на боборыкинской керамике и известной на глиняных емкостях аятской культуры. Здесь фигура рогов, загнутых под прямым углом, завершает изображение горы в виде треугольника, заштрихованного параллельно одной из сторон. Отметим, что эта часть композиции нанесена резными линиями так же, как горизонтальный зигзаг под срезом венчика. Между этими фигурами гребенчатым штампом прочерченно-отступающим способом обозначены прямые полосы.

Можно предложить две версии значения композиции. В соответствии с первой, на сосуде представлена трехчастная по вертикали картина мира, где верхний мир обозначен в виде небосвода/туч и рогов – солнца на вершине мировой горы, средний – склонами горы, нижний – имитацией воды. Другая версия мифологемы: рога – знак духов-предков над их жилищем-городом, расположенной над водной стихией.

Далее форму знаков в виде рогов, завершающих треугольник, можно увидеть в композициях на сосудах эпохи бронзы южной кромки леса и лесостепи Притоболья и степей Зауралья. Но при этом следует отметить, что они пока не обнаружены в публикациях артефактов абашевской культурно-исторической общности и ташковской культуры.

Важно также отметить, что возможное прочтение мифологем как на этих сосудах, так и на керамике со знаком рогов последующего эволюционного ряда понятно при различных позициях сосудов. В большинстве случаев их надо помещать устьем вниз. Видимо, эта традиция, возникшая в неолитическое время, сохранилась на ритуальных сосудах индоевропейского/индоиранского круга памятников вплоть до эпохи бронзы. Но в ряде случаев орнаментальные схемы зеркальны и смотрятся в любой позиции сосуда.

На обозначенной территории у сосудов с подобным сочетанием знаков есть ряд общих черт. Они почти все происходят из погребальных комплексов, орнаментированы преимущественно прочерченными линиями, большая часть сосудов имеет острореберную форму. Общей в иконографии знаков является равнобедренная форма треугольников, заштрихованных параллельно одной из сторон. Форма роговидных знаков разная: от простых (рис. 3, 3) до дважды загнутых под прямым углом (рис. 3, 6), но преобладает фигура, загнутая под прямым углом один раз (рис. 3, 1, 4).

В композиционном построении орнамента большинства сосудов можно усмотреть канон со взаимозаменяемыми элементами по шейке. По ее верхней зоне чаще всего расположена череда треугольников (см. рис. 3, 1, 3), реже – линии горизонтального зигзага (см. рис. 3, 6), единично – ромбы или косо нанесенные зигзаги. В нижней части шейки нередко оставлена пустая зона. Во всех случаях треугольники со знаком рогов на вершине размещены по верхней части туловса, реже – в придонной.

Можно ли расшифровать эту композицию как миф? Представляется, что в разных районах Зауралья на первом этапе смысловая трансформация происходила примерно в одном направлении. Уже в эпоху энеолита по орнамен-

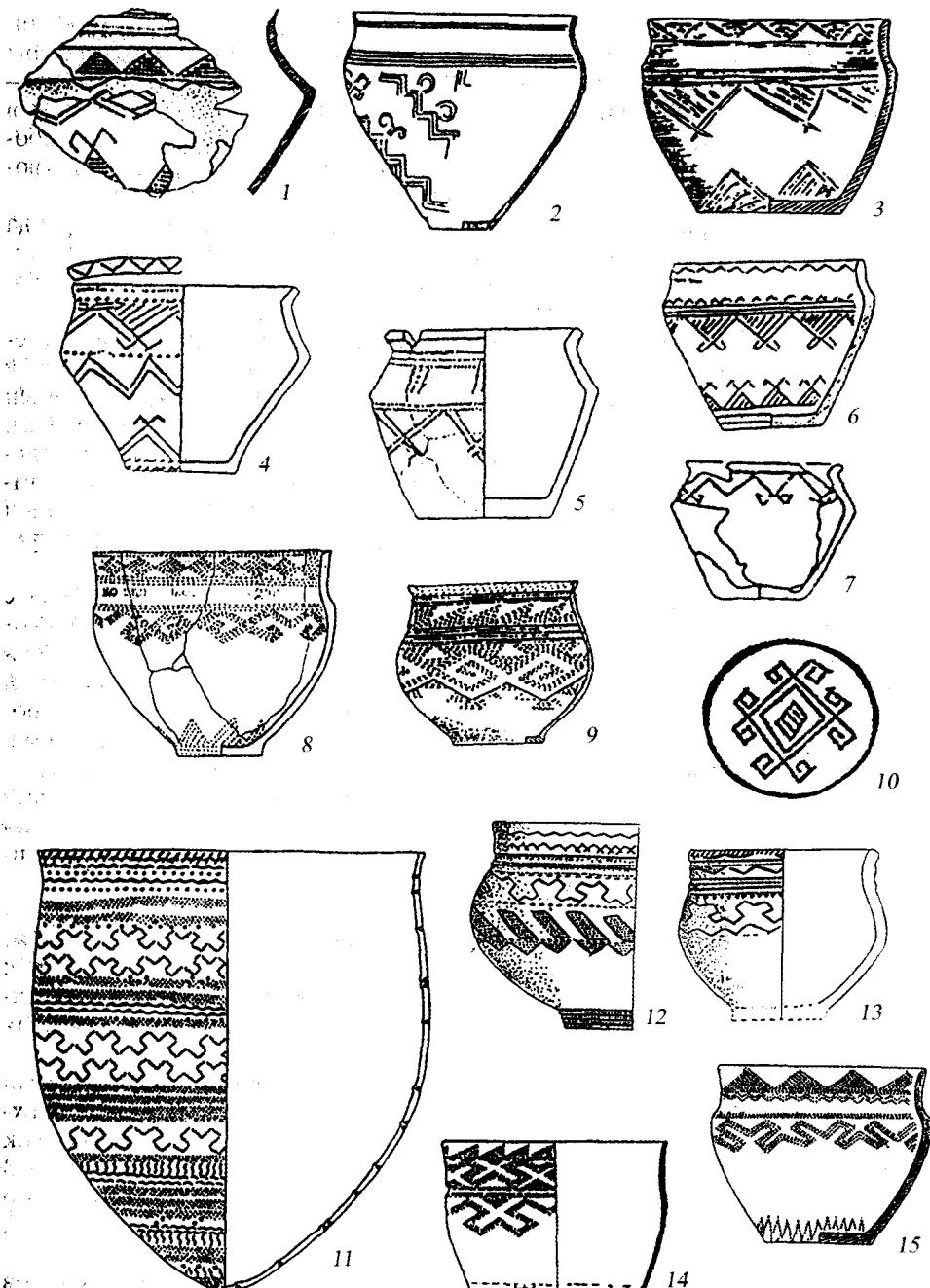

Рис. 3. Два направления трансформации знака рогов на сосудах эпохи бронзы.
 1–10 – первое направление; 11–15 – второе направление. 1, 2 – городище Синташта; 3, 6, 15 – могильник Верхняя Азабуга; 4, 5, 7 – могильник Каменный Амбар; 5, 8, 10 – Чистолебяжский могильник; 9 – могильник Смолино; 11 – поселение Леуши X; 12, 13 – могильник Березки V г; 14 – поселение Кипель (1, 2 – по В.Ф. Генингу, Г.Б. Здановичу, Е.В. Генингту, 3, 6, 15 – по Т.М. Потемкиной, 4, 5, 7 – по В.П. Костюкову, А.В. Епимахову, Д.В. Нелину, 8, 10 – по А.В. Матвееву, 9, 14 – по К.В. Сальникову, 11 – по С.В. Кокшарову, 12, 13 – по А.Ф. Шорину)

тации одежды на глиняных фигурках андреевской культуры или на костяных – ботайской культуры можно судить о переносе трехчастной структуры мира на элементы среднего мира. Думается, что в примере со знаком горы – заштрихованным треугольником – можно увидеть его абстрагирование в знак мира вообще, как нижнего, так среднего и верхнего. При этом для обозначения нижнего мира могли сохраниться горизонтальный зигзаг – знак воды, ромбы – знаки земли и змеевидные фигуры – знаки змеи/воды.

Если принять предложенную гипотезу, то на сосудах первого периода смысловой трансформации знаков можно предположить мифологему о подобии трех миров. Такая расшифровка вполне согласуется с архитектурным воплощением этой идеи в синташтинской культуре.

Важно отметить, что уже на первом этапе стилизации происходят изменения в иконографии знаков горы и рогов. Процесс преобразования знака горы можно проследить по орнаментации сосудов с могильника Каменный Амбар 5. На одном и том же сосуде фигура, расположенная по плечикам, заштрихована, а зеркально помещенная фигура у днища обозначена только абрисом из двух линий (см. рис. 3, 4). Подобный знак присутствует в композиции на другом сосуде (рис. 3, 5). Направление дальнейшей стилизации просматривается на шейке следующего сосуда (см. рис. 3, 7), где линия треугольников уже превратилась в горизонтальный зигзаг.

Вторая иконографическая и смысловая метаморфоза происходила с фигурой рогов. Как и на энеолитических артефактах, на сосудах есть простой V-образный знак, а также рога, загнутые под прямым углом. Новация состояла в появлении фигур, загнутых под прямым углом два или даже три раза. Можно предположить, что такой знак воспринимался как крутые рога барана, – явление, вполне соответствующее ценностным ориентациям в условиях образа жизни скотоводов лесостепи и степной зоны Зауралья.

На первый взгляд, есть основания для сомнений по поводу истоков первоначального образа в горно-лесном Зауралье, его распространения по всему лесостепному и степному Зауралью и проникновения вплоть до Центрального Казахстана [23, рис. 75, 4; 91, 1].

Сомнения вызваны следующими тремя фактами.

1. Представление о мировой горе вполне могло появиться в условиях южнозауральского ландшафта, там, где степные пространства подходят к горам. И действительно, фигура равнобедренного треугольника, заштрихованного параллельно одной из сторон, – весьма частый знак на сосудах из синташтинских могильников.

2. По другую сторону уральских гор у древнеямного населения эпохи ранней бронзы бытовало представление о соотнесении рогов быка с верхним миром [24]. Об этом также свидетельствуют находки рогатых булавок в погребении жреца из могильника Герасимовка-II [25, с. 10]. Знак быка, в том числе его доминантное положение в композициях мифологического содержания, известен на сосудах раннего этапа срубной культуры [26, с. 77, рис. 42, 1, 2].

3. Фигура округло закрученных рогов встречена на одном из сосудов синташтинского грунтового могильника (см. рис. 3, 2). Резной способ орнаментации давал возможность реалистического изображения рогов барана. Однако на других сосудах из этого же могильника (см. рис. 3, 7), а также на сосудах из погребений Каменный Амбар 5 и Кривое озеро рога изогнуты под прямым углом. По всей вероятности, здесь мы видим все-таки повтор канона орнаментации сосудов горно-лесного Зауралья.

Второй этап стилизации знаков можно проследить по узорам на сосудах культур эпохи бронзы лесостепи и степи Зауралья, северо-западного и центрального Казахстана. Очерченный регион совпадает с картографированием ковровых орнаментов типа А в статье С.В. Зотовой [20, рис. 2]. С точки зрения иконографии и семантики здесь можно усмотреть следующую логику развития знаков. Первой окажется позиция А3, т. е. рога, загнутые под прямым углом и отходящие от горизонтального зигзага. Знак, единично представленный на посуде первого этапа стилизации, превращается в канон, инвариант орнаментации верхней части туловища. В орнаменте на шейке преобладает череда заштрихованных треугольников, равнобедренных или косоугольных, реже – линии ромбов или горизонтальный зигзаг. Сосуды с такой орнаментацией могли иметь уступчик при переходе от шейки к туловищу или плавную профилировку. Орнамент, как правило, наносился отпечатками мелкозубого гребенчатого штампа, реже – протащенкой гребенкой, единично – прочерченным способом. Фигура рогов, отходящих от вершин горизонтального зигзага, как и сам зигзаг, была образована лентами из трех-четырех рядов оттисков гребенчатого штампа.

Можно ли по композициям на этих сосудах расшифровать мифологемы? Придется весьма избирательно относиться к орнаментации этой группы сосудов. Понятно, что в условиях равнинного ландшафта образ мировой горы не актуален. Если на некоторых сосудах лесостепного Притоболья знак горы – мира в виде равнобедренного треугольника, может быть, еще сохранил свой смысл, то косоугольный треугольник на сосудах северо-западного Казахстана [27, рис. 26, 1, 3, 5] – это, на наш взгляд, уже преобразование знака в декор (см. рис. 3, 9).

Знак рогов барана, как говорилось выше, вполне вписывался в мифологические представления скотоводческого населения и превратился в центральный образ какой-то мифологемы, распространенной на большой территории андроновского мира. Так, смысловую характеристику знака рогов как верха/верхнего мира можно предположить при рассмотрении фигур на днище сосуда из Чистолебяжского могильника, расположенного в пограничье леса и лесостепи Зауралья. Там изображена фигура ромба, который с четырех углов завершается знаками рогов (см. рис. 3, 10). Эта композиция весьма созвучна знакам с уральских писаниц на р. Тагил.

На третьем этапе эволюция знака рогов шла в двух направлениях. Первое – превращение двух рогов в один (тип А1, по С.В. Зотовой). Второе – усложнение как одного «крючка», так и двух разнонаправленных, за счет прибавления отростков или Г-образных фигур (типы А4, Б, В, по С.В. Зотовой). Следует отметить, что такая же судьба постигла знак «уточки»: фигуры, выполненные по прямой или косой сетке, соединены между собой «крючками» или отростками. А небольшие фигуры равнобедренных треугольников используются как «кирпичики» для построения декоративных зигзагов и фестонов (см. рис. 3, 9). Может быть, С.В. Зотова права, предположив в центральных фигурах коврового декора родовые знаки [20, с. 181]. Но судить об их семантической нагрузке пока не представляется возможным.

Второе направление развития знака рогов, или второй вариант их стилизации на сосудах, занимает еще большее пространство, охватывая не только лесостепь и степь, но и лесную полосу Зауралья. Наряду с сосудами андроновского круга памятников этот знак оказался присущ керамике лозгинского, черкаскульского и коптяковского типов.

В статье С.Ф. Кокшарова и Н.Н. Ермаковой [28, с. 13 – 15] фигуры получили название роговидных меандровых. Знак в виде прямоугольных или квадратных полых фигур, расходящихся под углом в разные стороны, носился плоским или гребенчатым штампом и представлен в нескольких сочетаниях. Так, на сосуде митровидной формы с памятника Леуши X (бассейн р. Конды) между поясками прокатанного штампа видим три варианта сочетаний (см. рис. 3, 11). В полном согласии с позицией авторов по поводу схемы построения узоров можно увидеть, что в верхнем фризе сосуда знак зеркально помещен на цепочку ромбов. В центральной части сосуда по тулову он отходит от горизонтального зигзага, а в нижней зоне фигура приняла взаимообратимую форму. Есть еще четвертый вид сочетаний. Он встречен на сосуде черкаскульской культуры с памятника Вершина 1 (верховья р. Исети). На шейке сосуда знак рогов, нанесенный плоским штампом и заштрихованный оттисками гребенчатого, помещен на треугольники, заштрихованные параллельно одной из сторон (см. рис. 3, 10).

Важно отметить два обстоятельства. Во-первых, за исключением одного сосуда из могильника Березки V г, подобная вариативность сочетаний известна только на сосудах лесной полосы Зауралья. Во-вторых, в двух случаях сосуды с подобными узорами найдены на культовых местах: на святилище Вершина 1 и на Горбуновском торфянике (см. рис. 2, 9). Во всех остальных случаях – на сосудах коптяковской культуры (тип коптяки-2) с Карасьего озера и памятника Коптяки 3, на сосудах с памятников андроновской КИО Притоболья (см. рис. 3, 15), Причелябинского района (см. рис. 3, 14), Северного и Центрального Казахстана – узор известен только в виде роговидных взаимообратимых фигур.

На основе хорошо представленного большого свода рисунков и таблиц орнаментации сосудов эпохи бронзы Центрального Казахстана [23] просматривается следующая тенденция соотношения формы, техники нанесения узоров и геометрических роговидных фигур как первого, так и второго варианта. Череда равнобедренных треугольников, завершающаяся фигурой рогов, нанесенных резной техникой, встречена лишь на двух сосудах – с уступчиком и баночной формы [23, рис. 75, 4; 99, 1].

На сосудах острореберных и с уступчиком фигура рогов на зигзаге загнута под прямым углом, как правило, один раз. За исключением одного случая, узоры нанесены гребенчатым штампом. В верхней части туловы плавно профилированных сосудов полосами отпечатков тонкозубого гребенчатого штампа нанесены зигзаги со знаком рогов, повернутых под прямым углом один – три раза, или фигуры рогов с двумя ответвлениями. Таким же способом и только на плавно профилированной керамике нанесены взаимообратимые рогатые фигуры второй линии развития знака.

Какие выводы напрашиваются при сопоставлении роговидного узора на сосудах лесной полосы, лесостепи и степей Зауралья и Казахстана?

Думается, что в лесной полосе в эпоху поздней бронзы узор сохранил значение рогов/верхнего мира, по крайней мере, эта тенденция просматривается в сочетаниях треугольник/гора – знак рогов; ромб/земля – знак рогов на верхних фризах сосудов, в том числе с культовых мест. На наш взгляд, появление взаимообратимых фигур – начало перехода от знака к декору. В таком виде узор распространяется далеко на юг и юго-восток.

В эпоху железа мифологические тексты как в степной, так и в лесной полосе Урала и Западной Сибири с поверхности сосудов переносятся в основном на металлическую художественную пластику. Узор в виде ро-

гов/усов, отходящих от вершин заштрихованных треугольников, встречается лишь на керамике саргатской культуры.

Лишь в первой половине I тыс. н. э. при расцвете фигурно-штампованной орнаментации на сосудах Зауралья и Приобья наряду с отпечатками штампов в виде «уточки», змейки, ромбов, крестов появляются отпечатки простых и сложных уголков. Простые уголковые отпечатки вполне могли быть знаками рогов и так же, как знаки «уточка», змейка, ромб, вести свое происхождение от фигур на сосудах и артефактах более отдаленных эпох. Возможно, они сохранили и значение этих символических фигур. О том, что роговидная фигура на зигзаге сохраняется на одеждуze зауральского населения X – XII вв., свидетельствует орнаментация распашного одеяния антропоморфных фигурок с городища Янычково [29, рис. 2, 4, 8].

4. Из глубин древнего мира – к этнографической современности

Во введении к альбому «Мансиjsкие орнаменты» [30, с. 6] авторы отмечали два истока узоров, воспроизведенных женщиными на бересте, тканях, мехах: продолжение традиций мастерства предков и наблюдение за окружающим миром. Но, несмотря на то, что «названия узорам давали по сходству и подобию предмета» [30, с. 6], даже в пределах одной системы представлений наблюдается вариабельность в прочтении одного и того же узора. Так, одна и та же фигура – «уголок» – у хантов Приуральского района имела значение «рога маленького хора», у хантов в Шурышкарском районе – «заячьи уши» [31, рис. 45, 1]. А в монографии Т.А. Молдановой [32, табл. 6] узор оказывается еще более многозначным: это и ветви маленькой бересклета, и пас стрелы, и рыбий хвост, и щучьи зубы. Такая же судьба – многозначность, неодинаковое значение одинаковых фигур у различных групп обских угров – постигла и фигуру треугольника. Лишь изображение ромба на артефактах большой территории Приобья сохранило единое значение – это голова. Но изредка на изделиях разных районов Приобья встречаются изображения животных, у которых голова имеет не форму ромба, а выполнена в виде уголка – двух рогов. Думается, что такое завершение фигур крылатой белки [32, рис. 24, 31], бобра [30, рис. 254], медведя на культовом предмете – рукавице [31, рис. 44, 1] или фигур с таким же завершением, но без названия, не случайно. Это может быть результат сохранения пусть уже не осознаваемых, но древних традиций видеть в этой фигуре знак верха. Немаловажен и такой факт, что роговидный узор второго варианта встречается на самой древней посуде – берестяной [33, рис. 100, 13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викторова В. Д. Новое и традиционное в процессе изменения мифологической картины мира // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово, 1998.
2. Викторова В. Д. Северная дорога контактов и миграций // Научн. вестн. Обдория: история, культура, современность. Салехард, 2005.
3. Савченко С.Н. История формирования коллекций шигирских древностей в Свердловском областном краеведческом музее // 120 лет археологии Восточного Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Екатеринбург, 1999.
4. Кокшаров С.Ф. Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения эпохи неолита // Материалы по изобразительной деятельности древне-го населения Урала. Екатеринбург, 1990.

5. Крайнов Д. А. Русская равнина. Центр // Искусство каменного века. М., 1992.
6. Зимина М.П. Запад Русской равнинны // Искусство каменного века. М., 1992.
7. Викторова В. Д. Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки 1 // ВАУ, 2002. Вып. 24.
8. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1981.
9. Массон В.М. Идеологические представления и памятники искусства трипольского населения // Энеолит СССР: Археология СССР. М., 1992.
10. Даниленко В.Н. Космогония первобытного общества // Начала цивилизации. Екатеринбург; Москва, 1999.
11. Герасименко А.А. Древний календарь и календарная мифология населения Среднего Зауралья (опыт интерпретации одной находки) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.
12. Широков В.Н., Чайкин С.Е., Широкова Н.А. Уральские писаницы. Река Тагил. Екатеринбург, 2005.
13. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ, 1971. Вып. В4-12 (2).
14. Autio E. Horned anthropomorphic figures in finnish rock paintings: shamans or something else? // Fennoscandia archaeological, 1995. N XII.
15. Петрин В.Т., Широков В.Н. Об одном антропоморфном сюжете с Шайтанской писаницы (Средний Урал) // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987.
16. Сериков Ю.Б. Каменное навершие с гравировками с восточного склона Урала // Вестн. САИПИ. Кемерово, 2002. Т. 5.
17. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 2.
18. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
19. Широков В.Н. Уральские писаницы. Приложение 4 // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
20. Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии. М., 1965.
21. Сенчилов А.П. Геометрический орнамент эпохи бронзы. Белово, 2000.
22. Викторова В. Д. Знаковые комплексы на уральских сосудах эпохи бронзы // XIII Уральское археологическое совещание. Уфа, 1996. Ч. 1.
23. Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, 2002. Ч. 1.
24. Кияшко В.Я. К вопросу о костяных рогатках в степных погребениях эпохи бронзы // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
25. Моргунова Н. Л. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры (по материалам степного Приуралья) // Древняя история населения волго-уральских степей. Оренбург, 1992.
26. Захарова Е.Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж, 2000.
27. Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск, 1988.
28. Кокшаров С.Ф., Ермакова Н.Н. Меандровые узоры на керамике лозгинского и атлынского типов // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992.
29. Морозов В.М., Панина С.Н. Городище Янычково (предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1.
30. Шешкин П.Е., Шабалина И.Д. Мансийские орнаменты. СПб., 2001.
31. Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск, 2000.
32. Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья. Семантика, мифология, генезис. Томск, 1999.
33. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. Народы Сибири и Дальнего Востока // ТИЭ. Новая серия, 1983. № 81.

ЭВОЛЮЦИЯ ОДНОГО ЗНАКА И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ

На примере знака рогов проводится идея о том, что знаковая система мифологической картины мира при определенном образе жизни (охотники и рыболовы лесной полосы Зауралья) существует на протяжении длительного времени: от неолита эпохи бронзы – на сосудах до XIII в. – на одежде.

Как иконография знака, так и его значение либо изменяются, когда знак попадает в мифологические тексты населения с иным образом жизни (скотоводы лесостепи и степи Зауралья), либо превращаются в декор.

В. Д. Викторова

EVOLUTION OF THE SIGN AND ONE SIGNIFICANCE

The article gives an idea of sign system of the Mythological vision of world, which existed for centuries among hunters and fishers of the forest trans-Urals. The author extracts examples from horn patters on the ceramic vessels of the Neolithic – Bronze Age periods and clothes of the XII century inclusively.

Both iconography of sign and its significance had changed in mythological texts of the cattle breeders of the forest-steppe and steppe areas or became decoration.

V.D. Victorova

В.Ф. Кернер

ОБРАЗ «ЧУДЕСНОЙ ЕМКОСТИ» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРА

Для фольклора большинства народов Северной Евразии и аборигенов Северной Америки характерны образы мифических существ женского и мужского пола, выступающие в качестве демиургов и культурных героев. Их характерной особенностью является *владение емкостью*, которая соотносится с понятием «чудесный»: она ассоциируется с источником мира и жизни, поскольку является местом хранения элементов, необходимых для осуществления акта творения. Однако основные характеристики облика, способ владения емкостью и методы ее использования, цели и результаты деятельности мифических существ значительно различаются в зависимости от их половой принадлежности.

Существа женского пола воспринимаются Матерями-Праородительницами растений, животных, людей, природных стихий и т.д. По отношению к ним обычны формулировки: «они жили тогда, когда людей еще не было», «они жили (были) всегда» и т.п. В большинстве случаев время их жизнедеятельности соотносится с понятием *начало*. Для них характерны постоянное передвижение и манипуляции емкостями, без которых они не мыслятся. Во время коротких остановок в пути они раскрывают (развязывают) емкости и вынимают содержимое, перекладывая его в пространство. Содержимым являются готовые или почти готовые формы живой и неживой материи. Попадая на землю, они получают импульс к дальнейшему

развитию, становясь структурными элементами формирующегося мира – растениями, животными, людьми, а в фольклоре ряда народов – солнцем, звездами, облаками, ветрами и пр. Чудесная емкость обычно представлена искусственными вместилищами – корзинами, мешками, сумками и др. Зачастую в ее качестве выступает определенная часть тела мифического женского существа, чаще – подмышка, которая является местом хранения элементов для творения и одновременно отверстием, открывание которого приводит к воспроизведству («омолаживанию», реинкарнации). Фольклорные образы женщин с «чудесной подмышкой» известны народам Восточной Европы (русские, коми и др.) и Сибири (кеты, эвенки, народы Алтая и др.). Тайна подмышки разгадывается при описании Хозяйки земли в фольклоре эвенков: там она хранила сумочку с шерстинками различных зверей; попадая на землю, шерстинки превращались в промысловых животных [1, с. 29]. В ряде случаев местонахождение чудесной емкости соотносится с иной частью тела женщины – коленом (карелы, обские угры), горлом (долгане), половым органом (нганасаны). Широко распространен сказочный женский персонаж, хранящий животных (чаще хтонических) в своем чреве.

Персонажи мужского пола являются существами, живущими на земле в период, когда «люди и звери не различались». Они обычно выступают в качестве временных владельцев чудесной емкости, которой овладевают путем кражи (обмана, насилия) у первоначального владельца (хранителя) – чаще существа женского пола. Характерно, что мужские герои прячут ее под крыло, в пасть и др. Их неблаговидный поступок объясняется необходимостью «доделывания» уже существующего мира, не вполне приспособленного для жизни его обитателей. Но их деятельность связана с ошибками, которые происходят из-за неумения обращаться с емкостью. Это приводит к утрате (неправильному назначению) ее содержимого, что тяжелым бременем ложится на человечество. В ряде традиций мужские персонажи являются небожителями и воспринимаются благодетелями отдельного коллектива людей, народа. Они отдают чудесную емкость людям, чтобы им «легче жилось». Характерно, что если она оказывается в руках женского персонажа, то ее содержимое превращается в необходимые для жизни людей объекты. В руках мужского персонажа позитивный результат воздействия емкости достигается только при сохранении тайны ее содержимого.

В большинстве фольклорных традиций мифические существа выступают не только устроителями мира, но и в качестве культурных героев. Они обучают созданных ими или уже существующих людей знаниям и навыкам, обеспечивающим их дальнейшее существование и развитие. Характерно, что область применения этих знаний различна в зависимости от пола культурного героя и обучаемых людей. Герои-мужчины передают знания и навыки, необходимые мужской половине человечества (организация промысла, главным образом охоты и рыболовства, овладение магическими приемами, действующими на его результативность). Учителями существ женского пола выступают женщины, которые постигают искусство строить жилища, обрабатывать «природное» сырье и изготавливать из него пищу и предметы быта, утварь, одежду. Большое значение придается передаче умения маркировать эти предметы определенными символами с помощью краски, резьбы, вышивки и др. Инструменты и средства для осуществления этого действия находятся в сумках или телах мифических существ. Женщины обучались также знаниям, связанным с беременностью и

родами, правилам поведения в семье и обществе, магическим обрядам, направленным на обеспечение успеха в промысле и воспроизведстве.

Таким образом, в фольклоре народов Севера в качестве «естественно-го» обладателя емкости – источника мира и жизни – выступает женский персонаж, чья деятельность всегда приводит к акту творения. Характерно, что в отличие от мужского персонажа, для которого возможно проникновение в «иные» миры для получения общечеловеческих благ (огонь, питьевая вода, растения, животные, магические предметы), творческие действия женщины ограничены определенной местностью с подробным описанием особенностей ее рельефа, природных объектов и стихий. Акт творения находится в непосредственной зависимости от свободного обращения героини с емкостью и целенаправленного использования ее содержимого – своеобразных «зародышей» характерных для описываемой территории видов растений и животных, а также «первых людей», воспринимающих предками носителей данного фольклорного образа или существами, якобы создавшими этот мир непосредственно для них. Передаваемые мифическими существами знания и навыки всегда направлены на переработку «дикого» в «культурное». Сфера применения этого искусства у мужчин связана с широкими просторами природного окружения (чужим миром), у женщин – с ограниченным пространством освоенной территории (своим миром). Для первых целью применения полученных знаний является добыча средств, необходимых для обеспечения жизнедеятельности людей, для вторых – создание условий для их жизни и воспроизведения.

Подобные представления наиболее характерны для народов, перешедших к высокоспециализированным отраслям присваивающего хозяйства. Однако их реминисценции сохранились и в мировоззрении земледельческо-скотоводческого населения. Несомненно, что они отражают реалии жизни охотников и собирателей северных широт. В них зафиксированы три традиции, своими корнями уходящие в глубокую древность. Первая связана с соотнесением людей с освоенным или неосвоенным пространством в зависимости от пола, возраста и вида деятельности на благо общества. Вторая раскрывает древнейший взгляд на процесс воспроизведения, осуществление которого в прошлом связывалось исключительно с образом и деятельностью женщины. Третья заключается в практике передачи от одного поколения другому знаний и навыков, направленных на существование и дальнейшее развитие «своего» мира. Причины объединения этих традиций образом «чудесной емкости» раскрываются при подробном рассмотрении каждой из них.

Известно, что процесс разделения труда по полу и возрасту возник на ранних этапах антропогенеза и затронул все сферы жизнедеятельности людей. Мужская половина человечества была вынуждена заниматься добывчей пищи и организацией защиты, женская – заботой о потомстве, что ограничило сферу приложения женских сил обеспечением необходимых для этого условий. Главным из них являлось укрытие, способное сохранить безопасность и тепло. Оно устраивалось в определенном месте при наличии объектов, необходимых для организации жилого пространства и поддержания жизни его обитателей – строительного материала, топлива, питьевой воды, сырья для изготовления орудий труда и быта, предметов интерьера и др., а также источников для получения пищевых продуктов, доступных и посильных для женщин. Вклад женщин в пищевой рацион был ограниченным, но зато отличался разнообразным ассортиментом (съедоб-

ные растения, яйца, моллюски, рыба, мелкие животные и др.). Ведущим направлением хозяйственной деятельности женщин была переработка результатов мужского труда, которые под их воздействием превращались в еду, предметы быта, одежду и др. Очевидно, большое значение имело женское умение сохранять продукцию впрок. Существенным видом деятельности женщин, по-видимому, являлась медицинская практика, основанная на знании лекарственных средств. Большую часть времени женщины посвящали уходу за детьми, нуждавшимися в их постоянном присутствии.

Для осуществления такого широкого спектра женской деятельности (сбор, перенос, переработка, создание, сохранение) требовалась разнообразные вместилища. Для их изготовления женщины нуждались в сырье, легко добываемом, постоянном и доступном во все периоды жизни. Очевидно, его источником в первую очередь служил растительный мир, о чем свидетельствует ряд моментов. Известно, что в традиционной культуре большинства народов Севера существует оппозиция емкостей, изготовленных из двух видов растительного сырья: мягкого/гибкого (трава, прутья, кора и др.) и твердого (древесина). Эта оппозиция заключается в их соотношении с понятиями «женское/мужское», «чужое/свое», «природное/культурное». Так, у большинства народов вместилища из древесины считаются «мужскими», из травы, прутьев, коры – «женскими». Первые являются результатом мужского труда и находятся во владении мужчин, вторые изготавливаются и используются в основном женщинами [2, с. 116 – 117; 3, с. 80 – 81; 4, с. 276; 5, с. 71; 6, с. 245 – 247; 7, с. 136 – 137; и др.]. Эта оппозиция наиболее отчетливо проявляется в обрядности, связанной с рождением и социализацией младенца, в которой существовал обычай использования двух видов вместилищ [8, с. 174; 9, 10]. Для первых дней жизни новорожденного, которые он проводил вместе с матерью за пределами освоенного пространства (реально или символически), существовало определенное временное пристанище. Им могли быть вместилище из бересты, изготовленное будущей матерью, или емкость, связанная с переработкой продуктов и деятельностью женщины за пределами жилища (например лукошко и решето у финских народов, «грязный мешок» у русских, «берестяная чашка для собак» у манси). Через определенное время младенца переваливали в деревянную колыбель – результат мужского труда, которая всегда находилась в жилище. У некоторых народов существовало два вида колыбелей – из бересты и дерева: они предназначались для определенных этапов жизни ребенка. В ряде традиций берестяная люлька использовалась в качестве ночной (т.е. в самое опасное время суток), а для деревянных колыбелей были характерны берестяные вкладыши. Примечательно, что в случае смерти младенца его первое вместилище оставляли на месте захоронения или уничтожали. Колыбель же из дерева тщательно сохранялась, служила для всех детей семьи и зачастую переходила по наследству. В применении двух видов вместилищ отражалось особое отношение к новорожденному, который в традиционной культуре поначалу (от нескольких дней/месяцев до года) воспринимался существом, принадлежащим «чужому» миру. «Своим» он становился лишь после совершения над ним специальных обрядов и/или проявления признаков, по которым он считался человеком (появление зубов, речи и др.). Таким образом, использование берестяной емкости указывало на несоответствие младенца «миру людей». Однако такое понимание, очевидно, появилось сравнительно недавно. По-видимому, ему предшествовали представления об особой, оберегающей,

роли берестяного вместилища, чрезвычайно важной в начальный период жизни ребенка, что, возможно, было связано с традиционным использованием бересты женщиной – устроителем и хранителем освоенного пространства и его обитателей. Возможно, у народов Севера емкость из бересты ассоциировалась с женским чревом, оберегающим плод и способствующим его трансформации в ребенка. Известно, что образ женщины, готовящейся стать матерью, неотделим от образа емкости. Повсеместно состояние беременности соотносится с понятиями *ноша, тяжесть, бремя*, а беременную женщину иносказательно называют *тяжелой, наполненной, ходит кузовом/коробом* и др. Во времена родов с женщиной поступали как с емкостью, изготовленной из мягкого материала: в ходе определенных ритуалов ее как бы «развязывали». Судя по ряду признаков, характерных для верований и обрядности большинства народов Севера, процесс воспроизведения осуществлялся женщиной благодаря наличию в ее теле-емкости крови – основы для формирования плода. Для ее «удержания» использовались разного рода гигроскопические средства, которые вкладывались в специальное приспособление к женскому нательному поясу. Известно, что женщина приобретала такой пояс при достижении возраста половой зрелости, нередко – в результате особых обрядов, и с этого момента носила его постоянно, вплоть до утраты репродуктивной функции [11, с. 186; 12, с. 167; 13, с. 251 – 256; и др.]. По данным фольклора, этнографии, иногда археологии, в прошлом у ряда народов такой пояс изготавливается из бересты, а в качестве гигроскопического материала использовались стружки и опилки определенных пород деревьев [14, с. 32 – 37; 15, с. 99; 16, с. 82; и др.]. У народов Северной Евразии это были береза, ольха, тальник, почитавшиеся в качестве особых деревьев, прежде всего в связи с кругом представлений, соотносящихся с идеей плодородия.

Почитание бересты в качестве одного из самых действенных оберегов человека до недавнего времени было характерно для верований и обрядности большинства народов Северной Евразии [17–19 и др.]. Широко известны берестяные покрышки переносных жилищ, защищающие их внутреннее пространство от солнца, осадков, ветра, гнуса и ночной темноты. В стационарных жилищах берестяными крышками закрывали подполье, ассоциирующееся с «дырой» в «иной» мир. Береста широко использовалась в похоронной обрядности (погребальные пелены, подстилки, покрышки, сосуды, лодки и др.). Считалось, что она облегчала путь умершего в загробный мир и способствовала его возвращению в «свой». При совершении магических ритуалов из нее изготавливались специальная посуда, маски и другие предметы культа. Их назначение было аналогичным: способствовать восстановлению (обновлению) границы между «своим» и «чужим» мирами, которые, по народным представлениям, во время трансляции магических ритуаловсливались в единое целое. Береста, как и кора других деревьев, в частности осины и тальника, широко применялась в медицинской практике и при совершении обрядов очищения. Из бересты изготавливались разного рода хозяйствственные и дорожные емкости, вероятно, призванные обеспечить людям безопасность и успех за пределами поселения. Важное значение бересты в культуре народов Севера наиболее емко отразилось в фольклоре саамов, где встречается формула «береста отвечала за все» [20, с. 32 – 34].

Роль вместилищ из мягкого (гибкого) растительного сырья и их соотнесение с образом женщины ярко проявляются в обрядности перехода девуш-

ки в статус женщины. Известно, что при достижении половой зрелости (совершеннолетия) и/или в ходе брачной обрядности в обиходе девушки появлялась или приобретала особое значение определенная емкость, сопровождавшая ее всю последующую жизнь. Согласно упомянутой выше оппозиции емкостей из мягкого и твердого растительного сырья, у многих народов Восточной Европы и Сибири это были вместилища, изготовленные из коры (береста, луб) или сплетенные из травы, корней, прутьев. В них женщина хранила туалетные принадлежности, украшения, инструменты и материалы для рукоделия, амулеты, способствующие благополучию и воспроизводству семьи, и др. Такие емкости хранились на женской половине жилища и принадлежали исключительно женщине. У большинства народов Европы и некоторых народов Сибири это были емкости из древесины – выдолбленные из ствола дерева вместилища или изготовленные из досок сундуки [21 – 25 и др.]. Несмотря на материал, способ изготовления и изготовителя мужчину, они считались «женскими»: доступ к ним и их содержимому имела только хозяйка дома. Вместе с тем существует ряд моментов, позволяющих предположить, что «женским» емкостям из дерева предшествовали изготовленные из мягких растительных материалов.

Так, сундуки в культуре народов Северной Евразии считаются традиционными только для индоевропейских народов, а у народов других языковых групп их наличие определяется результатом культурной интеграции. Однако при тщательном рассмотрении сундука в контексте культуры индоевропейских народов выясняется ряд любопытных фактов. Так, у украинцев сундук для приданого называется «скрыней». Т.Г. Богомазова, посвятившая этому предмету прекрасное исследование, связывает термин *скрыня* со словом *кринка*, которое в ряде славянских языков (древнерусском, болгарском, сербо-хорватском, польском и др.) означает «корзинка из коры для ягод». Корни происхождения скрыни, очевидно, уходят в еще большую древность: термин *скринка* имелся и в средневековых европейских языках (немецком, французском, балтийских), где применялся к коробкам круглой формы, что указывает на бытование этого термина (и соответствующего ему предмета) во время существования общего, еще не дифференциированного языка [21, с. 54 – 56]. Кроме того, в украинском языке термин *скрыня* употреблялся в отношении как сундука, так и приданого, а в деревнях Франции личные вещи в приданом невесты, помещавшиеся в сундуках, назывались (на различных диалектах) «корзина», «брачная корзина» или «корзина невесты» [22, с. 190]. Интересно, что самые значимые для женщины-латышки вещи (головной убор, украшения и пр.) хранились не в сундуке, а в коробке из бересты или луба [25, с. 63].

Для культуры большинства финских и тюркских народов Восточной Европы (регионы Прибалтики, Поволжья, Приуралья) были характерны выдолбленные из дерева емкости цилиндрической формы с крышкой, называемые «свадебными» кадками (kadushkami, laryami) [24; 25, с. 46 – 48; 26, с. 93]. Они использовались для хранения приданого невесты, а в жизни замужней женщины играли роль вместилища одежды, постельных принадлежностей, полотенец, половиков, ритуальных предметов и др. Однако у большинства этих народов наряду с долблеными вместилищами существовали емкости, сплетенные из травы, корней и прутьев, изготовленные из бересты и луба. Именно в них помещались предметы, в народных представлениях связанные с репродуктивной функцией женщины: некоторые детали женского убранства, амулеты и др.

Известно, что в традиционной культуре народов Северной Евразии независимо от уровня их развития емкость для хранения приданого и/или рукодельных принадлежностей воспринималась как символ женщины, олицетворение ее воспроизводящих способностей. Прежде всего это связано со временем появления такой емкости в жизни женщины, которое, как уже упоминалось, соответствовало возрасту наступления половой зрелости (совершеннолетия). Например, Т.Г. Богомазова пишет: «Скрыя «заводилась» как полная и нераздельная личная собственность девушки, которую она забирала с собой и после замужества» [21, с. 53]. Судя по всему, емкость ассоциировалась с ее телом, в котором происходили процессы, способствующие осуществлению «перехода» в статус женщины – будущей жены и матери. Подобное представление особенно ярко прослеживается в культуре народов Европы. Все время, предшествующее свадьбе, девушка-невеста проводила за прядением нитей, изготовлением полотна, шитьем и вышиванием – готовила приданое и подарки жениху, его родственникам и гостям. Этот период в ожидании свадьбы для девушки назывался «сидением», а местом «сидения» чаще всего служил сундук. Характерно, что в подготовке приданого девушке помогали незамужние сверстницы – родственницы или подруги. Свои работы они сопровождали пением специальных песен, в которых период жизни девушки-невесты накануне свадьбы соотносился с ее пребыванием под деревом (чаще березой), в особом «тереме» в лесу, у реки, в полях и пр., во время которого она приобретала качества, необходимые для будущего супружества и материнства. Период «сидения» заканчивался началом свадебных церемоний, а «готовность» девушки к этому событию знаменовалась окончанием работ по подготовке приданого, уложенного и закрытого в сундук.

Характерно, что у народов Северной Евразии разного вида емкости выступали одним из главных атрибутов традиционного сценария свадеб. Образ емкости в контексте отдельных брачных ритуалов (пустая/наполненная, целая/разбитая, открытая/закрытая и др.), характер ее содержимого (вода, животное, зерно, ритуальный предмет и др.) имели важное символическое значение: они определяли вехи и особенности «перехода» девушки в статус женщины. Глубоким символизмом наделялись и свадебные манипуляции емкостями (наполнение-освобождение от содержимого, передача из одних рук в другие, переворачивание, разбивание и др.), и люди, производящие их (главный распорядитель на свадьбе – женщина или мужчина, родители, невеста, жених, их сверстники и др.). Во всех этих действиях в целом отражались характерные для того или иного народа представления, связанные с идеей плодородия. В некоторых из них главное место отводилось вместилищам, изготовленным из мягкого растительного сырья. Так, наличие в приданом посуды, а также иных емкостей (меховых сумок для рукоделия, кадок, сундуков) было строго обязательно, однако у части народов Сибири приданое невесты состояло исключительно из берестяной посуды и/или берестяной коробки с рукодельными принадлежностями [4, с. 276]. В брачной обрядности ряда народов Амура сохранился обряд «топтания котлов», древнейшей формой которых являлись берестяные емкости [19, с. 66 – 77]. В крестьянской культуре ряда европейских народов выделяются обычаи, соотносящие образ невесты с емкостью, изготовленной из мягкого растительного волокна и применявшейся исключительно в женской субкультуре [22, с. 14, 17, 23 – 25; 23, с. 7 – 22, 113; и др.].

Отождествление женщины с принадлежащей ей емкостью четко прослеживается во внешнем виде последней – она обязательно украшалась. Деталями украшений женских емкостей, изготовленных из мягкого (гибкого) растительного сырья, у народов с присваивающей экономикой служили традиционные узоры и орнаменты [3, с. 80 – 81; 5; 27, с. 178 – 182; 28; и др.]. Они изображали различные линейные и геометрические композиции, а также стилизованные фигуры животных и частей их тел, в ряде случаев – некоторые части тел человека. Узоры выполнялись краской (минеральной и растительной), резьбой, выскабливанием, тиснением и пр., а также сочетанием окрашенного в разный цвет материала для плетения, в некоторых случаях – нанесением дополнительных украшений (перья птиц, раковины, белемниты и др.). У народов с производящим хозяйством украшались свадебные сундуки и долбленые вместилища [21, с. 58 – 60; 24, с. 129 – 131; и др.]. Орнамент, чаще резной, состоял из геометрических фигур (треугольников, ромбов, кругов, розеток в круге, крестов и др.), дендрозоантропоморфных изображений и их комбинаций. Характерно, что аналогичные узоры были присущи женской одежде, головным уборам и украшениям, а также предметам женского труда и рукоделия (полотенцам, скатертям, подзорам и др.), которые обычно использовались во время праздников (обязательно – на свадьбе), а в обыденное время хранились в женских закрытых емкостях [29 – 33; и др.]. Общеизвестно, что одежда – неотъемлемая часть человека, его «вторая кожа». В прошлом «по рисункам на одежде можно было определить, к какому роду принадлежит женщина, замужем она или нет, сколько у нее детей и какие родственники у нее имеются» [34, с. 5]. «Определителем» положения женщины в обществе, очевидно, была и ее личная емкость.

В традиционной культуре народов Северной Евразии существовало два способа обращения с женской емкостью после смерти ее владелицы. У большинства народов Сибири и некоторых народов Восточной Европы она сопровождала хозяйку в загробный мир. Иногда часть предметов из содержимого емкостей (некоторые инструменты, трафареты, украшения, амулеты и др.) переходила во владение ее дочери или самой старшей женщины в семье. У большинства народов Европы бытовала другая традиция, согласно которой сундуки и долбленые вместилища вместе с их содержимым передавались по наследству по женской линии. Характерно, что оба способа обращения с женской емкостью были связаны «с понятием женского рода и институтом ушедших в потусторонний мир предков женщины» [21, с. 60]. Некоторые объекты содержимого емкостей, остававшиеся неизменными в течение жизни женщин многих поколений, делали их семиотический статус еще более значимым. Через них осуществлялся процесс передачи/обретения знаний, навыков и предметов вещного мира женщин как бы по эстафете. С их помощью женщина осуществляла свои обыденные и сакральные функции, связанные с содержанием домашнего очага (в узком и широком смысле), обеспечением здоровья, жизни и воспроизводства семьи. Однако у ряда народов Севера бытовала любопытная традиция. В женских емкостях или вместилищах, сходных с ними по материалу, способу изготовления и элементам декора, хранились предметы, переходящие по наследству по мужской линии и/или использовавшиеся в мужской ритуальной деятельности [27, с. 182; 35, с. 289 – 270; 36, с. 50; 37, с. 58; 38, с. 263 – 265; и др.]. В число таких предметов входили: деревянная посуда, изображения духов, особые предметы с родовыми знаками, ритуальные уборы, атрибуты

шаманов и др. Примечательно, что в ряде традиций обрядность с некоторыми из этих предметов выполнялась исключительно женщинами.

Емкость, с помощью которой осуществлялось воздействие на жизненные процессы природы и общества, соотносит ее хозяйку с образом мифического Творца, происхождение которого было связано с представлениями о процессе воспроизведения, осуществляемого женщиной в качестве единственного источника жизни. Это подтверждается следующими признаками. Во-первых, характерно, что сам по себе акт плетения изделий из растительного сырья в фольклоре ряда народов Сибири и Северной Америки ассоциировался с процессом творения мира и людей, а их использование спасало человечество от природных катализмов [27, с. 171 – 178; 39, с. 69 – 70]. Процесс изготовления плетеных емкостей у североамериканских индейцев иногда являлся «метафорой космогонического знания», был во многих аспектах табуированным, со строгим соблюдением приемов плетения и использования определенных трав [27, с. 182]. У большинства народов Северной Евразии береза и процесс изготовления изделий из бересты (способом плетения или шивания) тесно связывались с культом женского духа, дарующего и забирающего жизнь, плодородие. Общеизвестно и сакральное значение, приписываемое всем актам изготовления ткани (подготовка сырья, прядение, ткачество, окрашивание и др.). Очевидно, для сбора, переработки и хранения разных видов растительного сырья, а затем его превращения в соответствующие изделия у женщины существовали определенные временные периоды, подчиненные природным сезонам и главным направлениям хозяйственной деятельности. Об этом свидетельствует сохранившаяся до недавнего времени у большинства народов Севера строгая цикличность и сакральная значимость женского труда в отношении сбора, переработки и использования растительного сырья.

Во-вторых, женская емкость всегда находилась на женской половине жилища и так, чтобы быть на виду у хозяйки. Взглядом женщина как бы «притягивала» емкость к себе, сливаясь с нею в единое целое. Местонахождение емкости маркировало и постоянное место деятельности женщины – освоенное пространство. В большинстве случаев женские емкости из мягкого (гибкого) растительного сырья (как, впрочем, кожаные и меховые) имели округлую или овальную форму. Для них характерно наличие завязок или крышки (часто с застежкой), скрывавших содержимое емкостей. Закрытая и находящаяся в бездействии емкость, вероятно, олицетворяла первичный мир, в недрах которого, как в чреве ее обладательницы, мыслилась постоянно имеющаяся основа для творения. Емкость открывалась исключительно хозяйкой и только по необходимости. При ее открывании и вынимании содержимого для осуществления хозяйственной и обрядовой деятельности женщины как бы дублировался акт творения. Сакральная значимость акта открывания/закрывания женской емкости фиксируется и в обращении с сундуками. В качестве примера приведу свои детские впечатления, связанные с летним пребыванием у бабушки в Северном Казахстане. В деревне обитало весьма разношерстное по национальной принадлежности население – сосланные в период коллективизации украинцы и русские, депортированные во время войны немцы и ссыльные из Прибалтики. В один из дней июня бабушка раскрывала огромный окованный сундук (на внутренней стороне крышки – портретная галерея неведомых мне лиц, по словам бабушки, умерших родственников) и вывешивала во дворе для просушки лежащие там вещи. Это были чрезвычайно громоздкие, пахнущие нафталином шу-

бы, костюмы и платья старинных фасонов, скатерти, полотенца и салфетки, расшитые причудливыми орнаментами, изображениями готических соборов и надписями на старонемецком языке. После просушки – в течение одних суток – вещи в той же последовательности укладывались обратно в сундук, который запирался на замок. Нас, девочек 12 – 13 лет, заставляли участвовать в этих действиях, проводящихся в молчании, неторопливости и чрезвычайной серьезности, граничащей с суровостью. Аналогичные события, по рассказам подруг, происходили и в других дворах.

В-третьих, как единодушно указывают исследователи, наиболее богатые и символически значимые узоры были характерны для емкостей (как и одежды) девушек, достигших половой зрелости, невест и женщин в расцвете репродуктивных сил, т. е. категорий женского населения, по своим функциям наиболее соответствующих Творцу. Большинство исследователей считают, что именно на женской праздничной (ритуальной) одежде или ее отдельных деталях, на украшениях и емкостях, а иногда – только на них сохранились самые древние орнаменты (и способы их нанесения). Именно они остаются в народе самыми почитаемыми. В орнаментации использовались традиционные узоры с соответствующим набором элементов и их сочетаний, выполненные в определенной технике и цветовой гамме. В узорах отражались древние представления об окружающем мире, как общие для народов Севера, так и характерные для отдельных этносов. Они символизировали единство природного и культурного, света и тьмы, неба и земли, «верха» и «низа», что было характерно для той первоначальной субстанции, которая представлялась источником мира и жизни. Некоторые узоры в традиции ряда народов, очевидно, сохраняли древние названия. Характерно, что они чаще всего связаны с частью растения или животного («ветки березы», «корни кедра», «заячьи уши», «чешуя окуня» и др.), что сближает их с обликом «зародышей жизни» в емкостях мифических женщин. Некоторые мотивы узоров (например антропоморфные фигуры в сопровождении определенных знаков на мордовских свадебных кадушках) соотносили емкость и ее владелицу с мифическим образом женщины – Творца мира и жизни. В ряде случаев в орнаментах зафиксирована локальная или родовая принадлежность того или иного народа, носителем которого выступала женщина – их изготовитель и/или хозяйка. Например, в корзинном производстве некоторых индейцев Северной Америки, являвшемся прерогативой женщин, материал и способы плетения корзин, специфические особенности их орнамента служили одним из определяющих признаков конкретного рода, племени, этнической группы [6, с. 106 – 131]. Некоторые исследователи соотносят часть традиционных узоров с древнейшими верованиями (например тотемизмом). Характерно, что находящиеся в женских емкостях орудия труда, использовавшиеся в женской сфере деятельности (для разжигания огня, изготовления и художественного оформления одежды, утвари и др.), и амулеты, с помощью которых женщина осуществляла репродуктивную деятельность, зачастую оформлялись в виде зооморфных фигур или имели рукояти с изображениями животных. Примечательно, что у некоторых народов Сибири и Северной Америки до недавнего времени существовал один и тот же оригинальный способ нанесения орнамента на берестяные изделия [2, с. 128; 40]. От этого способа веет глубокой архаикой: узор наносился не при помощи инструментов, а зубами. Это было исключительно женское занятие, в котором «особого искусства достигали старые женщины» [40, с. 57]. Американские исследователи считают эту

технику нанесения узоров принесенной в Новый Свет одной из первых волн переселения мигрантов с азиатского материка [40, с. 58]. Очевидно, как и многое другое в культуре индейцев, связанное с их азиатскими предками, эта традиция тщательно оберегалась и передавалась из поколения в поколение на протяжении тысяч лет. О древних и, возможно, связанных с азиатской прародиной «первых американцев» традициях может свидетельствовать и ряд других черт материальной культуры, также зависимых от способа изготовления и использования емкостей из растительного сырья. Например, плетение водонепроницаемых сосудов из травянистых волокон (в технике кольцевого плетения и на прямой основе) и использование плетеных корзин в качестве каркасов для кожаных сумок, характерные для ряда народов обоих побережий Тихого океана [27, с 178 – 182; 41, с. 81 – 82].

У большинства народов мира человек получал право на ношение «родовых» орнаментов (на теле, орудии, емкости, одежде, украшении и пр.) только с наступлением половой зрелости, пройдя через посвятительные ритуалы. У архаичных народов это были обряды инициации, у традиционных – обрядность календарного цикла, в контексте которой отчетливо проявляются реликты былых обрядов инициации. Характерно, что эти ритуалы проводились в строго определенное время и на строго обозначенном месте, чаще всего под руководством зрелых женщин, которые передавали девушкам свой опыт и знания. Каждая девушка в результате этих обрядов автоматически получала право осуществлять присущие женщине хозяйственную и репродуктивную функции, что в архаичном обществе выражалось в передаче ее мужчине сразу же после прохождения обрядов, а в традиционной культуре – в восприятии ее обществом в качестве «готовой» невесты. Это право демонстрировалось получаемыми девушкой в ходе ритуалов (или для участия в них) украшениями верхней части тела (перевязь, ожерелье и др.), набедренной частью одежды (пояс, передник и пр.) и головным убором. Последний чаще всего представлен повязкой, обручем, венком, шапочкой с открытым верхом и др. Можно предположить, что эти части одежды подчеркивали сходство женщины с емкостью, а также были генетически связаны со способами ношения женщинами вместилищ для продуктов собирательства и младенцев, – через плечо, прикрепленными к поясу или голове. Подобные древнейшие способы переноса емкостей, вероятно, отчасти послужили и источником происхождения образа мифического женского существа с «чудесной емкостью/подмышкой».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов А.Ф. Религия эвенков. М.; Л., 1958.
2. Богомолов В.Б. Изделия из бересты барабинских татар // Проблемы происхождения и этнической истории тюрksких народов Сибири. Томск, 1987.
3. Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.
4. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
5. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М.; Л., 1963. (Пр. ИЭ. Нов. сер. Т. 81).
6. Феест К.Ф. Искусство коренных народов Северной Америки. М., 1985.
7. Фишман О.М. Берестяная утварь русского и финно-угорского населения в XIX-XX вв. (типовология и классификация) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. Т. XLV. (Сб. МАЭ).
8. Лавонен Н.А. Функциональная роль порога в фольклоре и верованиях карел // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984.
9. Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка. М., 1995.

10. Хомич Л.В. Колыбель у народов Севера (к вопросу о типологии) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988.
11. Богордаева А.А. Сигнifikативные функции одежды в традиционной обрядности обских угров // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2002. № 4.
12. Василевич Г.М. Эвенки. Л., 1969.
13. Кремлева И.А. Об эволюции некоторых архаических обычаях русских // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
14. Алексашенко Н.А. Берестяные изделия с археологических памятников Севера Западной Сибири // Угры. Тобольск, 2003.
15. Талигина И.М. Обряды очищения женщин у сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1999. Вып. 8.
16. Мифы, предания и сказки хантов и манси. М., 1990.
17. Павлинская Л.Р. Формы традиционных погребений у народов восточных Саян и их этнокультурные параллели // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 1998. Вып. 4.
18. Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века: Сб. МАЭ. Л., 1971. Т. XXVII.
19. Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.
20. Саамские сказки. М., 1962.
21. Богомазова Т.Г. Украинская скрыня как предмет женской субкультуры // Сб. МАЭ. СПб., 1999. Т. LVII.
22. Брак у народов Западной и Южной Европы. М., 1989.
23. Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М., 1990.
24. Мартынов В.Н. Материалы по резному орнаменту мордвы // СЭ, 1974. № 1.
25. Цимерманис С. Некоторые вопросы изучения истории и развития латышского народного прикладного искусства // Народное прикладное искусство. Актуальные вопросы истории и развития. Рига, 1989.
26. Крюкова Т.А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ленинград; Ижевск, 1973.
27. Окладникова Е.А. Символы мужского и женского начал в космогонических представлениях индейцев Северной и Центральной Калифорнии // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.
28. Рындина О.М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1995. Т. 3.
29. Гаген-Торн Н.И. Обрядовые полотенца у народностей Поволжья // ЭО, 2000. № 6.
30. Маслова Г.С. Узорное тканье на Русском Севере // КСИА. М.; Л., 1950. Т. XI.
31. Рындина О.М. С своеобразие декоративных традиций селькупов // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1996. Вып. 4.
32. Терентьева Л.Н., Шлыгина Н.В. К вопросу о формировании этнографических границ Прибалтийского региона // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
33. Федорова Е.Г. Мировоззрение манси и орнаментальное искусство // Диалоги во времени: традиционное искусство в контексте музея. СПб., 1998.
34. Бурыкин А.А. Проблемы семантики орнамента и элементов традиционного костюма (вопросы этносемиозиса на фоне этнокультурных и языковых связей по материалам декоративного искусства народов Крайнего Северо-Востока) // Диалоги во времени: традиционное искусство в контексте музея. СПб., 1998.
35. Алексеенко Е.А. Домашние покровители у кетов // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л., 1971. (Сб. МАЭ. Т. XXVII).
36. Владыкин В.Е. Семейно-родовые культы в дохристианском религиозном комплексе удмуртов // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976.
37. Купина Ю.А. Общество, личность и сакральная скульптура эвенков // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1999. Вып. 8 – 9.
38. Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994.
39. Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у маньзов. М., 1988. (Гр. этнографического отдела. Кн. VIII).
40. Чернецов В.Н. Исчезнувшее искусство (узоры, выдавленные зубами на бересте у манси) // СЭ, 1964. № 3.
41. Ли М. Культура плетения: проблема сибирских истоков практики корзиноделия эскимосов Аляски // Современные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Духовная культура. СПб., 1995. Вып. 2.

**ОБРАЗ «ЧУДЕСНОЙ ЕМКОСТИ»
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРА**

На основе фольклорных и этнографических материалов раскрывается значение емкостей из мягких материалов растительного происхождения в материальной и духовной культуре народов Севера.

В.Ф. Кернер

**REPRESENTATION OF “MIRACULOUS CONTAINER”
IN THE CULTURE OF THE NORTHERN PEOPLES**

Based on folklore and ethnographical evidences the author interprets meaning of containers made of soft floral materials in the context of material and spiritual cultures of the Northern peoples.

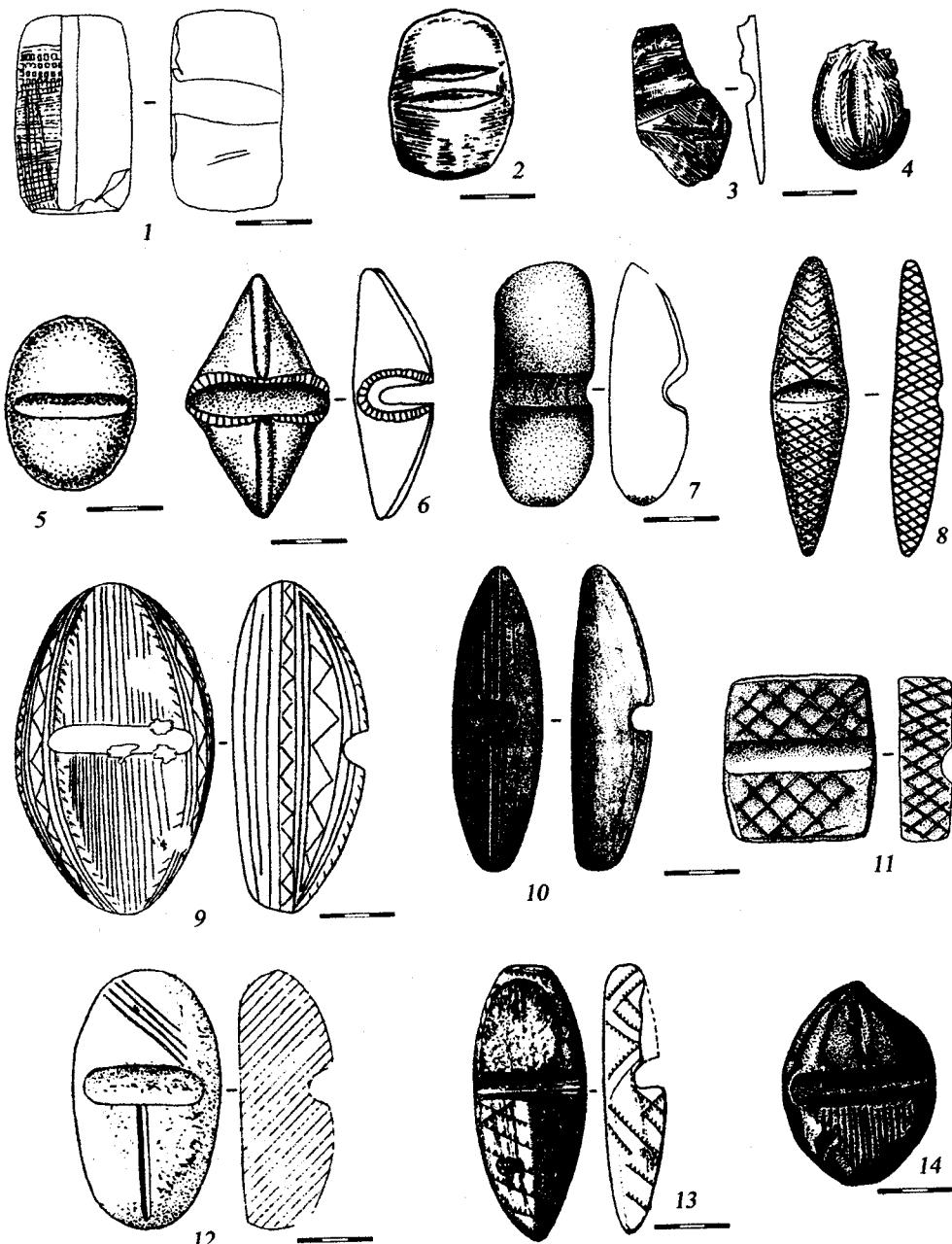
V.F. Kerner

И.В. Усачева

**ЭТИ ЗАГАДОЧНЫЕ «УТЮЖКИ»:
К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ**

Название «утюжки» в отечественной археологии закрепилось за небольшими (длиной 3 – 22 см, чаще 7 – 14 см) изделиями из камня и глины с поперечным желобком диаметром от 0,7 до 1,6 см (см. рисунок). Морфология «утюжков» многообразна. Наиболее распространены овальные и челновидные формы. Встречаются округлые, прямоугольные, ромбовидные, аморфные и фигурные экземпляры. Как правило, нижняя поверхность у них плоская, верхняя, с поперечным желобком – выпуклая. Имеются экземпляры с двумя-тремя желобками. В сырье приоритетны мягкие породы (твердость по шкале Мооса 1 – 3 ед.) – тальковый, тальк-карбонатный, тальк-хлоритовый и глинистый сланцы, стеатит, хлорит и т. д. Более твердые породы использовались крайне редко. Известна серия изделий из глины. Встречаются как тщательно изготовленные экземпляры, так и выполненные на природном плиточном материале без дополнительной обработки поверхности. Широко применялась орнаментация изделий. В коллекциях «утюжки» обычно представлены единичными экземплярами, совокупное их количество исчисляется сотнями. На данный момент находки «утюжков» отмечены в материалах свыше 50 культур и культурных типов.

Территория распространения включает Ближний Восток, Южную Европу, северо-восточное и южное побережье Африки, степную, лесостепную и полупустынную зоны Евразии от Молдавии до Монголии включительно. Интервал существования – от протонеолита (мезолита) до эпохи бронзы (X – IX – середина II тыс. до н. э.). Больше всего камней с желобком отмечено на Ближнем Востоке, Украине, Урале и в Казахстане. Количественный и территориальный максимумы приходятся на VI – III тыс. до н. э. (здесь и далее используются некалибранные даты).

«Утюжки» и районы их распространения.
1, 2 – Ближний Восток; 3 – 5 – Средняя Азия; 6, 11 – Южный Урал; 7 – Центральная Россия; 8 – Украина; 9 – Зауралье;
10 – Средний Урал; 12 – Казахстан; 13 – Алтай; 14 – Западная Сибирь

Широкое распространение артефакта породило разнообразие терминологии. В русскоязычной археологической литературе помимо «утюжка» иногда используются названия «выпрямилка», «гладилка», «шлифовальник», «выпрямитель древков стрел». На Украине они известны как «човники». В западной и американской литературе наиболее употребимы термины «камни с желобком» или «желобчатые камни» (*«grooved stones»*, *«riegres à rainures»*), «выпрямители древков» (*«shaft-straighteners»*), «полировальники» или «полировальники с желобком» (*«polissoirs»*, *«poliroval'niki»*, *«polissoirs à rainures»*).

Единой точки зрения на интерпретацию поперечно-желобчатых изделий нет. По мнению западных исследователей, область применения этих предметов определяется их участием в процессе изготовления древков стрел в качестве выпрямителей или полировальников [1, 2]. В отечественной археологии функция «утюжков» до сих пор окончательно не определена. Поиск ведется по двум направлениям: утилитарному и сакральному.

Спектр версий первого направления достаточно широк: существуют предположения о возможном использовании поперечно-желобчатых предметов в качестве приспособления для наматывания ниток [3], гладилки для разглаживания неровностей кожи и швов [4], грузиков для копьеметалки [5], приспособления для добывания огня способом трения [6, 7], для изготовления крученых изделий типа бечевок [8]. Выдвинутые умозрительно, эти гипотезы сейчас представляют чисто историографический интерес [9, с. 252; 10]. Наиболее аргументированной среди сторонников утилитарного назначения считается точка зрения, опирающаяся на данные трасологического анализа: это абразивы для шлифования и затачивания округлых kostяных и деревянных изделий, как-то: древков стрел и дротиков, игл, шильев и т. п. [3, 11 – 13]. Однако, как показало целенаправленное трасологическое исследование большой серии «утюжков» (28 экз.), эта версия нуждается в корректировке. Н.А. Алексашенко, подтвердив наличие внутри большинства желобков сходных следов сработанности, образовавшихся в результате вращательного и/или возвратно-поступательного движения эластичного материала, при эпизодичности и разнохарактерности следов на других поверхностях, специально акцентирует внимание на том, что «утюжки» из мягких пород мало пригодны для шлифования и абразивной обработки. Такие породы наиболее подходят для полировки стрел, но не для калибрования и выравнивания древков [9, с. 252 – 253].

Вторая группа исследователей считает, что основную функцию «утюжков» надо искать в духовной сфере, и те следы, которые заметны в желобках, следует рассматривать как результат ритуальных действий. Их трактуют как амулеты [11], антропоморфные женские изображения, связанные с культом плодородия [14, 15], символические изображения цветущей земли [16], образ зародыша вселенной [16], стилизованные ихтиоморфные статуэтки [8], культовые «шаманские» предметы [17], магические камни, «улучающие» работу копьеметалки [18], ритуальные предметы для приготовления «сомы» [19], символ космогонического мифа о высвобождении Индрой воды и света из горы и как атрибут соответствующего обряда [20]. Наибольшим признанием сегодня пользуются гипотезы, в которых эти предметы считаются элементом космогонических обрядов и обрядов плодородия.

Размах исследований последних десятилетий значительно пополнил фонд источников, многие из которых были подтверждены радиоуглеродным датированием. Это позволило подойти к решению проблемы «утюж-

ков» с другой стороны. Было проведено картографирование находок по хронологическим срезам (всего пять), которое показало, что ареал распространения «утюжков» не был стабильным и неоднократно менялся во времени. Причем речь идет не о конвергентном их появлении на тех или иных территориях, а о постепенном, хотя и неравномерном распространении традиции изготовления из одного центра. Этот центр отчетливо локализуется на Ближнем Востоке (Северный Ирак, западные области Ирана, Юго-Восточная Турция, Палестина, Иордания). Именно здесь, в мезолитических (протонеолитических) комплексах Загроса и натуфийской культуры (X – IX тыс. до н. э.), а также в генетически родственном натуфу докерамическом неолите Иерихона А (вторая половина IX – первая половина VIII тыс. до н. э.) «утюжки» зафиксированы в наиболее раннем культурном контексте [1, с. 834 – 836; 21 с. 22 – 24, 31, 39].

Помимо дат в пользу первичности ближневосточного очага свидетельствует тот факт, что при общей многочисленности экземпляров (свыше 60) здесь еще не сформировался стандарт изготовления «утюжка». Это касается не столько формы и размеров желобчатых камней – они вариабельны на всех территориях – сколько морфологии и топографии желобка. В ранних ближневосточных комплексах наряду с поперечными желобками встречаются продольные; сечение желобков бывает как округлым (плавно изогнутым), так и V-образным, причем в последнем случае желобки могут быть как широкими (7 – 10 мм), так и узкими. Имеется экземпляр, у которого в широкий округлый желобок врезан глубокий V-образный [1, с. 52, 832 – 836]. Общими у этой группы изделий и «утюжков», кроме морфологии (желобчатые камни), являются часто отмечаемые авторами заполировки в желобках, а также набор сырья – аспидный сланец (мягкие разновидности сланца темных оттенков), хлорит или стеатит [1, с. 51; 22, с. 834 – 839].

Интересно проследить, с какими природно-климатическими условиями связано становление этого артефакта. По данным палеогеографов, около 13,5 – 13 тыс. лет назад началось глобальное позднеледниковое потепление, на фоне которого происходили стремительные климатические колебания значительной амплитуды, сопровождавшиеся драматической перестройкой всех основных элементов природной среды. Появление «утюжков» соотносится с фазой аллераёд (11,9 – 10,9 тыс. лет назад), которая характеризуется интенсивным потеплением. С конца позднего дриаса (10,3 тыс. лет назад) оно усиливается и приводит к установлению климатического оптимума около 8 тыс. лет назад [22, с. 11]. На Ближнем Востоке в конце плейстоцена – начале голоцена дополнительно отмечается повышение аридности, что способствует образованию на этих территориях обширных степных и пустынно-степных ландшафтов [23, с. 19 – 39; 24, с. 19 – 85].

Наблюдаемая в дальнейшем сопряженность «утюжков» с ландшафтами именно этого типа позволяет предположить, что возникновение артефактов было стимулировано сменой климата и явилось адаптационным откликом на изменившееся природное окружение.

На Ближнем Востоке «утюжки» прослеживаются до VI тыс. до н. э., но в поздних комплексах они уже единичны [1, с. 53 – 54; 25, с. 834 – 836]. Еще в докерамический период начинается их распространение за границы первичного очага. Имеются сообщения о находках желобчатых камней в ранних культурах Северной и Северо-Восточной Африки, где они как будто появляются одновременно с капсийскими типами и совершенно достоверно представлены в неолитической капсийской традиции [26, с. 836]. Вероятно,

еще в эпоху мезолита желобчатые камни проникают на территорию Балканского полуострова, где доживают до неолита [1, с. 118]. В VII тыс. до н. э. «утюжки» начинают попадать на северное побережье Черного моря (кукрекская культура, приазовская и днепровская группы). Интересно отметить, что, по мнению исследователя этой культуры Д.Я. Телегина, аналогов ей не удается найти не только в мезолите Украины, но и в Восточной Европе в целом [27, с. 113 – 114].

В VI тыс. до н. э. активизируется продвижение «утюжков» на север. Оно совпадает по времени с температурным максимумом, установившимся на Ближнем Востоке в начале атлантического периода, и, по-видимому, напрямую обусловлено последним. Распространению «утюжков» в этом направлении благоприятствует Лявляканский плювиал, под действие которого попали обширные пространства Восточного Прикаспия и Средней Азии [28, с. 19 – 45]. «Утюжки» этого времени найдены в Закавказье, Средней Азии (юг Туркмении, Центральная Фергана), Молдавии (среднее течение Днестра). Сохраняется и увеличивается ареал их распространения на Украине (Среднее Поднепровье, Северский Донец, Приазовье) [29 – 33]. Культуры-носители – кукрекская, буго-днестровская, донецкая, западнокавказская, центральнозакавказская (шулавери-шомутепинская), джейтунская и центральноферганская. Многие из культур несут в себе отчетливо «читаемый» близкневосточный след. «Утюжки» этого периода на всех территориях представлены единичными экземплярами. Локализация отдельных пунктов их местонахождений вдоль горных рубежей отчетливо демонстрирует отсутствие единого миграционного пути через Иранское Нагорье и Закавказье.

Не исключено, что к VI тыс. до н. э. следует относить появление «утюжков» в районах Северного Прикаспия, Южного Урала и Северного Казахстана. К сожалению, в археологии этих территорий до сих пор много пробелов, а интерпретация имеющихся материалов осложнена почти полным отсутствием хорошо стратифицированных комплексов и радиоуглеродных дат. Так, нерасчленимы стратиграфически «утюжки» с поселения Березки (Банное VA), хотя именно оттуда происходит единственная для Южного Урала «надлежащая» радиоуглеродная дата [34, с. 68]. В Северном Казахстане предположительно VI тыс. до н. э. датирован комплекс находок со стоянки Соленое озеро 2 (маханджарская культура), в составе которой имеется «утюжок» [35, с. 27].

В V – IV тыс. до н. э., когда горы и обширный аридный пояс были преодолены и «утюжки» достигли границы степей, территория их бытования начинает стремительно увеличиваться в размерах. В этот период культурами-носителями освоены бассейны нижних и средних течений Южного Буга, Днепра, Северского Донца, Дона, Волги, Камы, бассейн верхнего и среднего течения Урала, Белой, бассейны Тобола, Ишима, Среднего Иртыша, Среднерусская возвышенность, Южный и Средний Урал, Внутренние Кызылкумы (междуречье Амударьи и Сырдарьи и р. Зеравшан), Северный Казахстан [36 – 42].

Количество археологических культур и культурных типов, в материалах которых зафиксированы «утюжки», приближается к двадцати. Их распределение отчетливо демонстрирует «зависимость» данного артефакта от условий степной и лесостепной зон. Именно в зоне стабильных ландшафтов этого типа отмечены максимальные концентрации «утюжков» (Украина, Южный Урал, Северный Казахстан), многообразие и выразительность

форм, орнаментальных мотивов и композиций. В зонах неустойчивых ландшафтов они представлены единичными экземплярами, которые там, где это удается проследить, оказываются связаны либо с колебаниями границ степной/лесостепной зоны, либо с ее локальными прогибами и отдельными оазисами (Северный Прикаспий, Центральный Казахстан, Внутренние Кызылкумы, Фергана и т.д.). Особенно четко это проявляется в условиях пограничья с лесной зоной, где «утюжки» встречаются в комплексах, соответствующих аридным ксеротермическим периодам, и соотносятся с культурным контекстом, имеющим выраженный южный облик или компонент южного облика (Ивановское VII, Пензенская, Земетчино, Гавриловская, Юргаркуль III и др.).

В конце IV – III тыс. до н. э. отмечается изменение границ ареала «утюжков». Они перестают фиксироваться во всех юго-западных и западных культурах до районов Приуралья и Поволжья включительно, и их ареал начинает интенсивно смещаться к востоку. Исключение составляют Прикубанье (майкопская культура) и Нижний Дон (Константиновка), где «утюжки» отмечены отдельной группой далеко за пределами основного массива [43, 44]. Имеется предположение, что существование этой группы никак не связано с протеканием основного процесса распространения, а обусловлено искусственной реанимацией древней месопотамской традиции под воздействием очередного миграционного потока с Ближнего Востока [45, с. 19 – 20]. На данном этапе «утюжки» отмечены в низовьях р. Белой (Среднее Прикамье), в бассейнах верховьев рек Урала, Белой, Исети, Туры, Тагила, Ницы, Кыштымском озерном крае (Южный и Средний Урал), Центральном и Северном Казахстане, Притоболье, Верхнем и Среднем Прииртышье и Прииртышье, Приобье от верховьев до Нарыма, в бассейне среднего течения Енисея, на северных (Катунь), южных и юго-восточных склонах Алтая (Монголия), в Прикубанье и на Нижнем Дону [14, 15, 33, 35, 36, 46 – 50].

Для этого времени характерно изменение отношения к «утюжкам». Если ранее их присутствие в могильниках сводилось к единичным случаям (Русско-Шуганский, Ак-Жунас, Липовый овраг), то теперь они фиксируются в погребениях значительно чаще (Верхняя Алабуга, Убаган 1, Боровлянка 17, Усть-Иша, Крутых 5). Причем почти во всех могильниках позднего времени отмечены случаи их преднамеренного повреждения.

Во II тыс. до н. э. завершается длительная история «утюжков». Достоверно к этому периоду можно отнести только два памятника: могильники Ростовка (Среднее Прииртышье) и Сопка 2, кротовский комплекс (Обь-Иртышское междуречье) [51, 52].

Таким образом, наблюдение над распределением «утюжков» во времени и пространстве показывает, что традиция их изготовления зародилась на Ближнем Востоке в X – IX тыс. до н. э., откуда постепенно распространялась на другие территории. Стимулирующим фактором распространения, по крайней мере на первых этапах, являлись выраженные изменения палеоклимата. Продвижение «утюжков» в северном направлении было обусловлено существованием обширной горной цепи и аридного пояса. Это обусловило появление нескольких синхронных и асинхронных транзитных путей как через Иранское нагорье, так и через Закавказье. Нельзя исключать также возможность существования коридоров вдоль западного и восточного побережий Черного моря. Определяющим палеогеографическим условием распространения выступал набор природно-климатических факторов, оптимумом которых были степные и лесостепные ландшафты.

Во II тыс. до н. э. «утюжки» прекращают свое существование. Почему? Если их появление рассматривать как ответную реакцию на изменение природной среды, то причину надо искать либо в палеогеографии, либо в принципиальных изменениях системы жизнеобеспечения (хозяйственная сфера). Поскольку существованию евразийского пояса степей в этот период ничто не угрожало, следовало проанализировать экономическую направленность всех культур-носителей «утюжков», точнее, того слоя, этапа или периода, с которым были связаны находки «утюжков» [53].

Удалось выяснить, что появление желобчатых камней, хотя и локализовано в районах древнейших очагов земледелия и скотоводства, нельзя связывать с производящими формами хозяйства. Сопутствующих «утюжкам» артефактов, подтверждающих доместикацию животных или зачатки земледелия, нет [46, с. 8; 22, с. 21 – 32]. Традиция их изготовления зародилась в среде населения, ориентированного еще на присваивающую экономику – охоту (загрос) или охоту и рыболовство (натуф). Повсеместно было распространено собирательство моллюсков. В X – II тыс. до н. э. «утюжки» появились в материалах полусотни археологических культур и культурных типов. Только четыре из них имеют развитые формы производящего хозяйства: майкопская, где «утюжки» функционируют как ритуальные предметы;protoхасурская, шулавери-шомутепинская и джейтунская, в которых охота еще не утратила значения (орудийный набор, остеологические коллекции). В остальных приоритетны охота, рыболовство и собирательство, комбинированные на последних этапах с ранними формами земледелия и скотоводства. Переход от присваивающих форм к прогрессивной экономике неизбежно приводит к утрате «утюжков». В степных культурах с развитыми формами производящего хозяйства (трипольская, культуры линейно-ленточной керамики, среднестоговская, хвалинская, ямная и др.) они не были отмечены ни разу. Завершение перехода от охоты и рыболовства к земледелию и скотоводству в степном поясе совпадает с исчезновением «утюжков». На всех этапах за исключением последних (конец IV – II тыс. до н. э.) «утюжки» были связаны с пластинчатой, преимущественно микропластинчатой, каменной индустрией. В орудийном наборе, как правило, присутствуют геометрические формы, но нет каменных наконечников стрел. Единичные экземпляры таких наконечников появляются только в V – IV тыс. до н. э., а достаточно массовым материалом становятся не ранее III тыс. до н. э.

Полученные данные позволяют подойти к решению вопроса о функциональном назначении «утюжков» с новых позиций. Кратко сформулируем их еще раз 1. Появление «утюжков» приходится на период резкого ухудшения палеоклиматической обстановки на Ближнем Востоке и, предположительно, стимулировано этим обстоятельством. 2. Распространение «утюжков» обусловлено не конвергентностью развития, а происходит поступательно из одного центра под постоянным воздействием экологического, а на последних этапах еще и экономического факторов. 3. Культурный фон отличается разнородностью (сравните Африку и Монголию). Общим у культур-носителей является одно: все они тяготеют к ландшафтам степного и лесостепного типов. 4. В культурном контексте всех находок прослеживается отчетливая экономическая доминанта присваивающих и ранних комплексных форм хозяйства. 5. Обладая выраженной вариабельностью морфологических показателей, «утюжки» на всем протяжении своего существования демонстрируют наличие устойчивых сырьевых приоритетов. 6. Обладают однотипными следами сработанности в желобках.

Вывод, следующий из этой серии наблюдений, представляется достаточно однозначным: «утюжки» изначально обладали утилитарной функцией, роль которой в системе жизнеобеспечения обществ с присваивающей экономикой была весьма значительной, о чем свидетельствуют территориально-хронологические рамки их существования. Это позволяет номинировать «утюжки» как *техническую новацию*, которая сохраняла свое значение как минимум до III тыс. до н. э. включительно, т. е. до тех пор, пока продолжался активный процесс их продвижения на новые территории. Только этим обстоятельством можно объяснить распространение «утюжков» в разнородной культурной среде. Востребованность в этой функции исчезла, когда все культуры степного пояса Евразии перешли к прогрессивным формам хозяйствования.

Что можно сказать об этой технической новации? 1. Важным условием ее реализации было наличие степных и лесостепных ландшафтов, при этом преимущественное внимание населением уделялось побережьям озер (до 50 % находок), временными водотокам, староречьям, лиманам, речным мелководьям. 2. Она применялась при обработке гибких эластичных материалов, обладающих некоторой протяженностью (дающей возможность проводить возвратно-поступательные движения) и округлым сечением диаметром от 6 – 7 до 16 мм (следы вращательных движений и размер желобков). 3. При работе использовался термический фактор. Об этом свидетельствует ряд моментов. а. Сырьевой детерминизм: приоритетны тальковый, тальк-карбонатный и тальк-хлоритовый сланцы, стеатит, аргиллит и т. д. Помимо мягкости эти породы обладают еще одним общим свойством, а именно огнеупорностью [21, с. 144]. Такая особенность пород этого типа была хорошо известна древним и целенаправленно ими использовалась [54, с. 30]. Этим же качеством обладает обожженная глина. б. Термический характер разрушений «утюжков»: отмечается массовая фрагментация изделий без следов механического воздействия (удара). Целенаправленный поиск таких следов дал отрицательный результат, что невозможно при механическом раскалывании мягких пород. Исключение составляют преднамеренно испорченные «утюжки» из погребений финального периода. в. Фиксируемые на ряде «утюжков» визуально и трасологически следы термического воздействия в виде трещиноватости поверхности, корочки обжига, сажи и мельчайших углистых включений, изменения цветности зашлировки желобков («углистый оттенок») [например, см.: 55, с. 248 – 249, 251]. г. Результаты рентгеновского дифрактометрического и петрографического анализов, полученные в лаборатории Саклера Колумбийского университета по серии близневосточных образцов: оба анализа показали наличие следов сильного разогрева [9, с. 839 – 840].

Наиболее непротиворечиво объединить изложенные выше наблюдения можно с помощью гипотезы об использовании «утюжков» в качестве инструмента для изготовления (выпрямление и уплотнение) легких (тростник, камыш) древков стрел и дротиков. Именно легких, соответственно ландшафтным и топографическим приоритетам, ибо для изготовления древков из дерева удобнее и практичеснее были выпрямители из более твердых, обладающих абразивными качествами пород камня, позволяющие не только проводить обработку поверхности, но и осуществлять калибровку изделий [56, с. 109 – 110]. Это подтверждают археологические материалы: в лесной и лесостепной зонах повсеместно от Западной Европы до Восточной Сибири фиксируются одинарные или двойные продольно-

желобчатые камни с выраженной доминантой песчаникового сырья [55, 57]. Доводку деревянного древка обычно делали с помощью раковин и осколков кремня [58, с. 97]. Данных о полировании предназначенных для охоты стрел нам не удалось найти.

Этнографические материалы показывают достоверность гипотезы. Дротики и стрелы с древком из тростника – явление достаточно широко распространенное и многократно описанное [55, 59]. Обычно их использовали для охоты на птиц, мелких животных и для ловли рыбы. Для охоты на крупных животных чаще применялись деревянные или комбинированные (трава+дерево) дротики [60, с. 96 – 97, 123 – 124, 336]. Умело пущенный с помощью копьеметалки тростниковый дротик был способен пробить насекомое человека, защищенного панцирем [55, с. 597 – 598].

Для изготовления легких древков употреблялся тростник обыкновенный, или южный (*Phragmites australis*, он же *Phragmites communus*) и арундо тростниковый (*Arundo donax*) [61, с. 90 – 91; 51]. Имеются сведения об использовании в этих целях также сахарного тростника и специально выращиваемого стрельного злака (?) [62, с. 123 – 124]. Эти растения характеризуются многоузловым, но неразветвленным стеблем высотой до 3 м. Тростник обыкновенный, почти космополит. Он широко распространен на всех континентах как в тропиках, так и в умеренно теплых странах (Африка, Америка, Австралия, Средняя и Восточная Сибирь). Ареал арундо тростникового несколько уже – он произрастает главным образом в Средиземноморье, Западной, Средней и Южной Азии и на Кавказе [55, с. 355, 370].

Известно несколько способов изготовления древков из тростника как без применения специальных выпрямителей, так и с ними. Последние очень похожи между собой. У бушменов Южной Африки «древки были изготовлены из такого тростника, который растет вдоль Оранжевой реки. Этот тростник редко был совершенно прямым, а поскольку малейший дефект в этом отношении оказывал влияние на полет стрелы, что было значимо, они должны были исправить его. Чтобы исправлять такие дефекты, бушмены использовали желобчатые камни. Эти камни были изготовлены из материала, который не крошился в огне; иногда использовалась галька, иногда специально оформленный для этой цели кусок породы. На одной стороне у них был сделан желобок такой ширины, чтобы в него помещался тростник. Камень нагревался в огне, и тростник с нажимом двигали взад и вперед вдоль желобка горячего камня до тех пор, пока от размягченных волокон шел пар, что позволяло выпрямить любое искривление. Остывая, тростник сохранял прямизну» [63, с. 69 – 70].

У американских индейцев на юге Калифорнии для выпрямления камышовых стрел «поперечно-желобчатый стеатитовый прямоугольник помещался в огонь. Среди племен, умеющих изготавливать керамику, вместо стеатита могла использоваться глина» [64, с. 818].

В северо-западной Аризоне, где тростниковые стрелы преобладают, «тростник для стрел ... собирается зеленым. Чтобы выпрямить их, изогнутая часть вдавливается в золу, помещенную на плоском камне, или в желобок выпрямителя древков... Камни для этого предварительно разогревают в огне. Соединения выравниваются» [60, с. 150].

В северной Неваде и прилегающих областях Калифорнии «камыш выпрямлялся на каменных выпрямителях. Несколько выпрямителей из плотного стеатита с одним или несколькими поперечными желобками были

найдены ... Каменные выпрямители разогревались на огне, стрела вдавливалась и терлась в желобке» [65, с. 260].

К аналогичным выводам по поводу возможного применения желобчатых камней пришли Р. и Р. Солецки, изучавшие коллекцию с поселения Зави-Чеми-Шанидар на Ближнем Востоке. Они считают, что, по крайней мере, часть таких изделий могла использоваться в качестве выпрямителей тростниковых древков с применением в работе нагревания [1, с. 838]. Более того, ими высказано предположение, что появление этих орудий может быть связано с изобретением и распространением лука и стрел. «Возможно, выпрямитель древков был связан с распространением лука и стрел, что явилось бы доказательством появления этого революционного оружия даже до появления каменных наконечников стрел. Необходимо специально отметить, что самые ранние свидетельства появления каменных наконечников, и то лишь в некоторых частях Ближнего Востока, мы имеем только в конце этого периода (верхний натуфийско-ххимианский слой I)» [1, с. 389]. Избегая оценок столь смелой гипотезы, напомним, что и в дальнейшем «утюжки» были распространены среди населения, не знакомого с каменными наконечниками. Первые, еще единичные, их экземпляры фиксируются в культурах с «утюжками» не ранее V тыс. до н.э., а массовой находкой становятся только в IV тыс. до н.э.

В заключение отметим, что речь скорее следует вести о распространении новой, более совершенной технологии изготовления, нежели о знакомстве с тростниковыми древками вообще. Ранние и обширные комплексы наконечников из кости на Урале (Камень Дыроватый, Шигирская коллекция) дают удивительно единообразную по оформлению черешков серию изделий, а именно, с длинным черешком округлой формы с конусообразным или уплощенным концом насада [66, 67]. Такая форма не слишком хороша для наружного крепления к деревянному древку, зато идеально подходит для трубчатого травяного стержня, дополнительно выполняя функцию утяжелителя боевого конца, что важно для летных и боевых качеств дротика. Формируется составное древко по типу тех, которые широко использовались у американских индейцев.

Территориальный и хронологический размах указывает на значимость этой технологии в системе жизнеобеспечения древних обществ. Это неизбежно должно было привести к сакрализации ведущего инструмента, т.е. «утюжка», свидетельства чему отчетливо прослеживаются в морфологии и декоре изделий (асимметрия форм и орнаментов, сложные композиции и т. д.). По мере затухания утилитарной функции сакральная составляющая нарастает: появляются скульптурные образцы, совмещаются с литейными формами, помещаются в могилы и клады и т. д. Взаимная обусловленность семиотического статуса и функции «утюжков» доказывается фактом одновременности прерывания их действия по причине полного замещения в степном поясе Евразии присваивающего хозяйства производящим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Solecki R.L., Solecki R.S. Grooved Stones from Zawi Chemi Shanidar, a Protoneolithic Site in Northern Iraq // American Anthropologist. Menacha, 1970. Vol. 72, № 4.
2. Wechler K. P. Poliroval'niki und das Neolithikum der Steppe und Waldsteppe Ostostoiropas // Bertrage zur prahistorischen Archeologie zwischer Nordund Sudostoiropa. Espel-Kamp, 1997.

3. Козловська В. Археологічні досліди на території Дніпрельстану // Хроніка археології та мистецтв. Київ, 1930. Ч. 1.
4. Дмитриев П.А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // МИА, 1951. Вып. 21.
5. Окладников А.П. К истории культурно-этнических связей населения Евразии в III – I тыс. до н. э. (Утюжки и «човники» – атлатль?) // СЭ, 1966. № 1.
6. Даниленко В.Н. Космогония первобытного общества // Начала цивилизации. Екатеринбург; Москва, 1999.
7. Телегин Д.Я. О так называемых «челноках» или «утюжках» и их распространении в Европе и Азии // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980.
8. Панченко Ю.В. Орнаментовані та фігурні «човники» у збіргі Національного музею історії України // Національний музей історії України: його фундатори та колекції. Київ, 1999.
9. Алексашенко Н.А. «Утюжки» под микроскопом // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
10. Усачева И.В., Нохрина Т.И. Копьеметалка и ее техническая эволюция (в печати).
11. Шовкопляс И.Г. Археологічні дослідження на Україні (1917 – 1957). Київ, 1957.
12. Семенов С.А. Первобытная техника // МИА, 1957. № 54.
13. Коробкова Г.Ф. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарымы // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.
14. Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.
15. Викторова В.Д., Кернер В.Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ, 1998. Вып. 23.
16. Викторова В.Д. Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки I // ВАУ, 2002. Вып. 24.
17. Серикова Л.В. Культовые находки с Шайтанского озера // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999.
18. Гавриленко І.М. «Човники» доби мезоліту – енеоліту та проблема їхнього призначення // Восточноевропейский археологический ...<http://archaeology/kiev/ua/journal/05092001/gavrilen...>, 2001.
19. Пушкирев В.Е. К проблеме интерпретации «утюжков» // Вестн. о-ва открытых исследований древности. Челябинск, 2002. Вып. 1.
20. Ковалева В.Т., Шилов С.Н. Прообраз Индры: об интерпретации антропоморфного изображения на сосуде // ВАУ, 2002. Вып. 24.
21. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
22. Braidwood L.S., Braidwood R. J., Howe B. et al. Prehistoric archeology along the Zagros Flanks // The university of Chicago oriental institute publications. Chicago, 1983. Vol. 105.
23. Долуханов П.М. Природные условия эпохи мезолита на территории СССР // Мезолит СССР: Археология СССР. М., 1989.
24. Van Zeist W., Timmers R.W., Bottema S. Studies of Modern and Holocene Pollen Precipitation in Southeastern Turkey // Paleoehistoria. Groningen, 1968. Vol. XIV.
25. Van Zeist W., Bottema S. Palinological Investigations in Western Iran // Paleoehistoria. Groningen, 1977. Vol. XIX.
26. Бадер Н.О. Некоторые результаты работ на раннеземледельческом поселении Кюльтепе в Северном Ираке // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
27. Georgiev G.I., Nicolov V., Nikolova V., Šokadžiev. Die Neolithische Siedlung Kremenik bei Sapareva Banja, Bezirk Kjustendil // Studia Praehistorica. София, 1986. № 8.
28. Телегин Д.Я. Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия) // Мезолит СССР: Археология СССР. М., 1989.
29. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХЭ. М., 1981. Т. XIII.
30. Бжания В.В. Кавказ // Неолит Северной Евразии: Археология. М., 1996.
31. Исламов У.И., Тимофеев В.И. Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент, 1986.
32. Массон В.М. Поселение Джейтун // МИА, 1971. № 180.
33. Мунчаев Р.М. Энеолит Кавказа // Энеолит СССР: Археология СССР. М., 1982.
34. Телегин Д.Я. Юг Восточной Европы // Неолит Северной Евразии: Археология. М., 1996.
35. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.
36. Логвин В.Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит – энеолит). Алма-Ата, 1991.
37. Белановская Т.Д., Телегин Д.Я. Неолит северо-восточного Приазовья и Подонья // Неолит Северной Евразии: Археология. М., 1996.

38. Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. М., 1975.
39. Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энгеватова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М., 2002.
40. Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.
41. Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала // МИА, 1968. № 141.
42. Левенок В.П. Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР // КСИА, 1971. Вып. № 126.
43. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
44. Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V – III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 4.
45. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа: Археология СССР. М., 1994.
46. Усачева И.В. «Утюжки» в культурах Евразии // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2005. Вып. 6.
47. Бадер О.Н., Калинина И.В. Саузовская I стоянка // Тр. КААЭ ПГПУ. Пермь, 2003.
48. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
49. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 1. Верхнеобская культура // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 9.
50. Нохрина Т.И., Усачева И.В., Гунчинсурэн Б. Находки «утюжков» в Монголии // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск, 2003.
51. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1970.
52. Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988.
53. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.
54. Смольянинов Н.А. Практическое руководство по минералогии. М., 1972.
55. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
56. Drew I.M. Laboratory Report // American Anthropologist. Menasha, 1970. Vol. 72, № 4.
57. Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. Bd II. Jungsteinzeit. München, 1968.
58. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА, 1955. № 43.
59. Spencer B., Gillen F. The Arunta. L., 1927. Vol. II.
60. Kroeber A.L. Handbook of the Indians of California // Bureau of American Ethnology Bulletin, 1925. Vol. 78.
61. Vega G. The Florida of the Inca. Austin, 1951.
62. Hunter Wr. Reconstructing A Generic Basketmaker Atlatl // Bulletin of Primitive Technology, 1992. Vol. 1 (4).
63. Цветковые растения // Жизнь растений: в 6-ти томах. М., 1982. Т. 6.
64. Dunn E. J. The Bushman. L., 1931.
65. Spier L. Havasupai Ethnography // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, 1928. Vol. 29.
66. Толмачев В.Я. Древности восточного Урала // ЗУОЛЕ. Екатеринбург, 1915. Т. XXXIV, вып. 11 – 12.
67. Сериков Ю.Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.

ЭТИ ЗАГАДОЧНЫЕ «УТЮЖКИ»: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ

Статья посвящена анализу поперечно-желобчатых изделий из камня и глины («утюжки», «човники», «grooved stones», «pierrées à rainures», «shaft-straighteners», «polissoirs», «poliroval’niki», «polissoirs à rainures»), распространенных в степных и лесостепных ландшафтах Евразии в период X – II тыс. до н. э. Совокупность географических, ландшафтных, топографических, экономических, петрографических, морфологических и трасологических наблюдений приводит автора к выводу, что «утюжки» не только имели определенную функцию при изготовлении легких (тростник, камыш) древков стрел и дротиков, но функция эта приобрела важный инновационный характер в системе жизнеобеспечения древних обществ.

THOSE ENIGMATIC “UTYUZHKI”: FUNCTION REVISITED

The article analyses cross-grooved tools made of stone and clay (“utyuzhki”, «grooved stones», «pierrres И rainures», «shaft-straighteners», «polissoirs», «poliroval’niki», «polissoirs И rainures»), which were widespread in steppe and forest-steppe zones of Eurasia in X – II millennia BC. Complex of geographic, landscape, topographic, economic, petrographic, morphological and use-wear observations allow to presume that “utyuzhki” not only served for making of haft of arrows and spears from cane, but also had important innovative character in the life support system

I.V. Usacheva

Ю.Б. Сериков

МИКРОПЛАСТИНЧАТЫЙ КОМПЛЕКС СВЯТИЛИЩА НА КАМНЕ ДЫРОВАТОМ

Святилище в одной из пещер Камня Дыроватого описано еще в 1776 г. путешественником И.Г. Георги [1]. Первые археологические раскопки в пещере провел ленинградский археолог Н.А. Прокошев в 1932, 1933 и 1937 гг. [2, 3]. С 1982 по 2000 г. в карстовой полости и возле нее работал автор. В итоге археологических исследований за все годы на Камне Дыроватом получена коллекция, составляющая свыше 18,7 тыс. находок, из них наконечников стрел – около 15 тыс. экз. [4 – 13]. С учетом коллекции, хранящейся в Эрмитаже (из раскопок Н.А. Прокошева), раскопки на Камне Дыроватом дали свыше 25,5 тыс. находок, из них 21,7 тыс. экз. – наконечники стрел [14].

К мезолиту относится около 3700 костяных наконечников стрел, из них почти половина – вкладышевые (рис. 1). Большая часть наконечников представлена обломками, целые обнаружены только в так называемых «карманах» – пустотах между стеной пещеры и каменными глыбами, прилегающими к стене.

При раскопках святилища на Камне Дыроватом получено 3670 микропластинок-вкладышей. Непосредственно в пещере найдены 3073 микропластинки, а под пещерой – 597. Типологический анализ микрокомплекса привел к неожиданным результатам. Среди заведомых вкладышей оказались самые различные категории находок (табл. 1).

Микропластинки без ретуши составляют 34 % всего пластинчатого комплекса. Практически все правильно огранены. Доля изделий с шириной до 0,8 см достигает 99,6 %, при этом доминируют пластинки шириной 0,4 – 0,5 см (70,7 %). Сечениями представлено 97,4 % пластинок без вторичной обработки. Из кремнистых сланцев изготовлено 67,1 % пластинок. Остальные произведены из разнообразных халцедонов, коричневого и черного мелового кремня, разных видов яшмы (3,1 %), голокаменского алевротуфа, кварцита и агатовидной породы. Часть пластинок (15) склеились между собой. На пяти экземплярах присутствуют следы kleящего вещества.

Пластинок с ретушью утилизации в коллекции 18,7 % (рис. 2, 25–27, 32). Из них 98,7 % представлено сечениями. Все пластинки с ретушью утилизации, за исключением одной, имеют ширину до 0,8 см (99,85 %). Преоблада-

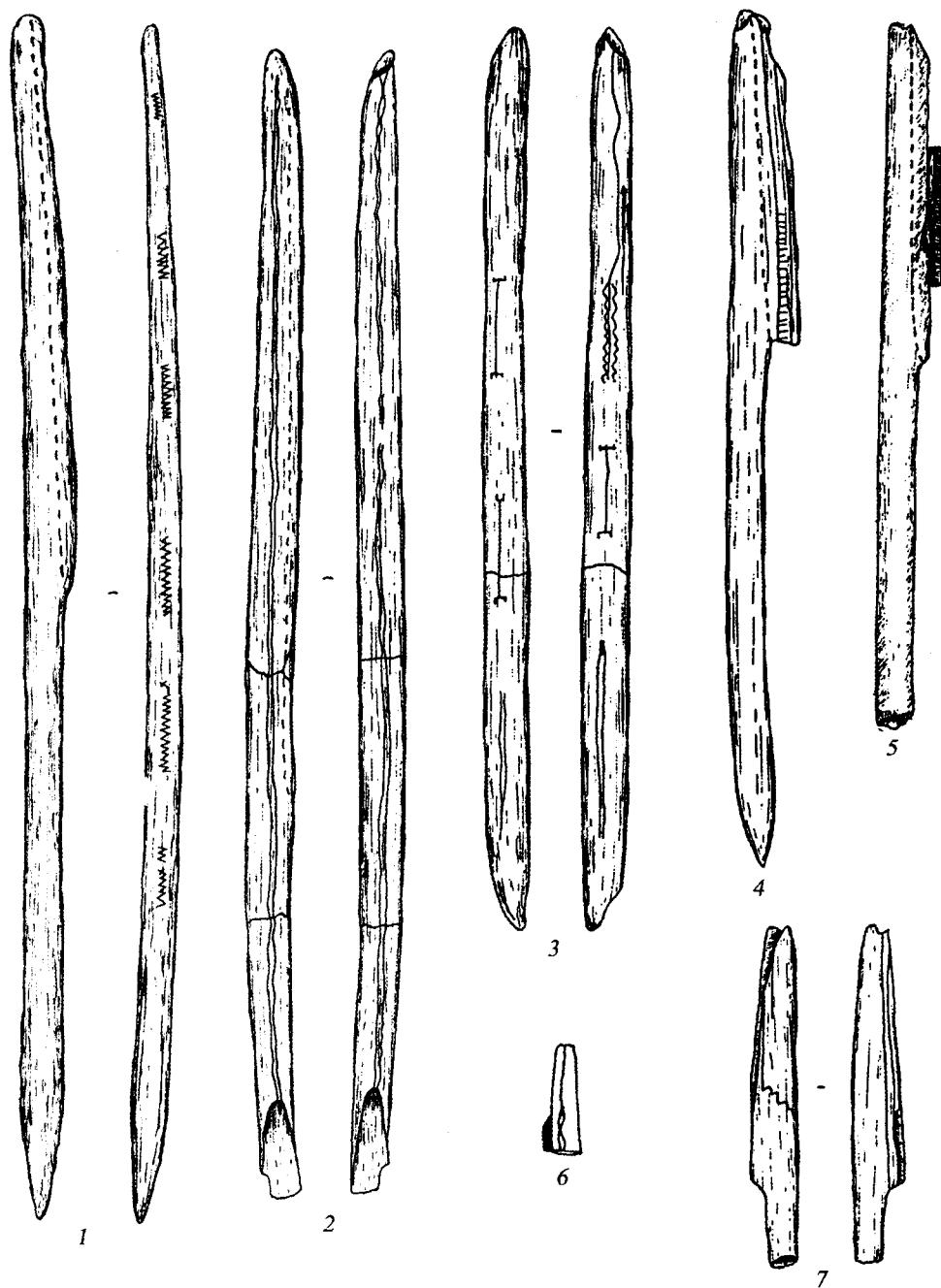

Рис. 1. Вкладышевые наконечники стрел (1 – 7)

Таблица 1

**Комплектование коллекции пластинок Камня Дыроватого
(сводная таблица по годам)**

Категория пластинок	1983	1988	1991	1992	1993	1997	1998	1999	2000	Всего	%
Без ретуши	1	5	109	607	317	53	25	97	35	1249	34
С ретушью утилизации	1	1	68	406	84	19	3	82	24	688	18.7
С ретушью со спинки	—	3	54	221	72	12	5	36	10	413	11.2
С ретушью с брюшка	—	—	32	124	57	13	—	31	10	267	7.3
С ретушью со спинки и брюшка	—	—	—	19	4	—	—	5	1	29	0.8
С обработанным концом	—	1	26	168	64	8	—	39	7	323	8.8
С отретушированными выемками	—	1	2	40	10	1	—	11	2	67	1.8
С зубчатой ретушью	—	—	2	10	8	—	—	3	—	23	0.6
Резцы	—	—	5	91	29	4	2	19	3	153	4.2
Резцы-реччики	—	—	—	12	3	—	—	5	4	24	0.7
Реччики	1	1	4	157	64	3	—	45	6	281	7.7
Острия	—	—	7	38	9	2	2	10	4	72	2
Геометрические микролиты	—	—	8	44	16	1	—	12	—	81	2.2
Всего	3	12	327	1937	737	116	37	395	106	3670	100

ют изделия шириной 0,4 – 0,5 см (71,5 %). Из разнообразных кремнистых сланцев изготовлено 72,7 % предметов, остальные – из халцедонов, кремня, голокаменского алевротуфа, яшмы и агата (табл. 2). На некоторых пластинках прослеживаются четкие следы заполировки лезвия. Два экземпляра несут на поверхности следы клея.

Из числа пластинок с вторичной обработкой преобладают пластинки с ретушью со спинки – 11,2 %. Доля сечений среди них составляет 91,5 %. Пластинок с отсеченной нижней частью 3,1 %, отсеченных верхних частей – 2,2 %, отсеченных нижних частей – 2,4 %. Часть пластинок (11) склеились между собой, причем в одном случае к сечению пластинки приклеилась ее отсеченная верхняя часть, а в другом – нижняя. В остальных случаях склеились сечения. Интересно отметить, что обычно все пластинки, служившие вкладышами, имеют прямой профиль. Но среди пластинок с дорсальной ретушью имеются две, сильно изогнутые в профиле. В одном случае это отсеченная нижняя часть пластинки, в другом – отсеченная верхняя. Ширину до 0,8 см имеют 96,1 % экз. Среди них преобладают изделия шириной 0,4 – 0,6 см (70 %). Пластинок шириной свыше 1 см в коллекции нет (табл. 3).

Среди пластинок с дорсальной ретушью 115 имеют притупленную ретушью спинку (рис. 2, 2, 4–8, 11, 13–15). В 12 случаях эти пластинки скомбинированы со скошенными остриями (рис. 3, 35–37). По всей видимости, они служили конечными вкладышами наконечников стрел. У 18 пластинок ретушь нанесена по двум краям, по всей их длине. На большом количестве пластинок (241) ретушь по всей длине одного края (рис. 2, 1, 3, 9, 10, 16–21; 4, 42–46, 50–53). В 39 случаях пластинки имеют частично ретушированный край. У 21 пластинки край, противоположный отретушированному, имеет ретушь утилизации. Две пластинки кроме дорсальной ретуши имеют отретушированные выемки, еще у двух противоположный край обработан зубчатой ретушью (рис. 4, 38), у одной – двухсторонней. В трех случаях плас-

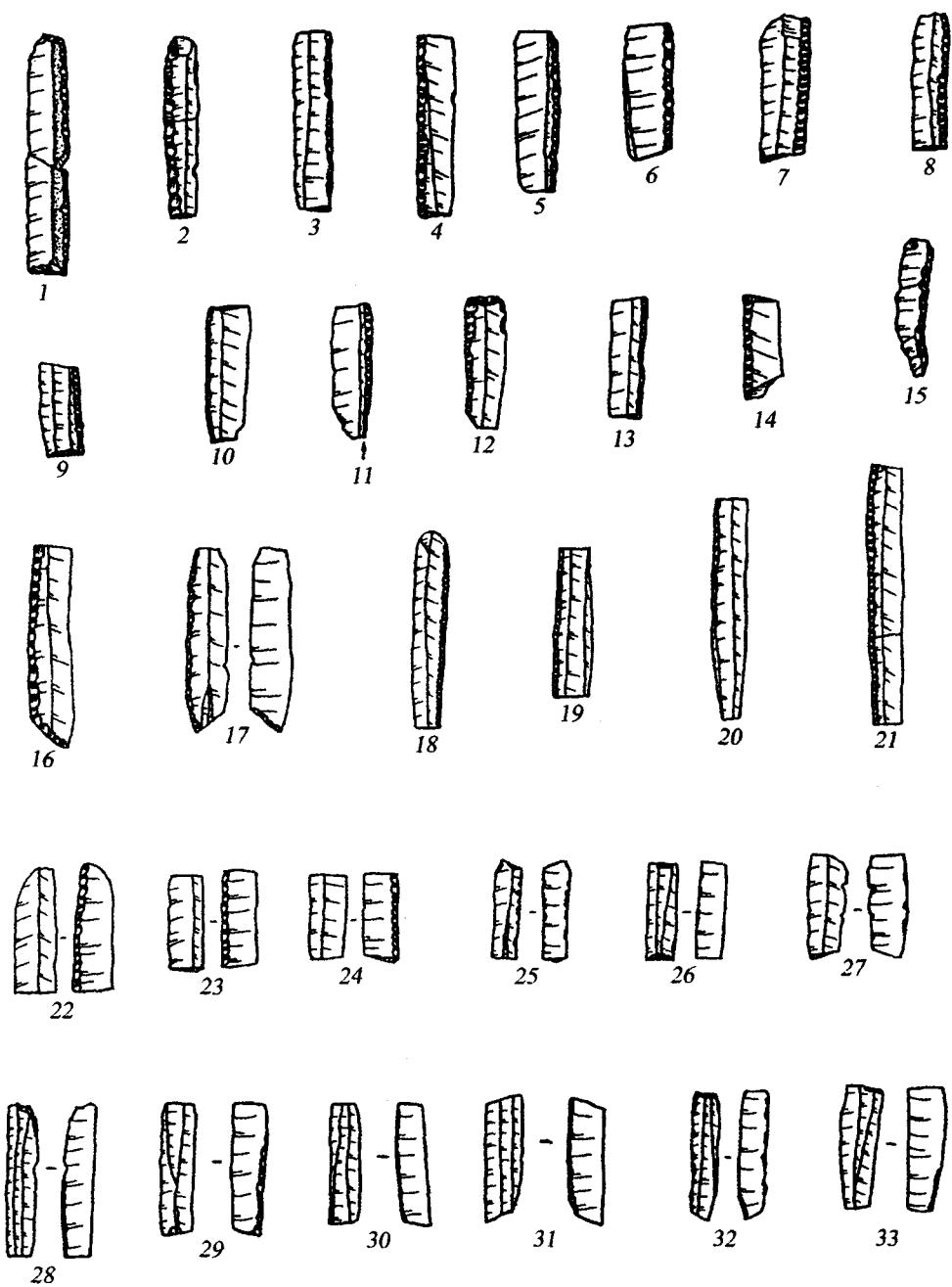

Рис. 2. Микропластиинки с ретушью со спинки (1 – 21) и с брюшка (22 – 33)

Таблица 2

Съръвевая характеристика пластинчатого комплекса

Вид сырья	Категория пластинок										Геометрические микролиты	Всего	%		
	Без регули- зации	С регу- ли- зацией	С регу- ли- зацией со спинки	С регу- ли- зацией со брюши- нкой	С отрегу- лирован- ной кон- струкцией	С обра- ботан- ным вы- емками	С зуб- чатой режу- ющей штампой	Резцы	Резчики- режущие	Острия					
Черный кремнистый сланец	252	176	32	54	4	55	17	5	41	4	70	13	7	730	19.9
Темно-серый кремнистый сланец	269	158	69	46	5	63	13	7	30	7	62	17	12	758	20.7
Светло-серый кремнистый сланец	235	134	167	58	5	71	8	4	33	5	62	15	18	815	22.2
Зеленоватый кремнистый сланец	82	52	39	22	2	19	2	4	14	-	20	3	4	263	7.2
Коричневый и черный кремень	107	48	22	25	7	31	8	1	11	1	26	5	11	303	8.2
Халцедон разный	132	80	35	49	5	56	7	1	10	4	17	10	14	420	11.4
Голокаменский алевротуф	114	14	8	4	1	12	8	-	10	2	21	5	3	202	5.5
Сургучная яшма	15	6	19	4	-	3	1	1	2	-	3	-	-	54	1.5
Зеленая яшма	15	11	16	1	-	1	-	-	-	-	2	-	-	46	1.2
Полосчатая яшма	4	2	5	1	-	1	-	-	1	-	-	-	-	14	0.4
Светло-серая яшма	5	3	1	2	-	1	-	-	1	-	-	1	12	27	0.7
Кварцит	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	0.1
Агатовидная порода	16	4	-	1	-	10	3	-	-	-	-	1	-	35	1.0
Всего	1249	688	413	267	29	323	67	23	153	24	281	72	81	3670	100

Таблица 3

Ширина пластинок Камня Дыроватого

Показатель, см	Категория пластинок									Всего	%				
	Без регуши	С регуши утилизации	С регуши со спинки	С регуши с брюшком	С регуши со спинки и с брюшком	С обработанным концом	С отрегулированными выемками	С зубчатой регулишью	Резцы	Резцы-резинки	Резинки	Острия	Геологические микролиты		
0.2	4	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	0.16
0.3	82	62	15	17	1	11	6	—	13	2	11	4	4	228	6.21
0.4	410	241	85	94	8	84	16	7	56	10	108	14	7	1140	31.06
0.5	473	251	100	93	9	117	18	8	48	6	96	28	19	1266	34.50
0.6	227	109	104	47	7	90	18	7	26	5	55	19	23	737	20.08
0.7	38	20	58	12	3	16	9	1	9	1	9	5	10	191	5.20
0.8	10	2	35	3	—	4	—	—	1	—	2	1	3	61	1.66
0.9	3	—	11	1	1	—	—	—	—	—	—	1	5	22	0.60
1.0	1	1	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	11	0.30
1.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	5	0.14
1.2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	0.03
1.3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0.03
1.4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	0.03
Всего	1249	688	413	267	29	323	67	23	153	24	281	72	81	3670	100

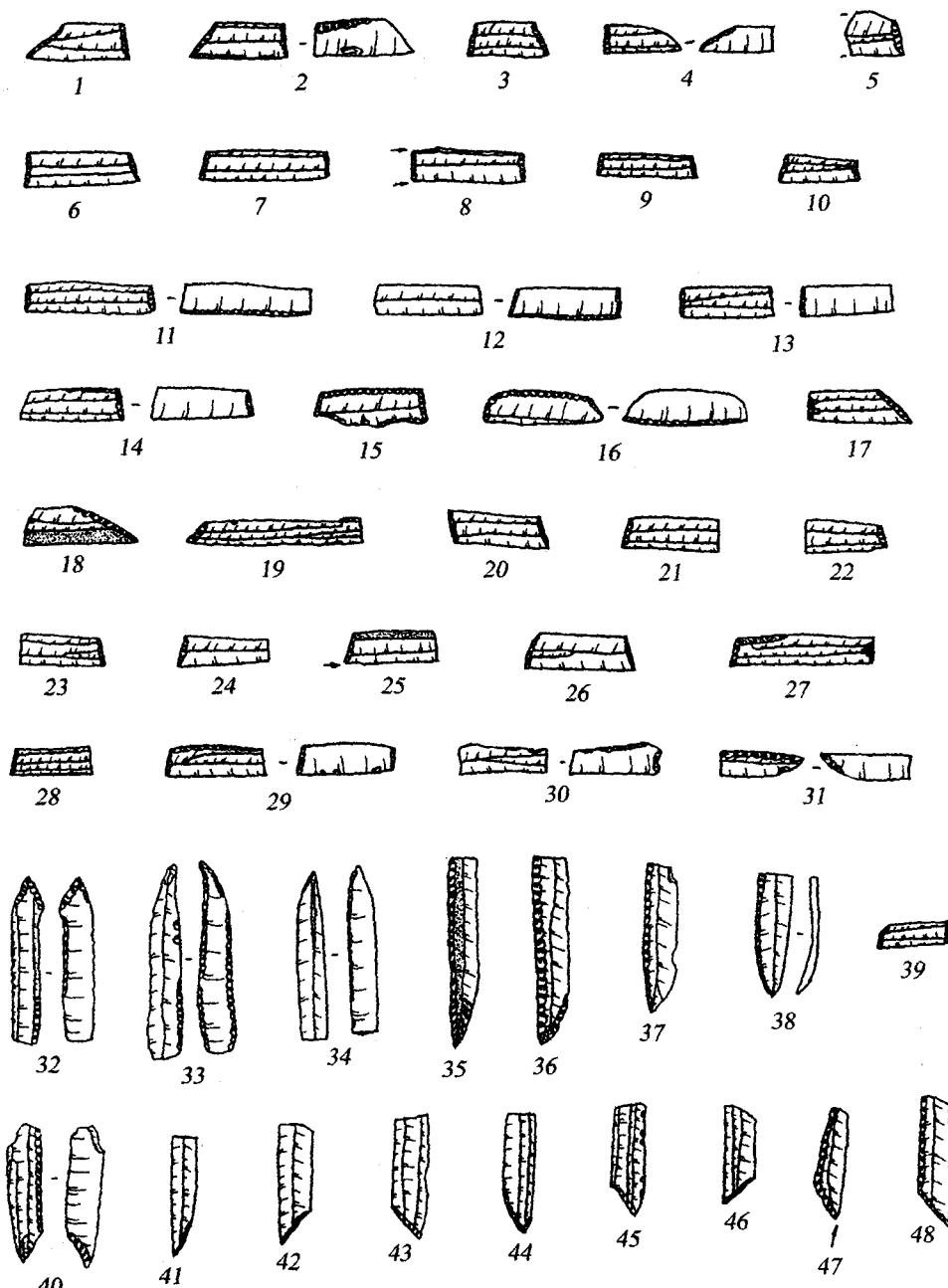

Рис. 3. Геометрические микролиты (1 – 16, 39), скошенные остряя (17 – 19, 31, 35 – 38, 40 – 48), остряя (32 – 34), микропластинки с отретушированным концом (20 – 30)

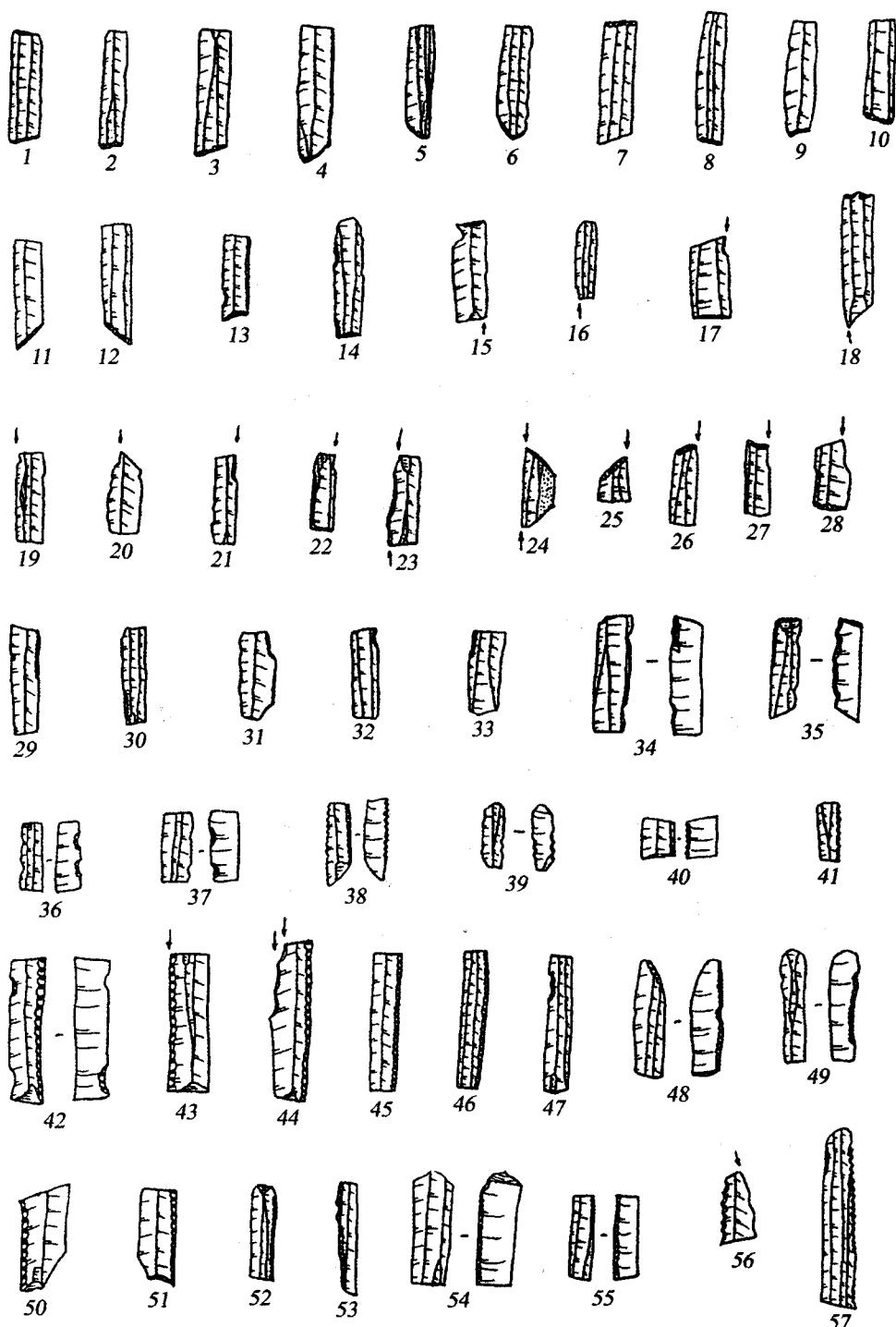

Рис. 4. Микропластинки с отретушированным концом (1 – 14), с отретушированными выемками (35 – 37, 47), с зубчатой ретушью (38 – 41, 56, 57), с ретушью со спинки (41 – 46, 50 – 53), с ретушью с брюшком (48, 49, 54, 55), резцы (15 – 28) и резчики (29 – 34)

тинки с ретушью со стороны спинки скомбинированы с резцами (см. рис. 2, 11; 4, 43, 44) и с резчиками (см. рис. 4, 42). Пластиинки с ретушью со спинки (74,3 %) изготовлены из разных видов кремнистого сланца, оставшиеся – из кремня, халцедона, голокаменского алевротуфа и яшмы. Следует подчеркнуть довольно высокую долю пластинок из яшмы (зеленой, сургучной, полосчатой (красно-зеленой) и светло-серой) – 9,9 %.

Пластиинки с вентральной ретушью составляют 7,3 % всего количества, 97,4 % из них – сечения. Ширина до 0,8 см имеют 99,6 % пластинок. Преобладают предметы шириной 0,4 – 0,5 см (70 %). По двум краям ретушированы 23 пластиинки (по всей длине края), по одному – 180 (см. рис. 2, 22–24, 30, 31; 4, 48, 49, 54, 55). Частично ретушированный край имеют 64 пластиинки (см. рис. 2, 28, 29, 33). Иногда ретушью с одного или с двух концов пластиинки образован незначительный скос. Скорее всего, это технический прием подгонки вкладышей друг к другу по ширине. У 12 пластиинок с ретушью с брюшком на противоположном краю присутствует ретушь утилизации. Еще у двух пластиинок имеются отретушированные выемки. Одно изделие склеилось из двух частей. На пластиинке голокаменского сырья обнаружены следы клея. Из кремнистых сланцев изготовлено 67,4 % пластиинок, 18,4% – из халцедона, 9 % – из мелового кремня, остальные – из голокаменского алевротуфа, яшмы и агата.

Микропластиинок с ретушью со спинки и с брюшком в коллекции всего 0,8 %. Ретушью по разным краям обработаны 18 из них, 11 – по одному краю. Сечениями представлено 89,7 % пластиинок. Ширина предметов не превышает 0,9 см. Преобладают пластиинки шириной 0,4 – 0,6 см (82,8 %). Орудия этой категории изготовлены из кремнистых сланцев, кремня, халцедона и голокаменского алевротуфа. Ни одной пластиинки с ретушью со спинки и с брюшком из яшмы в коллекции нет.

Пластиинки с обработанным ретушью концом составляют 8,8 %. Они подразделяются на пластиинки с прямым притупленным ретушью концом – 165 экз., со скосенным ретушью концом – 118 экз., с выемчатым концом – 40 экз. (см. рис. 3, 20 – 30; 4, 1 – 14). Обработаны ретушью со стороны спинки 299 пластиинок, ретушью со стороны брюшка – 24. Сечений среди них 98,1 %. Ширина до 0,8 см имеют 99,7 % экз. Преобладают пластиинки шириной 0,4 – 0,6 см (90,1 %). Часть пластиинок с обработанным ретушью концом (83) на одном из краев пластиинок с обработанным концом присутствует ретушь со стороны спинки, в 20 – ретушь со стороны брюшка, в четырех – ретушь со спинки и с брюшком, в семи – отретушированные выемки (см. рис. 4, 13, 14). Кроме этого 22 пластиинки с обработанным концом скомбинированы с резчиками (см. рис. 4, 14), а три пластиинки – с резцами (в двух случаях резцовый скол нанесен со стороны отретушированного конца). Некоторые пластиинки с обработанным концом (64,4 %) изготовлены из кремнистых сланцев, 17,3 % – из халцедона, остальные – из кремня, яшмы, голокаменского алевротуфа и агатовидной породы.

Микропластиинки с отретушированными выемками представлены в коллекции 67 экз. (1,8%). По одной выемке имеют 40 из них, 27 – по две и более (см. рис. 4, 35 – 37, 47). Дорсальной ретушью образовано 29 выемок, вентральной – 33, двухсторонней – 5. Кроме выемок на краях пластиинок имеются в одном случае ретушь со стороны спинки, ретушь со стороны брюшка, ретушь утилизации; в двух случаях у пластиинок наблюдаются обработанный ретушью конец и угловые участки. Большинство пластиинок с

отретушированными выемками (92,5 %) представлено сечениями. Ширина всех пластинок не превышает 0,7 см. Преобладают пластинки шириной 0,4 – 0,6 см (77,6 %). Из кремнистых сланцев изготовлено 59,7 % пластинок с отретушированными выемками, из кремня и голокаменского алевротуфа – по 11,9 %, из халцедона – 10,4 %.

Впервые на материалах Камня Дыроватого выделена категория пластинок с зубчатой ретушью (см. рис. 4, 38–41, 56, 57), которая в поселенческих комплексах практически не встречалась. Таких предметов в коллекции всего 23 экз. (0,6 %). На 10 пластинках ретушь нанесена со стороны спинки, на 11 – со стороны брюшка, на двух – двухсторонняя. Все пластинки (за исключением одной) представлены сечениями. Ширина не превышает 0,7 см. Преобладают пластинки шириной 0,4 – 0,6 см (95,6 %). Из кремнистого сланца изготовлено 87 % экз.

Довольно широко в пластинчатом комплексе Камня Дыроватого представлены резцы – 153 экз. (4,2 %). Среди них 143 угловых (см. рис. 4, 15 – 23) и 10 боковых (см. рис. 4, 24 – 28). Боковые резцы поперечно-ретушные – 5 экз., косоретушные – 4 экз. и вогнуто-ретушные – 1 экз. Из угловых резцов шесть двойных (см. рис. 4, 23). Микрорезцовый скол длиной не более 2 мм имеет 41 резец. Две пластинки с резцовым сколом склеились между собой. Кроме резцовых сколов пластинки имеют на своих краях ретушь утилизации – 14 экз., ретушь со стороны спинки – 3 экз., ретушь со стороны брюшка – 4 экз., ретушь со спинки и брюшка – 2 экз., отретушированные выемки – в двух случаях. Кроме этого у четырех пластинок отретушированный конец. Большинство пластинок с резцовыми сколами (98,7 %) представлено сечениями. Ширину до 0,8 см имеют все 100% резцов. Наиболее распространены орудия шириной 0,4 – 0,5 см (68%). Из кремнистых сланцев изготовлено 77,1 % резцов, остальные – из кремня, халцедона, голокаменского алевротуфа и яшмы.

Резцов-резчиков в коллекции 24 экз. (0,7 %). Все они изготовлены на углу сломанной пластинки. По форме лезвия различаются орудия с прямым – 13 экз., скошенным – 10 экз. и клювовидным рабочим краем – 1 экз. В двух случаях на пластинках представлено по два рабочих лезвия резчиков. Еще одно изделие имеет ретушь со стороны брюшка, а второе – притупленный ретушью конец. Все резцы-резчики изготовлены на сечениях пластинок. Их ширина не превышает 0,7 см. Преобладают изделия шириной 0,4 – 0,6 см (87,5 %). Орудия изготовлены из кремнистых сланцев, халцедона, кремня и голокаменского алевротуфа. На одном изделии сохранились следы клея.

Резчики в коллекции составляют 7,7 % (281 экз.) (см. рис. 4, 29 – 34). Среди них одинарных – 241, двойных – 37 и тройных – 3. Среди одинарных резчиков 104 имеют прямой рабочий край, 62 – скошенный и 75 – клювовидный. Рабочие края оформлены в 156 случаях дорсальной, а в 85 – вентральной ретушью. На одном резчике присутствуют следы клея. Некоторые пластинки на противоположных рабочим лезвиям краях имеют ретушь утилизации (46 изделий), ретушь со стороны спинки (6 экз.), ретушь со стороны брюшка (1 экз.), отретушированные выемки (4 экз.).

Среди двойных резчиков прямой рабочий край у 40 экз., скошенный – у 22 экз. и клювовидный – у 12 экз. Рабочий край части из них (41 экз.) оформлен ретушью со стороны спинки, части (33 экз.) – со стороны брюшка. Тройные резчики имеют только прямой (5 экз.) и скошенный (4 экз.) рабочие края. Ретушью с брюшка оформлен только один рабочий край,

все остальные обработаны со стороны спинки. Основная часть всех резчиков (98,2 %) изготовлена на сечениях пластинок. Все резчики сделаны на микропластинках шириной 0,3 – 0,8 см. Преобладают пластиинки шириной 0,4 – 0,5 см (72,6 %). Из кремнистых сланцев изготовлено 76,2 % орудий, из мелового кремня – 9,2 %, из халцедона – 6 %, из голокаменского алевротуфа – 7,5 %, из яшмы – всего 3 экз.

Острый в коллекции всего 2 %. Среди них преобладают скошенные – 50 экз. (см. рис. 3, 17 – 19, 31, 35 – 38, 40 – 48), с заостренным концом – 23 экз. (см. рис. 3, 32 – 34). Острье с намеченными плечиками представлено всего 1 экз. У шести острый отсутствуют кончики. Со стороны спинки оформлены ретушью 45 острый, 12 – со стороны брюшка и 15 – со стороны спинки и брюшка. Восемь скошенных острый изготовлены на пластинках с притупленной спинкой. У пяти острый боковой край имеет ретушь со стороны брюшка, у шести – присутствует ретушь утилизации. Одно острье изготовлено на пластинке с резчиком. На сечениях пластинок изготовлено 91,7 % острый. Ширина всех острый не превышает 0,9 см. Преобладают острья на пластинках шириной 0,4 – 0,6 см (84,7 %). Из кремнистых сланцев изготовлено 66,7 % острый, из халцедона – 13,9 %, остальные из мелового кремня, голокаменского алевротуфа, яшмы и агатовидной породы.

На Камне Дыроватом обнаружена самая крупная коллекция геометрических микролитов – 81 экз. (2,2 %). В настоящее время все геометрические микролиты Среднего Зауралья разделены на четыре типа [15]. Все они (за исключением образцов II типа) представлены в коллекции Камня Дыроватого. К I типу относятся микролиты, изготовленные на мелких и узких (0,3 – 0,7 см) пластинках и имеющие форму симметричных или асимметричных трапеций, прямоугольников и параллелограммов. В коллекции Камня Дыроватого имеются 63 микролита I типа (см. рис. 3, 1 – 4, 6 – 15; 5, 10, 14 – 33, 35 – 39). Они подразделяются на пять подтипов. Функционально все подтипы геометрических микролитов были вкладышами для составных вкладышевых орудий. Самый распространенный подтип – Ia. Он представлен 29 симметричными или слегка асимметричными трапециями. К подтипу Ib относятся 17 асимметричных трапеций. Подтип Iв – это прямоугольники. Их в коллекции 15 экз. Подтип Ig – параллелограммы – представлен 1 экз. И, наконец, к подтипу Id отнесено изделие, которое встречено только на Камне Дыроватом в единственном экземпляре. Это пластиинка, оба конца которой закруглены ретушью со стороны брюшка. В результате получился геометрический микролит в виде средней части круга (см. рис. 5, 34).

Геометрические микролиты II типа – трапеции высокой симметричной или слегка асимметричной формы с двумя боковыми выемками – на Камне Дыроватом отсутствуют. И это удивляет. На территории Прикамья такие трапеции известны в большом количестве (свыше 80 экз.) [16]. В Среднем Зауралье они тоже известны, причем локализуются в верховьях р. Туры – 23 подобных изделия из 28 обнаружены именно там [12, с. 110]. Проникновение высоких трапеций с боковыми выемками на территорию Среднего Зауралья происходило с запада [17]. Продвижение высоких трапеций с западного склона Среднего Урала на восточный должно было бы происходить наиболее оптимальным путем – по р. Чусовой. Ведь только она связывала западный и восточный склоны Урала и с раннего палеолита служила своеобразной трансуральской магистралью [18]. Именно в среднем течении р. Чусовой находится уникальное святилище на Камне Дыроватом,

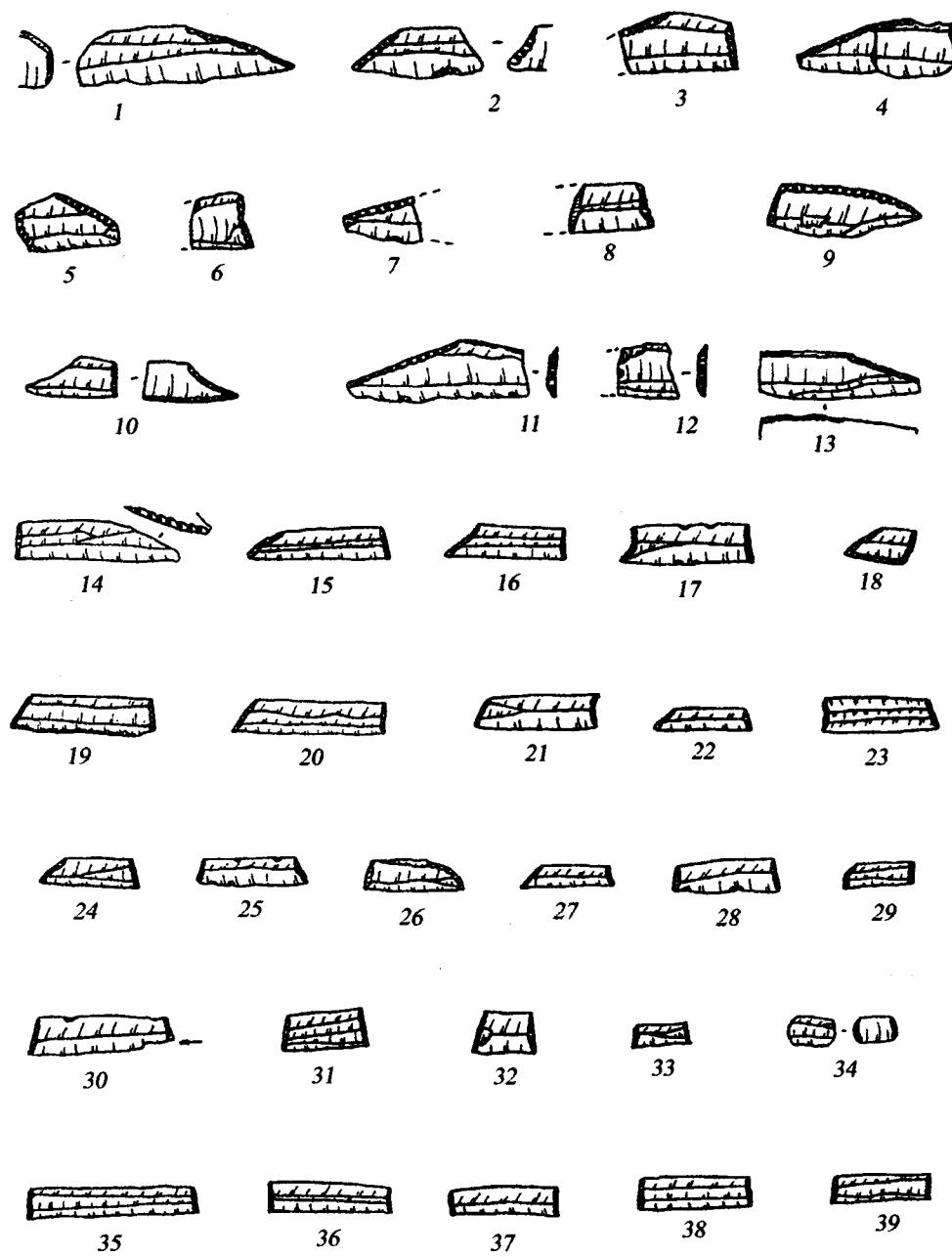

Рис. 5. Геометрические микролиты

которое обслуживало обширную территорию от устья до истоков Чусовой. Однако ни одной трапеции высокой формы с двумя боковыми выемками на Камне Дыроватом не обнаружено. Для объяснения данного факта можно выдвинуть два предположения. Первое: «продвижение» трапеций с запада на восток происходило не столько по р. Чусовой, сколько по ее правым притокам. Ведь Койва, Сылвица, Серебрянка, Межевая Утка очень близко подходят к верховьям р. Туры. Находка высокой трапеции с боковыми выемками известна в среднем течении Межевой Утки на стоянке Ашка I. Второе предположение состоит в том, что продвижение трапеций с боковыми выемками и функционирование святилища на Камне Дыроватом не совпадали во времени. На западном склоне Среднего Урала трапеции с боковыми выемками были широко распространены на рубеже верхнего палеолита и раннего мезолита [19, с. 149 – 150]. Если перемещение трапеций происходило в это же время, оно могло и не оставить следов на Камне Дыроватом, так как святилище, по всем современным данным, начало функционировать, скорее всего, в позднем мезолите. В этом случае возраст высоких трапеций с боковыми выемками на территории Среднего Зауралья должен быть пересмотрен в сторону удревнения.

III тип представлен низкими асимметричными трапециями с одной боковой выемкой. Их в коллекции 17 экз. (см. рис. 3, 5; 5, 1 – 8, 11 – 13). Одна трапеция из светло-серой яшмы склеилась из трех фрагментов. Именно эти трапеции выполнены на широких пластинах, обычно шириной 0,9 – 1,4 см, изготовленных из светло-серой яшмы (12 экз.).

К IV типу относится единственный не только в коллекции Камня Дыроватого, но и на всем Среднем Зауралье низкий асимметричный треугольник (см. рис. 5, 9). Изготовлен он из темно-серого кремнистого сланца.

Большая часть геометрических микролитов обработана ретушью со стороны спинки – 59 экз. Ретушью со стороны брюшка обработаны шесть микролитов, а ретушью со спинки и с брюшком – восемь. На длинных сторонах 30 трапеций присутствует ретушь утилизации. Также имеется ретушь со стороны спинки (на двух трапециях) и со стороны брюшка (также на двух трапециях). Кроме этого, трапеции скомбинированы с двумя резцами и одним резчиком. На одной из трапеций I типа сохранились остатки клея. Все трапеции изготовлены на сечениях пластин. Ширину до 0,8 см имеют 81,5 % трапеций. Преобладают трапеции шириной 0,5 – 0,6 см (51,8 %). Трапеции на пластинах шириной выше 1 см составляют 8,6 %.

Общая характеристика микропластинчатого комплекса Камня Дыроватого выглядит следующим образом. Пластиночка в коллекции 3670 экз. Работы и в пещере, и под нею проводились с обязательной промывкой отвала, и практически все пластинки получены в результате промывок грунта. Однако контрольные промывки уже промытого отвала в 1991 г. показали, что почти в каждом втором-третьем сите попадаются не замеченные в процессе промывки микропластинки. Если учесть, что только в 1991 – 1993 гг. из пещеры спущено и промыто 24 тонны земли, то количество выброшенных при промывке пластинок может оказаться значительным.

Существенная часть пластинок из коллекции представлена сечениями (97 %). Целых пластин нет вообще. Пластинки с отсеченными верхними частями составляют 0,5 %, с отсеченными нижними – 1 %. Отсеченных верхних и нижних частей пластинок в коллекции соответственно 0,7 и 0,8 % (табл. 4). Ширина всех пластин укладывается в размеры от 0,2 до 1,4 см. Ширину до 0,8 см имеют 98,88 % пластинок, ширину до 1 см – 99,78 %. Преоб-

Таблица 4
Изделия на пластинках и их частях

Пластинка и ее часть	Категория пластинок							
	Без ретуши	С ретушию утилизации	С ретушью со спинки	С ретушью с брюшка	С ретушью со спинки и с брюшка	С обработанным концом	С отреставрированными выемками	С зубчатой ретушью
Целые пластинки	—	—	—	—	—	—	—	—
С отсеченной нижней частью	11	1	13	2	1	2	1	1
С отсеченной верхней частью	7	1	3	1	1	3	2	—
Отсеченные верхние части	8	3	9	1	1	1	1	—
Отсеченные нижние части	6	4	10	3	—	—	1	—
Сечения	1217	679	378	260	26	317	62	22
Всего	1249	688	413	267	29	323	67	23

Пластинка и ее часть	Резцы	Резцы-рэзчики	Резчики	Острия	Геометрические микролиты	Всего	%
Целые пластинки	—	—	—	—	—	—	—
С отсеченной нижней частью	1	—	2	2	—	37	1
С отсеченной верхней частью	—	—	—	1	—	19	0.5
Отсеченные верхние части	—	—	1	2	—	27	0.7
Отсеченные нижние части	1	—	2	1	—	28	0.8
Сечения	151	24	276	66	81	3559	97
Всего	153	24	281	72	81	3670	100

ладают пластинки шириной 0,4 – 0,5 см (65,56 %). Таких показателей нет ни на одном мезолитическом памятнике Среднего Зауралья. Доля сечений на поселениях и стоянках не превышает 35 % (Уральские Зори III – 23 %, Уральские Зори XI – 32,2 %, Шайтанское озеро I – 34,7 %). Доля пластинок шириной до 0,8 см на поселениях и стоянках в среднем составляет 70 % (III Береговая стоянка Горбуновского торфяника – 55,8 %, Крутяки I – 59 %, Юрьино VII – 64,5 %, Серый Камень – 66,5 %, Кокшаровско-Юрьинская – 68,6 %, Баранча II – 71,8 %, Уральские Зори III – 75,5 %, Выйка II – 82 %, Уральские Зори XI – 82,8 %, Уральские Зори V – 86,9 %). Доля пластинок шириной до 1 см в среднем составляет около 90 % (Крутяки I – 84,4 %, III Береговая – 84,7 %, Баранча II – 87 %, Серый Камень – 87,8 %, Юрьино VII – 89,4 %, Уральские Зори III – 89,8 %, Кокшаровско-Юрьинская – 90,5 %, Выйка II – 92,7 %, Уральские Зори XI – 95,2 %, Уральские Зори V – 96,2 %). На мезолитических памятниках Среднего Зауралья обычно преобладают пластинки шириной 0,6 – 0,7 см (Уральские Зори I – 25,8 %, Уральские Зори XI – 37,3 %) и 0,7 – 0,8 см (Гаревая II – 29,6 %, Крутяки I – 32,7 %, Серый Камень – 33,9 %). Имеются памятники, где преобладающую группу составляют пластинки шириной 0,5 – 0,6 см (Уральские Зори III – 32 %, Выйка II – 35,7 %, Уральские Зори V – 41,4 %). На одном памятнике (III Береговая) преобладают пластинки шириной 0,8 – 0,9 см (36,4 %) [12, с. 100 – 101; табл. III]. Ни один из этих показателей не дотягивает до уровня 65 % Камня Дыроватого. Если же проводить сравнения по группам, получим следующие результаты. Пластинок шириной 0,6 – 0,7 см на Камне Дыроватом 25,3 %, шириной 0,7 – 0,8 см – 5,8 %, шириной 0,5 – 0,6 см – 54,6 %. В целом в коллекции преобладают пластинки шириной 0,4 – 0,6 см (85,6 %). Ближе всех к

этому показателю стоит коллекция Уральских Зорей V, где доля пластинок шириной 0,4 – 0,7 см составляет 70,5 % (0,4 – 0,6 см – 55,1 %).

Таким образом, анализ статистических данных, отражающих соотношение изделий на пластинках и их частях, а также ширину пластинок, позволяет прийти к интересным выводам. Оказывается, пластинчатые комплексы, которые мы находим на мезолитических стоянках и поселениях и подвергаем тщательному статистико-типологическому анализу, никоим образом не отражают характеристики материальной культуры. Все пластинки – целые экземпляры (обычно изогнутые, неправильного гранения, с первичной коркой и т. п.), сечения, с отсеченными верхними или нижними частями, отсеченные верхние или нижние части – являются отходами при производстве вкладышей. Это доказывается полным несоответствием показателей поселенческих комплексов и коллекции Камня Дыроватого, содержащей тот самый конечный результат (вкладыш), который отсутствует на поселениях и стоянках. Анализ ширины пластин на этих двух категориях памятников свидетельствует о том, что пластинки с наиболее употребимой для вкладышей шириной на поселениях отсутствуют.

Типологический анализ пластинчатого комплекса Камня Дыроватого совершенно неожиданно показал, что в нем присутствуют все основные категории изделий, характерные и для поселений (см. список выше). В этом списке не хватает только нуклеусов, скребков, рубящих орудий и отщепов. Чем же объяснить появление в комплексе Камня Дыроватого таких изделий, как резцы, резчики, острия, пластинки с отретушированными выемками, т. е. таких, которые трудно поместить в категорию вкладышей? Ответ удается найти при помощи технологического анализа. Наличие среди вкладышей пластинок без ретуши, с ретушью утилизации, с ретушью со спинки, с ретушью с брюшка, с ретушью со спинки и брюшка, с обработанным ретушью концом, с зубчатой ретушью не вызывает никаких вопросов. Правда, среди пластинок с ретушью со спинки выделяется категория с притупленной спинкой. Обычно они имеют толщину 2 – 4 мм (чаще 3 – 4 мм). Поскольку ширина пазов у вкладышевых наконечников стрел составляет 1 – 2 мм (чаще 1 – 1,5 мм), пластинки с притупленной спинкой нельзя относить к вкладышам. Учитывая, что такие пластинки чаще всего изготовлены из светло-серой слабоокремнелой породы, которая широко использовалась в раннем и развитом неолите Среднего Зауралья, можно предположить, что пластинки с притупленной спинкой – это часть особого типа неолитических наконечников стрел. Поскольку многие пластинки с притупленной спинкой заканчиваются скосенным острием, их можно считать сломанным насадом энеолитического наконечника стрелы кельтесинарского типа. Косвенным подтверждением данному предположению является серия пластинок с притупленной спинкой (21 экз.), на которых присутствует рельефно выраженный резцовый скол, образовавшийся, несомненно, от удара наконечника о стену пещеры.

Трасологический анализ серии резцов показал, что данные изделия в работе в качестве резца не участвовали. Скорее всего, резцовые сколы образовались при подгонке вкладышей друг к другу. Проведенный эксперимент показал, что получить резцовый скол при давлении друг о друга пластинок толщиной 1 мм очень просто. Наличие среди резцов изделий с микрорезцовым сколом длиной не более 2 мм (а их в коллекции 26,8 %) также косвенно свидетельствует об их образовании при подгонке вкладышей друг к другу.

То же самое можно сказать и о резчиках. На поселениях преобладают резчики с клювовидным рабочим краем – около 55 %. Рабочие края клювовидной формы могли получиться только в результате намеренного оформления. В коллекции Камня Дыроватого клювовидных резчиков в 2 раза меньше – 26,8 %. Заметно преобладают резчики с прямым или скосенным рабочим краем. Что такое резчик с прямым или скосенным рабочим краем типологически? Это пластинка, у которой на боковом краю у верхнего или нижнего конца присутствует ретушь. В результате этого ретуширования боковой край пластинки остается прямым или становится слегка скосенным. Считается, что такая ретушь могла появиться в процессе работы углом пластинки. Теперь к этому предположению можно добавить еще одно. Если в паз вкладышевого наконечника вставить каменные микропластинки, то из-за их разницы в ширине лезвие орудия будет иметь ступенчатый характер. Чтобы снизить эти ступеньки, выступающие пластинки нужно уменьшить путем ретуширования. Для этого не обязательно ретушировать пластинку по всей ее длине, достаточно сгладить ретушью выступающие углы. В результате будем иметь изделие, которое типологически определяется как резчик с прямым или скосенным рабочим краем.

Наличие среди вкладышей пластинок с отретушизованными выемками можно объяснить желанием сделать режущий край наконечника стрелы зубчатым. Рана, нанесенная наконечником стрелы с таким зубчатым краем, будет более рваная, нежели рана, нанесенная стрелой с гладким режущим краем. Видимо, не зря 40,3 % пластинок с выемками имели не по одной, а по две-три выемки. Лезвие наконечника стрелы, составленное из таких пластинок, было очень сильным оружием убийства.

Острия, найденные в пещере, скорее всего, были конечными вкладышами составных наконечников стрел. Чаще всего, и это вполне объяснимо, такими конечными вкладышами служили скосенные острия, число которых в этой коллекции составляет 69,4 %. Могли быть конечными вкладышами и острия с заостренным концом. Не совсем понятно место в этом ряду острия с намеченными плечиками.

Такими же вкладышами, как обычными, так и конечными, могли служить и геометрические микролиты. Из их числа нужно только исключить низкие асимметричные трапеции с боковой выемкой. Обычно они имеют длину 3,5 – 4 см, ширину 1 – 1,2 см и изготовлены из светло-серой яшмы. Трапеции такого типа служили самостоятельными наконечниками стрел [15, с. 122].

Из сказанного выше следует, что типологический метод нужно применять в археологических исследованиях с большой осторожностью [20]. Приведенные факты свидетельствуют, что суммарная статистико-типологическая характеристика комплексов на определенной территории не может быть характеристикой какой-то конкретной археологической культуры. Она отражает нечто, не существовавшее в реальности, а придуманное нами для удобства сравнения комплексов как внутри данной культуры, так и за ее пределами. Каждый археологический памятник имеет свою хозяйственную или производственную направленность. Все согласятся, что нельзя сравнивать между собой комплексы каменных изделий с мастерской поселения или святилища. Мастерские могут быть специализированные, а могут быть местом по первичному расщеплению камня. Святилище с культом огня по набору находок отличается от святилища с культом промыслов-

вой магии. Святилища разного ранга также различаются набором находок. Самым распространенным типом памятников являются поселения. Но и поселения, в свою очередь, очень индивидуальны. Есть поселения долговременные, есть сезонные. Сезонные поселения могут быть летними, весенними, осенними, весенне-летними, летне-осенними и т. п. Кроме того, мы уже знаем, что разные части поселения функционально различались между собой. Совершенно ясно, что и комплексы изделий с функционально различных частей памятника, а также с памятников разного типа будут различаться между собой. Также ясно, что суммарная характеристика таких комплексов приводит к их обезличиванию, к невозможности выявить их хозяйственную и производственную направленность [6, с. 14 – 15].

Полная публикация микропластинчатого комплекса Камня Дыроватого помогла новыми глазами взглянуть на микролитическую индустрию мезолитических памятников Среднего Зауралья и понять их специфику в плане статистико-типологического анализа. Более перспективным для реконструкции производственной и хозяйственной жизни древнего населения представляется технологический подход в изучении каменных индустрий древности. Ни в коем случае не отрицая применения статистико-типологического метода, автор призывает к комплексному исследованию прежде всего археологических памятников, а не археологических культур. Всесторонняя реконструкция конкретной жизни конкретного памятника – актуальная задача каждого исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 1. СПб., 1776.
2. Прокошев Н.А. Разведки на Чусовой // ПИДО, 1934. № 2.
3. Прокошев Н.А. Район реки Чусовой // Изв. ГАИМК, 1935. Вып. 109.
4. Сериков Ю.Б., Шаманаев А.В. Камень Дыроватый – уникальный жертвенный комплекс на реке Чусовой (Средний Урал) // Научная конференция по проблемам краеведения северных регионов Казахстана: Тез. докл. и сообщ. Кустанай, 1992.
5. Сериков Ю.Б. Новые находки на Чусовой // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археологического съезда. Екатеринбург, 1993.
6. Сериков Ю.Б. Микролитическая индустрия мезолита Среднего Зауралья в свете статистико-типологического анализа // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Березники, 1994.
7. Сериков Ю.Б. Работы Нижнетагильской экспедиции // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
8. Сериков Ю.Б. Культовые комплексы реки Чусовой // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996.
9. Сериков Ю.Б. Особый культовый комплекс из пещерного святилища на Камне Дыроватом // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996.
10. Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой (первые результаты исследований) // РА, 1996. № 4.
11. Сериков Ю.Б. Работы Нижнетагильской экспедиции // АО 1998 года. М., 2000.
12. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
13. Сериков Ю.Б. Культовые комплексы р. Чусовой // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001.
14. Калинина И.В., Ленц Г.Т., Сериков Ю.Б. Дыроватый камень // Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. Екатеринбург, 2000.
15. Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья // РА, 1998. № 1.
16. Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1999.

17. Сериков Ю.Б. Южные и западные связи мезолитического населения Среднего Зауралья // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Сыктывкар, 1994.
18. Сериков Ю.Б. Река Чусовая – трансуральская магистраль древности // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. Березники, 1997.
19. Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. Москва; Казань, 2001.
20. Сериков Ю.Б. От археологии культур к археологии памятников // Третья исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1995. Ч. 1.

МИКРОПЛАСТИНЧАТЫЙ КОМПЛЕКС СВЯТИЛИЩА НА КАМНЕ ДЫРОВАТОМ

Многолетние исследования уникального пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) дали свыше 25 тыс. находок, 21,7 тыс. из которых представлены наконечниками стрел. В результате детального статистико-типологического анализа микропластинчатого комплекса установлено, что все пластинки были вкладышами костяных наконечников стрел эпохи мезолита. Присутствие в нем всех основных типов пластинчатых изделий на самом деле является спецификой технологии изготовления вкладышей. Из этого же анализа вытекает, что пластинчатые комплексы на поселенческих памятниках представляют собой отходы производства при изготовлении вкладышей и поэтому не могут характеризовать материальную культуру конкретной археологической культуры в целом.

Ю.Б. Сериков

MICRO-FLAKE COMPLEX FROM THE SANCTUARY AT KAMEN (ROCK) DYROVATY

Multiyear archaeological investigations of the speos sanctuary at Kamen (Rock) Dyrovaty (Chusovaya river) yielded more over 25 000 of artifacts. Among them 21 700 are represented by arrowheads. Statistical and typological analyses provided that studied flakes used as inserts from bone arrowheads of the Mesolithic. The author considers that flake complexes from settlements sites can be identified with waste products for making inserts, and can not characterize material culture.

Yu.B. Serikov

С.Н. Погорелов

ДЕРЕВЯННЫЕ ЛОПАТООБРАЗНЫЕ ОРУДИЯ ИЗ ТОРФЯНИКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО УРАЛА

За последние годы при исследовании торфяников Среднего Урала автором обнаружены два деревянных изделия, относящиеся к категории так называемых «палок-копалок»: одно на памятнике Шувакиш 1-А (оз. Шувакиш, Орджоникидзевский р-н г. Екатеринбурга), второе на месте разрушенного памятника Гольянского торфяника (г. Нижний Тагил Свердловской обл.).

Первые упоминания о находках «палок-копалок» относятся ко второй половине XIX в.: о них писали М.В. Малахов, Н.Я. Нестеровских, В.Я. Тол-

мачев [1, 2] и другие исследователи старины. В публикациях XX столетия изображения и общее описание орудий можно встретить у П.А. Дмитриева [3], Е.М. Берс [4], К.В. Сальникова [5], В.М. Раушенбах [6], Ю.А. Краснова [7], М.Ф. Косарева [8], В.Ф. Старкова [9] и других археологов. К сожалению, тщательный анализ этой категории деревянных изделий в изданиях отсутствует.

До настоящего времени требовали разъяснения следующие вопросы: технология изготовления орудий, их функциональное назначение и культурно-хронологическая принадлежность. Для ответа на поставленные вопросы были тщательно изучены сами изделия, проведены трасологические и экспериментальные исследования (изготовление предметов и их эксплуатация, изучение следов сработанности). Из более чем 30 известных экземпляров, хранящихся в музеях Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Москвы, Санкт-Петербурга и, вероятно, других городов за пределами России, 23 орудия из уральских музеев исследованы непосредственно, остальные рассмотрены по публикациям.

В XIX – начале XX в. на территориях разрушенных памятников Шигирского торфяника (Шигирский и Язевский прииски) найдены 19 изделий, 2 – на Кремлевском и Приканавском приисках р. Пышмы, по одному – на Горбуновском торфянике, Быньговском прииске и близ с. Мясниковского Камышловского уезда.

Анализ материалов и источников выявил расхождения в названиях рассматриваемой категории предметов у разных авторов: например, «собирательские и земледельческие орудия» – у М.Ф. Косарева [8], «заступы» – у В.Я. Толмачева [2], «палки-копалки» – у К.В. Сальникова [5]. Первый вариант сомнителен из-за ограничения специализации и возможного функционального несоответствия в отношении уральских орудий. Второй вариант является проведением прямой параллели между заступами поздних времен и древними изделиями, имевшими, предположительно, несколько иное назначение и оформление. Третий вариант слишком обобщенно характеризует находки. Наиболее адекватным по отношению к уральским предметам представляется термин Ю.А. Краснова «лопатообразные орудия».

Они изготавливались в основном из древесины сосны и ели, 1 экз. из найденных изготовлен из березы. Широкое распространение отмеченных хвойных пород и такие особенности древесины, как прочность, упругость, смолистость и легкость продольного расщепления, способствовали этому выбору. Свойства влияли на технологические процессы изготовления. Можно реконструировать следующие этапы процесса производства орудий.

1. Поиск и выбор подходящего дерева по породе, качеству и строению древесины (сучковатость, смолистость, прямослойность и т.д.).

2. Вырубка из ствола дерева (вероятно, с кремлевой части) либо из бревна, доски или сегмента. Измерение годовых колец на орудиях показало, что для первичных заготовок выбирали стволы диаметром от 7,5 до 20 см, но чаще всего – диаметром 12 – 13 см. Выявлены единичные случаи, когда для заготовок использовали корень дерева.

3. Удаление участков заготовки с сучками. Раскалывать могли деревянными, костяными, роговыми или каменными клиньями с использованием колотушек, а также рубящими орудиями и роговыми колунами. Заготовка целенаправленно выкалывалась из части бревна, не содержащего внешние мягкие слои древесины и хрупкую сердцевину ствола. Таким образом, уплощенная рабочая часть «штыка» и соответственно передняя поверхность

рукояти включали слои наиболее прочные, смолистые; другая сторона лопаты входила в радиус близких к внешним слоев древесины, самых упругих по физическим свойствам.

4. Создание заготовки рубящими, режущими и скоблящими орудиями (топор, тесло, нож, скобель, скребок), как каменными, так и металлическими (медными). Рубящие каменные орудия оставляли на поверхности короткие стесы с участками рваного древесного волокна, режущие – чаще гладкие короткие срезы. Следам металлических орудий соответствуют гладкие, длинные, узкие или широкие, с четко оформленными гранями стесы и срезы.

5. Оформление зооморфного навершия на конце рукояти.

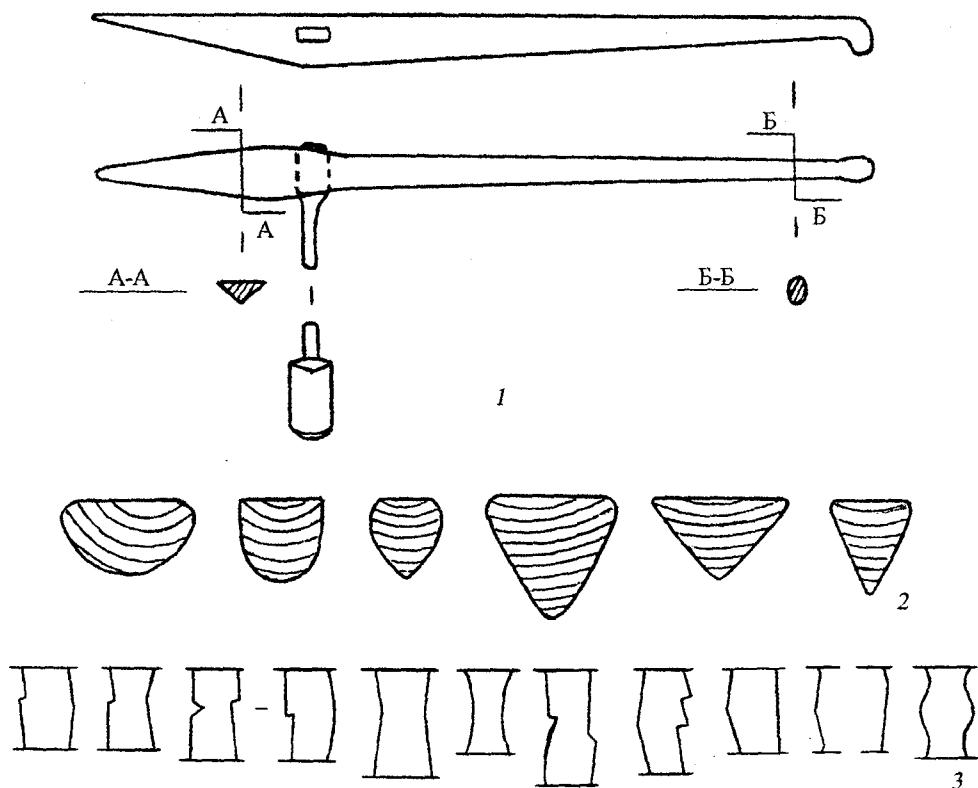
6. Пробивка прямоугольного отверстия для упора-педали в наиболее широкой части орудия, т. е. на переходе от «штыка» к рукояти. Пробивали отверстие с двух противоположных сторон, навстречу друг другу. Выборку начинали с узких краев размеченного прямоугольника к его центру. Операция относительно легко производится как каменной, так и металлической (медной) стамеской или долотом с использованием небольшой колотушки. В случае изготовления лопаты с привязной Г-образной педалью (возможно, для нее использовался изогнутый корень или сук с частью ствола) вместо отверстия в верхней утолщенной части «штыка» на месте функционального перехода в рукоять вырезался выступ-полочка. Он использовался для надежной фиксации обмотки (обнаружены вдавленные следы от скрученной веревки), крепящей Г-образную педаль.

7. Абразивная обработка готового изделия. Возможно, для этого пользовались песком и кожей (берестой?). Процесс подтверждается зафиксированными следами в виде мелких, почти идентичных по ширине и глубине, параллельных царапин, расположенных по диагонали к длинной оси предмета. Линии борозд направлены по спирали снизу вверх по часовой стрелке. Такие следы могут остаться, если абразивное полотно держать в левой руке, обхватив орудие, а правой проворачивать его, двигая вверх-вниз. Кроме того, не исключен процесс полировки, обжига, затирания смолой или жирами для придания изделию водоотталкивающих свойств.

8. Изготовление режущими орудиями вставного упора-педали в виде небольшой лопаточки или Г-образного привязного упора для второго типа лопат.

9. Прикрепление упоров.

Форма лопатообразных орудий отражает функционально-технические качества «штыка», рукояти и упора (см. рисунок, 1). Более половины рассмотренных изделий по длине изогнуты от 10 до 20°, причем широкая плоскость «штыка» всегда расположена на вогнутой стороне. Возможно, что некоторое искривление могло произойти в результате усушки влажных находок, собранных в сыром торфянике. Асимметрично-клиновидная рабочая часть («штык») имеет следующие формы поперечных сечений: 1) горизонтальный овал с уплощенной одной широкой поверхностью; 2) вертикальный овал с уплощенной одной узкой поверхностью; 3) вертикальный эллипс с уплощенной одной узкой поверхностью; 4) равносторонний или равнобедренный треугольник; 5) треугольник с выпуклой верхней поверхностью (см. рисунок, 2). Ширина рабочей поверхности у большинства экземпляров преобладает над высотой «штыка». Технологическая длина «штыка» от острия до отверстия, согласно проведенным расчетам, не должна быть менее 15 см, в противном случае пробивалось новое отвер-

Характеристика лопатообразных орудий.
1 – общий вид лопат и педалей-упоров; 2 – виды сечений «штыков» и расположение годовых колец древесины; 3 – внутренний вид узких стенок отверстий педалей-упоров

стие выше по ручке. Зафиксированы «штыки» длиной от 17 до 30,5 см, но в основном 20 – 24 см. Ширина рабочей внешней плоскости 2,5 – 6,5 см, в большинстве случаев 4 – 5 см. Угол заточки «штыка» от 10 до 20° обеспечивал прочность и эффективность его проникновения в почву. Все 12 зафиксированных цельных подпрямоугольных отверстий, несмотря на общность технологии пробивки, имеют индивидуальные варианты выборки полости (см. рисунок, 3). Отверстия сделаны в самой толстой части орудий и имеют длину от 2,5 до 4,3 см, ширину от 0,7 до 2,3 см, в среднем размер $1,5 \times 3,5$ см. Сами педали в виде плоских подпрямоугольных лопаточек с ручкой имеют следующие размеры: общая длина от 10 до 17 см, длина лопаточки до 11 см, ширина 3,6 – 6 см; параметры ручки лопаточки соответствуют размерам отверстий. Из четырех известных педалей у двух с торца ручки проделывались отверстия для вставного фиксатора-пробки, препятствующего выпадению упора. Другой тип лопат с Г-образной педалью представлен обломком изделия с поселения Шувакиш 1-А. С выгнутой стороны орудия, на переходе рабочего клина в рукоять, вырезан выступ (пенек) высотой в 1 см, над которым на поверхности изделия отпечатались следы крученої веревки – место прикрепления Г-образного упора (?).

По длине рукояти лопаты подразделяются на короткие (36 – 47 см) и длинные (50 – 93 см), только одна имеет длину 122 см. Преобладающая

форма поперечного сечения рукоятей – вертикальный овал, размеры в узкой части (ближе к навершию) варьируют от 1,7 – 1,8 до 2,2 – 2,5 см. Целые изделия по длине представлены также двумя категориями: короткие – до 65 см и длинные – от 75 см и более. Разность размеров, вероятно, отражает индивидуальные особенности их владельцев и/или функциональное назначение определенных лопат.

Из семи рукоятей с сохранившимся торцом шесть оканчиваются округлыми изогнутыми навершиями. Возможно, это стилизованные зооморфные скульптуры, аналогичные навершиям на веслах и деревянной посуде [10 – 12].

С помощью трасологических и экспериментальных исследований удалось выявить и определить следы сработанности и поломок на рабочей части орудий, соответствующие применению древних лопат. Это разнообразные царапины, вмятины, сколы, направленные в основном от острия «штыка» вверх. Из 16 «штыков» шесть имели смятое притупленное острие, девять – грубые продольные царапины снизу, реже с боков и сверху, четыре – следы небольших вмятин; у четырех, острия сколоты, у трех верхний слой отщеплен. Почти половина из рассмотренных орудий сломана на месте отверстий под педаль-упор, иные сломы обнаруживались значительно реже. Основному износу подвергалось острие штыка. Это приводило к необходимости его ремонта и пробивки нового отверстия, что выявлено у пяти изделий, длина шести «штыков» приближается к критической – менее 20 см. Такие данные свидетельствуют о воздействии орудий на разную по составу почву, показывают направление движений, совершаемых при работе: вдавливание в почву рабочей части «штыка» до 2/3 его длины с помощью рукояти и нажима ногой на педаль-упор и выворачивание комка.

О бережном отношении к орудиям, их ценности свидетельствуют факты ремонта изделий: подправка острия и самого «штыка» (негативы срезов), пробивка второго отверстия выше по рукояти (из 15 образцов с отверстиями на пяти – двойные, причем эти «штыки» имеют только треугольные сечения) с целью сохранить функционально необходимую длину рабочего острия. В случае невозможности ремонта орудия оно переделывалось в изделие иного назначения (сохранились части рукоятей с обработанным местом слома).

На основании всестороннего анализа данной категории орудий и с учетом их местонахождения следует, вероятно, признать универсальность древних лопат. Ими воздействовали на разные по составу грунты. Могли выкопать котлован под сооружение, хозяйственную яму, колодец или добить корни и плоды для хозяйственных и пищевых нужд, глину для лепки изделий или обмазок – вот далеко не полный перечень возможностей лопатообразных орудий. Интересно, что на торфяниковых памятниках обнаружена керамическая посуда, изготовленная из болотной голубой глины. Она использовалась и для обмазки деревянных площадок. Открытие донной глины, видимо, связано с опытом строительства свайно-гатевых сооружений, а также с рытьем в заболоченных заливах у берега водосборных колодцев для хозяйственных нужд. Добыча глины предполагает раскопки, которые и проводились, скорее всего, деревянными лопатами.

Культурно-хронологическое определение изделий затруднительно. Большая часть предметов обнаружена случайно, не имеет точной стратиграфической привязки и соотнесения с другими артефактами. Но учитывая косвенные доказательства, такие как использование в изготовлении

металлических орудий, находка некоторых образцов на памятниках с керамическими комплексами аятского, липчинского и шувакицкого типов, следует отнести лопатообразные орудия к энеолиту и, возможно, периоду ранней бронзы. Стоит отметить, что изделия с приисками на р. Пышме и разрезов Гольянского торфяника (образец из березы) отличаются от остальных орудий своей массивностью и технологическими деталями. Они изготовлены из цельных стволиков, имеют выпуклую верхнюю поверхность «штыка», перпендикулярную пробивку с одной стороны широкого отверстия, негативы широких стесов, вероятнее всего, от железного топора, а также следы от насадного металлического штыка (?). Вероятно, орудия датируются более поздним временем, предположительно от средних веков до XIX в. (?). Именно они могут быть отнесены к так называемым «заступам».

Таким образом, на рубеже каменного века и века металлов появляются новые сложные, составные, технологически продуманные универсальные лопатообразные орудия, пришедшие на замену примитивным «палкам – копалкам». Заступы с железными штыками, вероятно, вошли в употребление в средние века и использовались вплоть до Нового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толмачев В.Я. Древности Восточного Урала // ЗУОЛЕ. Екатеринбург, 1913. Т. XXXIV, Вып. 8.
2. Толмачев В.Я. Древнейшие застуны, найденные на восточном склоне Урала // Изв. Археологической комиссии. М., 1916. Вып. 60.
3. Дмитриев П.А. К вопросу о земледелии в восточно-уральском родовом обществе // Изв. ГАИМКМ 1934. Вып. 106.
4. Берс Е.М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959.
5. Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.
6. Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // Тр. ГИМ. М., 1956. Вып. 29.
7. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1976.
8. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
9. Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.
10. Погорелов С.Н. Весла из торфяниковых памятников Среднего Урала // ВАУ, 1998. Вып. 23.
11. Погорелов С.Н. Деревянная посуда из торфяниковых памятников Среднего Урала // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2002. № 8.
12. Погорелов С.Н. Культовая посуда из торфяниковых памятников Среднего Урала // ВАУ, 2002. Вып. 24.

ДЕРЕВЯННЫЕ ЛОПАТООБРАЗНЫЕ ОРУДИЯ ИЗ ТОРФЯНИКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО УРАЛА

На археологических памятниках Среднего Урала, расположенных в заболоченных озерах – Шигирском, Горбуновском, Шувакицком, найдены составные деревянные изделия лопатообразной формы. Они датируются неолитом – энеолитом и бронзовым веком. Орудия являются следствием усовершенствования примитивных «палок-копалок». К раннему средневековью предметы трансформировались в «заступы» с железными наконечниками. Древние лопаты с расширенным и заостренным «штыком» и рукоятью с зооморфным навершием обычно делались из хвойных пород дерева. «Упор-педаль» крепился в отверстие, пробитое над «штыком», или привязывался. Трасологическими исследованиями изучена технология изготовления, выявлены следы сработанности и ремонта. Экспериментально

доказано, что этими универсальными орудиями можно работать в разных грунтах, использовать для целей собирательства, строительства, добычи глины.

С.Н. Погорелов

WOODEN SPADE-SHAPED TOOLS FROM PEAT-BOG SITES OF THE MIDDLE URALS

Archaeological sites of the slumpy lakes Shigirsky, Gorbunovsky, Shuvakishsky yielded composite wooden spade-shaped tools, which might be associated with modification of primitive spade-sticks. The artifacts are dated back to Neolithic-Eneolithic periods. Ancient spades made of coniferous wood and had widen and piled edge, and handle with zoomorphic pommel. The pedal was shored in a hole under spade or tied to it. Undertaken analysis provides data for tool technique, use-wear and traces of repairing. Experimental studies proved universal character of such tools (digging in various soils, using for gathering, building, and production of clay).

S.N. Pogorelov

И.В. Калинина

ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОЛОВЫ ЛОСИХИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ «ШИГИРСКИЕ ДРЕВНОСТИ»

Уральскими золотодобытчиками на Шигирском прииске была найдена голова лосихи, вырезанная из рога лося (рис. 1, 1). В 1913 г. вместе с другими вещами изделие было куплено Императорской Археологической комиссией, а в 1940 г. с коллекциями ГАИМК, переданными первоначально в Русский музей, поступило в Государственный Эрмитаж. Изображение головы лосихи находится на постоянной выставке Отдела археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕ и С), оно неоднократно экспонировалось на зарубежных выставках.

В каталогах выставок голова лосихи значится как навершие. Этот шедевр первобытного искусства столь художественно выразителен, что его функциональное назначение отходит на второй план. Не замечается, что это только часть какого-то неизвестного предмета, и название «навершие», возможно, не отражает его сущности.

На выставке ОАВЕиС около витрины с шигирскими древностями выставлен монолит с петроглифами, привезенный из Карелии с мыса Перинкос III. На блоке имеется изображение, интерпретируемое археологами как «шестовидный жезл» (рис. 1, 2в) [1, с. 145 – 158; 2, с. 41; и др.]. На стержне с завершением, напоминающим, по А.Д. Столяру, «короткую лопасть весла», имеется боковой выступ в виде головы лося. Длина сохранившейся части стержня 110 см. На онежских петроглифах есть еще несколько подобных фигур, но меньших размеров (рис. 1, 2а, б). Предметными прототипами этих изображений послужили роговые жезлы, обнаруженные в погребениях Олениостровского могильника на Онежском озере (рис. 1, 3б, в) [1, с. 147, рис. 2]. Плавно изогнутые шеи животных переходят в

Рис. 1. 1 – голова лосихи (Государственный Эрмитаж); 2 – шестовидные жезлы онежских петроглифов; 3 – жезлы-рукояти с головами лосей; 4 – черпак с головой лося из Шигирского торфяника (Свердловский областной краеведческий музей); 5 – сосуды в виде фигурок лося из Горбуновского торфяника (Нижнетагильский краеведческий музей)

длинную рукоять. Величина жезлов около 40 см. Одни археологи считают, что это «жезлы-рукояти», которые могли держать в руках, другие полагают, что они являются составной частью жезлов-шестов, известных по карельским петроглифам [1, с. 153]. Удивляет территориальная широта и длительность бытования – на протяжении тысячелетий – такого рода предметов. Совпадают размеры, некоторые стилистические особенности изображений, вплоть до отдельных деталей. Аналогичный жезл был найден на стоянке Швянтойи 3 в Литве (рис. 1, 3а) [3, с. 138, рис. 1]. Подобный жезл длиной 47 см был обнаружен и за пределами лесной зоны – в мужском погребении в обрыве р. Ток на северо-западе Оренбургской области (рис. 1, 3г) [4, с. 195 – 203, рис. 1]. Голова лосихи из фондов Эрмитажа имеет сходство с изображениями лосей на жезлах, хотя она и несколько крупнее: длина ее 19,5 см, толщина 2,8 см. Однако форма черенка, который служил для скрепления головы лосихи с другой частью предмета, не позволяет рассматривать это изделие как вставку или навершие посоха или жезла.

Уплощенный черенок в виде пластины с зарубками по верхнему краю, несомненно, использовался для вставки головы лосихи в какой-то предмет. Первоначально Д.Н. Эдинг интерпретировал голову лосихи как «ручку сосуда или другого предмета» [5, с. 53]. В лесной зоне от Прибалтики до Урала на территории расселения будущих финно-угров довольно многочисленны археологические находки деревянных ковшей, ложек, на ручках которых присутствуют зооморфные изображения. Как правило, это головы водоплавающих птиц. Ручки таких сосудов в виде голов лосей не оформлялись. Но на Шигирском торфянике был найден плоский черпак размерами 23 × 9,5 × 7 см, хранящийся в Свердловском областном краеведческом музее, с ручкой в форме головы лося (рис. 1, 4). На дне черпака имеется два ряда узких продольных прорезей, разделенных поперечной перемычкой. Круглое отверстие на одном из бортов около ручки предназначалось, по Д.Н. Эдингу, для привязывания или подвешивания черпака. Исследователь полагал, что черпак служил, видимо, для вылавливания кусков мяса из похлебки [5, с. 49]. На Шигирском и Горбуновском торфяниках найдено также несколько деревянных сосудов в виде фигурок лося с выдолбленной вдоль спины полостью (рис. 1, 5а, б). К этим сосудам голова лосихи не имеет отношения также из-за несоответствия формы ее насада.

Прежде чем обратиться к еще одной категории вещей, заметим, что у всех перечисленных предметов голова лося несла функциональную нагрузку: ее как голову почитаемого животного держали в руке. Можно предположить, что именно этим обусловлена особенность стиля изображения лосей в уральском первобытном искусстве: при всей реалистичности изображений головы непропорционально вытянуты. Если полагаться на первое впечатление, голову рассматриваемой лосихи можно принять за голову лошади (по мнению Д.Н. Эдинга, у этого изображения «из-за удлинения пропорций головы очертания задней части черепа и нижней челюсти потеряли свою характерность» [5, с. 53]). В Свердловском областном краеведческом музее хранятся два массивных деревянных сосуда размерами 26,5 × 24,2 × 6,8 см и 29,4 × 22,3 × 6,7 см. Первый – из Шигирского торфяника, второй – случайная находка на берегу р. Аяты (рис. 2, 1а, б). Назначение этих сосудов неизвестно. Они трапециевидной формы, сужающиеся к днищу, с линзовидным двояковыпуклым сечением, имеют полости глубиной соответственно 13,5 и 12,2 см. Их днища слегка выпуклые. На аятском суде сохранился носик-слив. На одной из стенок шигирского сосуда, вблизи

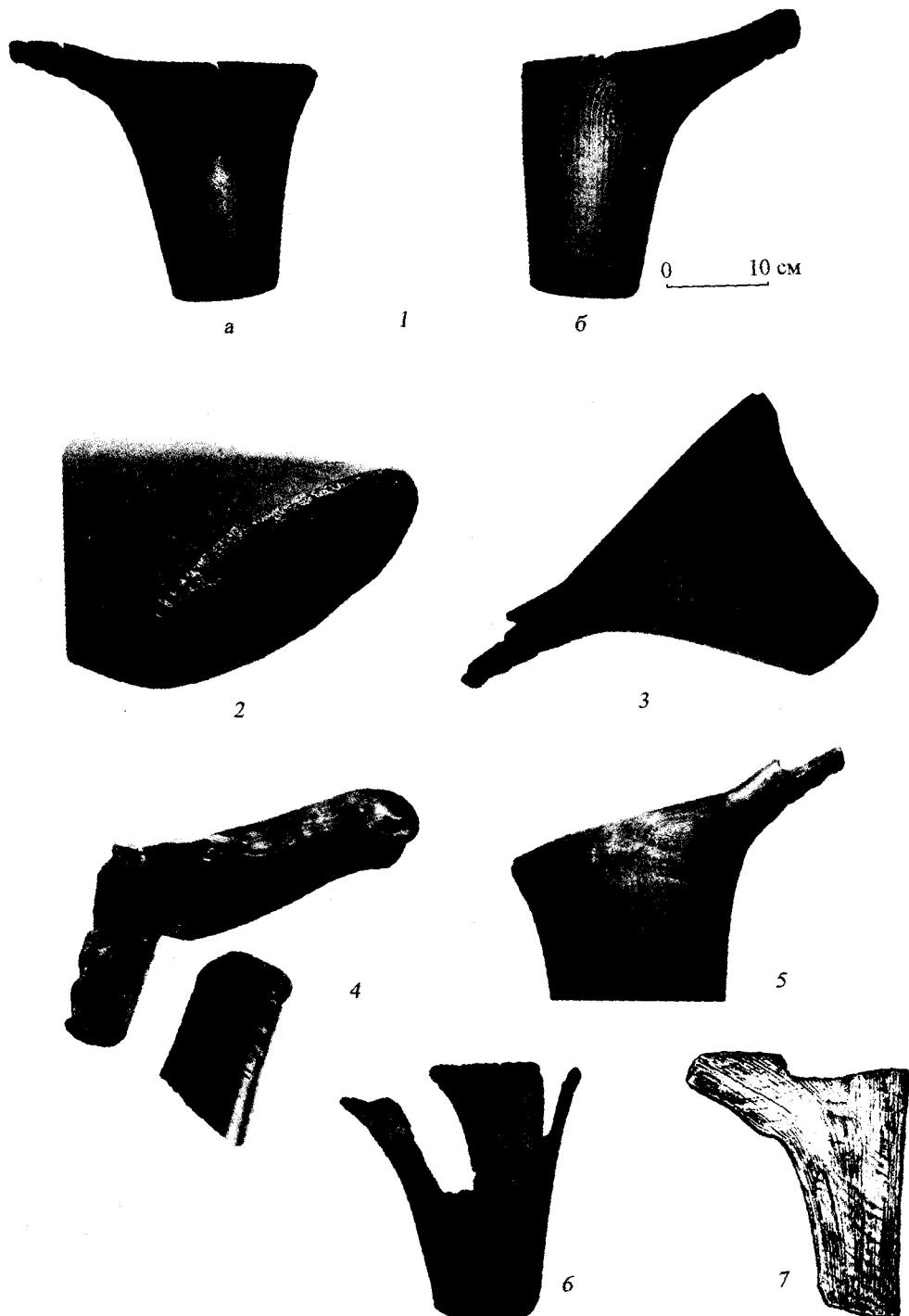

Рис. 2. Сосуды-молоты.

1а – Шигирский торфяник; 1б – случайная находка на берегу р. Аity (Свердловский областной краеведческий музей); 2 – днище сосуда-молота из Шигирского торфяника; 3 – сосуд-молот из Шигирского торфяника (деталь); 4 – голова лосихи и деталь рукояти сосуда-молота; 5 – деталь сосуда-молота со следами обмотки; 6 – сосуд-молот с Аниного острова (находка 2003 г.); 7 – скульптура лося со стоянки Разбойничий остров

верхнего края, имеется сквозное овальное отверстие, по-видимому, для подвешивания. Сосуды имеют рукояти с глубокими продольными желобками. Снизу на рукояти нанесены зарубки: три – на шигирском сосуде, две на аятском. На шигирском сосуде на конце рукоятки вырезан опоясывающий желобок, а на аятском примерно на середине рукояти, друг против друга – две выемки. С.Н. Савченко предполагает, что зарубки, желобок и выемки на рукоятях сосудов предназначались для крепления предмета, вставлявшегося в желоб рукоятей для ее удлинения. Функциональной рабочей частью у сосудов, по нашему мнению, являются выпукло-овальные днища, на которых отчетливо заметны следы от ударов (рис. 2, 2). По-видимому, предметы представляют собой сосуды-молоты для глашения пойманной рыбы, одновременно они использовались как черпаки для вычерпывания воды из лодки (см. рис. 2, 1). Голова лосихи вставлялась, как нам кажется, именно в желоб рукоятей подобных сосудов. Зарубки на ее черенке и рукоятях служили для скрепления головы лосихи с сосудом (рис. 2, 4). Утилитарное использование головы лосихи как части рукояти колотушки во время рыбного промысла, скорее всего, способствовало появлению на ее поверхности зеркального блеска.

Трасологический анализ, выполненный М.Г. Жилиным, показал, что полоса заполировки шириной около 0,5 мм прослеживается на зубцах насада. При закреплении головы лосихи в рукояти, вероятно, использовались нити из сухожилий, и зубцы черенка слегка выступали над обмоткой. Следы глубоко врезавшейся в дерево обмотки заметны и невооруженным глазом на поверхности сосуда (рис. 2, 5). В 2003 г. в шурфе на Анином острове был найден еще один такой сосуд (рис. 2, 6, фото М.Г. Жилина). Своего рода иллюстрацией к предложенной реконструкции является обнаруженная в торфяниковой части стоянки Разбойничий остров деревянная скульптура лося (рис. 2, 7). Схематично выполненная приподнятая вверх голова животного соединена с туловищем, имеющим вид массивного трапециевидного сосуда высотой около 40 см [6, с. 117 – 118, рис. 166].

При поломке недолговечного деревянного сосуда голова лосихи, вырезанная из рога, помещалась на новый сосуд. Кроме трасологических наблюдений имеются косвенные данные, подтверждающие это предположение. У обских угров, потомков древнего уральского населения, сохранились молоты для глашения рыбы в виде головы лося. У хантов в лодке всегда находился деревянный молот, которым добивали особо крупные экземпляры пойманных осетров, чтобы в лодке рыба «не шевелилась» [7, с. 33]. Молот этот считался сакральным. Этнографы отмечают, что у хантов культ священного молота *кехи* связан с культом лося: в тех местах, где имеются хотя бы глухие упоминания о молоте, обязательно существует культ лося [8, с. 155]. Размеры молотов разные: некоторые из них не превышали 50 см, другие достигали почти трехметровой длины [7, с. 33] (рис. 3, 1). Молоты, оформленные в виде морды лося, изготавливались из ствола березы с частью корневища, которому придавалось внешнее сходство с головой лося. Считалось, что подобное изображение один раз в жизни должен изготовить каждый начинаящий хант-рыболов [8, с. 155].

По поверью, в ночное время водяной дух выходит из воды, берет в руки молот и укрепляет с его помощью расшатанные водой колья рыболовных запоров [8]. Есть сведения, что большие деревянные молоты, напоминающие дубины-палицы, употреблялись с «магическими целями» и на охоте за лосями [9, с. 148]. Молоты с лосиными головами С.В. Иванов относил

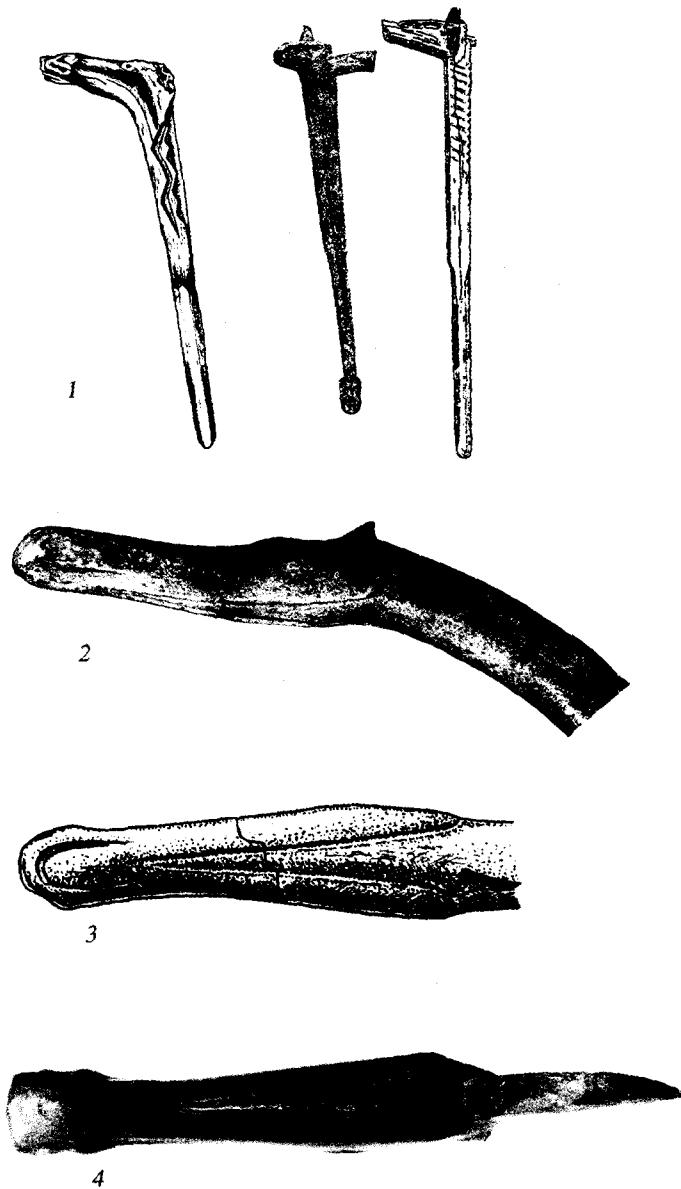

Рис. 3. 1 – молоты кехи хантов; 2 – токский жезл, вид сбоку; 3 – то же, вид снизу; 4 – голова лосихи, вид снизу

к изображениям мамонтов [9, с. 148, табл. IV, 3]. Обские угры представляли мамонта рогатым водным существом – хозяином воды; в то же время мамонт фигурировал в обрядах, связанных с охотой на лося. У хантов и манси были сходные представления о громадных рогатых щуках, обросших шерстью. У салымских хантов для щуки-мамонта записано название «весь». У манси мамонту близок «виткащ», ведущий свое происхождение от лося. «Виткащ» избирал своим местопребыванием речные водовороты или озера. «Прежде, – говорили манси, – рыбо-лосей было много, теперь они встречаются в незначительном количестве» [9, с. 137]. Таким образом они встречаются в незначительном количестве» [9, с. 137]. Таким образом они встречаются в незначительном количестве» [9, с. 137].

зом, помещение головы лосихи на сосуд-молот, имеющий отношение к рыбному промыслу, видится не случайным.

Очевидно, что традиционные представления обских угров о связи лося с рыбным промыслом уходят в глубь тысячелетий. Сложение промысловых культов, зарождение образных представлений о рыбо-лосях («мамонте»), по-видимому, относятся к эпохе раннего металла, ко времени начала формирования праугорской этнолингвистической общности. Деревянные сосуды-молоты, скорее всего, относятся к эпохе энеолита, судя по находке такого сосуда на Анином острове в штурфе вместе с аятской керамикой. Деревянная скульптура лося на Разбойничьем острове была найдена также в энеолитическом слое, как и сосуды-лоси в Горбуновском торфянике. Однако датировка головы лосихи эпохой энеолита вызывает сомнения. Н.А. Алексашенко и М.Г. Жилин единодушны во мнении, что голова лосихи изготовлена железным ножом. Столь категоричное заключение, возможно, преждевременное, поскольку следы инструментов из медных сплавов в отличие от следов каменных и железных орудий еще не столь хорошо изучены.

Существует мнение, что причинами распада уральской языковой семьи около конца неолита были хозяйственная специализация на рыболовстве и охоте в тайге и появление производящих хозяйств на юге [10, с. 104 – 105]. У угров, с одной стороны, получает развитие кульп лося, с другой, приручение лошади в лесостепном ареале угорской общности способствовало распространению в среде угров культа коня. В этой связи привлекает внимание уже упоминавшийся токский жезл*, найденный в пограничье лесной и лесостепной зон. Во-первых, как и в отношении рассматриваемой вещи, нет единого мнения по поводу того, что изображено на жезле: голова лосихи или коня. Во-вторых, весьма любопытна точка зрения С.В. Богданова, что два резных желобка, начинающиеся от ушей и сходящиеся за подбородком фигуры токского жезла, образуют «посередине межчелюстного пространства валик, плавно переходящий в шею так, что голова животного снизу напоминает голову рыбы с характерными жаберными щелями» [4, с. 195 – 196, рис. 1, 3] (рис. 3, 2, 3). Межчелюстной валик присутствует и на нижней челюсти головы лосихи, хранящейся в Эрмитаже, но его принято рассматривать как изображение подъязычной кости лося (рис. 3, 4).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Столяр А.Д. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
- Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Скульптурное изображение головы лося с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневекования лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1995. Вып. II.
- Римантене Р.К. Художественные изделия стоянки Швянтой 3 // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
- Богданов С.В. Токский жезл // Древняя история населения волго-уральских степей: Межвузовский сборник научных статей. Оренбург, 1992.
- Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала // Тр. ГИМ. М., 1940. Вып. X.
- Культовые памятники горного-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
- Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX века. Л., 1970.

*Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность Н.Л. Моргуновой за фотографии токского жезла (И. К.)

8. Энциклопедия уральских народов. Т. III. Мифология хантов. Томск, 2000.
9. Иванов С.В. Мамонт в искусстве народов Сибири // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. XI.
10. Верещ П. Этнокультурное развитие угорских народов // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОЛОВЫ ЛОСИХИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ «ШИГИРСКИЕ ДРЕВНОСТИ»

В статье анализируется хранящееся в фондах Эрмитажа изображение головы лосихи, выполненное из рога. Высказано предположение, что изделие вставлялось в желоб рукояти деревянного сосуда-молота для глушения пойманной рыбы. Одновременно такой сосуд использовался для вычерпывания воды из лодки. Подобные вещи отмечены этнографами у обских угров. Зарубки на черенке и рукояти служили для скрепления головы лосихи с сосудом. Утилитарное использование головы лосихи как части рукояти колотушки во время рыбного промысла, скорее всего, способствовало появлению на ее поверхности зеркального блеска.

I.V. Kalinina

HEAD OF THE ELK-COW FROM THE COLLECTION «SHIGIR ANTIQUITES»

The article analyzes image of the head of elk-cow made of antler and kept at the Hermitage. The author presumes that the artifact had been inserted into handle of wooden ware-hammer to stun fish. Such vessel was used for bailing water from boat both at once. This was ethnographically observed among Ob'-Ugrians. Notches on haft and handle served for fixture head of elk doe to ware. Fishery utilization of head of elk doe as a part of handle provided glance on water face.

I.V. Kalinina

H.A. Алексашенко

УСТЬ-ПОЛУЙ: ТЕХНИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЗЬБЫ ПО КОСТИ

История исследования

Памятник в устье р. Полуй был открыт в 1932 г. при строительстве гидропорта в г. Салехарде. В 1935 – 1936 гг. В.С. Адрианов провел там раскопки [1], в результате была получена большая коллекция предметов – 17 888 экз. [2], в том числе костяных. Уже первое знакомство археологов с находками В.С. Адрианова показало уникальность коллекции и памятника. В. Равдоникас в письме финскому археологу А. Тальгрену как мировое открытие охарактеризовал материалы Усть-Полуя, в том числе более 1500 художественно выполненных изделий из кости. Судьба самого исследователя сложилась трагически: он был реформирован и погиб. Его вклад в археологическое изучение севера Сибири начинают оценивать только в последние годы [3, 4]. Коллекция с полевыми описями, составленными автором, осталась на хранении в МАЭ. Ее публикация В.И. Молленными автором, осталась на хранении в МАЭ. Ее публикация В.И. Молленными автором, осталась на хранении в МАЭ.

шинской и В.Н. Чернецовым в 50-х годах XX в. познакомила археологов с богатейшими материалами городища (жертвенного места) Усть-Полуй [5, 6]. Усть-Полуй стал памятником, без изучения которого невозможно представить археологию Западной Сибири, особенно раннего железного века. В 1993 – 1996 гг. раскопки небольшой сохранившейся части памятника были проведены Ямальской экспедицией ИИиА УрО РАН под руководством Н.В. Федоровой. Коллекция с памятника увеличилась на 5000 единиц. Выявлены стратиграфические и планиграфические позиции предметов. Новые находки не только дополняют собрание МАЭ, но многие из них являются уникальными. В это число входят и костяные вещи со скульптурным оформлением, декорированные орнаментом [7]. Была уточнена дата находок: I в. до н.э. – I в. н.э.

Уже первые исследователи отметили большое количество костяных предметов с орнаментом и рельефным или объемным скульптурным оформлением. Анализу усть-полуйской пластикиделено значительное место в работе, посвященной древней скульптуре Урала и Западной Сибири [8]. В.И. Мошинская охарактеризовала круглую скульптуру, к которой отнесла оформление пяти рукоятей ложек и две рукояти ножей [8, с. 90 – 91]. В технике плоской скульптуры выполнены в основном плоские ложечки-лопаточки [8, с. 92 – 93]. Рельеф на костяных гребнях выполнен «гладкой» резьбой [8, с. 93 – 95]. Автор обратила основное внимание на сюжеты и стиль изображений, почти не затрагивая технологические аспекты. Со времени выхода работы В.И. Мошинской прошло почти 30 лет. За эти годы не только расширился объем коллекции, но и усовершенствовались полевые и камеральные методики, в том числе трасологический анализ.

Задачи исследования

С 1997 г. начато трасологическое изучение костяных изделий Усть-Полuya [9; 10; 11, с. 9 – 18]. Сначала были просмотрены под микроскопом предметы из раскопок Н.В. Федоровой, затем начался микроанализ коллекции, хранящейся в МАЭ. Первоочередной целью анализа орудий труда и утвари было выяснение их функции и технологии изготовления. Поскольку многие вещи имели орнамент или скульптурное оформление, неизбежно внимание фиксировалось и на технологии их выполнения. Среди просмотренной части коллекции обнаружены художественно оформленные предметы, не упоминаемые в публикациях В.И. Мошинской и В.Н. Чернецова. Сразу оговорим пределы компетенции трасолога. Это прежде всего выяснение технологии изготовления и использования предмета. Возможно определение технических характеристик (приемов) стиля. Анализ сюжетов, образов, иконографии требует другой специализации и в наши задачи не входит. Хотя представляется, что совмещение разных исследовательских подходов к такому объекту, как художественная резная кость Усть-Полuya, было бы плодотворным. Итак, основные задачи микроанализа этой категории находок сводятся к следующему.

1. Реконструкция приемов изготовления предмета на основе изучения технологических следов.
2. Выявление инструментов и приемов их художественного оформления.
3. Определение функции «украшенных» предметов.

Этот объем исследований требует нескольких лет напряженной работы. На настоящий момент обработана меньшая часть коллекции В.С. Адрианова, но и по ней можно говорить об интересных наблюдениях. В данной статье представлены результаты изучения технологии художественного оформления костяных предметов.

Методика исследования

Изучение костяных предметов начинается с их визуального осмотра в целях выяснения сохранности поверхности и обнаружения художественного оформления. Если состояние предмета позволяет применить трасологический анализ, то просматриваем его под микроскопом, чтобы выяснить, как он был изготовлен. Выясняем, какими инструментами и с помощью каких приемов была сделана вещь, чтобы понять всю технологическую цепочку. Чаще всего требуется просмотреть несколько однотипных изделий. Хорошо, если среди них есть предметы в разной стадии изготовления. Тогда можно раскрыть последовательность отдельных операций. Такие характеристики, как длина и гладкость срезов, отсутствие выкрошенности и зализистых заломов, позволяют установить, что обрабатывалась, например, мягкая (распаренная?) кость, а инструмент был острый. Следующий этап – выяснение способов художественного оформления предмета. Здесь также важным остается «расшифровка» инструментов и способов работы ими. Под микроскопом мы можем рассмотреть резную линию, царапину как в плане, так и в профиле. Например, там, где заканчиваются канавки, мы видим несколько резных линий разной длины. Наличие отдельных следов резания можно зафиксировать и на дне канавки. В профиле мы также видим некоторую ступенчатость, появившуюся оттого, что острое лезвие ножа несколько раз прорезало и углубляло канавку. Форма лезвия, угол заострения и наклона также могут быть восстановлены по этим следам.

Технология изготовления вещей

Перед обработкой рог и кость распаривали, о чем свидетельствуют длина и гладкость срезов на законченных изделиях и их заготовках. Основным инструментом работы с ними был железный нож. Об этом мы можем судить по следам, оставленным инструментом на костяных вещах, по находкам лезвий и большого числа костяных рукоятей, интенсивно заполированных от длительного использования. Ножом производились первичная разделка сырья, придание заготовке нужной общей формы, вырезание деталей и заострение рабочих частей.

Технология художественного оформления вещей

Основным инструментом для нанесения орнамента, создания скульптурных изображений на вещах также был нож. Доказательством этому являются хорошо различимые под микроскопом следы резания. Особенно показательны участки, где резная линия начинается и заканчивается. При определенном увеличении и угле зрения можно различить, например, сколько раз

проводили лезвием или острием ножа, чтобы углубить линию орнамента или контура другого изображения. Доступно и определение угла заострения инструмента. Пока не удалось обнаружить следов работы резцом. Не исключено, что при просмотре всей коллекции они появятся. Небольшое количество предметов украшено канавками с полукруглым основанием. Похоже, что они нанесены процарапыванием, но инструмент, которым канавки сделаны, пока достоверно не определен. Не раскрыт прием нанесения кружкового орнамента на панцирных пластинах и некоторых других предметах. Не исключено, что для этой операции использовали специальный инструмент – циркуль. Ответить на эти вопросы мы сможем, просмотрев серию похожих вещей.

Виды художественной резьбы на Усть-Полуе

На городище (жертвенному месте) Усть-Полуй мы фиксируем все разновидности художественной резьбы, известные в современном декоративно-прикладном искусстве: контурная, выемчатая (трехгранно-выемчатая и скобчато-выемчатая), плоскорельефная, высокорельефная, сквозная, объемная. Жесткого разделения перечисленных видов резьбы на группах изделий не прослежено: обычно при изготовлении и оформлении какого-либо предмета использовалось несколько приемов. Иногда один вид резьбы переходит в другой и поэтому трудно провести между ними границу.

Контурная резьба. Мастера Усть-Полуя использовали контурную резьбу для первичной разметки рисунка или его нанесения на поверхность предмета. Инструментом служили лезвие и конец металлического ножа. Контурная линия тонкая, ее профиль в виде острого угла имеет примерно одинаковую небольшую глубину по всей линии. В начале и конце линии глубина врезания инструмента еще меньше. Если контурная линия служила только для разметки, то видны следы ее углубления по всей длине или на отдельных участках. Профиль также имеет форму острого угла. Если канавку не только углубляли, но и расширяли, то она имела плоское дно и отвесные стенки. В этом случае особенно отчетливо «читаются» следы ножа: его соскальзывание, незавершенные надрезы. Такую резьбу можно назвать углубленной контурной.

Углубление контурного рисунка на отдельных участках производилось нанесением выемок овальной или треугольной формы. В таком случае контурная резьба переходит в плоскорельефную или выемчатую. Контурной резьбой нанесен орнамент, выполнены графические изображения животных, оформлены детали (складки на морде, оперение) на плоскорельефных изображениях (рис. 1; 2, 2 – 4; 4).

Выемчатая резьба. Углубления-выемки имеют разную форму: треугольника, овала или полукруглой скобки. При вырезании углублений с треугольным профилем лезвие ножа располагалось наклонно: сначала в одну сторону, а затем навстречу. Овальные выемки с полукруглым профилем нанесены такими же приемами, но углы треугольного углубления сглажены. Скобчатые выемки создавались движением ножа в одну сторону. Трехгранно-выемчатой и скобчато-выемчатой резьбой оформлены края рукоятей ножей и ложек, костяной нож – кинжал, налобная пластина упряжи оленя, крюки, копье (см. рис. 1, 1; 2, 1; 3; 4). На «чесалках», некоторых глубоких ложках, колчанном крючке овальные выемки расположены рядом и, сливаясь друг с другом, образуют волнистую линию.

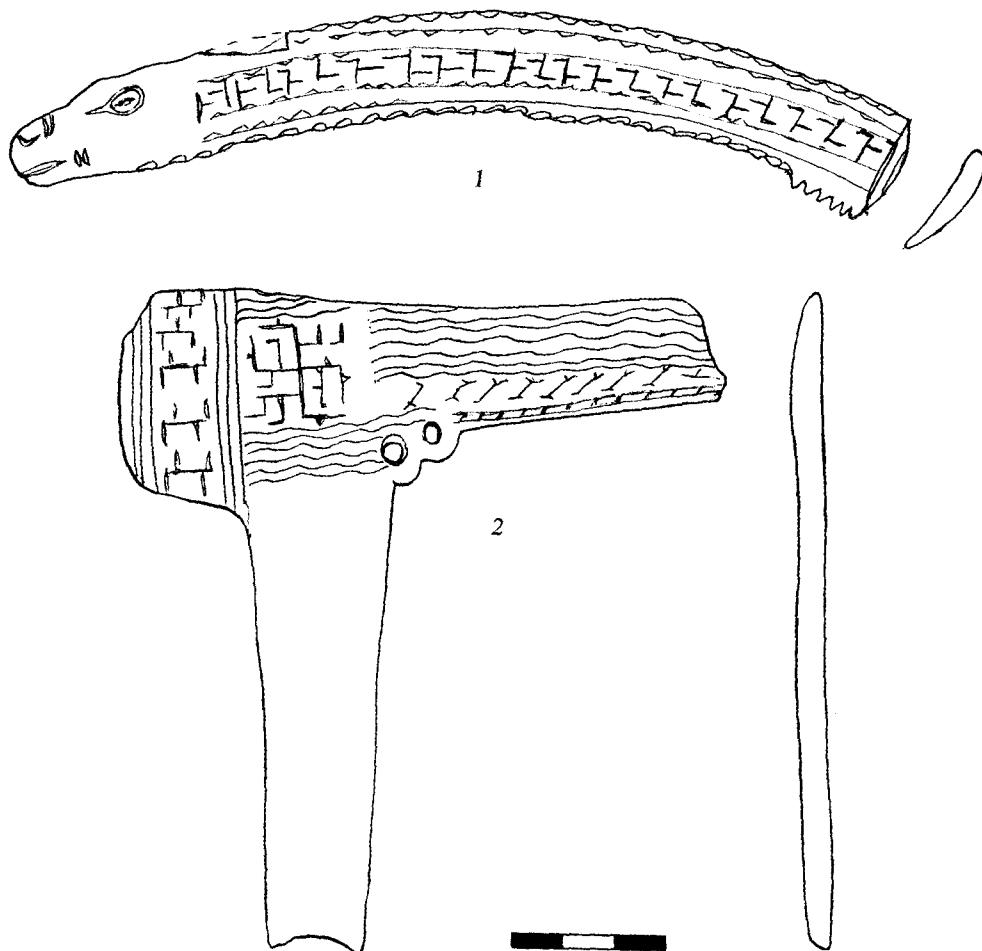

Рис. 1. Резьба контурная, трехгранныно-выемчатая и плоскорельефная (1); контурная и контурная с углублением (2)

Плоскорельефная резьба. Углубленная резная канавка создает невысокий рельеф и четко выделяет силуэт изображения. В канавке под микроскопом можно увидеть следы нескольких почти параллельных надрезов ножом. При работе использовались острие и лезвие ножа. Плоскорельефной резьбой в сочетании с другими ее видами выполнено изображение птицы на лопаточке и на клине (см. рис. 4, 1, 2), головок животных на плоских ложках-лопаточках и на пластине (рис. 5; 6, 1, 2). На лопаточке тонкой контурной линией намечены клюв птицы, изгиб шеи и глаз (рис. 7). Несколько овальными выемками оформлен верх рукояти. На клине контурное изображение двух птичьих голов местами углублено до плоского рельефа. Шея очерчена тонкой резной линией. Глаза изображены углубленными канавками с точкой-углублением в центре. На клюве также заметны углубления овальной и неправильной прямоугольной формы. Часто плоскорельефная резьба при углублении резных линий превращается в высокорельефную. Именно эти два приема использованы

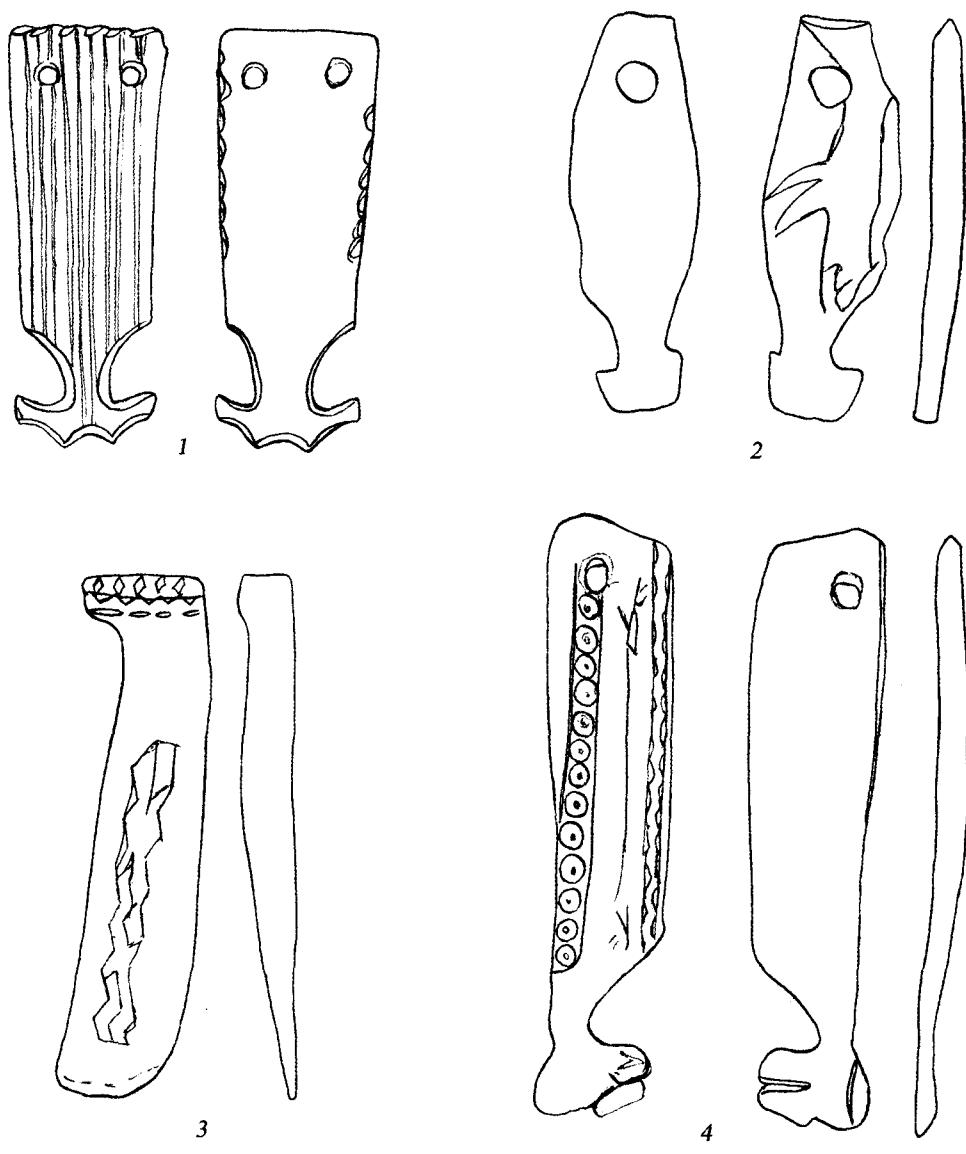

Рис. 2. Резьба овально-выемчатая (1); контурная (2); контурная и выемчатая (3); контурная, выемчатая и плоскорельефная (4)

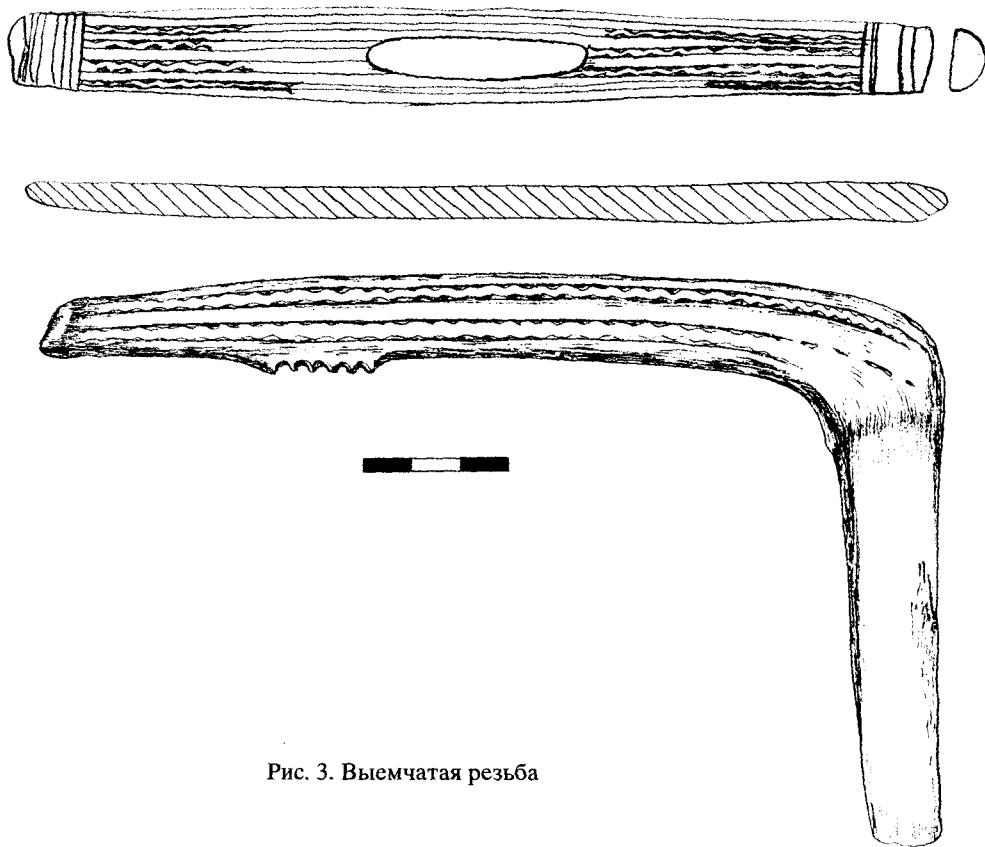

Рис. 3. Выемчатая резьба

для создания предметов, которые В.И. Мошинская определила как плоскую скульптуру [8].

Высокорельефная резьба. Как один из приемов высокорельефная резьба использовалась для оформления гребней, ложек, колчанных крючков и накладок (см. рис. 6, 3, 4; 7). Высокорельефная резьба в сочетании со сквозной зафиксирована на плоской ложечке с двумя пушными зверьками.

Сквозная резьба. Прорезание узора или изображения насеквоздь мало распространено. Чаще всего такой прием использовался при изготовлении и украшении пряжек, а также парных скульптурных изображений на рукоятях плоских лопаточек или ложек. Фигурки животных или только их морды соприкасаются отдельными участками, между которыми кость полностью удаляется. Так, на рукояти сломанной ложки морды двух животных соединяются нижними и верхними челюстями, между которыми сквозной прорезью обозначены раскрытие пасти (см. рис. 6, 2).

Объемная резьба. Объемной резьбой изготовлены фигурки животных, оформляющие какие-либо предметы, а возможно, и являющиеся самостоятельными скульптурными изображениями. В.И. Мошинская назвала их круглой скульптурой [8, с. 90 – 91].

Чаще всего фигурки оленя, лося, пушных животных и птиц украшают рукоятки ложек, лопаточек, иногда стержней – проколок. Детали на них

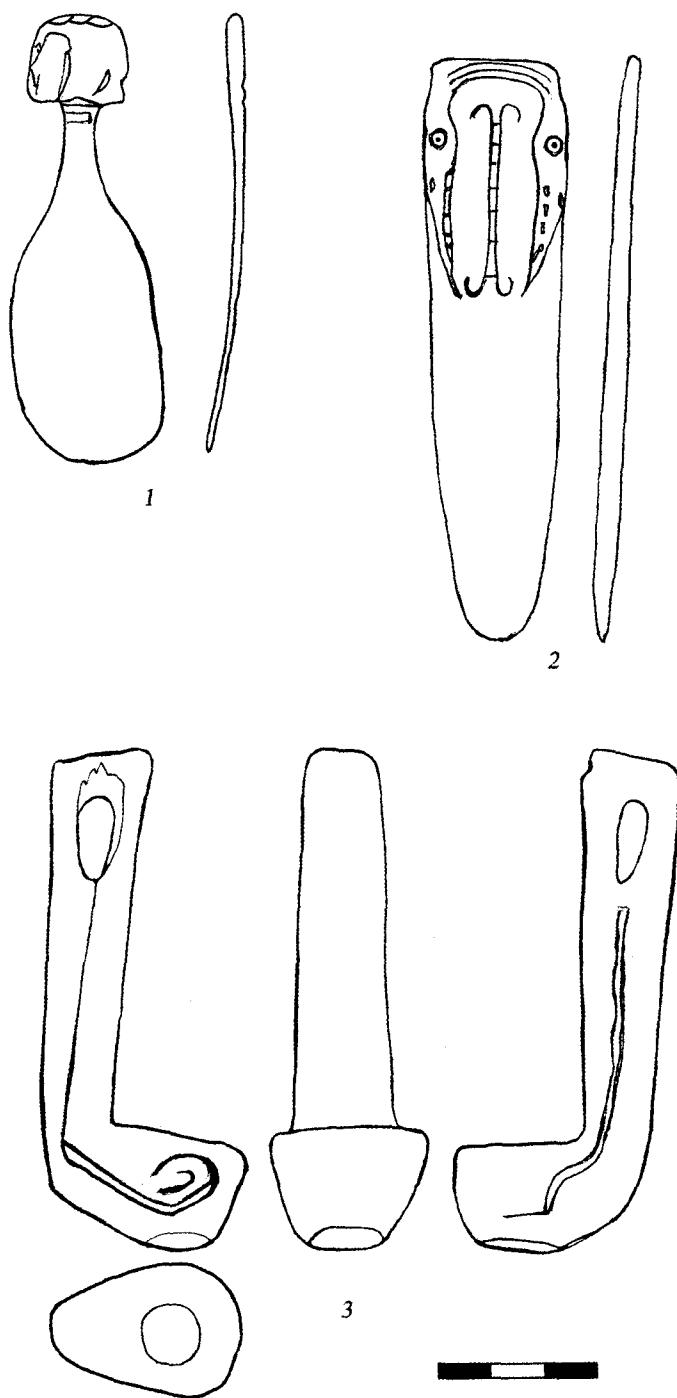
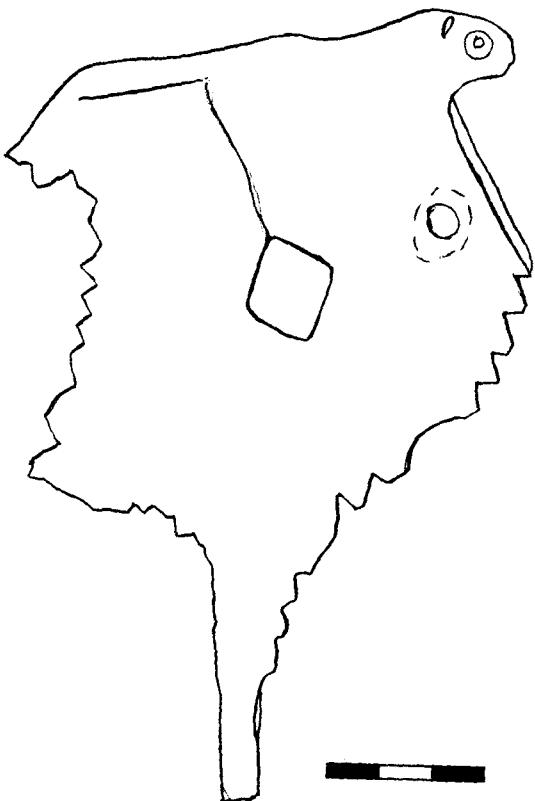

Рис. 4. Контурная и плоскорельефная резьба (1 – 3)

Рис. 5. Плоскорельефная резьба

выполнены другими приемами: контурной, выемчатой и плоскорельефной резьбой. Например, на объемной головке лося контурной и плоскорельефной резьбой оформлена пасть, скобчато-выемчатой – складки у рта, глубокой прорезанной канавкой обозначены глаза. Сама скульптура изготовлена железным ножом из отростка рога (рис. 8, 2).

В коллекции В.С. Адрианова сохранился предмет, позволяющий увидеть начальную стадию создания костяной скульптуры. Длинными ровными срезами распаренному рогу придана форма животного с длинным туловищем. Срезами намечены морда, в том числе раскрытая пасть, передние и, возможно, задние конечности. Незаконченная вещь покоробилась при высыхании (рис. 8, 1).

Основные выводы и перспективы исследований

Трасологический анализ художественно оформленных костяных предметов Усть-Полуя позволил сделать следующие предварительные (до полной обработки всей коллекции) выводы. Доля украшенных резных изделий на памятнике велика. Основными декоративными приемами следует считать орнамент и изображения животных. Скорее всего, художественное оформление не было просто украшением предметов. Оно имело и более глубокий смысл (не исключено, что сакральный). Необходимо очень внимательно проследить связь «украшенного» предмета с его функцией (или множеством функций в разных ситуациях).

В настоящее время удалось определить основные технические приемы художественного оформления вещей на Усть-Полуе. Они разнообразны и применялись чаще всего в сочетании. Определенные технические приемы традиционно используются при оформлении одних и тех же элементов (глубокая канавка – глаз, скобчатая или треугольная выемка – складок, ушей). Некоторые устойчивые технические приемы были замечены еще В.И. Мошинской. В целом наблюдается единая техническая традиция художественной обработки кости на памятнике. Возможно, совокупный анализ коллекции выявит какие-то группы изделий, отражающие индивидуальные особенности работы резчиков. Основным инструментом для резьбы

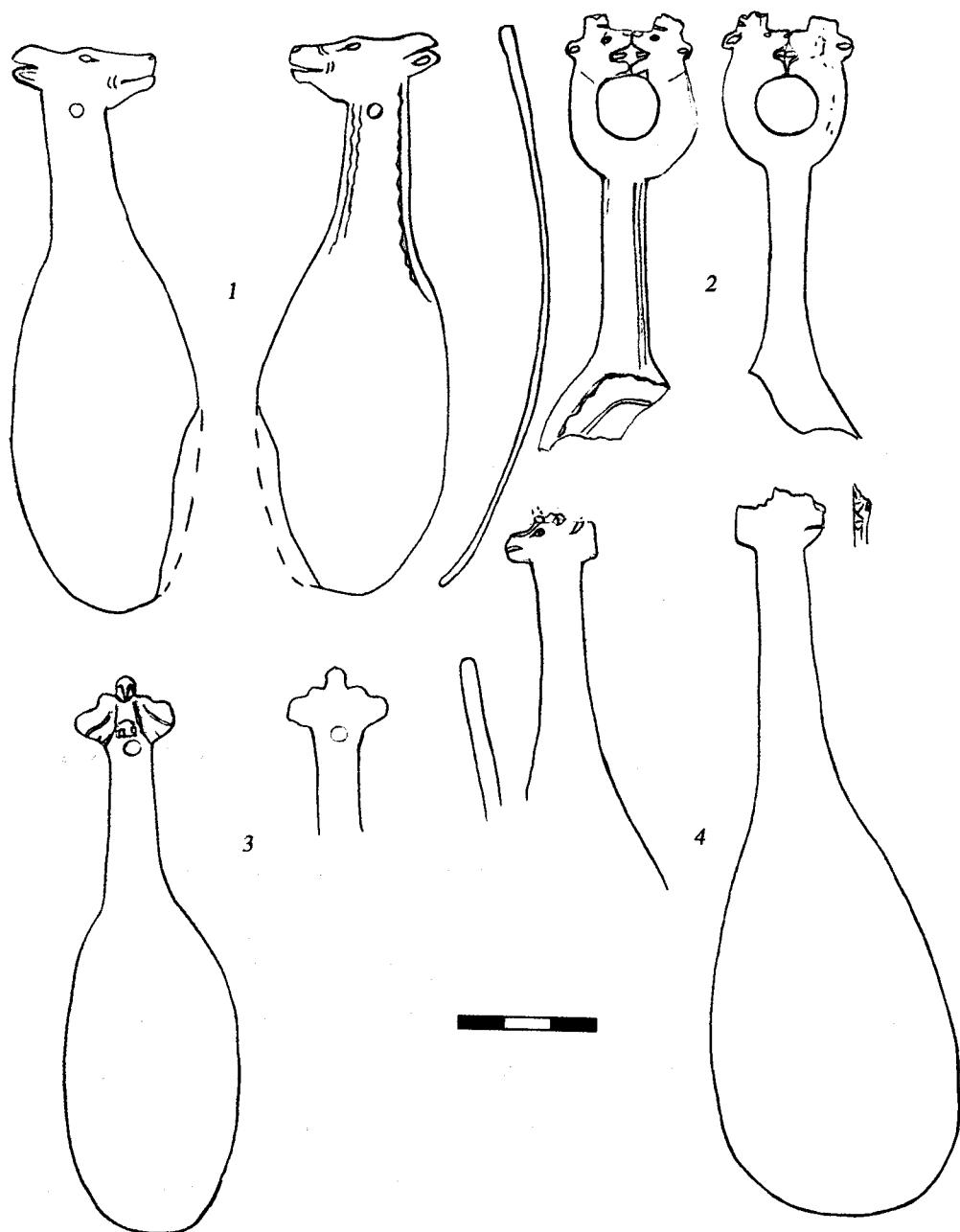

Рис. 6. Резьба плоскорельефная и трехгранно-выемчатая (1); плоскорельефная, высокорельефная и сквозная (2); высокорельефная (3, 4)

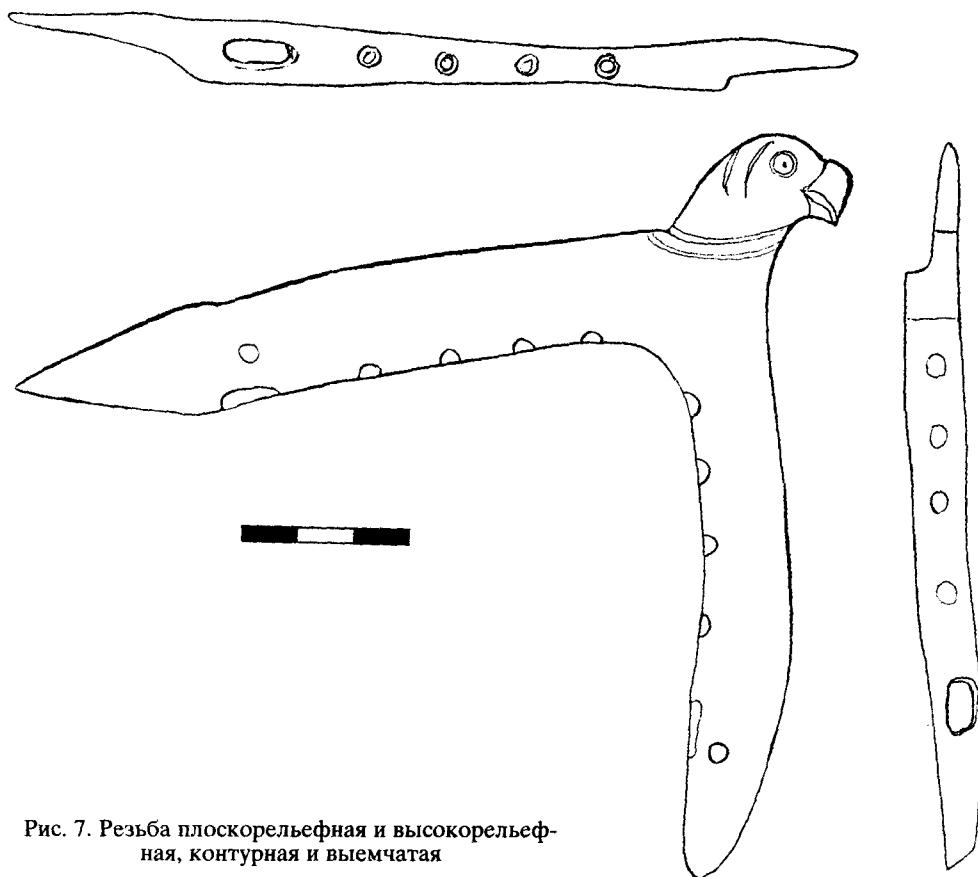

Рис. 7. Резьба плоскорельефная и высокорельефная, контурная и выемчатая

по кости на Усть-Полуе служил железный нож. Не исключено, что в дальнейшем будут выявлены и другие косторезные инструменты, но, скорее всего, железный нож останется самым распространенным и универсальным орудием.

Сделанные выводы подтверждают необходимость и перспективность дальнейшего трасологического изучения коллекции костяных изделий городища (жертвенного места) Усть-Полуй.

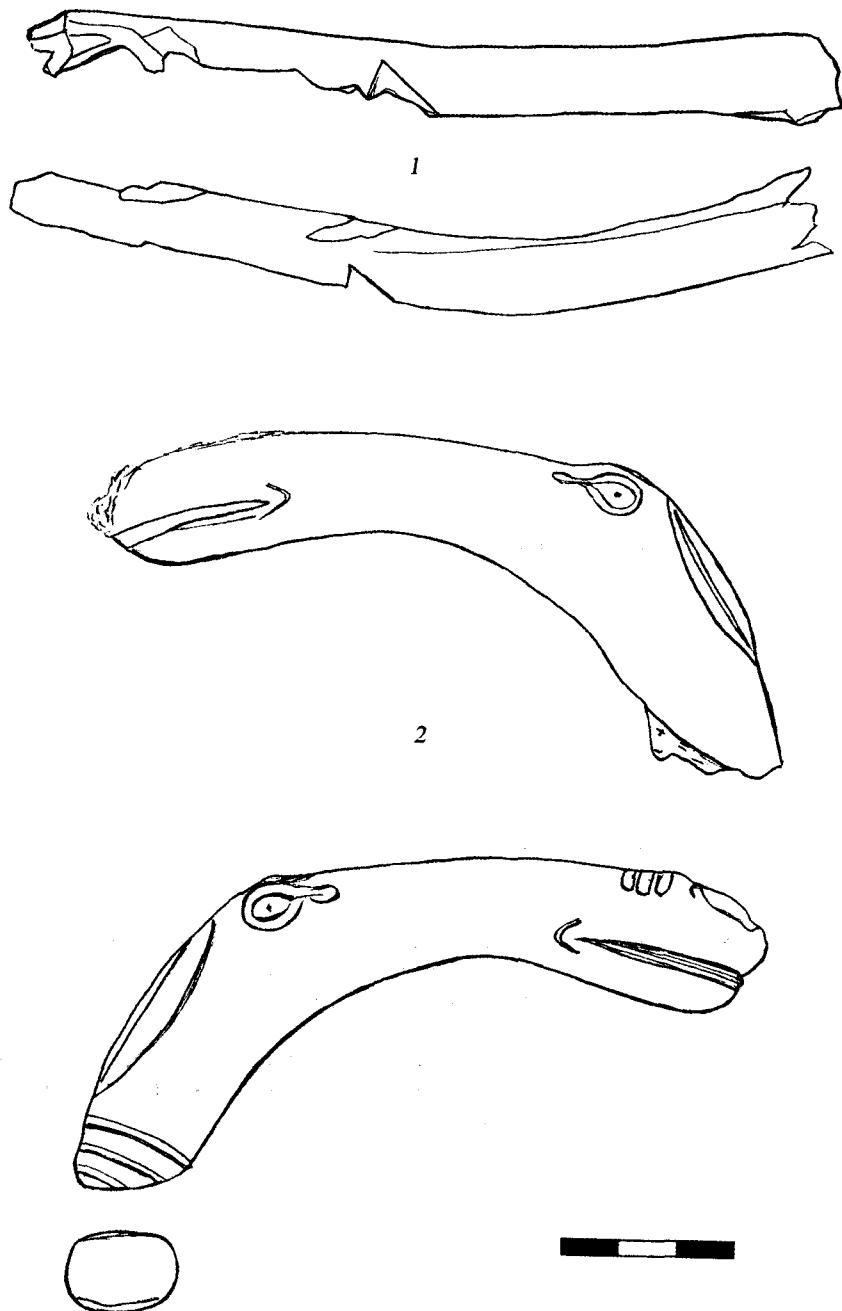

Рис. 8. Резьба объемная (1); объемная, выемчатая и контурная (2)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрианов В.С. Раскопки у Салехарда в 1935 г. // СА, 1936. № 1.
2. Попова Т.А. Древние культуры Сибири (по материалам археологического собрания МАЭ) // Материальная и духовная культура народов Сибири. М.; Л., 1988. (Сб. МАЭ. Вып. XLII).
3. Решетов А.М. Советский археолог и этнограф Василий Степанович Адрианов: жизнь, прерванная на взлете. Екатеринбург; Салехард, 2000.
4. Федорова Н.В. Четыре ступени по лестнице времен // Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард; Санкт-Петербург, 2000.
5. Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА, 1953. №35.
6. Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ, 1965. Вып. Д-3-8.
7. Усть-Полуй: I век до н.э. Каталог выставки. Салехард; Санкт-Петербург, 2003.
8. Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
9. Алексашенко Н.А. О назначении костяных изделий Усть-Полуя // Современные экспериментально-трасолологические и технико-технологические разработки в археологии. СПб., 1999.
10. Алексашенко Н.А., Перевалова Е.В. Легенда о глупой женщине // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001.
11. Алексашенко Н.А. Резная кость Усть-Полуя: взгляд трасолога // Обдория: история, культура, современность. Салехард, 2005. (Науч. вестн., № 4 (35)).

УСТЬ-ПОЛУЙ: ТЕХНИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЗЬБЫ ПО КОСТИ

Уникальный археологический памятник городище (жертвенное место) Усть-Полуй давно пользуется заслуженной известностью среди специалистов. В коллекции наряду с другими артефактами имеется большое количество предметов из кости. Автор, проведя трасологический и технологический анализ этой категории изделий, реконструирует приемы и способы их обработки, определяет функциональное назначение вещей.

Н.А. Алексашенко

Ust'-polui: technique of artistic bone working

The Ust'-Polui fortress (sacrificial site) is well known over scientific audience. With other artifacts the site collection consists of large amount of bone objects. The author based on use-wear and technological analysis reconstructs technique and methods of bone working, and defines their function.

N.A. Alexashenko

A.A. Погодин, Ю.П. Чемякин

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БЕЛОЯРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам селища Барсова гора III/76)

Проблемы перехода от одной эпохи к другой всегда вызывают повышенный интерес и нередко сопряжены со сложностями выделения критериев, интерпретации материала и т. п. Не является исключением в этом плане и переходный период от бронзового века к железному в таежной зоне Западной Сибири. В северных областях Урала и Западной Сибири,

включая Сургутское и Нижнее Приобье, изделия из нового металла фиксируются не ранее конца третьей четверти I тыс. до н. э. В целом же в южной части Западной Сибири железо начинает вытеснять бронзу только в III – II вв. до н. э., а на севере региона – с рубежа эр. С точки зрения археологической периодизации, построенной на значении того или иного материала для производства основных орудий труда в разные эпохи, определяющим началом раннего железного века считается постепенное вытеснение изделий из цветных металлов и замена их железными. При этом нередко наблюдается хронологический разрыв между появлением первых орудий из железа на какой-то конкретной территории и началом его собственного производства.

К началу второй четверти I тыс. до н. э. в материальной культуре таежных обществ фиксируются существенные перемены, наиболее ярко отразившиеся в керамике. На смену плоскодонным емкостям пришли круглодонные. При этом орнамент покрывал уже не всю поверхность сосуда, как это было в эпоху бронзы в средней и северной тайге, а лишь его верхнюю часть, редко достигая середины. Судя по обилию обломков тиглей и капель бронзы в жилищах, исследованных в Нижнем и Среднем Приобье, во второй четверти I тыс. до н. э. произошел «скачок» в развитии цветной металлообработки, совпавший с расцветом металлургических очагов на Урале и Алтае. Отсутствие собственных рудных источников на севере Западной Сибири предполагает интенсификацию торговых связей с населением южных районов и пушного промысла как основного источника продукта, предназначенному для обмена.

Значительные изменения происходят в системе этнокультурных и экономических контактов, которая сложилась, вероятно, еще в неолите и периодически поддерживалась в эпоху бронзы. Лишенные хорошего камня и рудной базы таежные области Западной Сибири нуждались в высококачественном каменном сырье и цветном металле, которые поступали на север, по-видимому, преимущественно в обмен на пушину. В эпоху бронзы и в начале железного века основными поставщиками цветного металла, скорее всего, выступали лесостепные коллективы Обь-Иртышья, связанные с Алтаем [1, 2]. Главными «торговыми» коммуникациями были реки бассейна Оби. Единичные находки в Сургутском Приобье гамаюнской керамики, медных фигурок, сходных с иткульскими птицевидными и антропоморфными деревовидными «идолами», указывают на то, что в VII – IV вв. до н. э. часть цветного металла могла поступать в таежное Приобье из горно-лесного Зауралья.

Происшедшие в начале второй четверти I тыс. до н. э. перемены в древнем обществе, отразившиеся в археологическом материале, позволяют говорить о том, что таежные западносибирские племена все же вступили в новую эпоху. Фактически этот период является переходным от бронзового века к железному, хотя по основному орудийному комплексу таежные общества начала раннего железного века могут быть определены как «позднебронзовые». Изделия из железа здесь не известны. Основные отрасли экономики традиционны: рыболовство, охота, собирательство. Хотя по иным характеристикам – «градостроительству», керамическому и другим домашним производствам, отчасти социальному развитию – северные коллективы вполне сопоставимы с «переходными» южнотаежными и лесостепными урало-сибирскими обществами.

В Сургутском Приобье начало раннего железного века связано с появлением древностей белоярского типа. Завершение его совпадает с форми-

рованием кулайской культуры, или общности, что произошло не ранее IV или даже в III в. до н. э. Поскольку в материальной культуре белоярских и кулайских племен много общих черт, роднящих их с культурами позднего железного века, мы предложили рассматривать их в рамках двух последовательных этапов раннего железного века таежной зоны Западной Сибири [3]. Первый (переходный) этап назван белоярско-васюганским, второй – собственно кулайским.

Начало первого этапа мы связываем с памятниками типа селища Барсова гора I/40в (сокращенно Бг I/40в) [3, с. 73 – 74; 4, 5]. На нем была обнаружена керамика, сочетавшая черты посуды эпохи поздней бронзы и раннего железа. Среди первых отметим профилировку многих емкостей (отогнутую наружу относительно высокую шейку), плоское дно единичных банок, ряды ямок по всему тулову. Эти признаки, как и ряд используемых штампов (змейковидный, мелкоструйчатый, прямой крест), характерны для барсовской культуры эпохи поздней бронзы. Штамп в виде косого креста, как и изредка встречающаяся дуговидная шейка, более типичен для атльымской культуры. Округлое или чуть приостренное дно, котловидная форма сосудов, орнаментация лишь верхней части емкостей – черты, присущие посуде на протяжении всего железного века. В целом облик керамики селища Барсова гора I/40в соответствует облику сосудов эпохи железа. Произведенные в свое время подсчеты степени сходства орнаментации белоярского, барсовского и атльымского керамических комплексов селища Бг I/40 дали следующие значения. Коэффициенты сходства между белоярской и барсовой посудой составляют по элементам узоров 79,9 %, по технике орнаментации 61,4 %, белоярской и атльымской – соответственно 73,6 и 29,5 % (расчеты производились по программе, предложенной В.Ф. Генингом) [6]. Такая высокая степень сходства узоров (прежде всего приемов их нанесения) объясняется традиционностью, характерной для таежных памятников с бронзового века до средневековья [4, с. 128].

Недавно было исследовано еще одно селище этого времени – Барсова гора III/76 (сокращенно Бг III/76). Оно изучалось в 2002 г. при проведении аварийных раскопок памятников в урочище Барсова гора, попадавших в зону разрушения при строительстве второго пускового комплекса правобережного подхода к автомобильному мосту через р. Обь¹ (рис. 1, Б). Памятник был открыт Н.В. Шатуновым в 1994 г.; по его сведениям, он представлен группой из пяти впадин диаметром 4 – 5 м [7]. Выделение данного селища в самостоятельный памятник было предложено автором открытия, по всей видимости, на основании типологической классификации объектов – впадин с обваловкой. Расположенные к западу, северу и востоку селища – соответственно Бг III/72, Бг III/73 и Бг III/74 – представлены практически исключительно наземными площадками с внешними ямами по периметру [8, с. 236 – 240].

В 2001 г. памятник был осмотрен А.С. Сергеевым, уточнено расположение объектов [9]. Как и большинство поселений белоярского времени, это селище находилось в глубине, на внутренней бровке берегового вала (3-я надпойменная терраса) коренного правого берега р. Оби, в 0,3 км к северо-востоку от поселения Барсово. Расстояние от селища до кромки правобережной обской протоки Утопля на юго-восток 1,14 км (на археологи-

¹Финансирование работ осуществлялось на средства по хоздоговору № 820, заключенному между Уральским государственным университетом (г. Екатеринбург) и Сургутской региональной дирекцией дорожного департамента ХМАО-ЮГра (г. Сургут).

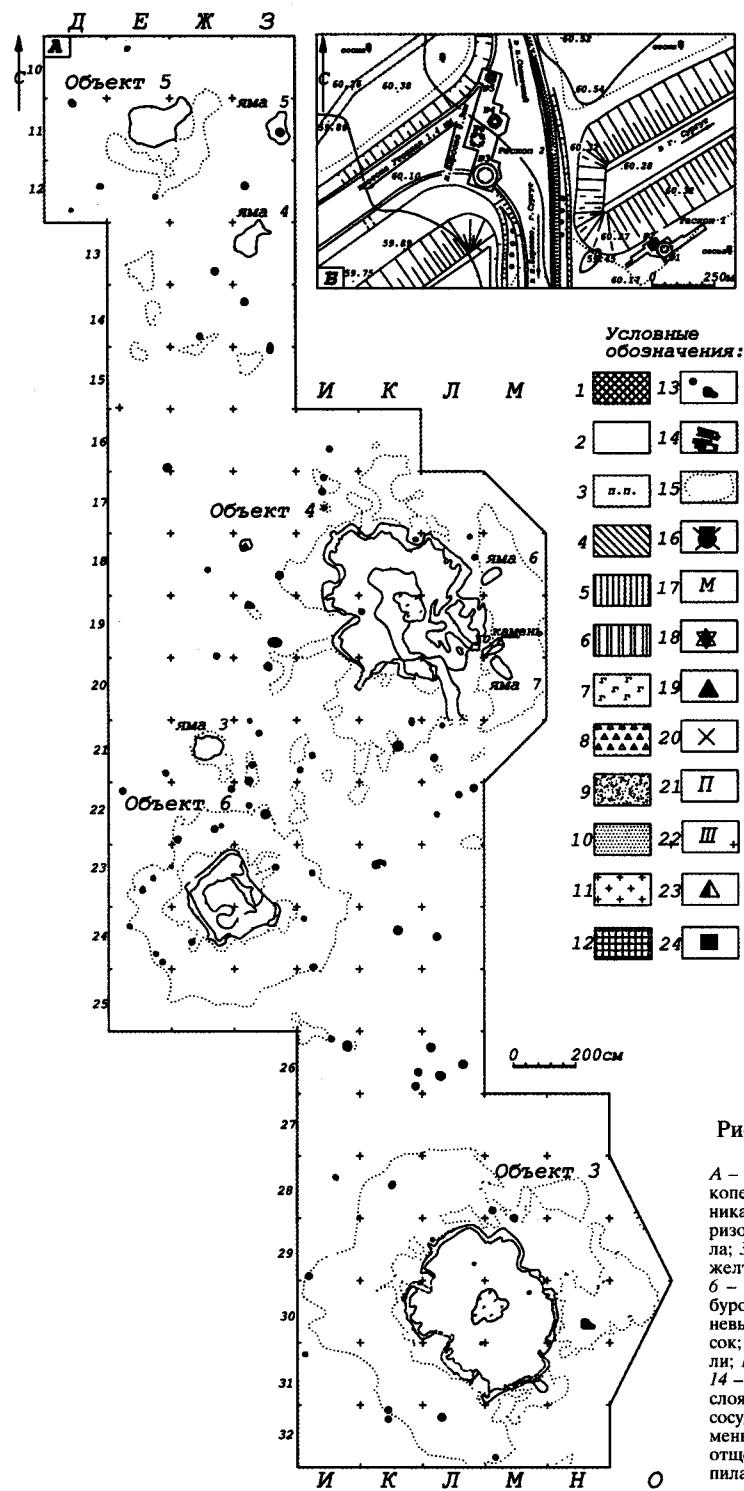

Рис. 1. Селище Барсова гора III/76.

A – план объектов, выявленных в раскопе 2; B – схема расположения памятника. 1 – смешанный слой навала; 2 – горизонт напочвенного покрова и подзола; 3 – погребенный подзол; 4 – серо-желтый песок; 5 – желто-серый песок; 6 – темно-серый песок; 7 – очажный буро-коричневый слой; 8 – серо-коричневый суглиник; 9 – охожелезненный песок; 10 – светло-желтый песок; 11 – угли; 12 – прокал; 13 – ямки от столбов; 14 – обгоревшие пластины; 15 – граница слоя погребенного подзола; 16 – развал сосуда; 17 – медная пластина; 18 – каменное орудие ударного действия; 19 – отцеп; 20 – фрагменты керамики; 21 – пила; 22 – абразив; 23 – расколотая галька; 24 – изделие из глины

ческой карте Барсовой горы 1,3 км [3, с. 132]), до р. Барцевки – 1,15 км на восток. Поселение занимало ровный залесенный участок террасы, в окрестностях которого, судя по современному состоянию, не обнаружено признаков нахождения открытых источников воды.

Взаиморасположение объектов селища Бг III/76 не давало представлений о четкой структуре; не являлось оно гомогенным и по результатам раскопок. Несколько особняком находились объекты 1 и 2 – округлые западения диаметром соответственно 3,3 и 2,8 м, окруженные кольцеобразными насыпями шириной от 0,8 до 1,5 м. Высота насыпей от напольной поверхности и дна впадин не превышала 0,15 м. Объекты примыкали друг к другу и образовывали единый комплекс с ориентировкой по линии СВ – ЮЗ. Для их изучения был заложен раскоп общей площадью 136 кв. м. Итогом изучения стал, на наш взгляд, первый наглядный пример фиксации процесса «археологизации» остатков некоторых современных объектов и их превращения в археологические памятники. Стратиграфия оказалась проста: вновь образованный травянисто-кустарничковый напочвенный горизонт, серо-желтый песок, маркировавший «обваловку», под которым лежал «погребенный» растительный горизонт. Скорее всего, исследованные объекты «селища» возникли лет 20 – 30 назад в результате деятельности строителей в районе железной дороги. Под влиянием природных факторов на месте каких-то временных построек наземного типа образовались объекты в виде площадок, окруженных обваловкой. Морфологически они были сопоставимы с объектами позднего бронзового – раннего железного веков. За это время на поверхности сформировался моховой напочвенный покров, выросли кустарничковые формы растительности.

Объекты, относимые нами к белоярскому времени, были изучены раскопом 2 на площади 476 кв. м (рис. 1, А). Как и на большинстве памятников на Барсовой Горе в районе поселка Барсово и промышленных зон, сохранность селища Бг III/76 оставляла желать лучшего. Поверхность террасы в месте расположения объектов № 3 – 6 селища Барсова гора III/76 была сильно замусорена и местами повреждена. Сосновый лес, росший здесь, был вырублен в августе 2001 г. Во время повторного обследования памятника в 2001 г. на поверхности четко прослеживались заплывшие котлованы объектов № 3 – 5. К началу работ впадина № 4 была засыпана плотным суглинком со щебнем, южный край подрезан ножом бульдозера. Котлован № 3 был также засыпан, но уже песком. Обваловка, окружающая объект по периметру, во многих местах смята и раздавлена колесной и гусеничной техникой. Объект № 6 на поверхности не фиксировался, скорее всего, потому, что в месте его расположения поверхность террасы была разъезжена гусеничной техникой и перекрыта привезенным торфяным балластом².

Объект № 3 в рельефе представлял окружную впадину диаметром около 6 м и глубиной 0,4 м; по периметру фиксировалась насыпь (обваловка) шириной 1,5 – 2 м и высотой 0,25 м от напольной стороны. Раскопками изу-

² Для укрепления песчаных откосов дорог используют торфяную массу, которую «разрабатывают» в верховых болотах по возможности в непосредственной близости от строительства автодороги. По всей видимости, обнаруженный торфяной балласт в данной части боровой террасы в месте расположения объектов селища Барсова гора III/76 не востребовался и был свален поблизости. Таким образом, зафиксированный в верхней части почвенной колонки слой торфа (мха) является искусственным образованием, перекрывающим естественную почвенную колонку, характерную для подзолистых почв Сургутского Приобья.

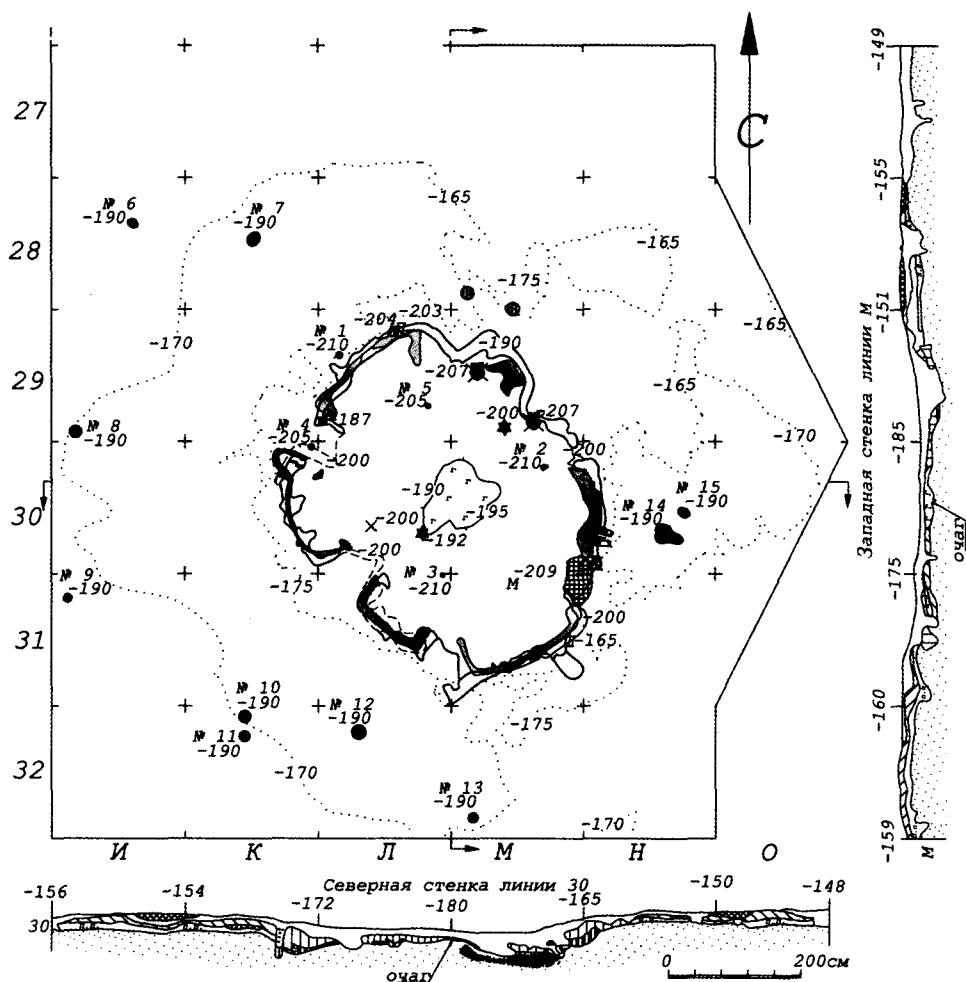

Рис. 2. Селище Барсова гора III/76. План и профили жилища 3

чен котлован постройки, ориентированный длинными сторонами по оси юго-восток – северо-запад (рис. 2). Он был выкопан в материковом песке на глубину до 0,25 – 0,3 м от уровня древней поверхности. По периметру в момент прокопки котлована были размечены подпрямоугольно-трапециевидные в плане ниши: вдоль продольных сторон – по две, поперечных – по одной. Глубина ниш от уровня пола составляла 0,2–0,3 м. Стенки котлована были слегка наклонены наружу и забраны деревянной обшивкой, о чем свидетельствует темно-серая углистая окантовка по его периметру.

Размеры котлована с учетом ниш не превышали $7,5 \times 5,5$ м. Относительно четкие очертания ниш у стенок котлована отмечены на его придонном уровне. Размер северо-западной $2,15 \times 0,73$ м, юго-восточной – $2,0 \times 0,8$ м. Вдоль продольной юго-западной стенки ниши имели размеры $1,8 \times 0,8$ м и $1,8 \times 0,6$ м. Контуры ниш по северо-восточной стороне более размыты, их предположительные размеры $1,6 \times 0,6$ м и $1,2 \times 0,6$ м. Пол в постройке неровный;

в восточной части котлована горизонт пола не выражен ввиду промытости (иллювиальный песок) культурного слоя, что можно объяснить отсутствием покрытия пола деревянным настилом или другим типом материала. Дно котлована здесь маркировалось ожелезненным материковым песком.

В центре котлована постройки с ориентировкой по оси юго-запад – северо-восток находился очаг овальной формы ($0,56 \times 0,44$ м) в плане с буро-коричневым заполнением, насыщенным кальцинированными косточками. Общая мощность линзы до 0,13 м. Очаг практически наземный – глубина «очажной ямы» составляет всего около 0,07 м. Скорее всего, это прокаленная часть материкового слоя. Нижнее заполнение очага в пределах слегка углубленной части насыщено угольками.

Направление выхода из постройки конструктивно не выражено, но можно предположить, что он находился между северо-восточной и юго-восточной стенками, где в обваловке фиксировался разрыв шириной до 0,8 м. В этом случае он был ориентирован на восток. Конструкция перекрытия не восстанавливается; можно отметить, что большинство ямок от столбов(?) удалены на 5 – 6 м от границ котлована и были расположены у внешней границы погребенного под обваловкой подзола. Несколько ямок отмечено внутри котлована на расстоянии до 2 м от очага.

В заполнении котлована жилища и на уровне пола найдены развалы керамических сосудов, изделия из камня и глины, а также медная пластинка. Один из сосудов (рис. 3, 3) в виде развала располагался в 1,0 м к северо-востоку от очага, другой (рис. 4, 7) – в слое заполнения одной из ниш по северо-восточной стенке. Два фрагмента стенок еще одного сосуда (рис. 4, 5) лежали один среди черепков развала сосуда, находившегося в нише, другой в 0,8 м к западу от очага на уровне пола (-200 см) в участке Л/30. Небольшая медная пластинка ($9 \times 4 \times 1,5$ мм), покрытая зеленоватой патиной, обнаружена в 1,1 м к юго-востоку от очага в участке М/31, в придонной части котлована. Изделие из глины найдено чуть выше уровня пола (-187 см) в юго-западном углу северо-восточной ниши. Каменные орудия – абразив и пила (соответственно рис. 5, 1; 6, 1) обнаружены около северной части внешней стенки северо-восточной ниши, молотки – у юго-западного края очага (рис. 6, 4) и в 0,8 м к северо-востоку от очага (рис. 5, 2). Еще один абразив (рис. 6, 2) найден над центральной частью юго-восточной ниши в слое выкида, сползшего в котлован. Помимо этих находок имеются четыре мелкие галечки, скорее всего, гастролиты и керамическая крошка, происходящие из слоя заполнения очага жилища.

Объект № 4 до раскопок представлял собой впадину диаметром 3 м, глубиной 0,25 м, окруженную по периметру расплывшейся (до 1,5 м) невысокой (до 0,2 м) валообразной насыпью. При раскопках изучен котлован постройки, продольной осью ориентированный по линии юго-восток – северо-запад (рис. 7). До уровня пола и ниже его по периметру котлована постройки фиксировались подтрапециевидные в плане ниши, всего семь. Вдоль длинных сторон их было по три, еще одна находилась в северо-западной стенке котлована. С юго-восточной стороны (участок Л/20) ниша не зафиксирована, но эта часть котлована была повреждена ножом бульдозера, на зачистках прослеживались лишь отдельные углистые пятна. Не исключено, что ниша была и здесь. Размер котлована по полу приблизительно $6,4 \times 4,6$ м. Глубина от уровня древней поверхности не превышала 0,35 м. Пол неровный, с незначительным уклоном от приподнятого очажного места в сторону стен котлована.

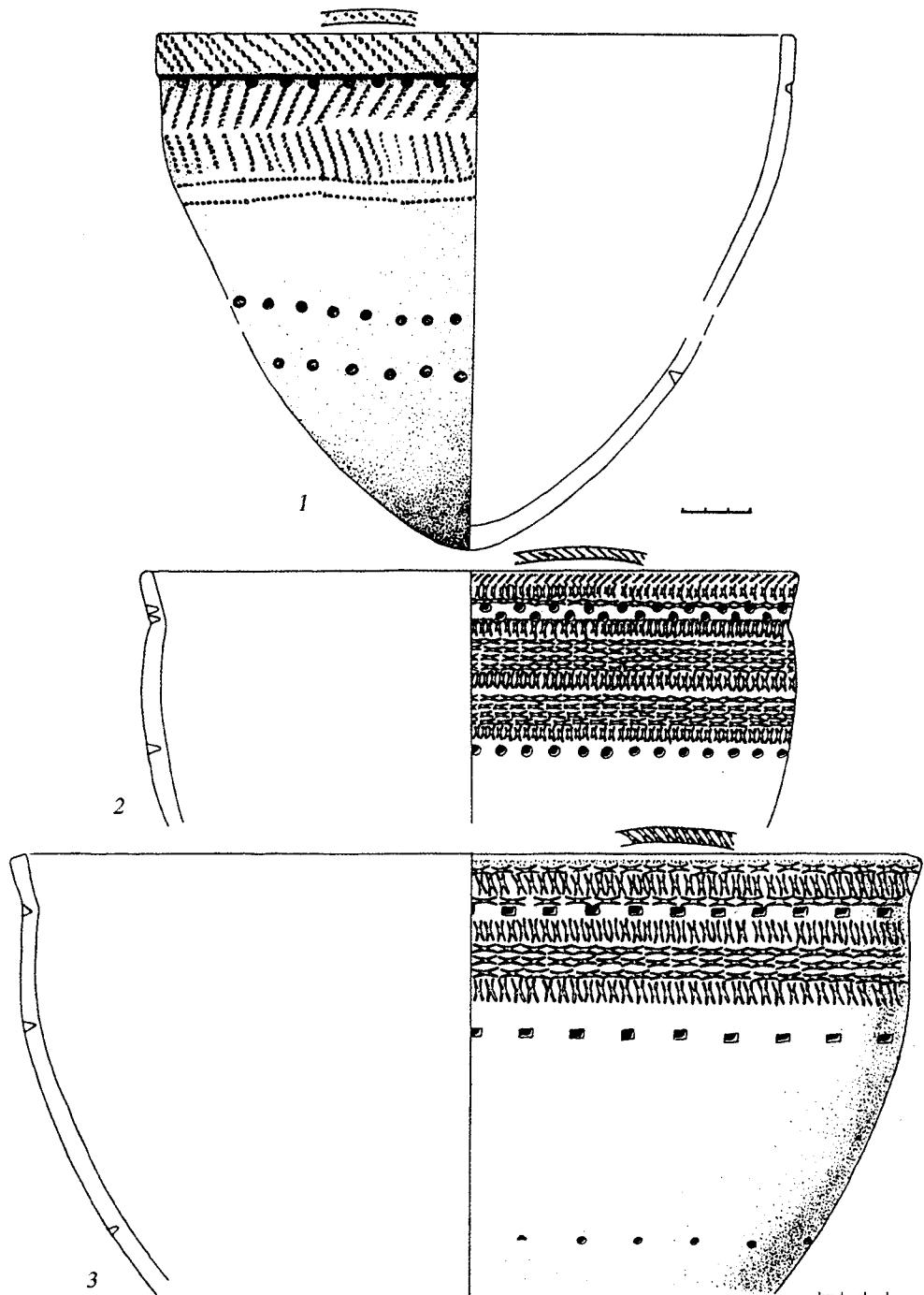

Рис. 3. Селище Барсова гора III/76. Керамика

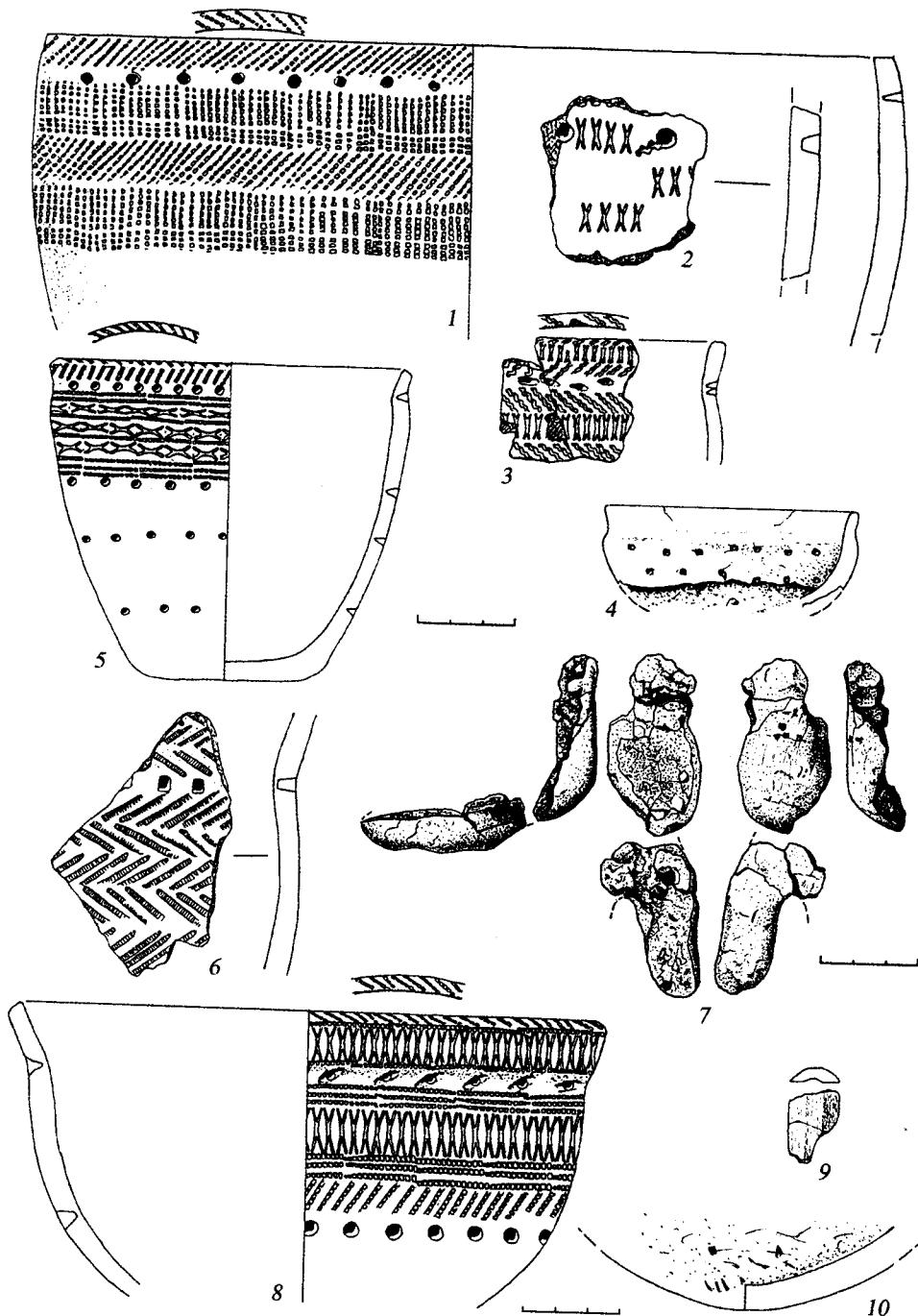

Рис. 4. Селище Барсова гора III/76. Керамика (1 – 6, 8, 10), изделия из глины (7) и кости (9)

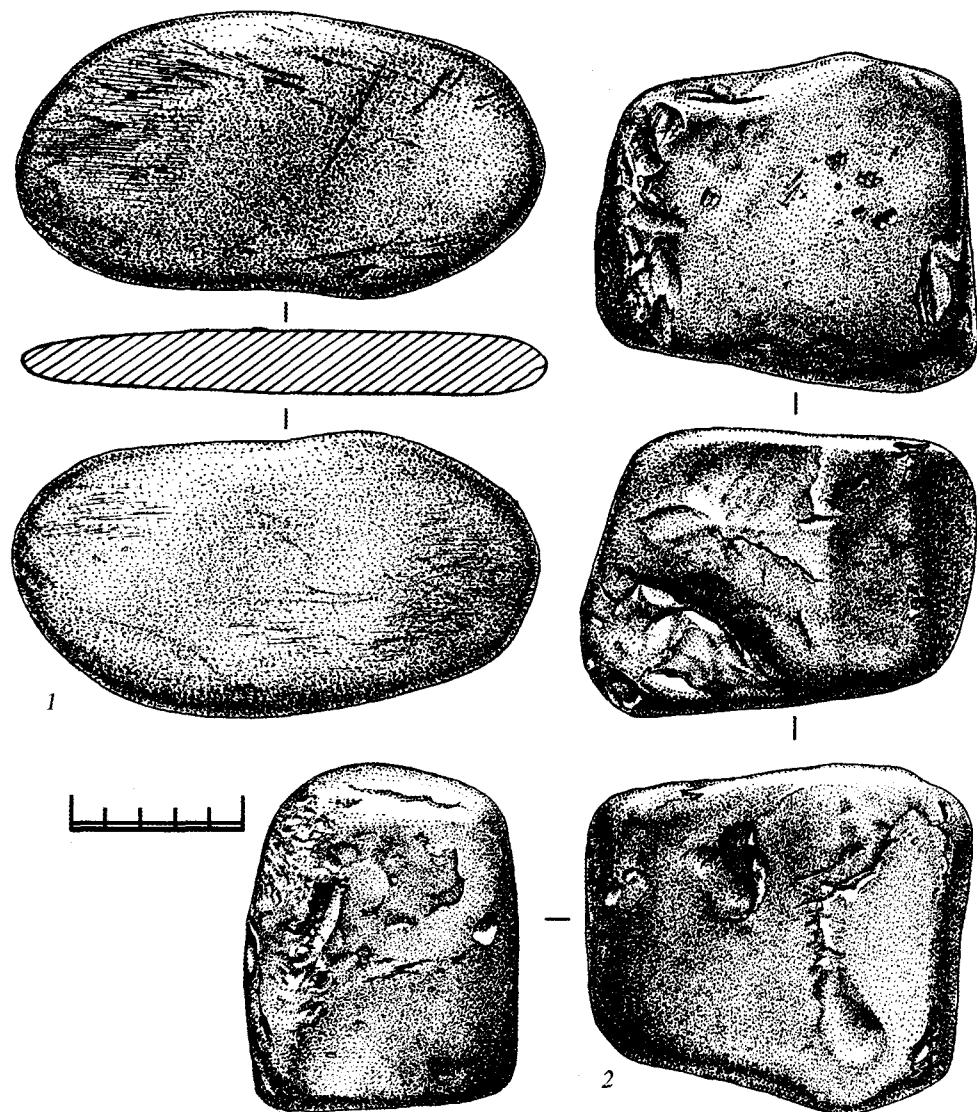

Рис. 5. Селище Барсова гора III/76. Каменные орудия

Размеры ниш на уровне пола варьируют от $1,0 \times 0,6$ м (северная) до $1,9 \times 0,8$ м (северо-восточная). Необходимо отметить, что внешние границы ниш очень четкие, в отдельных случаях даже прямые, что указывает на существование обшивки стенок. В северо-восточной нише на уровне дна по центральной части зафиксирована перпендикулярная внешней стенке углистая темно-серая полоса, возможно, свидетельствующая о существовании лаг на дне ниш, на которые укладывался настил.

В центре объекта располагался наземный очаг максимальным размером $1,12 \times 0,84$ м. Мощность буро-коричневого очажного слоя достигала 0,2 м. Слой насыщен очень мелкими кальцинированными косточками. Его

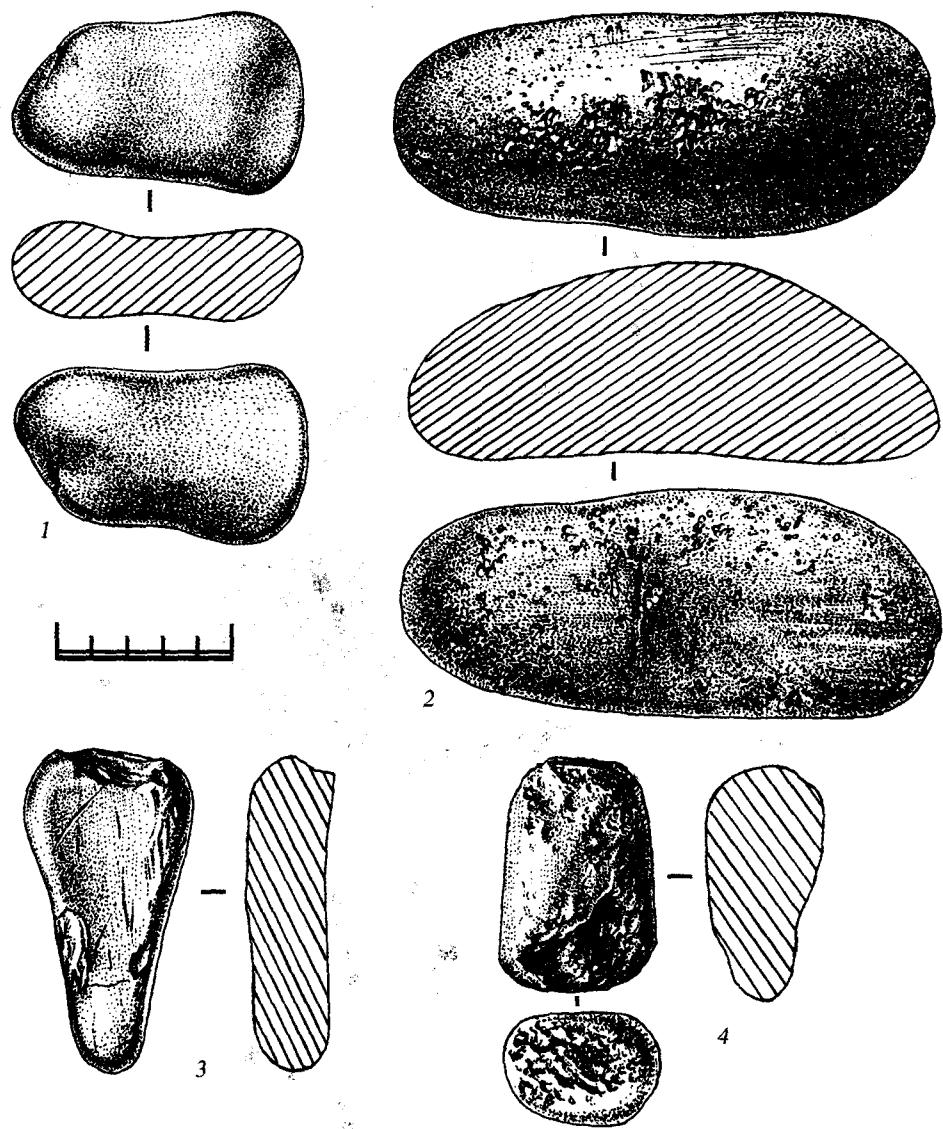

Рис. 6. Селище Барсова гора III/76. Каменные орудия

нижняя кромка граничит с темно-желтым древним иллювиальным горизонтом и серо-коричневым суглинком (материковые слои).

С восточной стороны котлована на удалении от 0,2 до 0,3 м от стенок отмечены две овальные в плане ямы: № 6 размером $0,7 \times 0,34$ м, ориентированная по оси ЮЗ – СВ, и № 7 размером $0,85 \times 0,35$ м, ориентированная по линии ЮВ – СЗ. Глубина ям не превышает 0,15 м. За пределами котлована по внешней границе погребенного подзола и единично у стенок и внутри него прослежено около 20 ямок, вероятно, от столбов.

В заполнении котлована жилища 4 на уровне пола в приочажном пространстве и в нишах были найдены остатки лепных керамических сосудов

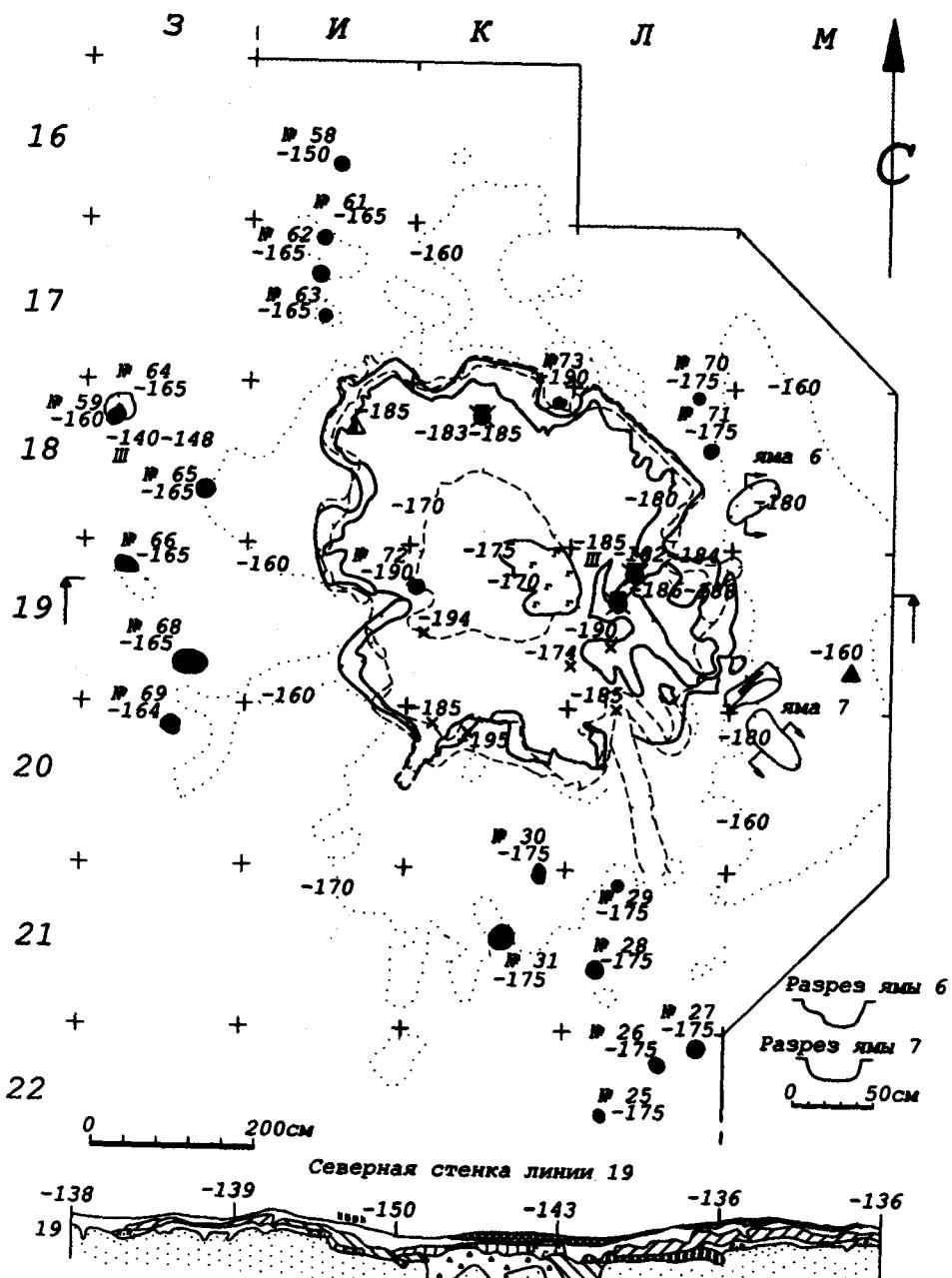

Рис. 7. Селище Барсова гора III/76. План и профили жилища 4

и изделия из камня. Развалы двух сосудов находились в участке Л/19 на глубине –182 – 184 см (см. рис. 3, 3) и глубине –186 – 188 см (см. рис. 4, 4) соответственно в 0,8 и 0,6 м к востоку от очага. Фрагменты верхней части еще одного сосуда были найдены в участках К/20 и Л/19 у стенки юго-западной ниши и в предполагаемой юго-восточной нише. Обломки четвертого сосуда с невысокой шейкой обнаружены в виде развали в участке К/18 на глубине –183 – 185 см в заполнении небольшой по размерам ниши в северо-восточной стенке котлована. Маленький черепок от верхней части емкости (см. рис. 4, 3) найден в участке Л/19 на глубине –174 см. Еще от двух сосудов сохранились только фрагменты стенок (рис. 4, 2, 7). Каменные изделия (2 экз.) – абразив (см. рис. 6, 2) и расколотая кварцевая галька найдены соответственно в 0,2 м к востоку от очага у внешней стенки северо-восточной ниши. Кроме того, за пределами котлована в слое выкида обнаружены кварцевый отщеп и шлифовальная плита соответственно в 1,3 м к востоку и в 2,5 м к западу от его границ.

Объекты 3 и 4, судя по наличию в них очагов и характеру находок, являлись жилищами. Ниже описанные объекты, в том числе 5 и 6, имели, по-видимому, хозяйственное назначение.

Объект № 5 до раскопок представлял собой окружную впадину диаметром до 3 м, глубиной до 0,25 м с обваловкой по периметру шириной до 1,5 м и высотой 0,2 м. В раскопе изучены остатки подпрямоугольного в плане котлована с широтной ориентировкой длинных сторон (рис. 8, А). Размер котлована на уровне дна $1,5 \times 1,3$ м. Он был выкопан на глубину до 0,4 м от уровня древней поверхности. В 0,1 м выше дна размер котлована составлял $2,2 \times 1,8$ м, контур стен извилистый, что, возможно, указывает на отсутствие их крепежа и отражает характер разрушения. От северо-восточного угла на уровне дна фиксировался подпрямоугольный выступ размером $0,44 \times 0,56$ м. Не исключено, что им маркируется направление выхода.

За пределами котлована отмечены семь ямок от столбов, пять из них расположены на удалении от 1,5 до 2,8 м к северо-западу (1), западу (1), юго-западу (2) и югу (1) от границ сооружения.

Находок в заполнении котлована постройки и за его пределами не встречено.

В качестве отдельного объекта можно рассматривать яму 4 (см. рис. 8, А), которая, возможно, не связана с постройкой 5, а является остатками другого объекта, по-видимому, оказавшегося под насыпью давно действующей автодороги пос. Барсово – пос. Солнечный. Яма выявлена в 2,2 м к юго-востоку от котлована постройки 5. Верхние контуры ямы подпрямоугольные, размер $1,25 \times 0,65$ м, с ориентировкой по линии ЮВ – СЗ. В средней части ее размер увеличился до $2,36 \times 0,89$ м, ориентировка изменилась на меридиональную. В придонной зоне контуры ямы были вытянуты по оси ЮЮЗ – ССВ, размер уменьшился до $1,23 \times 0,72$ м. Скорее всего, стени ямы были пологими, дно неровное, близкое к чащевидному. Глубина ямы от уровня древней поверхности не превышала 0,36 м.

В ее заполнении встречены 14 фрагментов стенок, скорее всего, от одного сосуда. Сохранность черепков плохая, на обеих поверхностях многочисленны следы отслоений. Толщина черепков 5 – 6 мм, в тесте в качестве примеси визуально фиксируется шамот. Среди черепков имеются два с оттисками округлых ямок, на одном из них по краю пояска из ямок прослеживаются слабо читаемые отпечатки горизонтальной гребенки. Датировка этой керамики затруднена, но, судя по отсутствию ор-

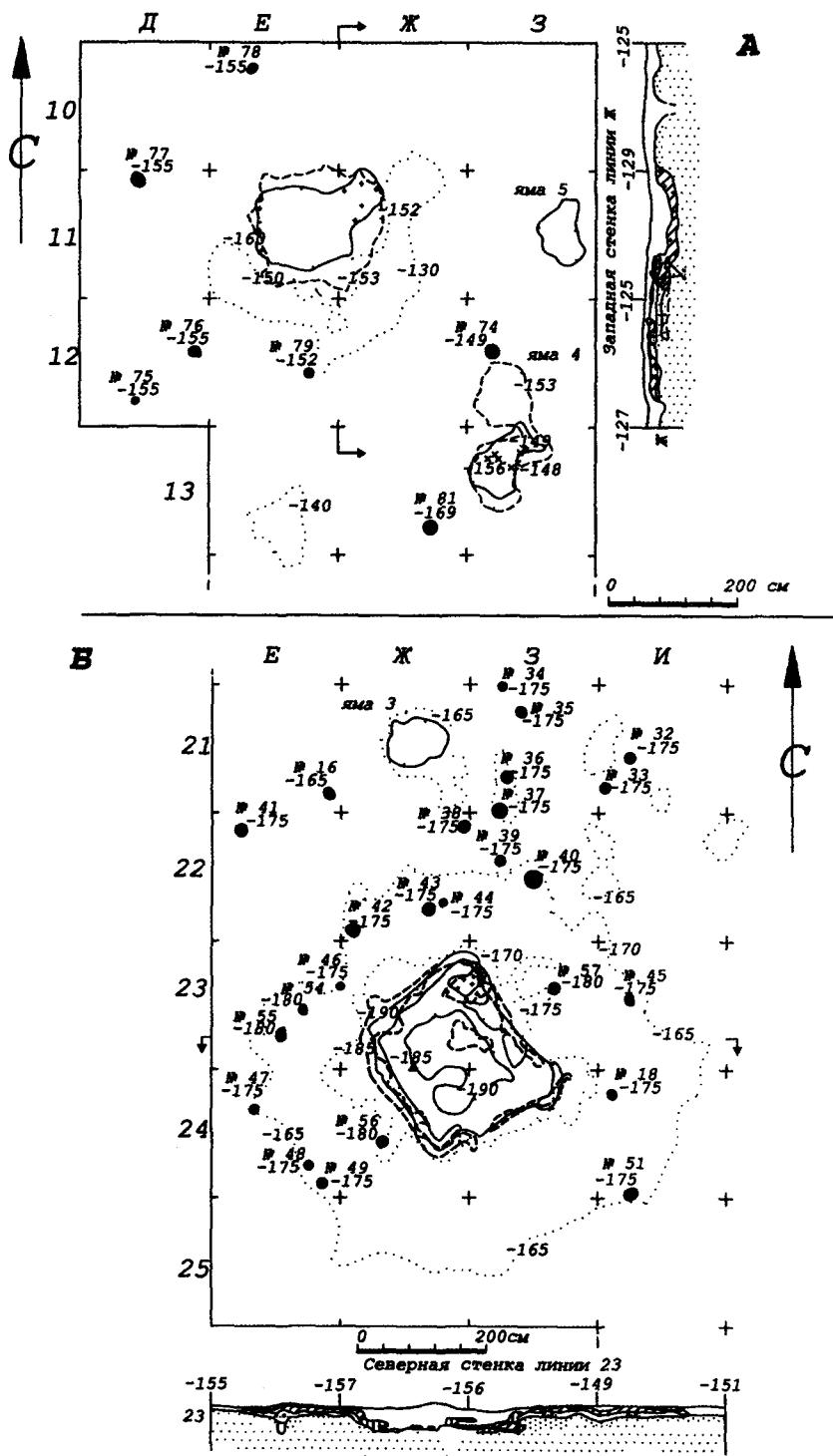

Рис. 8. Селище Барсова гора III/76. Планы и профили построек 5 (A) и 6 (Б)

намента, она может быть синхронна остальной коллекции с селища Барсова гора III/76.

В 5 – 9 м к югу от постройки 5 были отмечены пятна погребенного подзола, перекрытые слоем серо-желтого песка (выкода?) Кроме этого здесь же было несколько ямок, возможно, от столбов. Каких-либо явных контуров объектов, а также находок не выявлено. Возможно, что данная территория входила в сферу активной хозяйственной деятельности жителей поселка.

Объект 6 – западина на его месте в рельефе террасы не читалась. После снятия напочвенного покрова была выявлена западина размером 2,2 × 2,2 м, окруженная валообразной насыпью шириной до 0,9 м с ориентировкой сторон по линии юго-восток – северо-запад. В ходе раскопок изучены остатки углубленной части постройки в виде подпрямоугольного в плане котлована размером приблизительно 3,2 × 2,4 м на уровне древней поверхности и 2,6 × 2,2–2,4 м на уровне пола; глубина не превышала 0,3 м (рис. 8, Б). Дно неровное, в центре прослежен подпрямоугольный останец материкового песка размером 1,4 × 0,95 м, возвышавшийся над пристенным пространством до 0,1 м. Вдоль стенок котлована отмечено подобие канавки. В северном углу прослежена яма подпрямоугольной в плане формы размером 0,5 × 0,3 м и глубиной до 0,2 м, ориентированная параллельно северо-западной стенке котлована. Не исключено, что она имела хозяйственное назначение. Очаг в постройке не зафиксирован. Направление выхода не установлено.

На удалении от 1 до 1,6 м от котлована параллельно северо-западной, юго-западной и юго-восточной стенкам постройки выявлено до 15 ямок от столбов. Они располагались по внешней границе погребенного подзола. Две ямки находились практически зеркально на удалении 0,35 и 0,2 м соответственно от центра северо-западной и юго-западной стенок. Еще десять ямок от столбов (?) прослежены к северу от края котлована на удалении от 1,6 до 4 м, но в их расположении системы не обнаружено. Мы не исключаем, что часть ямок имела естественное происхождение.

Практически на уровне пола у юго-западного края материкового останца в центре котлована постройки найден первичный кварцевый отщеп размером 36 × 24 × 8 мм.

Керамическая коллекция с поселения представлена обломками 10 сосудов, найденных в жилищах 3 и 4, два из которых реконструируются полностью. Один представлял собой плоскодонную банку с короткой шейкой (см. рис. 4, 5). Диаметр ее 11 см, высота 9,5 см. Другой имел котловидную форму с вертикальным плечиком, верх которого оформлен в виде «воротничка»; дно округло-приостренное (см. рис. 3, 1). «Воротничок» снизу был подчеркнут рядом круглых ямок. Диаметр «котелка» по венчику 14 см, высота примерно 11 см. Еще один сосуд котловидной формы имел плечико, чуть загнутое внутрь (см. рис. 4, 1). Его диаметр по верху составлял 26 см. В коллекции есть два обломка небольшого сосудика с короткой шейкой диаметром около 8 см и высотой не более 3,5 – 3,7 см (см. рис. 4, 4). Еще пять емкостей представляли собой горшковидные сосуды с отогнутой наружу относительно короткой шейкой (см. рис. 3, 2, 3; 4, 3, 6, 8). У трех из них удалось замерить диаметры по венчику: 18, 29 и 40 см. Днища их, кроме одного, не сохранились, но, скорее всего, были округлыми (см. рис. 4, 10). Венчики в основном уплощенные, в четырех случаях склонные наружу. Только у двух емкостей, включая маленький сосуд, они округлые.

Наружная и внутренняя поверхности посуды хорошо заглажены. При их обработке использовались мягкий предмет либо, возможно, рука и шпа-

тель с ровным краем. Редко на стенках встречаются отдельные тонкие штрихи. В качестве примесей к глиняному тесту брали шамот. В двух случаях к нему добавлялся песок или охра (не исключено, что красноватые вкрапления «охры» в маленьком сосудике – результат перекаливания шамота). В глине еще одного сосуда визуально преобладает примесь мелкой дресвы. Черепки обеих емкостей из постройки 3 относительно рыхлые, в жилище 4 они плотнее. На стенках четырех сосудов присутствуют нагар (снаружи) и пригар.

Все сосуды независимо от формы были украшены в верхней части; у трех по тулову были нанесены еще горизонтальные ряды ямок (признак, характерный для посуды бронзового века), а у двух таким рядом заканчивались орнаментальные композиции. У маленького сосудика по тулову проходили два горизонтальных ряда ямок (см. рис. 4, 4). Венчики емкостей орнаментированы оттисками гребенчатого (5 экз.), крестового и мелкоструйчатого (по 1 экз.) штампов, поставленных с наклоном влево; у маленькой плошки венчик лишен декора. У всех сосудов на переходе от шейки к плечику или в верхней части плечика были так называемые разделятельные пояски из ямок, причем в двух случаях ямки прямоугольные или квадратные (см. рис. 3, 3; 4, 6). Еще в двух они располагались в шахматном порядке, что также свойственно некоторым типам керамики эпохи бронзы; при этом на одном сосуде ямки как бы обрамляли невысокий валик, сформованный в основании шейки (см. рис. 3, 2; 4, 3). У трех горшков разделятельный поясок выполнен так называемыми «глазчатыми» ямками (перечеркнутыми оттисками штампа), что нередко встречается на ранней белоярской посуде (см. рис. 4, 2, 3, 8).

Орнаментальные композиции также не коррелируются с формой сосудов, а потому рассматриваются суммарно. Они представляют собой чередующиеся горизонтальные ряды разнонаклонных оттисков штампов и ямочных вдавлений. В процентном соотношении доли различных штампов, которыми выполнялись узоры, распределяются следующим образом: гребенчатый – 34,4 %, стержни, которыми наносились ямки (независимо от их формы) – 31,2 %, косой крест – 29,5 %, мелкоструйчатый штамп – 4,9 %. Среди узоров (элементов узоров) преобладали ряды ямочных вдавлений, в том числе расположенных в шахматном порядке – 31,2 %. Далее идут прямые линии (от одной до четырех в ряду) – 24,6 %, пояски вертикальных оттисков штампов – 21,3 % и пояски наклонных оттисков (вправо или влево) – 18,0 %, а вместе с поясками так называемые горизонтальные елочки – 21,3 %.

В постройке 3 найдены обломки глиняной скульптуры. Форма ее не восстанавливается, но, возможно, это антропоморфное изделие (см. рис. 4, 7). Глиняное тесто довольно плотное, в качестве примеси использован шамот. Можно отметить, что на Барсовой Горе в постройках этого времени найдены две антропоморфные фигурки, одна на селище Барсова гора I/40 [5, с. 246, рис. 4], другая – на селище Барсова гора III/72 [10, с. 332]. Крупный обломок с селища Барсова гора III/76 размером $5,5 \times 3,0 \times 1,3$ см напоминает спину антропоморфа, а другой кусок размером $5,1 \times 1,7 \times 1,4$ см – его нижнюю конечность, отходившую под углом к тулову. У последнего сохранился закругленный участок, от которого, видимо, начиналась вторая нога. Еще два маленьких обломка, $2,5 \times 1,7 \times 0,85$ и $1,7 \times 1,3 \times 0,5$ см, вероятно, также принадлежат конечностям. Остальные фрагменты представляют собой обожженную керамическую крошку.

Коллекция каменных артефактов с поселения небольшая и за исключением трех предметов состоит из орудий. Из жилища 3 происходят два инструмента ударного действия – молотки, два абразива и пила по камню. Один молоток кубической формы размером $66 \times 63 \times 48$ мм (см. рис. 5, 2); четыре противолежащие плоскости тщательно отшлифованы, одна из них почти идеально ровная. Второй – цилиндрической формы размером $41 \times 23 \times 21$ мм (см. рис. 6, 4). Тело инструмента обработано шлифовкой. С торца, явившегося, скорее всего, рабочим краем орудия, на обе плоскости идут сколы, деформировавшие рабочую кромку. Оба инструмента использовались в металлообработке и могут быть классифицированы как орудия соответственно среднего и малого действия [11, с. 63].

Абразивные инструменты – 3 экз., два из них найдены в жилище 3 (см. рис. 6, 1, 3), один – в постройке 4 (см. рис. 6, 2). В качестве заготовок под орудия использованы гальки средних пропорций; размеры инструментов $55 \times 30 \times 15$; $51 \times 31 \times 17$ и $94 \times 38 \times 35$ мм. Рабочие поверхности абразивов имеют желобчатый профиль, износ поверхности фиксируется вдоль продольной оси орудия (см. рис. 6, 2, 3) или поперек нее (см. рис. 6, 1). Кроме того, один из абразивов (см. рис. 6, 2) использовался в качестве инструмента ударного действия и под наковальню, износ фиксируется соответственно на торцах и ребре, противолежащем рабочей плоскости абразива.

Пила по камню изготовлена из уплощенной гальки подовальной в плане формы, размер орудия $95 \times 51 \times 8$ мм. Рабочий край инструмента расположен на продольной стороне. Кроме того, галька выполняла функцию абразива.

Остальные предметы коллекции представлены изделиями из кварца – расколотой галькой (возможно, служила отбойником) и двумя отщепами без следов использования.

Изделие из кости (см. рис. 4, 9) найдено в жилище 4 и представлено кальцинированным фрагментом размером $23 \times 15 \times 5$ мм. Было изготовлено из трубчатой (?) кости млекопитающего (до вида не определимого). Внешняя поверхность кости имеет искусственную огранку и трапециевидную форму в поперечном разрезе.

Коллекция каменных предметов с Барсовой горы III/76 сопоставима численно и в представленном типологическом ассортименте орудий с известными материалами других памятников белоярской культуры – Вачим 7 [12, с. 37, 38, рис. 16], Барсова гора I/40 [4; 5, с. 246 – 254]. Несмотря на внешне бедный и однообразный состав категорий каменных артефактов, определенно выделяется комплекс орудий, связанный с процессом металлообработки. Он встречен на всех поселениях и включает орудия ударного действия (отбойники, песты, молотки и молоты), абразивные инструменты (плиты и оселки) и наковальни. Нередко один и тот же предмет употребляется в разных технологических циклах, и тогда возникают комбинированные формы инструментов, например абразив+отбойник+наковальня.

Для изготовления этих орудий вряд ли было уместно использовать камень хорошего качества (кремень, халцедон, яшма и т.п.), тем более что абразивные свойства этих пород невысоки. Отбор заготовок из габбро, гранодиорита, сланца и даже кварца осуществлялся намеренно. Рабочие плоскости ударных инструментов, таких как молотки и молоты, зачастую выводились идеально, иногда до уровня полировки, что значительно уменьшало деформацию «бойка» при работе. Помимо тщательной выделки рабочего края нередко с такой же аккуратностью обрабатывалась и аккомодацион-

ная сторона инструмента. По всей видимости, масса орудия также учитывалась. В этой связи не исключено, что существовала определенная специализация среди мастеров, занятых в металлообработке, и в качестве отдельной «отрасли» могло выделиться производство орудий для этой сферы.

Другой особенностью каменной индустрии белоярского времени можно назвать отсутствие морфологически выраженных форм скребков, ножей, острий, включая и наконечники стрел. Скорее всего, эти типы каменных инструментов были замещены металлическими аналогами, т. е. медными и бронзовыми, наряду с широко употреблявшимися орудиями из кости. Как пример, в каменном инвентаре поселения Барсова гора I/40 из 123 орудий всего три скребка (скребла), ножи и острия отсутствуют [5, с. 250, таблица]. Подобная же ситуация получена в материалах поселения Вачим 7, где нож и скребок выделены даже не типологически, а на основании следов износа на рабочих кромках [12, с. 37, 38]. По всей видимости, изготовление таких категорий орудий (ножей, скребков, острий) из каменного сырья осуществлялось спорадически и, возможно, было обусловлено нехваткой или отсутствием в момент проведения производственного цикла инструментов из металла.

Селище Барсова гора III/76 наряду с селищем Барсова гора I/40в, судя по керамическим комплексам, пока являются самыми ранними памятниками белоярской культуры начала раннего железного века. Облик основной коллекции вполне соответствует посуде эпохи железа: горшковидные и котловидные круглодонные емкости, украшенные в верхней части. В то же время на посуде еще присутствуют черты,ственные керамике позднего бронзового века: плоскодонность отдельных сосудов, ряды ямок по тулову, широкое применение штампа в виде косого креста и ряд других. Посуда селища Барсова гора I/40в, как уже упоминалось, сохранила черты керамики как барсовской, так и атльмской культур, причем первые на ней проявляются ярче [4, с. 128]. По сравнению с ней на сосудах селища Барсова гора III/76 больше признаков, сопоставимых с атльмской культурой. На наш взгляд, это говорит об одинаковой роли двух групп населения эпохи поздней бронзы в сложении новой культуры, характеризующей начало железного века. О преемственности свидетельствуют также характер планировки поселков и близкие типы построек, облик каменного инвентаря. Новые открытия смогут подтвердить или опровергнуть эти представления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П. Об источниках цветного металла в древних культурах Сургутского Приобья // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика: Матер. XI Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 1998.
2. Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П. Цветной металл памятников Барсовой горы I тыс. до н. э. (предварительные результаты) // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения: Сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2005.
3. Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова гора: археологическая карта. Сургут; Омск, 2004. Вып. 1.
4. Чемякин Ю.П., Кокшаров С.Ф. Поселение начала 1 тыс. до н. э. на Барсовой горе // ВАУ, 1984. Вып. 17.
5. Сериков Ю.Б., Чемякин Ю.П. Каменный инвентарь белоярского поселения Барсова гора I/40 // ВАУ, 1988. Вып. 23.
6. Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА, 1973. № 1.

7. Шатунов Н.В. Отчет об археологических работах в Сургутском районе ХМАО в 1994 г. Сургут, 1995. (Архив ИА РАН Р-1. № 18645).
8. Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корочкова О.Н. и др. Исследование селищ конца бронзового – начала железного века на Барсовой горе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2002. Вып. 1.
9. Сергеев А.С. Отчет об археологической разведке на Барсовой Горе в зоне строительства правобережного подхода к автомобильному мосту через реку Обь и в зоне проектирования автомобильной дороги «Сытомино – Песчаное» в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Екатеринбург, 2002. (Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 622).
10. Борзунов В.А., Корочкова О.Н., Сергеев А.С. и др. Аварийные раскопки древних селищ в окрестностях Сургута // АО-2002. М., 2003.
11. Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности поселения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988.
12. Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Древнее поселение в бассейне р. Пим (краткий археологический очерк). Сургут, 1997.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БЕЛОЯРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам селища Барсова гора III/76)

К началу второй четверти I тыс. до н. э. в материальной культуре таежных обществ фиксируются существенные перемены, которые указывают, что западносибирские племена вступили все же в новую эпоху. Произошел переход от бронзового века к железному, хотя по основному орудийному комплексу таежные общества начала раннего железного века могут быть определены как «позднебронзовые». В сложении белоярской культуры принимают участие две группы населения эпохи поздней бронзы – барсовская и атлымская. В керамических комплексах селища Барсова гора III/76, расположенного в Сургутском Приобье в урочище Барсова Гора, ярче проявляется атлымский компонент. О преемственности свидетельствуют также характер планировки поселка и близкие типы построек, облик каменного инвентаря.

А.А. Погодин, Ю.П. Чемякин

ORIGIN OF THE BELOYARSKAYA CULTURE REVISTED (from materials of Barsova gora III/76 settlement site)

By the beginning of the second quarter of the I millennium BC in material culture of the Western Siberia taiga population there occurred some changes. In less degree the shift of the Bronze to Iron Age could be traced in tool complex. Two groups of the Late Bronze Age population such as Barsovsky and Atlymsky played an active role in formation of the Beloyarskaya culture. Pottery complex from the Barsova Gora III/76 settlement site demonstrates Atlymsky component. Such continuance is supported layout of settlement, construction of dwellings, flint tools.

А.А. Погодин, Ю.П. Чемякин

К.Г. Каракаров

ВОЖПАЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Вожпайская археологическая культура выделена Л.П. Хлобыстиным на материалах стоянки Дюна III на Западном Таймыре с привлечением западносибирских памятников [1; 2, с. 9 – 27]. Правомерность ее выделения

до сих пор оспариваются некоторыми исследователями. Появившиеся неизвестные ранее данные позволяют вновь обратиться к этой проблеме.

Собственно вожтайский стиль (тип) в керамике был выделен В.Н. Чернецовым. Несмотря на то, что исходя из имевшихся тогда данных он не смог избежать ошибок в своей классификации, поместив сосуды одного стиля и времени в разные археологические группы, ему удалось четко выделить вожтайскую керамику: «Керамику из Вож-Пая и Барсова Городка уже трудно безоговорочно относить к оронтурскому типу. В ней отсутствует ряд характерных для этого типа черт. По-видимому, ее следует рассматривать как переходную и выделить в особую вожтайскую группу...». Однако будучи сторонником концепции автохтонного развития местной культуры, он все же рассматривал ее в рамках оронтурского этапа нижнеобской археологической культуры [3, с. 200].

В 1991 г. Н.В. Федорова, А.П. Зыков, В.М. Морозов и Л.М. Терехова пересмотрели схему В.Н. Чернецова. Прежде всего они посчитали неправомерным выделение В.Н. Чернецовом нижнеобской археологической культуры. По их мнению, «материалы лесной зоны Западной Сибири обнаруживают преемственность с памятниками раннего железного века и настолько близки с ними, что логичнее рассматривать их либо в рамках одной археологической культуры, либо отказаться от этой таксономической единицы» [4, с. 127 – 129]. Предпочтение было отдано отказу от термина «археологическая культура» [4, с. 129]. Памятники группировались ими в «культурно-хронологические типы» [4, с. 127]. При этом они не рассматривали возможность выделения нескольких археологических культур, хотя и отмечали культурное своеобразие выделенных ими этапов развития материальной культуры. Вслед за В.Н. Чернецовом исследователи отказали вожтайским комплексам в культурной самобытности и рассматривали их как наиболее ранние в рамках кинтусовского «культурно-хронологического типа» [4, с. 137 – 139]. Как уже говорилось выше, именно Л.П. Хлобыстин посчитал правомерным выделение самостоятельной вожтайской археологической культуры со своим ареалом и уникальным керамическим стилем [2, с. 9 – 27; 5, с. 138 – 147]. По его представлению, эта культура сформировалась в Обь-Иртышье и по средней Оби; по рекам, текущим с сибирских увалов, распространялась в приполярные районы Западной Сибири и оттуда – на запад Таймырского Заполярья [5, с. 136].

Статус культуры

В настоящее время нет единой позиции в принципах культурной типологии и классификации археологических материалов эпохи средневековья для лесной зоны Западной Сибири. Многие исследователи продолжают придерживаться весьма запутанной схемы В.Н. Чернецова. Уральские специалисты попытались создать новую схему. В отличие от В.Н. Чернецова они более обоснованно определили генеральную линию изменений в культуре, которая вряд ли будет серьезно пересматриваться в ближайшее время. Однако они внесли, на наш взгляд, значительную путаницу в методологию вопроса. Вдобавок к тому, что термин «археологическая культура» был подменен аналогичным по смыслу термином «культурно-хронологический тип», в 1993 г. А.П. Зыковым и Н.В. Федоровой введено понятие «обь-иртышская культурно-историческая общность», что было озвучено

с. 138 – 139]. В вожпайской посуде, таким образом, они выделили две группы – «классическую нарядную» и «с обедненной орнаментацией».

Доминирующими в орнаментации вожпайской керамики являются оттиски гребенчатого штампа. В отличие от посуды предшествующего и последующего времени в орнаментации отсутствует отступающая техника. В «классическом» варианте на вожпайских сосудах наблюдаются следующие орнаментальные зоны: ряды вертикальных или наклонных оттисков, как вариант – «горизонтальная ёлочка»; полосы с мотивами взаимопроникающими треугольников, ломаной линии или нескольких ломанных линий, иногда образующих ромбы, наклонных лент; горизонтальные линии, как правило, разделяющие орнаментальные полосы. Срез венчика не орнаментирован. Обычно на сосуде присутствуют три горизонтальные орнаментальные зоны, разделенные линиями, и не заполненная оттисками штампа узкая полоса по линии глубоких наколов на шейке. Полоса с «основным вожпайским мотивом» (взаимопроникающими треугольниками, ломаной линией или наклонными лентами) обычно занимает центральную часть композиции в верхней части туловы от перегиба шейки до нижней линии плечика или перегиба туловы (рис. 1 – 3). Нередко вместо «основного вожпайского мотива» на сосудах представлен ряд наклонных или вертикальных оттисков гребенчатого штампа; иногда их два, в этом случае они разделены двумя или тремя горизонтальными линиями. Кроме того, в орнаментации ряда сосудов использован штамп в виде ромба или треугольника с поперечной штриховкой или сеткой. От керамики кучминского типа в качестве субстратного элемента сохранились фестоны, нередко завершающие декор вожпайских сосудов в нижней части.

Естественно, существуют и другие комбинации, которые встречаются несколько реже. В их числе и сосуды с «обедненной» орнаментацией, когда отсутствует центральная полоса или сосуды орнаментированы исключительно мотивом «ёлочка». Изделия такого типа, как правило, небольшие и встречаются чаще, как уже было отмечено, в погребальных комплексах. Относительно формы сосудов можно отметить, что они характеризуются укороченной шейкой, переход к тулову/плечу начинается сразу же под линией глубоких наколов. Еще одна характерная черта – наколы не образуют с внутренней стороны «жемчужины», в некоторых случаях вздутия едва заметны.

Уникальность вожпайского керамического стиля была подтверждена результатами статистической обработки, проведенной В.И. Семеновой [7, с. 162].

На Средней Оби в комплексах вожпайского времени встречаются сосуды с орнаментом, выполненным различными разновидностями С-видного штампа. Такие сосуды найдены на могильнике Усть-Балык, погребения 6, 16, 17 [7, с. 58, рис. 14, 17 – 19], на могильнике Барсов Городок, погребения 82, 90 [8, р. 123, 126, 128, 129, 140, 144, 170; 9], на Сайгатинском VI могильнике, погребения 98, 105 (рис. 4, 1, 2). Кроме того, встречены сосуды, сочетающие в себе гребенчатые и С-видные штампы: Барсов Городок, погребения 120, 121, 131, 143 [9]. Видимо, здесь стоит говорить о двух одновременных традициях, которые, возможно, существовали если не на одной, то на близких территориях и находились во взаимодействии друг с другом. Отметим, что манера орнаментации С-видными штампами очень близка гребенчатой. Мотивы орнаментов очень похожи, близка и техника нанесения (оттиски без протаскивания или отступания).

на XII Уральском археологическом совещании. Она охарактеризована как «высшее проявление степени генетического сходства археологических комплексов северо-западной Сибири эпохи железа» [6]. Даже если отвлечься от некорректности (на наш взгляд) такого определения, остается неясным, что же понимается под «высшей степенью проявления генетического сходства».

Лесная зона Западной Сибири представляет собой относительно замкнутый природно-географический район. Этот фактор и сыграл ведущую роль в формировании здесь генетически связанных или не связанных историко-культурных общностей, на различных этапах сменявших друг друга. Они появлялись в результате взаимодействия родственных и неродственных этносов, волею судеб оказавшихся в определенный период (этап) в этом регионе. В силу общей исторической судьбы и в результате взаимного влияния у них складывались сходные культурные особенности – стереотипы в материальной и духовной культуре, которые нашли свое отражение и в археологическом материале: в типах поселений, фортификации, оружии и орудиях труда, утвари (прежде всего керамике), одежде, погребальном обряде и ином материальном выражении культовой практики, т. е. в археологической культуре.

Стремление «упаковать» все средневековые и даже ранний железный век Западной Сибири в одну археологическую культуру или вообще отказаться от выделения культур кажется не совсем правильным. Ведь именно выделяя археологические культуры, мы прослеживаем смену историко-культурных образований прошлого и развитие собственно культуры. Отказ от этого на основании утверждения о «преемственности» между «культурно-хронологическими типами» нельзя считать обоснованным. Преемственность – это прежде всего связь между явлениями в процессе развития, когда новое, сменяя старое, сохраняет в себе некоторые его элементы. Например, нельзя отказывать в самостоятельности английскому языку на основании того, что в нем присутствует кельтский субстрат.

Разделяя мнение Л.П. Хлобыстина о вожпайском феномене как об археологической культуре, попытаемся несколько расширить и укрепить его аргументацию.

1. Одним из индикаторных признаков (в большинстве случаев единственным или основным) для выделения археологических культур является керамика, точнее стиль керамической посуды. Проблем с идентификацией вожпайской керамики у исследователей не возникает. В.Н. Чернецов отмечал «сухость» орнаментации вожпайской керамики [7, с. 198] и характерные для нее «орнаментальные зоны на шейке, состоящие из косых лент или треугольников», заштрихованных в разных направлениях [7, с. 200]. Интересна субъективная оценка вожпайского стиля Н.В. Федоровой, А.П. Зыковым, В.М. Морозовым и Л.М. Тереховой. Они, напротив, называют ее «нарядной». При этом дают очень близкое к В.Н. Чернецову описание, в котором отмечают, что к керамике «так называемого вожпайского типа» относятся «сосуды, украшенные на шейках лентами наклонных полос, ромбов, взаимопроникающих треугольников, заштрихованных в разных направлениях, горизонтальной ёлочкой, ниже – исключительно гребенчатым штампом» [4, с. 137 – 138]. Кроме того, уральские специалисты отметили наличие в погребальных комплексах этого времени преимущественно сосудов с «обедненной орнаментацией: гребенчатая ёлочка и ряды горизонтальных оттисков гребенчатого штампа на шейке» [4,

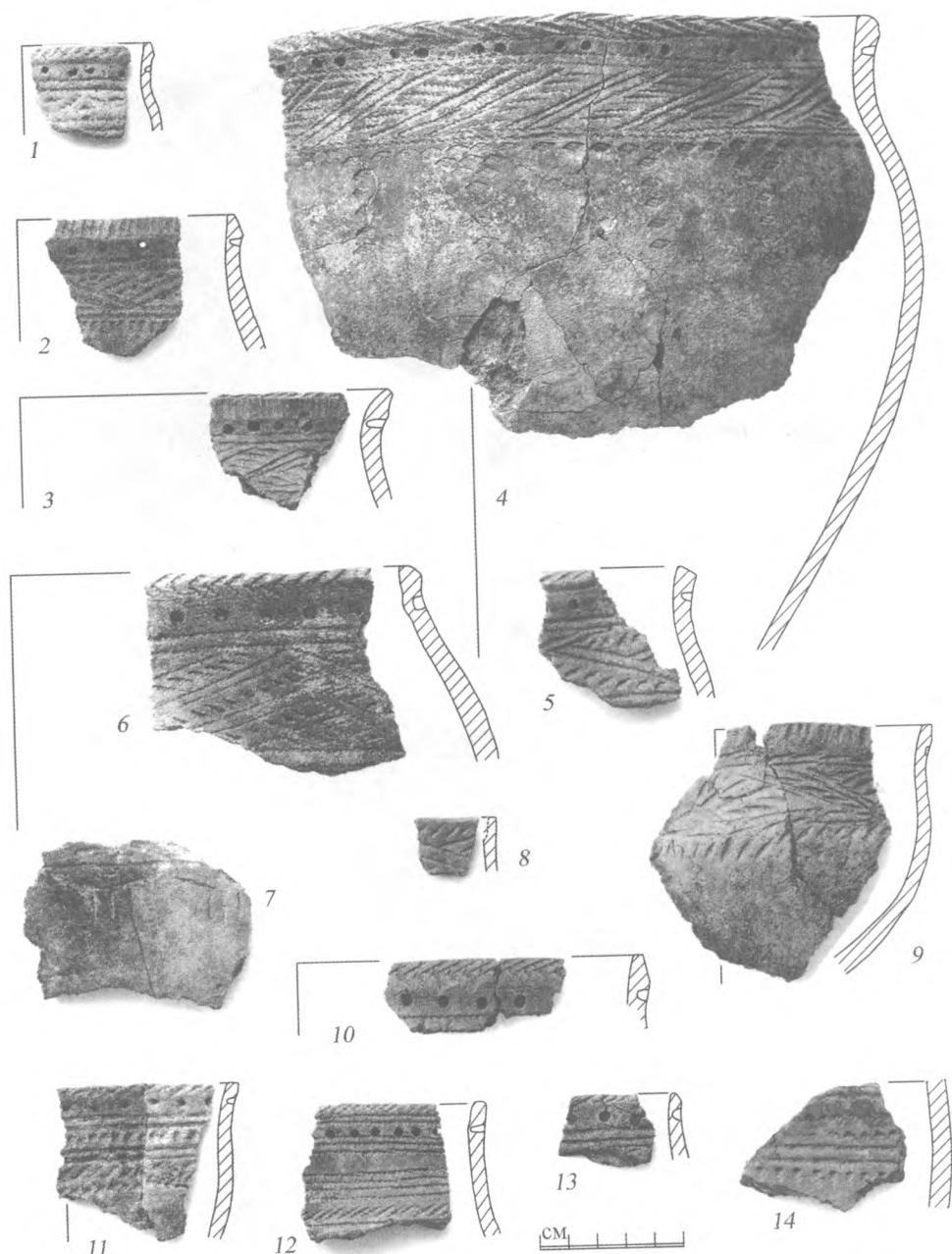

Рис. 1. Городище Старые Покачи 5. Фрагменты керамических сосудов, отнесенные к вожпайской археологической культуре (1 – 14)

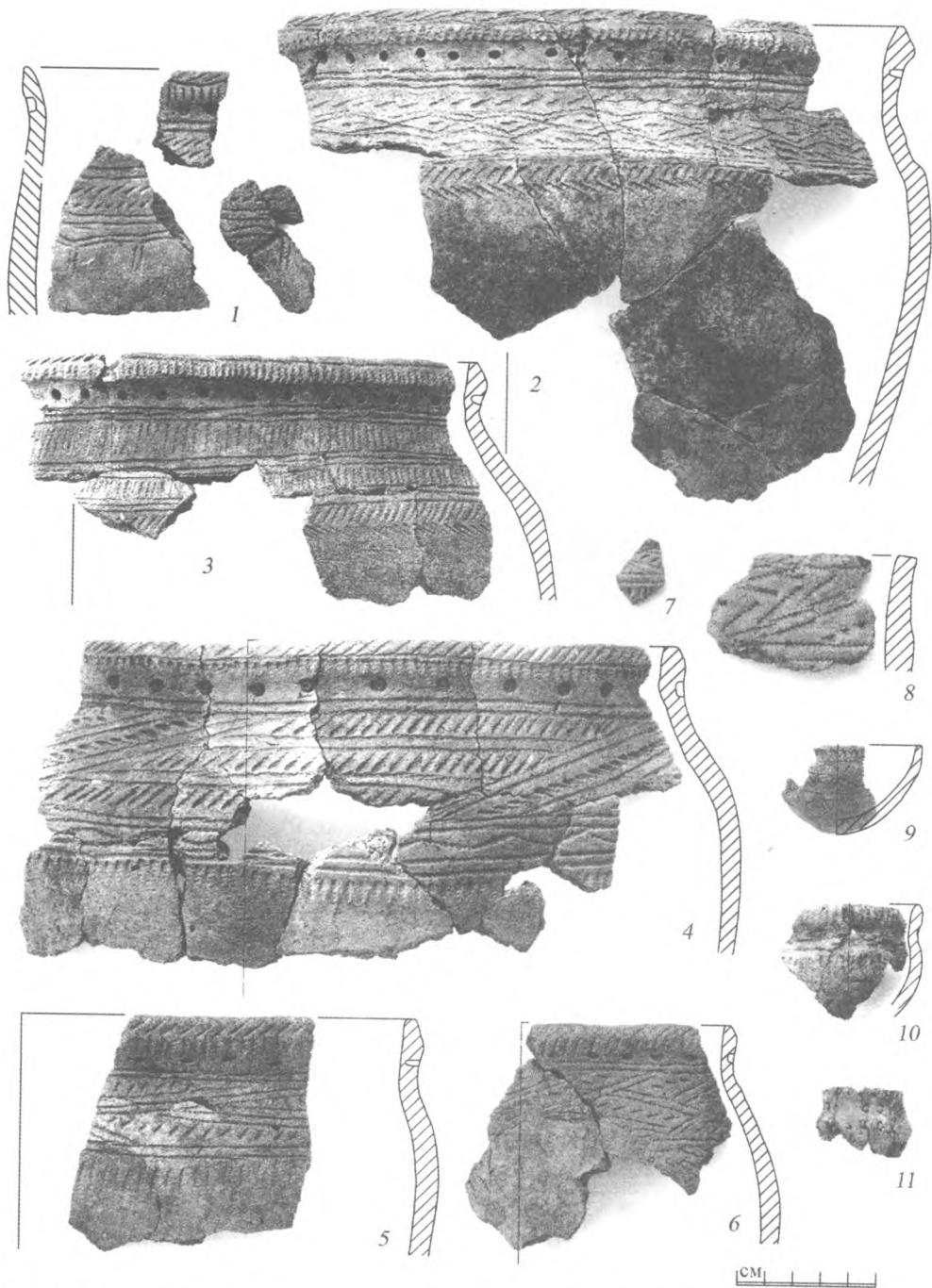

Рис. 2. Могильник Сайгатинский VI. Фрагменты керамических сосудов, отнесенные к вож-
пайской археологической культуре.
1 – 3, 6 – 11 — фрагменты, найденные вне погребений; 4 — один фрагмент найден в погребении 128, остальные —
на поверхности; 5 — погребение 116

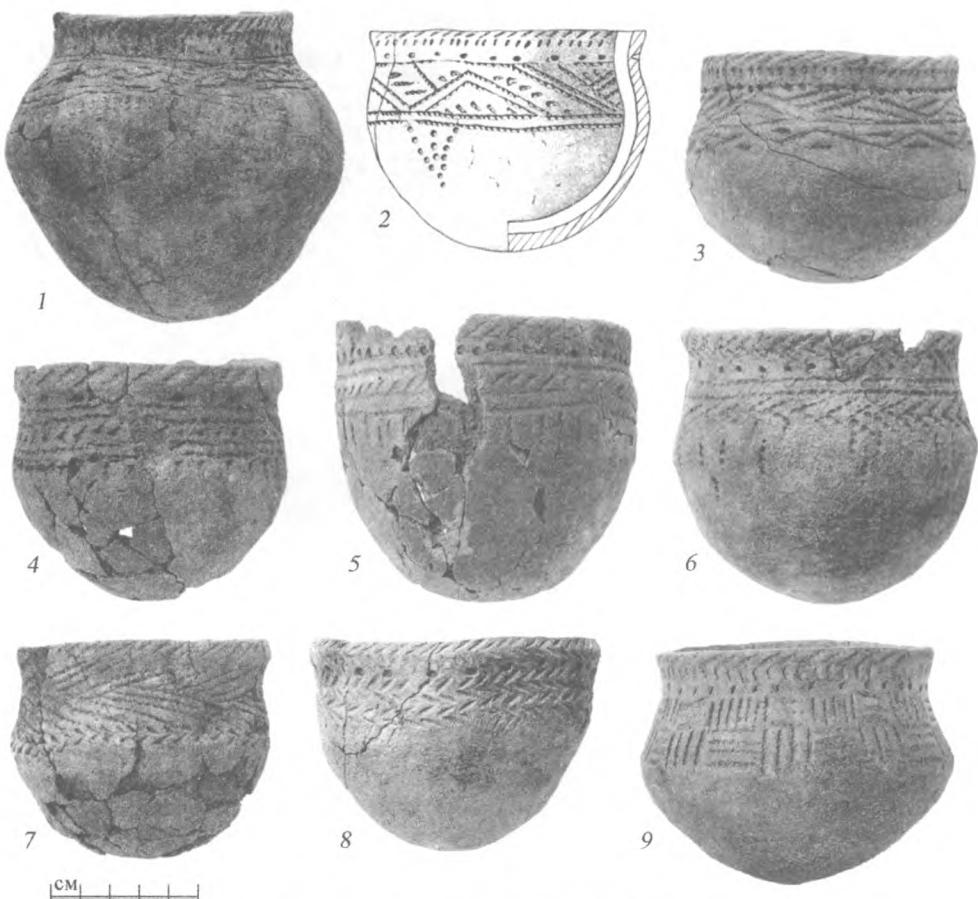

Рис. 3. Могильник Сайгатинский VI. Сосуды из «вожпайских» погребений.
1 — п. 116; 2 — п. 121; 3 — п. 91; 4 — п. 128; 5 — п. 97; 6 — п. 99; 7 — п. 123; 8 — п. 125; 9 — п. 113

Безусловно, вожпайская посуда отличается как по форме, так и по орнаментации. Преемственность керамических стилей в цепочке кучиминский – вожпайский – кинтусовский, на наш взгляд, не идет дальше преемственности отдельных элементов или мотивов. Сменяя предшествующий стиль, вожпайская посуда наследует «кучиминские» фестоны, а в орнаментации кинтусовской посуды часто использована «вожпайская» полоса взаимопроникающих треугольников.

2. Ареал распространения вожпайского керамического стиля отличается от территории, на которой встречается кучиминская и кинтусовская керамика. Он значительно дальше уходит на восток, судя по раскопкам стоянки Дюна III, захватывает, по крайней мере, Западный Таймыр. При этом на Западном Таймыре эта орнаментальная традиция не получает развития в более поздней посуде усть-половинковской археологической культуры [2, с. 26]. В лесной же зоне Западносибирской равнины сформировался керамический стиль (кинтусовский), который интегрировал в себя вожпайский субстрат.

3. «Приход» вожпайской археологической культуры – это не просто смена керамического стиля. Исчезает такой яркий элемент предшествую-

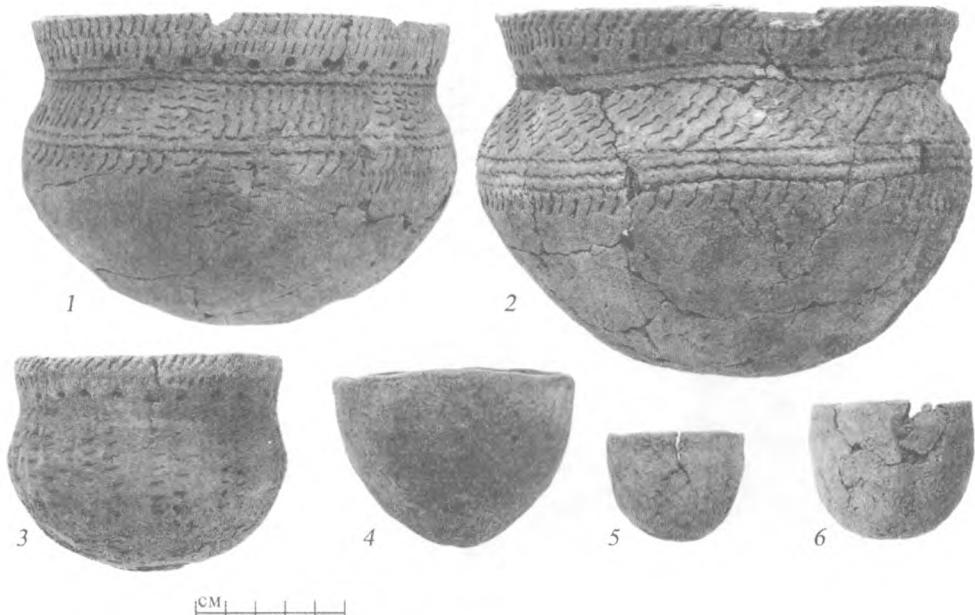

Рис. 4. Могильник Сайгатинский VI. Сосуды вожпайского времени с нестандартным декором.

1 – п. 98; 2 – п. 105; 3 – п. 96; 4 – п. 119; 5 – с поверхности; 6 – п. 109

щей кучиминской культуры, как городища, имевшие в основе построения прямоугольник с мощной, часто многорядной, системой обороны и уличной планировкой. «Чистых» вожпайских городищ еще не обнаружено. Не исключено, что собственной «вожпайской» фортификации и не существовало. Городища следующей кинтусовской археологической культуры отличаются от «кучиминских». В основе их построения лежит круг – это круглые городища. Их площадь меньше, «уличность» в планировке отсутствует.

Исчезновение кучиминской традиции фортификации вряд ли можно связывать с внутренним развитием этой культуры. Скорее всего, определяющую роль сыграли внешние факторы.

4. Погребальный обряд вожпайского периода также имел некоторые отличия как от кучиминского, так и от кинтусовского. По Сайгатинскому некрополю прослеживается, что территориальные группы погребений почти всегда относятся к конкретным выделяемым культурным периодам, случаи смешения редки. Так, ранняя группа Сайгатинского III могильника, расположенного в восточной части урочища, перестает функционировать в IX в., в момент прихода вожпайской традиции. Одновременно появляются «вожпайские» группы погребений в западной части. Позже здесь же появляются «кинтусовские» погребения, однако они образуют отдельные группы.

Слом в погребальном обряде особенно заметен при переходе от кучиминской традиции к вожпайской. Несмотря на то, что ориентировка могильных ям продолжала тяготеть к меридиональной, умершие в них укладывались головой как в южном, так и в северном направлениях. В кинтусовское время и ориентировка ям становится неустойчивой. В вожпайской погребальной практике начинают использоваться керамическая посуда и

стрелы с наконечниками (или наконечники?) – элементы, не характерные для кучминского времени. В более позднее время их использование становится массовым.

5. Еще одним подтверждением значительных изменений при переходе к вожпайскому периоду может служить тот факт, что в одной и той же группе погребений и даже могильной яме встречены останки представителей хоть и близких, но разных антропологических типов [10]. В пользу происходивших значительных политических событий и подвижек группы населения косвенно могут говорить и погребения с выраженной воинской атрибутикой, а также останки людей со следами боевых травм. Интересно отметить, что в вожпайских воинских погребениях, как правило, не встречается оружие с длинными клинками типа сабель или палашей (нам известен лишь один случай). В аналогичных «кинтусовских» погребениях палаш или сабля отмечены как один из основных атрибутов.

Вряд ли можно говорить о спокойном развитии событий в последние два века I тыс. н. э. Скорее, правомерно предположить, что Западная Сибирь испытала значительный внешний импульс, который отразился на политическом и культурном облике региона. Неизбежно это сопровождалось глобальными миграционными процессами. Распространение изменений могло носить характер волн, когда состояние среды распространялось без значительного перемещения составляющих ее элементов. Однако нельзя полностью исключать и миграционные факторы, что подтверждают антропологические данные и факт «прорыва» вожпайского ареала на Таймыр.

Этническая интерпретация

Вопрос об этнической принадлежности вожпайского феномена ставился исследователями с момента его выделения. В.Н. Чернецов всю «штампо-гребенчатую» керамику связывал с «древнехантыйским» населением [3, с. 180]. Л.П. Хлобыстин соотносил ее с самодийцами и считал, что население, оставившее после себя вожпайскую археологическую культуру, – прямые предки «ненецкого и энецкого народов» [2, с. 26]. В.И. Семенова более осторожна в своих выводах. Она считает, что завершение этногенеза обских угров относится к середине II тыс. н. э., а «этническое определение вожпайского населения затруднительно». Лишь в предположительной форме она говорит о том, что оно (население) могло «принадлежать самодийской ветви древнего уральского населения с включением палеосибирского ядра» [7, с. 180 – 181].

Действительно, этническая интерпретация – один из самых щекотливых моментов. Сложно сопоставлять керамический стиль и язык людей, которые изготавливали посуду. Здесь нет прямой связи. Говоря о культурной общности, реконструируемой по археологическим материалам, нельзя однозначно подразумевать (хотя нельзя и исключать) единый хозяйствственно-культурный тип и/или этническую общность, что было маловероятно на такой огромной территории с различными природными зонами. Она могла включать полностью или частично генетически связанные и не связанные этносы с различными типами хозяйства, объединенные единими или очень близкими эстетическими стереотипами, духовной и материальной культурой. Соотнесение же с современными этническими образовани-

ями или неким «палеосибирским ядром» кажется неправомерным, даже если некоторые элементы материальной или духовной культуры проявляются в качестве субстратов в культуре ныне живущих народов. Ведь совсем недавно, в XIX – XX вв., зафиксировано исчезновение этносов, можно сказать, они исчезли у нас на глазах. Это, к примеру, такие сибирские народы, как камасинцы и моторцы. Можно только догадываться, как изменилась этническая картина на протяжении целого тысячелетия. При низкой плотности населения лесной зоны даже, казалось бы, незначительные изменения, например вторжение или активизация группы в 200 – 300 человек, могли привести к коренным переменам в политической и этнической ситуации в регионе. Примером могут служить коллизии, происходившие в регионе совсем в недалеком прошлом: ордынская и затем русская колонизация.

Датировка

С самого начала В.Н. Чернецова отнес памятники с вожпайской керамикой к времени завершения выделенного им оронтурского этапа, т. е. к IX в. Для обоснования датировки он привлек материалы погребения З могильника Барсов Городок [8, р. 19, 98, fig. 14 – 18]. Коньковую шумящую подвеску из этого погребения со ссылкой на работу А.П. Смирнова он отнес к «ломоватовскому времени» [3, с. 200].

Л.П. Хлобыстин пошел дальше в обосновании датировок. Сопоставляя мнения В.Н. Чернецова и датировки Т.Ю. Арне погребений могильника Барсов Городок, он ограничил хронологические рамки существования вожпайских комплексов IX – X вв. Кроме того, была сделана попытка определить возраст стоянки Дюна III радиоуглеродным методом. К сожалению, анализировался всего один образец, по которому была получена дата 1050 ± 50 лет назад (ЛЕ-1105). Не углубляясь в проблемы калибровки, Л.П. Хлобыстин принял датировку стоянки около 900 г. н. э. [2, с. 23]. Однако если посмотреть на результаты калибровки (рис. 5), то окажется, что все не так просто. Прежде всего это касается верхней границы, которую можно легко «увести» в XI в. и даже, при желании, в XII в. Кроме того, нельзя исключать, особенно в условиях Заполярья, использование для отопления более ранней древесины, чем сама постройка. Выходит, полученная дата говорит о том, что постройка вряд ли могла появиться ранее последней четверти IX в., а вот верхний рубеж остается очень неопределенным.

Датировка уральскими специалистами вожпайской керамики концом IX – X вв. не обосновывается [29], лишь делается ссылка на радиоуглеродную дату поселения Дюна III на полуострове Таймыр [4, с. 139].

В работе «Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья» (1993 г.) автор касался вопросов датировки погребений с вожпайской керамикой. На имеющихся тогда материалах группа погребений с сосудами с «обедненной» орнаментацией была предварительно датирована последней четвертью IX в. – первой четвертью X в. [11, с. 115 – 116].

В.И. Семенова в монографии «Средневековые могильники Юганского Приобья» (2001 г.) рассматривает довольно многочисленные комплексы могильника Усть-Балык с вожпайской керамикой. Вопреки ожидаемому сужению датировки, она объединяет всю вожпайскую посуду в одну хронологическую группу (не без оснований) и датирует IX – XI вв. [7, с. 57 – 61].

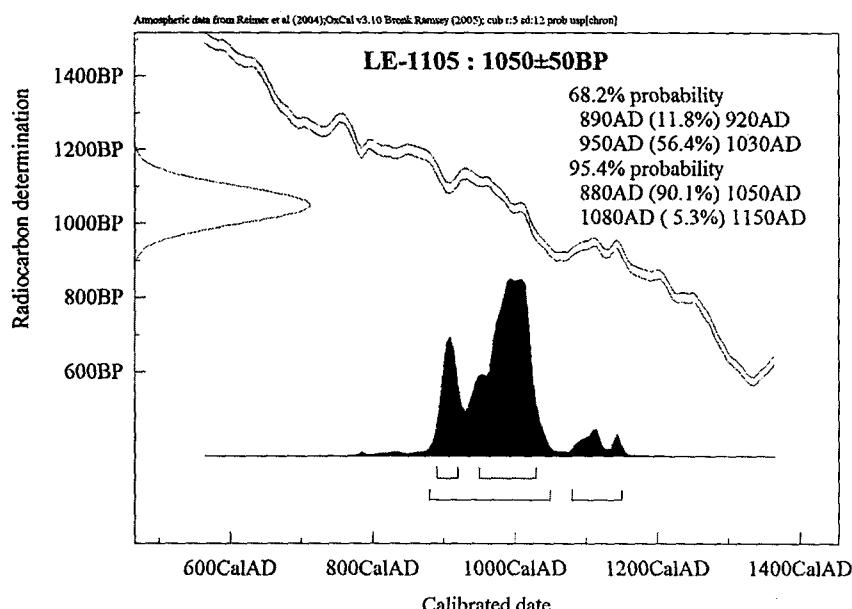

Рис. 5. Результаты калибровки даты образца ЛЕ-1105 со стоянки Дюна III (по [2])

Таким образом, датировка комплексов с вожпайским типом керамической посуды остается до конца не разработанной и имеющей довольно широкий диапазон. Ясно, что керамика этого стиля бытовала после кучминской и до кинтусовской. Нижняя граница вожпайского периода находится в пределах IX в., верхняя «плавает» в X – XI вв. Массовыми находками, которые должны ограничивать вожпайские комплексы снизу, т. е. не должны встречаться в них, являются бронзовые литые полусферические бляшки с уплощенным полем, а также полусферические накладки, штампованные из серебряной фольги. Для самого комплекса характерный массовый материал представлен плоскими круглыми серебряными накладками и бронзовыми бусинами-«флакончиками». Время бытования серебряных накладок четко не определено, несколько лучше обстоит дело с бусинами-«флакончиками». Время бытования таких бусин С.И. Кочкуркина определяет X – XI вв., указывая на то, что «X в. – время наибольшего употребления бронзовых бус», а в комплексах, датированных XI в., они встречены всего 2 раза [12, с. 27]. Думается, датировку бусин-«флакончиков» можно еще более сузить. Так, эти бусины встречаются крайне редко с «крестопрорезными» грушевидными бубенцами (в Западной Сибири нам не известен ни один случай), которые датируются по материалам Новгорода от середины X в. до середины XII в. [13, с. 156 – 157; 14, с. 171, 173, рис. 8.]. По материалам погребений с монетами в европейской части России начало бытования этих бубенцов определяется не раньше чем третьей четвертью X в., а наиболее массового распространения – последней четвертью X в. [15]. Смена этих двух типов изделий происходит, скорее всего, во второй половине (третьей четверти?) X в. Таким образом, датировка бронзовых бусин-«флакончиков» не выходит за пределы X в. Учитывая, что вожпайская керамика также не встречается в комплексах с «крестопрорезными» грушевидными бу-

бенцами, можно принять, что и ее бытование прекращается не позднее второй половины X в. В вожпайских комплексах встречаются изделия, которые находят прямые аналогии в древностях урьинской стадии ломоватовской археологической культуры (конец VIII – IX вв.) [16, с. 131 – 133, рис. 16]. Подобные же предметы встречены в Танкеевском могильнике, датированном второй половиной IX – X вв. [17]. Косвенным подтверждением исключения из датировки «вожпая» первой половины IX в. является отсутствие в комплексах предметов, близких к материалам сухоложской стадии неволинской археологической культуры [18, с. 90 – 94, 166, табл. LXIX].

Таким образом, можно с большой долей уверенности говорить о том, что вожпайская археологическая культура возникает во второй половине IX в. и исчезает во второй половине X в.

Комплексы с вожпайской керамикой

На сегодняшний день известно 16 памятников, с которых были получены хорошо вычленяемые вожпайские комплексы (рис. 6). Это прежде всего памятники, расположенные в Среднеобской низменности: селище Барсова гора II/14 (II/16), городище Барсов Городок I/31–32 [4, с. 138, рис. 3; 19, с. 89], могильники Усть-Балык [7], Барсов Городок, Сайгатинский VI, Сайгатинский I, Сайгатинский III, селища Тывъега 2 [20, с. 37], Куимтор [21, с. 54 – 57], Имнъёган 1.2 [22], городище Старые Покачи 5, Большеларьякское II поселение [23, с. 89 – 91, табл. 4, 8 – 13]. За пределами низменности известно всего четыре памятника: городище Вож-Пай (сборы Редрикова, 1925 г.) [3, с. 196 – 199, табл. XXVII] и стоянка Салехард 1 на Нижней Оби, стоянка Дюна III на западном Таймыре [2], городище Тух-Эмтор в верховьях р. Васюган [24, 25]. Кроме того, на Надымском городище (р. Надым), по словам автора раскопок О.В. Кардаша, был найден фрагмент сосуда, очень похожий по стилю на вожпайскую керамику. Несмотря на то, что вожпайская керамика обнаружена на ряде многослойных городищ, ни разу не удалось наверняка связать с ней остатки каких-либо укреплений.

Неравномерность «насыщения» рассматриваемого региона «вожпайскими» памятниками связана прежде всего со степенью изученности различных районов. Тем не менее тенденцию уже можно проследить. Наблюдается, что памятники концентрируются в зоне средней и северной тайги. При этом, несмотря на относительно хорошую изученность Кондинской низменности, там вожпайской керамики пока не обнаружено. К северу от нее, в восточной части Северооскольинской возвышенности, зафиксированы только следы этого стиля. При раскопках городища Эмдер недалеко от г. Нягань в объектах первого и второго строительных горизонтов найдена керамика, в стиле которой большой вес имеет вожпайский субстрат [26, с. 54 – 61, рис. 26 – 30].

В 2003 – 2005 гг. экспедицией под руководством автора проводились раскопки могильника Сайгатинский VI и городища Старые Покачи 5. Получены представительные коллекции вожпайской керамики. В статье приведены эти комплексы практически целиком без лишних комментариев (см. рис. 1 – 4).

Изложенные в настоящей работе выводы нельзя назвать окончательными. В дальнейшем при накоплении новых данных прежде всего следует более точно очертить ареал распространения вожпайской археологиче-

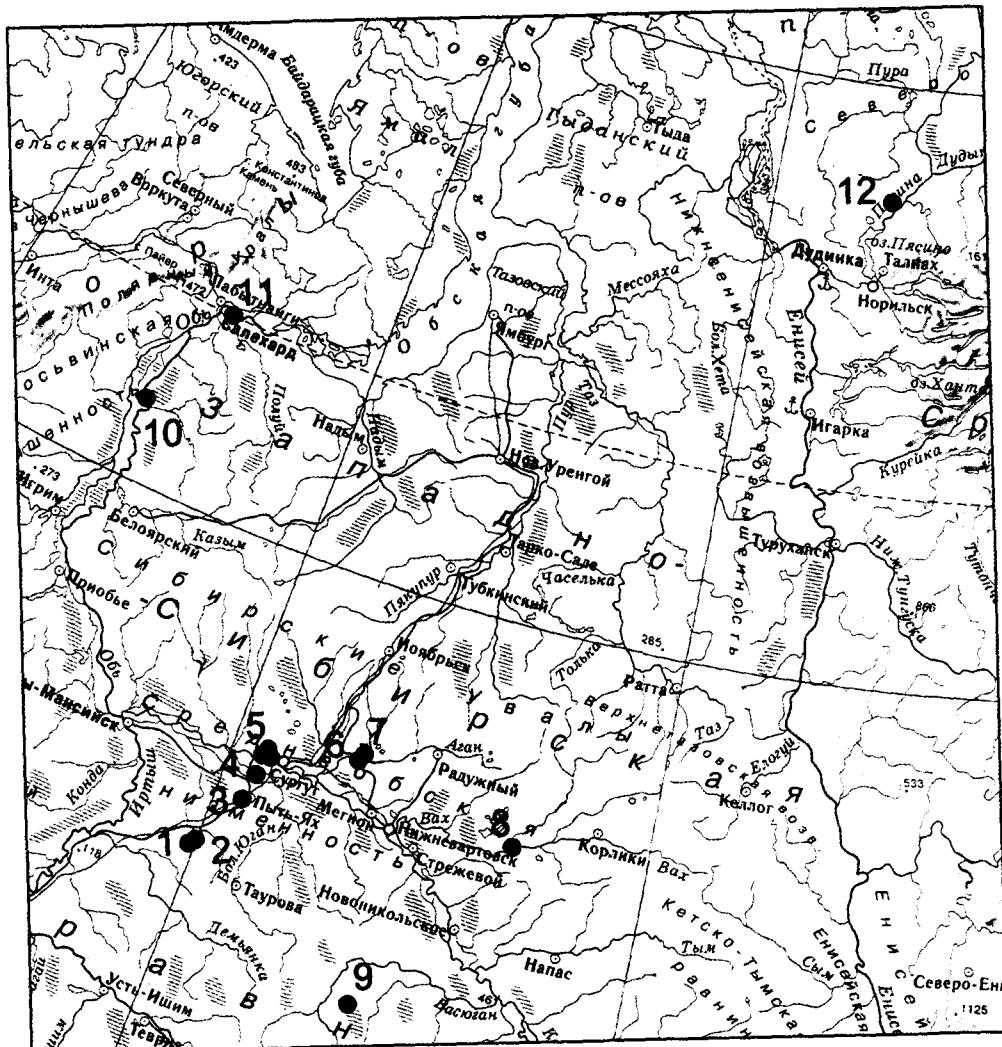

Рис. 6. Схема расположения археологических памятников вожпайской археологической культуры.

1 – местонахождение на оз. Соровское; 2 – селище Куямтар; 3 – селище Тывьегта 2; 4 – могильники Усть-Балык; 5 – селище Барсова Гора II/14 (II/16), городище Барсов Городок I/31–32, могильники Барсов Городок, Сайгатинский VI, Сайгатинский I, Сайгатинский III; 6 – городище Старые Покачи 5; 7 – селище Имньгант 1, 2; 8 – Большешеларькское II поселение; 9 – городище Тух-Эмтор; 10 – городище Вож-Пай; 11 – стоянка Салехард 1; 12 – стоянка Диона III

кой культуры, может быть, выделить ее варианты, определить круг одновременных контактных культур. Наиболее перспективными кажутся исследования (поиск следов вожпая) на нижнем Енисее, Таймыре и Северо-Сосьвинской возвышенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автограф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1982.

2. Хлобыстин Л.П. Вожпайская культура на Западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // AD POLUS. СПб., 1993.
3. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА, 1957. № 58.
4. Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ, 1991. Вып. 20.
5. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья. СПб., 1998.
6. Зыков А.П., Федорова Н.В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.
7. Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.
8. Arne T.J. Barsoff Gorodok. Ein westsibirisches Grä aus der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1935.
9. Зыков А.П. Отчет об исследованиях археологических памятников в урочище Барсова Гора у пос. Барсово Сургутского района Тюменской области летом 1987 года. Свердловск, 1988. (Архив АСА. Ф. 1. Д. 155).
10. Ражев Д.И. Отчет по исследованию антропологических останков из могильника Сайгатинский VI (Приложение 3) // Отчет о НИР: Археологические исследования на могильнике Сайгатинский VI и селище Кучиминское XXII в 2004 году. Сургут, 2005. (Архив АСА. Ф. 1. Д. 175).
11. Каракаров К.Г. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
12. Кочкиркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X – XIII вв. Л., 1973.
13. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (Х – XV вв.). М., 1981.
14. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
15. Раудина Т.В. Погребения X – XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М., 1988.
16. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
17. Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetière de Tankeevka // Les / anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est. Budapest, 1977.
18. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
19. Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск, 2004.
20. Салымский край. Екатеринбург, 2000.
21. Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 2002.
22. Каракаров К.Г. Отчет о НИР: Историко-культурная экспертиза участков месторождений, разрабатываемых АООТ «ЛУКойл-Лангепаснефтегаз», 1995 г. Екатеринбург, 1996. (Архив АСА. Ф. 1. Д. 031).
23. Посредников В.А. Большеларьякское поселение II – археологический памятник Сургутского Приобья // ИИС, 1973. Вып. 5.
24. Кирюшин Ю.Ф. Работы в Васюганье // АО-1973. М., 1974.
25. Кирюшин Ю.Ф. Поселение Тух-Эмтор – памятник Васюганского Приобья // ИИС, 1976. Вып. 19.
26. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

ВОЖПАЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Рассматривается культурное явление средневековья, охватившее во второй половине IX – X вв. лесную зону Западной Сибири и Западного Таймыра. Л.П. Хлобыстином оно было выделено в вожпайскую археологическую культуру. Дискуссия по поводу правомерности этого не утихает до сих пор, что во многом связано с разницей в методологических подходах. В данной статье приводятся аргументы в пользу выделения особой вожпайской археологической культуры со своим ареалом, керамическим стилем, погребальным обрядом. Уточнена датировка, и высказано мнение, что культурную общность, реконструируемую по археологической культуре, нельзя напрямую сопоставлять с современными этносами, однозначно считать ееmonoэтничной или отрицать это.

Кроме того, публикуются материалы коллекций вожпайской керамики с двух памятников – могильника Сайгатинский VI (окрестности г. Сургута) и городища Старые Покачи 5 (р. Аган).

K.G. Karacharov

THE VOZHPAI ARCHAEOLOGICAL CULTURE

The article considers an unique cultural phenomena of the forest zone of Western Siberia and Taimyr in the IX – X centuries. Archaeologist L.P. Khlobystin identified it with Vozhpai archaeological culture and provoked long discussion. The author provides fors and new arguments such as cultural area, pottery style, mortuary rituals as well as characteristic anthropological features of the people of the Vozhpai archaeological culture. He also opined that cultural community reconstructed on archaeological culture can not be collated with modern ethnos as well as univocally mono-ethnic considered or denied. Chronology is circumstantiated.

Given hypothesis are provided with publications of Vozhpai ceramic collections of the Saigatinsky VI cemetery (Surgut environs) and Starye Pokachi 5 fortress (Agan river)

K.G. Karacharov

H.B. Fedorova

КАСЛАНИЕ ДЛИНОЙ В ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ: ЧЕЛОВЕК И ОЛЕНЬ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Сказание «О человечех незнаемых в Восточной стране» содержит превосходный по краткости и точности очерк системы адаптации тундрового населения севера Восточной Европы и Западной Сибири, вероятно, того, которое в разной степени вошло в состав ненецкого этноса. Из этого текста, написанного в XV в., совершенно очевидно, что основой хозяйства населения, вернее, не только хозяйства, но всей жизни, был симбиоз человека и северного оленя. История его формирования растянута на несколько тысяч лет. Мы можем после пристального изучения всех наличествующих источников, главным образом источников археологических, попытаться реконструировать ее в течение последних 2000 лет.

Парадокс: наиболее хорошо сохранившееся до наших дней ненецкое кочевое оленеводство выглядит наименее изученным с точки зрения его происхождения. Не приводя полной историографии вопроса и упрощая многообразие исследовательских точек зрения, можно разделить все теории на две большие группы. В первую войдут «моноцентристические», связывающие происхождение оленеводства с традиционными скотоводческими районами. Навыки приручения и использования оленя в них предполагаются заимствованными у степных и лесостепных кочевников и полукоочевников [1 – 6]. В отличие от этих взглядов сторонники другой точки зрения – полицентристы обосновывают самостоятельное возникновение оленеводства в нескольких регионах (сводку см: [7]) и считают, что на севере Евразии толчком для его формирования послужило постоянное следование охотников за стадами оленей, в процессе которого, кроме всего прочего,

вырабатывалась практика взаимовыгодного сосуществования человека и животного [8, 9]. Механизмы перехода от охоты к оленеводству могли быть разными. Так, А.В. Головнев полагает, что первыми шагами на этом пути было «содержание небольшого поголовья промыслового-транспортных животных посредством стационарных сооружений – загонов, сараев («изб»), а также деревянных пут, привязей» [10, с. 106].

«Общепризнанной» гипотезой, по крайней мере в России, является монокентрическая. Во всяком случае, именно она вошла во все капитальные труды по происхождению скотоводства (обзор см.: [6]), причем центром возникновения оленеводства ее приверженцы считают район Саяно-Алтая. Она базируется на теории саяно-алтайского происхождения самодийских народов, суть которой очень кратко заключается в следующем: 1) на Алтае в конце XVIII в. были зафиксированы народности, говорящие на самодийских языках; 2) это самоедоязычное население использовало оленей для езды верхом и под выюк, знало жилище в виде чума и т. д.; 3) из этих фактов сделан вывод, что самодийские народы пришли на север Западной Сибири именно с Алтая, освоив там оленеводство, не ранее середины I тыс. н. э. На севере же Западной Сибири обитало досамодийское, палеоазиатское население, использовавшее оленя в качестве манцика, а в качестве транспорта – собачьи упряжки.

Основные вопросы, ответам на которые посвящена статья, следующие. 1. Когда и в каком виде на севере Западной Сибири появилось транспортное оленеводство? 2. Так ли очевидна датировка возникновения крупностадного оленеводства в западносибирской тундре XVIII в., или есть другие варианты?

Источники. Для поисков ответа на эти вопросы есть несколько групп источников, а именно: письменные, изобразительные, фольклорные, археологические. Поскольку письменные источники касаются лишь довольно позднего времени, фольклорные не датированы, а изобразительные могут трактоваться по-разному, в данном случае совершенно очевиден приоритет *источников археологических*, тем более что за последние десять лет их количество резко возросло.

Кратко перечислим основные факты, полученные нами в результате археологических исследований на севере Западной Сибири и могущие послужить базой для рассуждения на тему о возникновении оленеводства в регионе или его дальнейшего развития.

Раскопки на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй (I в. до н. э.) в черте г. Салехарда дали следующий материал: большое количество костяной гарнитуры для оленьей упряжи – налобники и блоки, костяные наконечники хореев, деревянный полоз нарты. В.И. Мошинская в публикации материалов из раскопок В.С. Адрианова 1935 – 1936 гг. посчитала костяные блоки принадлежащими собачьей упряжи [11, 12]. Однако они схожи с современными костяными блоками оленьей гарнитуры. К тому же Н.А. Алексашенко провела детальный трасологический сравнительный анализ «археологических» и «этнографических» блоков. Он позволяет считать, что костяные блоки из раскопок В.С. Адрианова и наших принадлежат все-таки оленьей упряжи.

Фрагмент деревянного полоза размерами 107 × 5,5 см, толщиной 1,5 см принадлежит, судя по ширине и толщине полоза, прямокопыльной оленьей нарте.

В культурном слое памятника раскопками 1935 – 1936 гг. и нашими было обнаружено большое количество собачьих костей и структурированных

особым образом черепов. Оставляя за рамками статьи обсуждение сложных вопросов о том, каким образом и кто приносил в жертву собак, отметим следующее. По данным П.А. Косинцева, все эти кости принадлежали мелким собакам, похожим на современную ненецкую оленегонку, использование которых в упряжке вряд ли было возможно.

Можно упомянуть еще один факт, хотя он и относится к области древнего искусства, при трактовке которого трудно избежать субъективности. Одной из особенностей материала городища (жертвенного места) Усть-Полуй, сделавшей памятник известным во всем мире, является большое количество изделий из кости, украшенных орнаментами или скульптурными изображениями зверей, птиц и даже насекомых. Среди них часто встречается образ северного оленя. В отличие от остальных представителей фауны олень никогда не изображался в виде целой фигуры, но всегда – только головы, причем с раскрытым ртом, иногда с высунутым языком и с чем-то вроде «ошейника» на шее. Иногда оленьи головы выглядят как бы висящими на некоем столбе или дереве, иногда их клеют птица. Представляется вполне допустимым предположение, что это изображения оленей, принесенных в жертву, причем способом, принятым и сейчас, т. е. задущенных (раскрытые пасти, высунутые языки, ремень на шее). А если так, возникает следующий вопрос: известны ли факты принесения в жертву «без пролития крови» дикого животного, или это однозначное указание на «одомашненность» оленей?

Суммируя приведенные выше факты, можно сделать вывод, что в археологическом материале I в. до н. э. фиксируются использование оленей в транспортных целях (блоки, налобники, хореи, полоз нарты), наличие мелких (охотничьих и/или пастушеских) собак, возможно, принесение оленей в жертву таким способом, каким и сейчас приносят в жертву домашних оленей.

На северо-западном побережье Ямала нами вслед за В.Н. Чернецовым было исследовано поселение Тиутей-Сале I [13]. Вскрыты остатки, связанные, по крайней мере, с двумя периодами проживания людей на этом поселении, для обоих характерны обитание в летнее (теплое) время, наличие наземных жилищ, заселение не производственным коллективом, но семейными группами. Археологические слои датированы как традиционным методом, так и по радиокарбону: ранний слой отнесен к VI – VIII, поздний к XII – XIV вв. н. э. [13, с. 65 – 66]. В слое VI – VIII вв. обнаружен деревянный полоз нарты, в слое XII – XIV вв. – костяной олений налобник и деревянные модели нарт (по-видимому, детские игрушки). Кроме того, в слое XII – XIV вв. найдены кости двух особей собаки: взрослой и полуувзрослой. Анализ костного материала из культурных слоев поселения позволил говорить о преимущественном употреблении людьми в пищу северного оленя и о присутствии заготовок песца в количестве, явно превышающем потребность живущих на поселении людей (во втором периоде).

Нам с П. А. Косинцевым уже приходилось писать о невозможности существования людей в тундре в зимнее время до появления покупных продуктов и горючего [14, с. 52]. А для того чтобы достичь столь удаленных районов в летнее время, нужны были олени упряжки.

Городище Ярте VI расположено в 40 км от устья р. Юрибей на западном побережье Ямала, т. е. практически во внутренних тундрах полуострова. Поселение имеет «узкую» дату, определенную по дендрохронологическому методу С.Г. Шиятовым и Р.М. Хантемировым: 46 датированных образ-

цов распределились между 1071 и 1106 гг. [15, с. 117 – 119]. Археологически удалось зафиксировать остатки пяти периодов обитания на поселении в летнее (теплое) время. Причем для трех последних характерны наземные жилища (чумы ?), деревянный остов которых, по-видимому, увозили с собой при перекочевках, так как при отличной сохранности дерева в культурном слое поселения ничего более значительного, чем небольшие колышки из стволиков ивы полярной, не было найдено. При раскопках обнаружены также следующие артефакты: костяные налобники оленевой упряжи, игрушечные деревянные нарты, большое количество орудий для выделки тонких ремней для плетения арканов, скелетные остатки собак мелкой (оленегонной) породы. Кроме того, 95 % костного материала из раскопок принадлежит северному оленю. Так же, как на поселении Тиутей-Сале I, зафиксированы городища, обитаемые семейными коллективами, в составе которых были женщины и дети.

В 2004 г. нами было предпринято обследование района внутренних тундр Ямала на протяжении от побережья (пос. Харасавей) до р. Сеяхи (пос. Бованенково). Обнаружено восемь памятников археологии, даты которых укладываются в промежуток между VI – X вв. н. э. Совершенно очевидно, что они были оставлены кочевым оленеводческим населением. Никаких следов «зверобойного промысла» не обнаружено. Более того, места расположения памятников совпадают с местами современных стойбищ.

Обсуждение результатов

Изучение систем хозяйственной адаптации населения циркумполярной зоны Западной Сибири в эпоху железа позволило выделить два основных типа. Хозяйства первого типа основаны на употреблении продукции, полученной от заботы северного оленя, что характерно для населения внутренних тундр Ямала. Системы хозяйств второго типа, зафиксированные у населения, обитавшего в низовьях Оби и в северотаежной зоне Западной Сибири, базировались на рыболовстве в сочетании с охотой, в связи с чем население вело более или менее оседлую жизнь [16, с. 9 – 11]. Был сделан также вывод о совпадении современных типов хозяйственной адаптации населения циркумполярной зоны Западной Сибири с теми, которые выделены для эпохи железа, что говорит о гораздо более длительном периоде их формирования, чем считалось до сих пор [16].

Изучение локализации разновременных археологических памятников на полуострове Ямал демонстрирует связь процессов освоения районов к северу от р. Юрибей и наличия транспортного оленеводства, без которого это освоение вряд ли было бы возможным: самые ранние памятники, известные к северу от р. Юрибей, одновременны городищу (жертвенному месту) Усть-Полуй.

Система хозяйственной адаптации у населения ямальских тундр, сложившаяся к началу XII в. н. э. (а возможно, и раньше) и реконструированная по археологическим источникам, выглядит следующим образом: транспортное (санниное) оленеводство; использование мелких (охотничих и/или оленегонных) собак; высокоспециализированное хозяйство, основой которого была полная утилизация продуктов, полученных в результате заботы оленей; сложившаяся система сезонных перекочевок вслед за оленями; наличие наземных жилищ – чумов.

Подсчитать количество домашних оленей, бывших в собственности у населения, исходя из находок на археологических памятниках практически невозможно, но представить себе то вероятное минимальное количество, которое было необходимо для ведения реконструированного образа жизни, вполне реально. Допустим, на городище Ярте VI одновременно существовали три жилища – минимальное количество для поселения в тундре. Зимовало население, оставившее памятники типа городища Ярте VI, по-видимому, где-то на широте г. Салехарда. Для того чтобы оттуда достичь широты р. Юрибей, необходимо было иметь на одну нарту не менее шести оленей, и то, если мы примем, что одновременно запрягали только трех (олени при таких дальних перекочевках должны меняться). На рисунке начала XIX в. изображены легковые нарты (кстати, прямокопыльные), в которые запряжено по два олена [17, с. 164]. Но запечатленный эпизод происходил в зимнее время, в лесной или лесотундровой зоне – люди стоят среди деревьев, из-под которых выезжают нарты. Современный аргиш насчитывает минимум четыре – шесть личных грузовых нарт [18, с. 6]. Допустим, личный аргиш (в нашем случае – аргиш одного жилища) в XII в. мог состоять из меньшего количества нарт, так как имущества было меньше, – возможно, что и шесть для жилищ возили не каждый год, а завезли однажды и где-то спрятали. Примем за возможное количество четыре для грузовых и пять для легковых нарт (при условии, что в жилище живет семья из пятидесяти человек: семейная пара, один старик и трое детей разного возраста). Со всеми этими допущениями и принятием всякий раз минимально возможного количества получается, что для формирования аргиша поселка из трех жилищ только ездовых оленей нужно не менее 162. Если прибавить сюда еще молодняк, который не запрягается в нарты, воженок, некоторое количество оленей для питания в дороге, станет очевидно, что стадо вряд ли было меньше 200 оленей, а скорее всего больше. Далее возникает вопрос, каким образом могли существовать на одном и том же месте стадо домашних оленей в 200 голов и больше и то количество диких, которое давало возможность охотиться на них, обрабатывать шкуры, питаться почти исключительно мясом и т. д.? В принципе наличие собственного стада и при этом охота на дикого оленя – вполне сочетаемые элементы хозяйства, но тогда объемы стад дикого и домашнего оленей должны иметь обратные значения, т. е. домашнее стадо должно быть больше дикого.

Таким образом, мы видим в археологических материалах полный набор фактов, характеризующих сформировавшуюся к XII в. оленеводческую культуру. Более того, к этому времени, если не раньше, сложился тот симбиоз рыболовческого населения дельты и низовьев Оби и оленеводческой тундры, который фиксируется до сих пор и который уже тогда создавал возможности для обмена продукцией, косвенным подтверждением чего может быть «товарное» производство пушнины, зафиксированное на поселении Тиутей-Сале I в слое XII – XIV вв., и столь же «товарное» производство ремней, замши и других продуктов оленеводства, обнаруженных нами в культурном слое городища Ярте VI. Полученная картина плохо соотносится с бытом охотников на дикого оленя, оленеводство у которых «...имело в основном транспортное значение и не было ведущей отраслью хозяйства» [5, с. 51].

Каковы же критерии наличия крупностадного оленеводческого хозяйства, временем становления которого единодушно признается XVII в., а окончательного сложения – XVIII?

Согласно Л.В. Хомич, во-первых, оленеводство было крупнотабунным: средний размер стада определялся в 200 – 300 голов, хотя уже во второй половине XVIII в. имелись значительные колебания в размерах стад от 10 – 20 голов до 2 – 3 тыс., что свидетельствует о наличии значительного имущественного неравенства. Во-вторых, при выпасе оленей использовалась пастушеская оленегонная собака. В третьих, при использовании оленей в транспортных целях их запрягали в нарты. Окарауливание оленевых стад также производилось на оленевых упряжках. И в-четвертых, ненцы не знали доения воженок, а также не применяли загонов и дымокуров (за исключением лесных ненцев) [5, с. 50].

По А.В. Головневу, «указанием на крупностадность оленеводства следует считать упоминание в источнике (даже единичное) подобного типа хозяйства. В отличие от многих других видов хозяйственной деятельности крупностадное оленеводство не может быть подсобной отраслью, так как предполагает постоянную занятость владельца выпасом оленей» [10, с. 89]. «... для транспортного использования оленей летом необходима либо верховая езда (не фиксируемая у тундровых ненцев), либо – при нартенном способе передвижения – большое количество оленей (т. е. крупностадное оленеводство)» [10, с. 91].

Вроде бы ничто из приведенных выше описаний археологических фактов и реконструированного на их основе типа хозяйства у обитателей городища Ярте VI или поселения Тиутей-Сале I не противоречит этим критериям. Минимально потребный размер стада определился в количестве 200 голов, собака-оленегонка наличествует, оленей запрягали в нарты, использовали в летнее время. Возможно, какие-то иные данные зафиксированы в исторических (письменных) источниках?

Первыми письменными источниками, в которых упоминается «самоядь» (XII в. – первая половина XV в.), являются «Повесть Временных лет» и новгородские летописи, повествующие о местонахождении этого населения в «полночных странах» (сводку см.: [19, с. 16 и сл.]). О значении оленей в их жизни есть лишь косвенное упоминание в сказочном сюжете о туче, из которой падают всевозможные блага: «бывает другая туча, и спадают олени мали в ней, и взрастают, и расходятся по земли» [19, с. 17]. Понятно, что делать какие-то выводы об использовании оленей в хозяйстве «самояди» на основании этих сведений невозможно.

К концу XV в. относится сказание «О человеке незнаемых в Восточной стране». Составителей сказания прежде всего интересовали сведения о товаре («А торг у них соболи» [20, с. 79]), который можно получить «в Восточной стране», пище («а ядят мясо оление да рыбу») [20, с. 78] и транспорте («а ездят на оленех») [20, с. 79]. Описанный далее «мифический мир зверообразных народов» [20, с. 17] был характерен почти для всех средневековых географических сочинений. Совершенно очевидно, что в сказании нет и не может быть реальных, полных описаний хозяйства «самояди», а упомянуто лишь то, что представлялось важным составителям.

Подобные же сведения приводятся в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна, основанных на данных так называемого «Югорского дрожника», составленного, по-видимому, в XIV – XV вв. новгородскими и псковскими купцами, торговавшими с Юграй [21, с. 38]: «...у моря, на соседних островах и около крепости Пустозерска обитают разнообразные и бесчисленные народы, которые зовутся одним общим именем «само-

ядь»... Там великое множество птиц и разного зверя, каковы, например, соловья, куницы, бобры, горностаи, белки и в океане животное морж...».

В XVI – XVII вв. по-прежнему крайне немногочисленные письменные источники сообщают о частых стычках продвигающихся на север Западной Сибири и укрепляющихся там русских отрядов с «воровской самоядью». Из этих источников можно лишь сделать вывод, что передвигалась эта самая самоядь на оленях, запряженных в нарты, причем и зимой и летом.

К самому началу XVIII в. (1715 г.) относится «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого, в котором он помимо всего прочего пишет: «...иные же мощнейшие множество оленей содержат, аки домашний скот...» [22, с. 37].

Несколько подробнее пишет об этом Василий Зуев (70-е годы XVIII в.): «Щастлив из них тот, коего бог благословил стадами оленей; такой уже почти никогда ни о чем и не думает, хотя ходит также и за звероловством; однако сей труд принимает на себя от безделья либо от великой скуки; олений же кто стада содержит, тот у них и богатым называется». И дальше: «Санки, на которых ездят самоядцы, впряженя по два, по три и по четыре олена, делаются из всякого, кроме тальника, дерева» [22, с. 218 – 222].

Итак, можно констатировать, что письменные источники не дают возможности установить время начала формирования крупностадного оленеводства, потому что сколько-нибудь подробные описания быта и хозяйства «самоедов» до XVIII в. просто-напросто отсутствуют. Но и не дают возможности утверждать обратное, а именно, что в XV – XVI вв. этого самого крупностадного оленеводства еще не было.

Фольклорные источники, в которых постоянно встречаются упоминания езды героев сказаний на оленях, дальних военных походов и богатой добычи, которая не в последнюю очередь состояла из тех же оленей, как уже говорилось, не датированы.

Выводы

Археологические материалы дают наименее субъективные и наиболее точные данные о типе хозяйства у населения севера Западной Сибири и полуострова Ямал в эпоху железа. Полученные в результате раскопок последнего десятилетия факты свидетельствуют о том, что оленеводство на севере Западной Сибири, во всяком случае в его транспортном (санном) варианте, сложилось уже в последние века до РХ. Никаких следов миграций из Саяно-Алтая ни в это, ни в предшествующее ему время в этом районе по остаткам материальной культуры не фиксируется. Зато фиксируется обратный процесс – миграции из лесной зоны на юг вплоть до верховьев Оби в кулайскую эпоху (последние века до РХ) [23, 24]. И если принять саяно-алтайскую гипотезу происхождения оленеводства «с точностью до наоборот», все встанет на свои места, в том числе и верховое оленеводство, которое сформировалось под влиянием соседей-коневодов, но у населения, знакомого до того с оленеводством нартенным. Специфический для кочевого северосамодийского оленеводства набор признаков сложился, во всяком случае, уже к началу XII в., что, на наш взгляд, позволяет отнести процесс формирования крупностадного оленеводства к этому времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народов. М., 1979.
2. Крупник И.И. Арктическая этнозоология. М., 1989.
3. Ширельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
4. Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М., 1991.
5. Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995.
6. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.
7. Nelleman G. Theories on Reindeer-Breeding. Folk. Vol.3. Copenhagen, 1961.
8. Wiklund K.W. Frageschema für der Erforschung des Rentiernomadismus // J. Soc. Finno-Ougrienne, 1913. Vol. XXX, N 17.
9. Polhausen H. Das Wanderhirtentum und seine Vertstufen. Eine ethnographischen-geographischen Studie zur Entwicklung der Eigenborenwirtschaft. Braunschweig: Albert Limbach Verlag, 1954.
10. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993.
11. Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА, 1953. Вып. 35.
12. Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ, 1965. Вып. Д3 – 8.
13. Ушедшие в холмы. Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург, 1998.
14. Косинцев П.А., Федорова Н.В. Неней ненэц' и сихиртя // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001.
15. Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М. Дендрохронологическая датировка древесины кустарников из археологического поселения Ярте VI на полуострове Ямал // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. 1.
16. Федорова Н.В. Семь лет Ямальской археологической экспедиции: итоги прошлого и задачи на будущее // Научный вестник. Салехард, 2000. Вып. 3.
17. Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.
18. Зенько М.А. Современный Ямал: этнокологические и этносоциальные проблемы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2001. № 139.
19. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032 – 1882). Сургут, 1993.
20. Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1983.
21. На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Ч. 1. Екатеринбург, 1996.
22. Путешествие на Обской Север. Григорий Новицкий. Василий Зуев. Тюмень, 1999.
23. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА, 1956. Вып. 48.
24. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.

КАСЛАНИЕ ДЛИНОЙ В ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ: ЧЕЛОВЕК И ОЛЕНЬ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Основываясь на анализе археологических и этнографических источников, автор дает характеристику хозяйства населения севера Западной Сибири и полуострова Ямал в эпоху железа и приходит к следующим выводам.

Оленеводство в данном регионе сложилось уже в последние века новой эры. Фиксируется процесс миграции населения из лесной зоны на юг, вплоть до верховьев Оби. Процесс формирования крупностадного оленеводства датируется началом XII в.

Н.В. Федорова

MIGRATION TWO THOUSAND YEARS LONG: MAN AND DEER IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA

Based on archaeological and ethnographic data the author characterizes economy of the Iron Age population of the northern areas of Western Siberia and Yamal Peninsula and educts:

Appearance of the deer breeding occurred in the last centuries BC.
 Southward migrations from forest zone are traced as far as Upper Ob' river basin.
 Formation of the herd form of deer breeding is dated back to the beginning of the XII century.

N.V. Fedorova

E.A. Курлаев

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПАМЯТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ XVII – XVIII вв.

До настоящего времени большое количество разрушенных памятников исторического периода не стали объектами археологического исследования и инвентаризации, так как не признаны археологическими, нет и соответствующих методов их поиска и изучения. Однако они не могут быть выявлены и описаны специалистами других областей науки. Бытует мнение, что письменные сведения могут вполне самостоятельно и полно осветить исторический период, но работа с документами показывает, что эти источники далеко не всегда могут заменить археологические исследования.

Академик В.Л. Янин давно заметил, что «синтез источников в едином исследовании – главное средство развития исторической науки.... Цельное здание истории может стоять только на цельном фундаменте источниковедения» [1, с. 17]. К сожалению, не удается обнаружить дальнейшее развитие этих идей в отечественной литературе (учебниках, обобщающих исследованиях, методических разработках), где рассматривался бы метод синтеза (интеграции) письменных и вещественных источников [2 – 5]. Вероятно, до настоящего времени этот метод не стал предметом разработки для историков и археологов во многом из-за того, что для историков археологические данные не представляют особой ценности, а археологи – редкие гости в архивохранилищах.

Почему так случилось, что компоненты некогда единого явления, объекта оказались разобщенными? По нашему мнению, это проявление одного из свойств исторической реальности – разрушения. Практика работы с разновременными остатками прошлых эпох создала у нас образ видения и осознания времени и исторической реальности, подводящий к пониманию механизма интеграции письменных и вещественных источников, а на этой основе и осуществления исторической реконструкции.

Время представляется нам как непрерывный процесс изменений, включающий, с одной стороны, явления разрушения (утраты связей различного уровня и характера), с другой – постоянного их возникновения, обновления, трансформации. Эти изменения имеют одностороннюю направленность, что достаточно просто продемонстрировать, прокрутив видеозапись в обратном направлении. Представив этот процесс, понимаешь, что через какой-то период времени вся окружающая нас обстановка – на вид такая знакомая, постоянная и прочная – изменится, распадется, исчезнет. Исчезнет так же бесследно, как уже растворились в прошлом тысячелетия чело-

веческой истории. В лучшем случае отложится в прослойку темного грунта с крапинками угля, обожженной глины и неброским названием «культурный слой».

Осознание времени приводит к мысли, что от прошлых эпох доходят лишь обрывки, фрагменты некогда цельной жизни. Чаще всего это «мертвые» предметы – брошенные вещи, недействующие механизмы – чудом сохранившиеся «посланцы» некогда сформировавшей их среды. Когда-то они находились в руках людей, и с ними были связаны мгновения или годы человеческих судеб, но сведения об этих людях не дошли до нас и утрачены для исследователей навсегда. Для правильного понимания и интерпретации явлений и вещей основной задачей исторической реконструкции становится обнаружение достоверных связей между фрагментами прошлых эпох. Чем древнее эпоха, тем, как правило, меньше артефактов и возможности установить связь между ними.

Углубляясь в прошлое, обращаешь внимание на то, что первый крупный провал в информационном обеспечении реконструкции и изучения человеческой истории начинается со смертью представителей старших поколений. Они могли красочно и многогранно поведать о событиях, их окружавших. Период такой яркой и насыщенной мельчайшими деталями истории равен длине человеческой жизни. Без живых очевидцев остается наедине с молчаливыми свидетелями ушедших лет: документами и вещами, которые «расскажут» только то, что прочитает или увидит в них исследователь. Исчезают достижения технического прогресса – кино- и фотодокументы. И следующий информационный «провал» происходит в тот момент, когда исчезают письменные и визуальные источники. В познании прошлого исследователь остается наедине с редкими сохранившимися вещами, которые пока пережили свое неизбежное разрушение в музеях и домашних коллекциях, или со следами человеческой деятельности в культурном слое. Задача исторической реконструкции – собрать из пестрой мозаики осколков прошлого максимально достоверную картину исторических событий.

Из чего и как собирать эту мозаику? В качестве полигона создания и испытания основ метода использовалась тема исследования истории горно-металлургической деятельности на Урале в XVII – XVIII вв. В этой эпохе отсутствует главный объединяющий элемент реконструкции – человек, участник и свидетель той обстановки. Еще невозможно воспользоваться такими хранителями исторической информации, как фото- и кинодокументы, но в отличие от более древних периодов истории в нашем распоряжении есть подлинные архивные сведения и остатки металлургического производства.

Источники информации, используемые нами, по классификации Л.Н. Пушкарева, двух типов – письменные и вещественные. Под типами исторических источников в ней подразумеваются наиболее широкие категории источников, которые отличаются друг от друга «самим принципом хранения и кодирования информации, т.е. наиболее общим его свойством, представляющим его источникомедическую ценность» [6, с. 191]. В свою очередь, письменные источники принято классифицировать по содержанию, происхождению, типам и видам, где типы представляют большие функциональные совокупности (законодательные материалы, делопроизводственная документация и т. д.) [7, с. 5].

В комплексном историко-археологическом исследовании в первую очередь необходима информация, указывающая на место объекта (завода,

рудника) и время его существования: только в этом случае возможна идентификация искомых остатков. Для дальнейшей работы с памятником нужны и другие характеризующие его сведения. В общем объеме сохранившихся источников XVII – XVIII вв. наибольшее количество составляют документы законодательного и финансово-учетного характера (переписные, дозорные, платежные, таможенные, ясачные, окладные, приходные, расходные и др.), где обнаружить нужные сведения маловероятно.

Необходимую информацию чаще всего можно найти в материалах текущего делопроизводства, формировавшихся как неотъемлемая часть деятельности государственных учреждений и предприятий. Именно в делопроизводственных документах местных и центральных учреждений содержится большое количество разнообразных фактов. В XVII в. это были документы деловой переписки – грамоты, памяты, челобитные и др. В XVIII в. документы того же характера приняли иное звучание, например, вместо памятей появились промемории. Среди делопроизводственных материалов встречаются и экономо-географические описания, например «доезды», содержащие сведения о топографии местности. Они имели практическое значение при описании угодий и месторождений полезных ископаемых. Среди источников, отнесенных к статистической группе, имеется большой комплекс материалов XVIII в., известных под названием «ведений» и содержащих подробные сведения об устройстве и производительности заводов. «Ведения» заводов составлялись при описи имущества в результате смены управляющего, возникновения пожаров и в других случаях. Следует отметить и такие специфические письменные источники, как чертежи. Они входят в состав письменных источников и призваны дополнить содержание текстового документа. Карты, планы, схемы и чертежи дают пространственное отображение реально существовавших исторических явлений и объектов, часто с помощью условных знаков.

Каждый письменный источник содержит какие-либо сведения, характеризующие определенные события и явления. При сборе и обработке конкретно-исторических сведений и анализе источника необходимо обращать внимание на полноту имеющихся в нем данных и степень их точности и достоверности. Чтение письменных источников XVII – XVIII вв. требует также специальных навыков. Сбор и анализ критически осмысливших исторических сведений, подтверждаемых и дополняемых из других документов, предполагают обнаружение близких по содержанию фактов и восстановление связей между ними. В их совокупности, взаимной связи и взаимодействии на основе логики и доказательств создается система исторических фактов (историческая канва). Таким образом, часть исторических связей, отражающих реальные исторические события, сохранилась в содержании документа, часть может быть восстановлена с помощью других документов.

В итоге с помощью критики источников, логической доказательности, при подтверждении исторических фактов несколькими документами устанавливается соответствие приводимых в письменных источниках сведений реальным историческим событиям.

В реконструкции исторической реальности в дополнение к письменным источникам привлекаются вещественные. К настоящему времени не сохранилось в целости металлургических предприятий XVII – начала XVIII в. Нет заводских построек (все они, за исключением печей, были деревянными), механизмов, нет и людей, которые могли бы подробно описать все тонкости мастерства выплавки и обработки металла в то время. Отсутст-

вие сохранившихся построек неоднократно вызывало сожаление среди исследователей архитектуры промышленных предприятий [8, с. 16]. Между тем помимо имеющихся документов, отражающих производственную деятельность, существует возможность обнаружить и использовать в исследовании заводские остатки того времени. Это уже не заводы, а памятники промышленности – важные и необходимые элементы в изучении процесса развития производства.

Для их исследования реально использовать уже апробированные методы археологии в рамках полевых, камерально-лабораторных и кабинетных этапов. Сложнее применить один из наиболее важных методов в археологии – типологический, поскольку к настоящему времени сохранились или выявлены лишь единичные образцы продукции, инструментов и других остатков промышленной деятельности XVII – начала XVIII в. Для применения типологического метода еще только предстоит собрать необходимые коллекции образцов.

В то же время в изучении объектов ранней промышленной деятельности, как и других памятников исторической эпохи, появляется и ряд существенных особенностей, которые изменяют традиционную процедуру исследования. Эти особенности прежде всего связаны с комплексным характером исследования – органичным синтезом сведений письменных источников и результатов археологических исследований. Увеличение объемов информации из письменных источников делает ее в большинстве случаев центральной, решающей, а археологические исследования – вспомогательными.

Обращаясь к вещественным источникам, Л.Н. Пушкирев, не раскрывая деталей, полагал, что «и в вещественном источнике так же отражается и воплощается реальная историческая действительность, хотя самий этот процесс, в силу специфики этих источников, имеет свои особенности, вскрыть и объяснить которые – задача археологического метода исследования» [6, с. 99 – 100]. Автор также стремился найти общие принципы в структурном содержании письменных и вещественных источников.

От объектов исторической реальности в соответствии с природными законами разрушения образуется культурный слой, содержащий разнообразные остатки производственных, жилых и других сооружений, дающие представление об их планировке, архитектуре, особенностях строительных конструкций, технологиях и материалах строительства, оборудовании и инструменте, сырье и отходах производства, продукции, бытовой утвари. Их наличие позволяет привлечь современные методы археологии, а также методы и данные других наук и отраслей производства: геологии, металлургии, архитектуры, строительства и т. д.

Итак, задача заключается в сборе сведений из письменных источников и материалов археологических исследований для реконструкции явлений и объектов, идентификации безымянных остатков из культурного слоя с историческими сведениями, персоналиями. Для этого необходимо иметь навыки работы в архиве и право вести археологические исследования. Прежде чем начать изучение остатков, их необходимо найти, сопоставить в пространстве и времени с данными письменных источников и доказать принадлежность к определенному историческому объекту и событиям.

Поиск

За прошедшие 15 лет автором были организованы поиск и исследование нескольких памятников, в том числе местонахождения горных работ экспедиции М. Селина, Я.Т. Хитрова (1669 – 1674 гг.), Невьянского рудного железного дела (Ницинского завода) (1630 – 1680-е гг.), Тумашевского (1669 – 1675 гг.), Шувакишского (1706 – 1716 гг.), Мазуевского (1704 – 1744 гг.), Уктусского (1704 – 1750 гг.) заводов. Это археологическая разведка, но со своеобразной методикой поиска. На первом этапе отличие уже в том, что поиск проводится не путем сплошного обследования участка территории или берега реки, а по данным письменных источников в целях обнаружения конкретного памятника. Из указанных памятников не составило особого труда найти местонахождения Невьянского рудного железного дела (с. Рудное Ирбитского района), Мазуевского (д. Мазуевка, Кишертского района Пермской обл.) и Уктусского заводов (в черте г. Екатеринбурга), так как до настоящего времени сохранились населенные пункты, возникшие при заводах, и историческая память о них.

Несколько сложнее проходил поиск Шувакишского завода. О предприятии сохранились лишь краткие сведения, а первоисточники были утрачены. Тем не менее из собранной информации следовало, что завод имел плотину, построенную на Шувакишском истоке, вытекающем из одноименного озера, а железо получали в сырорудных печах. Оз. Шувакиш, сохранившее свое название, находится в черте г. Екатеринбурга, из него вытекает безымянный исток протяженностью около 3 км. На нем выявлены единственное подходящее место для строительства плотины, остатки этой плотины и сырорудного железоделательного производства. Иных вариантов местонахождения Шувакишского завода нет, как нет и сомнений в принадлежности металлургических остатков этому предприятию [9, с. 164 – 183].

Раскопки заводов XVII – начала XVIII в. позволили выделить массовые находки, характерные для сырорудного способа получения железа и являющиеся датирующим признаком. Это обломки оплавленных глиняных форм, называвшиеся в XVII в. «трубками». Они использовались один раз, а при извлечении крицы вместе с частью стенки печи разрушались и выбрасывались. Другой тип находок – обломки криц. Они имеют соответствующую размеру металлическую массу, полуovalную форму, пористую структуру. Такие находки в большом количестве были обнаружены в культурном слое на всех исследованных железоделательных предприятиях, использующих технологию прямого получения железа.

Наиболее удачным и показательным в наших исследованиях стало выявление места деятельности и следов поисковой экспедиции за серебром, проходившей в 1669 – 1674 гг. на Урале. Это была крупнейшая в дореволюционный период геологоразведочная экспедиция. Во время наиболее активных действий в 1672 г. обоз, двигавшийся из Катайского острога к месту поиска, состоял из 362 подвод и около 1000 человек с пятью пушками.

Поводом для поисков послужила обнаруженная в архиве запись рассказа монастырского старца Лота на допросе в Тобольске в 1664 г. Монах поведал рассказ столетней калмычки о том, что «золото и серебро, которое находят русские люди в татарских могилах, происходит из руды, которую добывают сибирские татары и их калмыцкие люди в горе по вершине Уфы, Гадены и Яику реке... и домницы и ямы в том месте есть... а езды от Катайского острога 11 дней. Okolo той горы, речки названием Тасмы, ус-

тьями сошлись в Ай реку, а длина той горы верст 7, поперек в версту, в высшину сажень на 200 и более. На ту гору проложены дороги великие. Теми дорогами ездят многие башкирцы, этот камень берут и плавят золото и серебро, ту руду продают они в Уфу русским людям по 13 рублей за пуд. Есть и город каменный недалеко от озера Иредяша (Иртыш – Е.К.) в полднище пути и башни великие и палаты каменные, башкирцы его скрывают, а также некто служильный человек Батитко видел на острове Иртыш-озера этот город в саморостном камени, вокруг него ров, и за тем городом сделаны домницы исстари, видны плавильная руда и шлак. В длину городище 100 сажень, поперек 50 сажень» [10].

Среди историков не было единого мнения о районах и целях деятельности экспедиции, но они и не придавали большого значения выявлению мест работы. А.А. Кузин, ознакомившись с рассказом старца, вместо «Иртыш» прочитал «Иртыш» и определил район работ экспедиции на р. Иртыш [11, с. 42 – 43.]. Он полагал, что уже в 1672 г. ее деятельность полностью переключилась на разработку и поиски магнитной железной руды. Е.В. Ястребов считал, что рудознатцы работали в верховьях р. Исети [12, с. 71.]. В летописи повествуется о весьма обширных районах поисков – «по Тоболу вверх, в степные места, в Кузнецкий острог, на Красный Яр и в Томский уезд...», но достаточно точно указан район строительства крепости, основанной у места горных работ, – «прямо в горах над Тасмами реками в каменю» [13, с. 165].

Работая с документами, планами, топографическими картами, проводя археологическое обследование местности, нам удалось точно установить основное место работы геологоразведочной экспедиции и даже найти следы горных работ того времени. Конечным пунктом маршрута была упомянутая гора около речек Тасм (Тесым) [14, с. 149 – 186].

В документах было обнаружено и описание маршрута по малоизвестным тогда степным районам Южного Урала. Из Катайского острога экспедиции предстояло ехать до Маяна озера и Усть-Кабалы, с Маяна до Алалыку озера – день, далее до озер Кызылташ и Иредяш (Иртыш) – четверть дня. С Иртыша, где, по рассказам Лота, находился таинственный каменный город, за день можно было выбраться к р. Сорока, от которой до горы у двух речек Тесым, где брали серебряную руду, оставалось полдня пути [15]. С точки зрения современного географического местонахождения, в рассказе Лота достаточно определенно указан ограниченный участок Уральского горного массива. На карте рубежа XVII – XVIII вв. отмечено оз. Иртыш с вытекающей из него р. Теча, а также находящиеся неподалеку устья рек Ай, Тесым и Яик. Названия некоторых из них сохранились до настоящего времени.

Только в черте современного г. Златоуста в р. Ай впадают две речки – Большая и Малая Тесымы (Тасмы). Других рек с близким названием в бассейне р. Ай нет. Таинственная гора длиной в 7 верст, упомянутая Лотом, есть, очевидно, Таганайский горный массив, но, возможно, речь идет только о его части – Малом Таганае. Этих сведений было достаточно, чтобы с уверенностью говорить о районе работ, но явно не хватало для выявления точного места. Требовался подробный план местности, и он был найден среди документов 40-х годов XVIII в. На нем указана гора, расположенная при слиянии Большой и Малой Тесым, «на которой работал из Москвы думной боярин», и «канал, который для прииску разработан», точнее ров, оставшийся от горных работ XVII в.

При наличии чертежа археологической разведкой удалось быстро обнаружить в указанном месте оплывшие рвы и шахты, точно соответствующие описанию их в XVII и XVIII вв. Они находятся на крутых склонах гор, поросших вековым сосновым лесом, на северо-восточной окраине г. Златоуста. Два рва, в точности соответствующие описанию XVII в. и чертежу XVIII в., прокопаны от р. Малой Тесьмы к р. Большой Тесьме в месте их слияния. Следы разработок более позднего времени здесь отсутствуют [16].

Местонахождение и время образования горных разработок установлены на основании соотнесения старинной и современной топонимики и топографии местности, планов рвов и сопровождающих их подписей. Датировка археологическими методами не определена, поскольку на месте горных работ пока не обнаружено культурного слоя и находок, которые можно отнести к XVII в. С одной стороны, образование слоя на месте кратковременных разработок маловероятно, а местонахождение «Нового Уральского городка», где этот слой мог бы быть, установлено пока приблизительно, на территории г. Златоуста. С другой стороны, находки бытовых русских вещей, имевших широкий хронологический диапазон существования, вряд ли внесут ясность. Необходимы находки монет или аналогичных предметов, дающих точную дату. Тем не менее, по нашему мнению, с помощью письменных источников и археологического поиска удалось установить точное местонахождение и дату памятника.

Выявление точного местонахождения маршрута и мест работы геологоразведочной экспедиции XVII в. потребовало повторного прочтения первоисточников и позволило сделать ряд новых и неожиданных выводов. Вот некоторые из них. В черте г. Златоуста за 82 года до его возникновения был построен «Новый Уральский городок» – первое русское поселение на территории Челябинской области. Впервые были открыты самоцветные камни на территории современного Ильменского заповедника и кратчайший путь через Уральский хребет к г. Уфе. Впервые встречается название «Урал» в русских письменных источниках. Установлено, что интерес к результатам экспедиции неоднократно возникал и в первой половине XVIII в., и на места старых копей выезжали отряды, для сбора образцов. Следствием этих поездок стало вторичное открытие старых, выявление новых железных рудников и выбор мест под строительство Златоустовского, Каслинского и Кыштымского заводов.

Исходные данные (архивные), которыми мы располагали при поиске остатков завода Тумашевых (1670 – 1677 гг.), были следующими. По сведению Степана Астраханцева, побывавшего на заводе в 1670 г., «Митка Тумашев живет с братом своим и с работными людьми в Верхотурском уезде не дошел Павдинского камени за полднице над Невьею рекою в бору...» [17]. В других случаях упоминалось, что «обнаруженная Тумашевым руда находится в районе Краснопольской слободы на берегу р. Нейвы на пустом месте, от людей верст с 30 и больше»; иногда указывалось расстояние в 60 верст [18, с. 118]. К этому надо добавить, что Д. Тумашев сделал заявку на отвод ему в оброчное содержание близлежащих к заводу озер «с истоки» – Шигирского и Шайтанского. Упомянутые в источниках названия населенных пунктов и озер явно указывали на примерное расположение завода – вблизи возникшего в XVIII в. Невьянского завода.

Историки пытались определить местонахождение завода. П.Г. Любомиров отмечал, что строящийся казенный Невьянский завод располагался неподалеку от места, где действовало предприятие Тумашевых. Е.В. Ястреб-

бов помещал его на месте с. Бынъги [19, с. 65]. Археолог А.И. Россадович связывала с заводом обнаруженные металлургические остатки в д. Тарасково в верховьях р. Нейвы [20, с. 190].

Отсутствие точных ориентиров в тексте, топографических карт или планов XVII в. с указанием местонахождения завода, изменение топонимики местности не позволяли установить по прошествии более трех столетий местонахождение его остатков. Целенаправленный поиск в течение нескольких лет привел к следующим результатам. В 1992 г. в 6 км к югу от г. Невьянска была обнаружена небольшая р. Тумашка. Название речки, образовавшееся от фамилии владельцев завода, сохранялось с XVII в. и стало первым аргументом при определении расположения завода. Другим аргументом стали рассказы местных рыбаков о железных слитках (крицах) на дне пруда. Тем не менее многократное обследование окрестностей позволило обнаружить только старые железные рудники.

В 1994 г. с помощью австралийских археологов на дне Невьянского пруда удалось увидеть обломки торчащих из грунта бревен, похожих на остатки острожной стены. Наконец, в 1999 г., когда уровень пруда заметно упал, на одном из участков отмели стали попадаться характерные для металлургического производства XVII в. шлаки и обломки фурм. Позже на берегу был выявлен и небольшой участок культурного слоя разрушенного памятника. Два важных аргумента: данные топонимики и характерные остатки сыродутного металлургического производства – явно указывали на то, что было найдено местонахождение Тумашевского завода. После обнаружения завода и рудников стал очевиден вывод о преемственности в возникновении завода Тумашевых и Невьянского.

Таким образом, процедура соотнесения данных письменных источников и вещественных остатков в пространстве и времени в дальнейших совместных исследованиях памятников XVII – XVIII вв. должна выглядеть следующим образом. Первоначально осуществляется сбор данных из письменных источников, указывающих на местонахождение и характерные признаки объекта. Для быстроты и точности поиска желательно наличие старых чертежей и планов местности. Район разведки уточняется с помощью современных карт и сравнения исторической топонимики с современной. Находка памятника в оконтуренном районе может проводиться по уточняющим сведениям: данным микротопонимики, особенностям топографии местности, расстояниям от известных населенных пунктов, характерным признакам объекта, локальным чертежам и т. д. Хронологическая идентификация памятника осуществляется по данным письменных источников, типичным для эпохи признакам, явно выраженной однослойности объекта, датированным предметам материальной культуры. Из круга однородных памятников выявляются «реперные», имеющие хорошую сохранность остатков и документальное обеспечение. В исследованиях им отдается приоритет для создания эталонных коллекций артефактов.

Разведки на основе данных письменных источников позволяют устранить спорные точки зрения, выявить местонахождение памятников для дальнейшей работы с их остатками, уточнить окружающую историческую топонимику. С их помощью нередко можно точно выявить время жизнедеятельности, название объекта, язык и этническую принадлежность его создателей, что чаще всего невозможно осуществить на памятниках доисторической эпохи.

Раскопки

Как уже отмечалось, на заводах Урала в XVII – XVIII вв. все постройки были деревянными, и к настоящему времени не сохранилось в целости ни одного промышленного объекта того времени. Причина этого – смена технологий производства, естественное разрушение объектов, другие факты. В лучшем случае здания разрушились естественным образом и отложились в культурный слой, в худшем – были уничтожены более поздними перестройками. При исследовании скрытых в земле остатков археолог становится ключевой фигурой, без которой не может проводиться полноценная работа других специалистов (архитекторов, историков, реставраторов, музеиных работников). Археологический поиск и исследование культурного слоя – трудоемкий и дорогостоящий процесс, поэтому невозможно уделять равное внимание всем памятникам; необходимо выявлять наиболее уникальные и пытаться сохранить хотя бы некоторые из них.

Рассмотрим ситуации археологического исследования памятников письменной эпохи. 1. Историческая память и историческая связь с объектом сохранились, и он продолжает существовать до настоящего времени (Невьянский завод). Поиск его не затруднен, но маловероятно археологическое исследование памятника, так как завод продолжал непрерывно действовать в течение 300 лет. Естественно, что при регулярных перестройках разрушались остатки предшествующего времени, и маловероятно найти непотревоженный ранний культурный слой и хронологически разделить находки. 2. Найдены остатки, но отсутствуют какие-либо упоминания в письменных источниках (металлургические остатки в д. Тараково Свердловской обл.). В этом случае процедура работ аналогична исследованию памятников дописьменных эпох. 3. Имеются сведения в письменных источниках, но следы и остатки упомянутых в них объектов безвозвратно уничтожены (Уктусский завод). 4. Сохранились отрывочные сведения в письменных источниках, и сохранность культурного слоя памятника плохая (Невьянское рудное железное дело). 5. Идеальными для исследователя остаются так называемые «чистые» – однослойные памятники. Объект существовал относительно короткий промежуток времени, был заброшен и забыт. Впоследствии он разрушился естественным образом, но при этом в архивохранилищах сохранилось значительное количество документации (Мазуевский завод).

История изучения так называемого «Ницинского» завода насчитывает почти 300 лет начиная с момента упоминания завода Г.Ф. Миллером. Присвоенное знаменитым историком условное название увиденным им остаткам в с. Рудное породило противоречия и споры впоследствии, после обнаружения в первоисточниках подлинного названия предприятия – «Невьянское рудное железное дело». Историки разделили имеющиеся отрывочные сведения об одном предприятии на два и безуспешно пытались обнаружить данные в архивах о несуществующем «Ницинском» заводе, что завело исследование истории этого завода в тупик. Именно работа с первоисточниками и соотнесение обнаруженных остатков с описанием местонахождения предприятия в XVII в. позволили обосновать единственное историческое название предприятия [14, с. 58 – 60].

Обнаружить остатки завода не представляло труда, основанием этого послужили упоминания Г.Ф. Миллера и раскопки А.И. Россадович в 1972 г. в с. Рудном (Ирбитский р-н), возникшем при основании завода. Источнико-

вая база исследуемого памятника фрагментарна, так как выявление новых документов началось недавно, а заводская площадка, находящаяся в центре села, оказалась сильно разрушенной.

Говоря о планировке завода, надо отметить, что обязательным условием для успешного функционирования предприятия было наличие на нем угольного, известкового и рудного амбаров. Это вызвано не только тем, что для непрерывного производства под рукой необходим постоянный запас компонентов шихты. Не менее важным фактором было и то, что для проведения качественной плавки сырье должно было быть постоянно сухим. Здесь же на заводской площадке помимо плавильного амбара находились кузница с горном для проковки криц, починки инструмента, изготовления продукции, изба для работников, амбар для хранения инструмента и готовой продукции.

В 1930-х годах на месте завода побывал известный историк уральской металлургии Д.А. Кащинцев. Он провел осмотр местности и, ориентируясь на отвал metallurgических шлаков, составил приблизительную схему планировки завода [21, с. 31]. Надо иметь в виду, что еще до его посещения часть заводской площадки была занята жилым домом с постройками, а в 1969 г., до археологических раскопок, участок, где находились остатки завода, был частично перекопан при строительстве сельского клуба.

В 1971 г. сотрудница Нижнетагильского краеведческого музея А.И. Родадович определила местонахождение завода, а в 1972 г. организовала раскопки на площади 288 кв. м. Под слоем шлака и обломков фурм на глубине 40 см ей были выявлены остатки четырех «горновых ям» округлой формы – остатков плавильных печей. Расположены они были по линии восток – запад. Их размеры колебались от 45×45 см до 100×70 см, а глубина от 30 до 45 см. Они имели воронкообразную форму и были заполнены кусками темно-серого кирпича с прикипевшим шлаком, шлака и древесного угля. По мнению автора раскопок, производственные остатки в раскопе концентрировались вокруг этих ям [22, с. 15 – 32].

В 1991 г. западнее раскопа 1972 г. автор статьи вскрыл участок производственных отвалов толщиной до 1 м, насыщенный обломками фурм, криц, шлака. Степень насыщенности слоя углем и красным прокаленным песком увеличивалась к восточной части раскопа, т. е. к производственной площадке [23, с. 3 – 5].

На основе данных раскопок 1972 и 1991 гг. мы изменили эффектную, но умозрительную схему планировки завода Д.А. Кащинцева (рис. 1). Плавильный амбар длиной в 8 – 10 м имел четыре горна и был ориентирован с запада на восток. С юга в 10 – 15 м проходила дорога, с северо-востока от амбара сваливали производственные отходы, а с запада со стороны оз. Рудное подвозили руду. Строительство клуба уничтожило остатки завода к северу от плавильного амбара.

На основании изучения Невьянского рудного железного дела мы сделали вывод, что историко-археологическое исследование памятника позволяет устранять спорные вопросы и пополнить сведения о планировке, архитектуре, этапах перестройки, технологии производства и технического оснащения предприятия. В процессе раскопок появляются образцы изделий, полуфабрикаты, отходы производства для изучения их методами естественных наук, составления типологических рядов предметов и музейных коллекций.

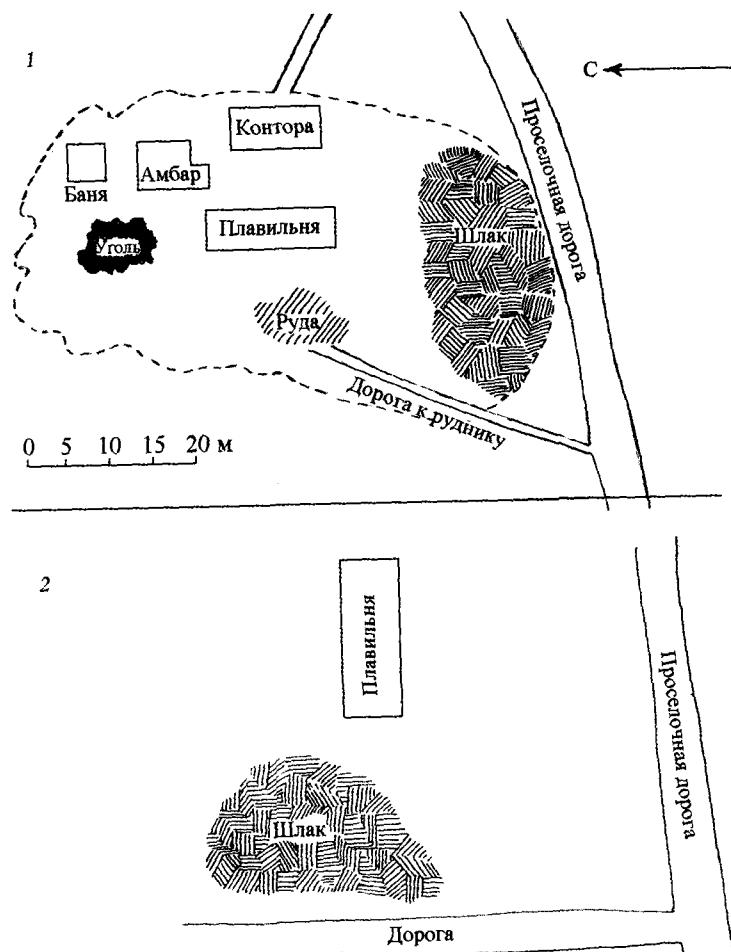

Рис. 1. Примерная планировка Невьянского рудного железного дела.

1 – схема Ницинского завода по Д.А. Кащинцеву, 2 – схема планировки заводской площадки, выполненная на основании результатов раскопок

Реконструкция

Накопив определенный опыт, мы пришли к необходимости углубленного исследования и реконструкции какого-либо одного уникального памятника промышленности. Наиболее подходящим был признан Мазуевский многопрофильный металлургический завод (1704 – 1743 гг.). Впервые автор побывал на нем в 1993 г. С этого времени собран обширный комплекс архивных документов о заводе. На их основе в 2000 г. с помощью инновационного метода компьютерного моделирования совместно с к.т.н. Ю.М. Барановым создана анимированная модель предприятия. Стационарные археологические исследования памятника начались в 2005 г.

Мазуевский завод основал в 1704 г. предприниматель Ф.И. Молодой к юго-востоку от г. Кунгуря. В первые десятилетия XVIII в. на этом предприятии возникли все основные типы металлургического производства «до-

генниновского» периода: сыродутные печи, молотовая, медеплавильные печи, домна.

Описания Мазуевского завода отличаются полнотой и регулярностью за весь период его существования. В первую очередь – это описи передачи имущества, где имеются довольно подробные данные о заводских строениях и механизмах. В фондах РГАДА сохранились описания завода за 1704, 1707, 1715 гг. и два чертежа 1722 г. В ГАСО выявлены описания построек и заводского имущества, датированные 1712, 1721 и 1744 гг., и чертеж 1744 г., изображающий еще действующие и уже разрушенные объекты.

Сведения эти стали еще более привлекательными с момента, когда удалось найти остатки завода, разрушившегося естественным образом, заброшенного и забытого. Это уникальная ситуация, позволяющая использовать в исследовании завода археологические методы и своими глазами увидеть фундаменты построек того времени.

Наиболее подробными можно считать сведения 1721 – 1722 гг. На этот период времени сохранились чертеж и описание завода. Чертеж планировки завода дает точные данные о размерах заводских строений и расположении их относительно друг друга. В описании плотины, заводских построек указаны их размеры, расстояние друг от друга, техника строительства. Имеется внутреннее описание цехов с печами, приспособлениями и инструментом на каждом рабочем месте.

Проанализировав собственный опыт поиска и раскопок заводов, мы определили дальнейшую стратегию в разработке методики работы на промышленных памятниках. Она включает первоочередное исследование «эталонных» объектов, обладающих наиболее полной источниковой базой, а на этапе обобщения данных, реконструкции технологических процессов и архитектурного облика предприятия – использование метода компьютерного моделирования.

Синтез компьютерного образа объекта включает следующие этапы:

- предварительную подготовку информации об объекте реконструкции;
- разработку геометрических моделей объектов и моделирование окружающей среды (создание трехмерной сцены);
- выполнение анимации объектов реконструкции;
- визуализацию сцены и отдельных объектов.

После того как составлено достаточно полное представление о внешнем облике реконструируемого объекта, можно приступить к моделированию. Критически оценивая итоги работы на данном этапе, можно говорить, скорее, не о реконструкции, а о создании модели Мазуевского завода, поскольку пока использованы не все имеющиеся сведения: нет данных археологических раскопок, нет и детальной проработки архитектуры и технического оснащения предприятия. Тем не менее модель предприятия выполнена в точном пространственном и масштабном соответствии чертежу и описаниям 1721 – 1722 гг. (рис. 2). Более подробно о компьютерном моделировании и анимации металлургических предприятий можно прочитать, например, в совместном исследовании авторов модели [24].

Следует отметить, что методы поиска, раскопок и реконструкции разрушенных исторических памятников с использованием письменных источников достаточно специфичны. Нами продемонстрирован первый опыт такого подхода только на примере уральских промышленных памятников периода XVII – XVIII вв., где методы комплексного историко-археологического исследования наиболее востребованы и продуктивны как для истори-

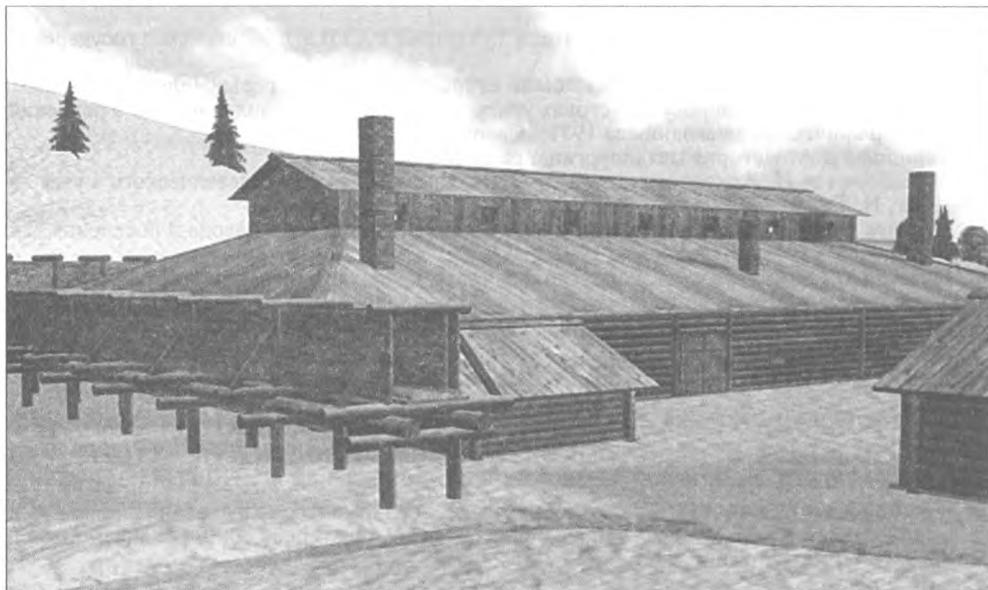

Рис. 2. Модель медеплавильного цеха Мазуевского завода

ков, так и для археологов. Но они практически аналогичны и для других памятников археологии этой эпохи: жилых, культовых, погребальных. Метод комплексного историко-археологического исследования должен стать кристаллизующим, объединяющим вокруг себя другие методы естественных наук и отраслей промышленности (геологии, металлургии, строительства, архитектуры и др.) для анализа средневековых технологий современными средствами исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.
2. Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977.
3. Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М., 1980.
4. Мартынов А.И. Археология СССР. М., 1982.
5. Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М., 1989.
6. Пушкирев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.
7. Источниковедение истории СССР. М., 1973.
8. Алферов Н.С. Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960.
9. Курлаев Е.А. Археологическое исследование Шувакишского завода начала XVIII в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2002. №8.
10. ГАСО. Ф.129. Оп.1. Д.152. Л. 10-13 об.
11. Кузин А.А. История открытия рудных месторождений до середины XIX в. М., 1961.
12. Ястребов Е.В. Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974.
13. Полное собрание русских летописей. Т.36. М., 1987.
14. Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М., 2005.
15. РГАДА. Ф. 214. Оп.2. Д. 881. Л. 77.
16. Курлаев Е.А. Отчет о разведке в окрестностях г. Златоуста Челябинской обл. Екатеринбург, 2005 г. Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 2. Д. 118.

17. РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 837. Л. 75.
18. Преображенский А.А. Предприниматели Тумашевы в XVII в. // Московское государство в XVII в. М., 1961.
19. Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. Челябинск, 1982.
20. Россадович А.И. К вопросу об истоках уральской горной промышленности // Уральский археографический ежегодник за 1971г. Свердловск, 1974 .
21. Кашицев Д.А. История металлургии Урала. М.; Л., 1939.
22. Россадович А.И. Археологический отчет Нижнетагильского краеведческого музея за 1972г. Н. Тагил, 1973. Архив ИА. Р-1/5925.
23. Курлаев Е.А. Отчет об археологических раскопках Ницинского завода и поселения Саранпауль-3 в 1991г. Свердловск, 1992. АКА УрГУ. Ф.2. Д. 616.
24. Баранов Ю.М., Курлаев Е.А. Реконструкция утраченных промышленных объектов и раритетных технологий с использованием компьютерного моделирования // VII научно-практическая конференция «Российский научно-технический музей: проблемы и перспективы». Н. Тагил, 2000. Т. 1.

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПАМЯТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ XVII – XVIII вв.

Рассматриваются особенности историко-археологического исследования памятников промышленности Урала XVII – XVIII вв., приводится компьютерная анимированная модель металлургического предприятия.

E.A. Курлаев

Integrated historical and archaeological study of the industrial sites of the XVII–XVIII centuries revisited

The article represents some specifics of integrated historical and archaeological study of the industrial sites of the XVII-XVIII centuries of the Urals as well as computer animation of metallurgical plant.

E.A. Kurlaev

ПУБЛИКАЦИИ

В.Н. Широков, Р.Б. Волков

МАТЕРИАЛЫ СТОЯНКИ КАМЕННОГО ВЕКА ИГНАТИЕВСКАЯ II

В 1990 г., участвуя в установке сруба охранников на большой поляне возле Игнатиевской пещеры (рис. 1), что было вызвано очередной волной интереса к организации заповедного режима для памятника федерального значения «Игнатиевская пещера», при рытье котлована фундамента мы неожиданно обнаружили каменные изделия, описание которых посвящена данная публикация.

Игнатиевская пещера относится к так называемым большим верхнепалеолитическим святилищам с настенными росписями. Эта карстовая полость – одна из крупнейших в своем районе: общая длина ее ходов более 600 м. Пещера горизонтальная, просторная, сухая, расположена на правом берегу р. Сим, притока Белой, примерно в 200 км к северу от Каповой пещеры. Изучение памятника проводилось с 1980 по 1986 г. экспедицией В.Т. Петрина, в 1995 и 2004 г. – В.Н. Широкова.

За все время работ удалось обнаружить и скопировать свыше 50 рисунков, сконцентрированных только в Большом и Дальнем залах, более чем в 120 м от входа. В Большом зале фигуры нанесены на вертикальные и наклонные стены, на полуводы, в многочисленных нишах, различного рода депрессиях и на выступах стен. В Дальнем зале основное количество рисунков обнаружено на потолке и лишь немногие – на стене. Все изображения созданы краской двух цветов: красной с различными оттенками и черной. В Большом зале количественно преобладают красные рисунки (черные отмечены только в двух местах), тогда как в Дальнем зале количество черных фигур значительно.

Репертуар изображений составляют животные, знаки, люди и неопределенные изобразительные мотивы. Среди животных, как и в Каповой пещере, доминируют мамонты – шесть или семь воспроизведений и лошади – четыре. Кроме них есть рисунки быка, носорогообразного существа, составленного животного с туловищем верблюда и фантастического создания, напоминающего мамонта.

Человеческие фигуры представлены в Дальнем зале черным рисунком мужского существа и большого размера, красным рисунком женщины, составляющим великолепную композицию комплексного содержания с большой фигурой «носорога».

Знаки очень многочисленны. Среди них имеются группы линий и отдельные черты, различного рода пунктуации, меандры, крестообразные и стреловидные формы, трезубец, треугольник, расчерченный параллелограмм, мотивы в виде лестницы и якоря, а также отдельные пятна. Один из знаков

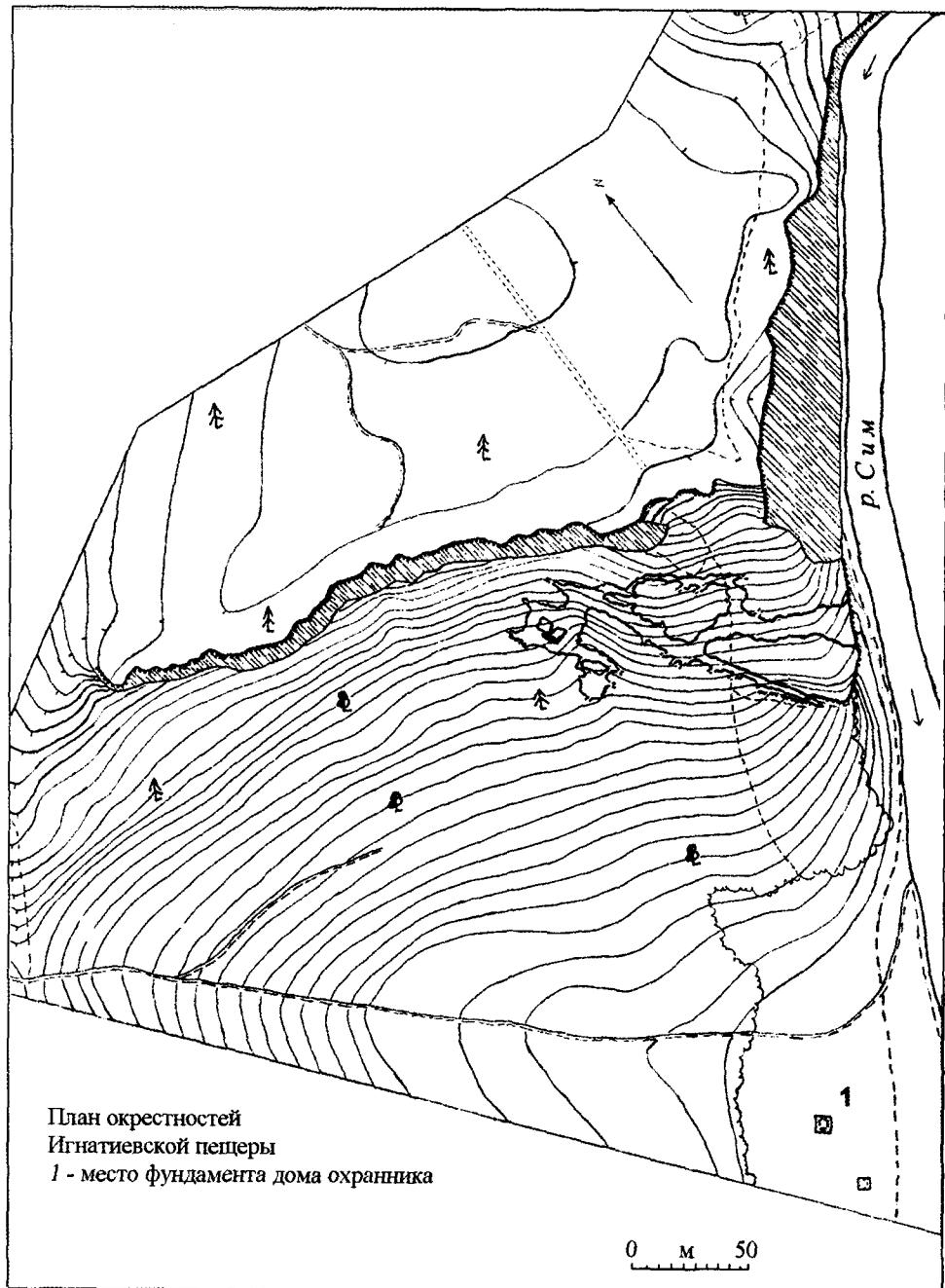

Рис. 1. Топографический план окрестностей Игнatiевской пещеры

**Результаты плазменного окисления и радиокарбоновые датировки
настенных рисунков из Игнатиевской пещеры**

Мотив	Цвет	TAM UN	Углерод, мг	CAMS N	^{14}C возраст, BP	2σ возрастной ранг (Cal BC)
Мамонт	Черный	4RU292	0,15	56586	7370 ± 50	6390 – 6080
Радиальная линия	Черный	4RU291	0,21	56271	7920 ± 60	7040 – 6640
Линия	Черный	4RU318	0,10	67688	6030 ± 100	5300 – 4650
Женщина	Красный	4RU330	< 0,01	–	–	–

в виде круга, обрамленного с трех сторон отрезками, напоминает след носорога, его следует считать специфическим для Игнатиевской пещеры.

Раскопками в разных частях пещеры обнаружен культурный слой с многочисленными частицами угля от факелов и светильников, каменными и костяными изделиями, кусочками охры, украшениями и костями животных. Каменные изделия (более 1300 экз.) изготовлены из различных яшм, кремней, кварцита, песчаника, хрусталя, известняка и других пород и минералов. Среди орудий преобладают скребки, ретушированные пластины, резцы, долотовидные орудия, зубчатые и выемчатые формы. Выразительную серию составляют пластинки с притупленным краем. Украшения представлены двумя подвесками, сделанными из клыка песца и зуба быка или бизона, и двумя мелкими, округлой формы, плоскими бусинами из кости или бивня.

Радиоуглеродный анализ углей и костей из культурного слоя показал следующие даты: 14240 ± 150 (СОАН-2209), 14038 ± 490 (ИЭМЭЖ-366), 13335 ± 192 (ИЭМЭЖ-365), 14200 ± 660 (ИЭРЖ-54), 13500 ± 1660 (ИЭРЖ-41), 10400 ± 465 (СОАН-2468) [1, 2]. Недавно получены прямые радиоуглеродные даты образцов красочного пигмента настенных рисунков пещеры [3], которые, по мнению В.Н. Широкова, омоложены (см. таблицу).

В период работы экспедиции В.Т. Петрина в окрестностях пещеры проводились эпизодические рекогносцировки. На большой поляне вблизи пещеры, вдоль бровки террасы, также забивались шурфы, в которых археологические материалы не найдены. Вот почему столь неожиданным оказалось обнаружение каменных артефактов при рытье котлована сторожки на значительном удалении от края террасы.

Всего в пределах площади фундамента собрана коллекция каменных изделий в количестве 176 экз. Все предметы залегали в низах гумусированной супеси и на ее контакте со слоем галечника. Гумусированные отложения переотложены человеческой деятельностью, мощность их не превышает 40 см.

Большая часть артефактов является отходами производства каменных орудий. Отщепов 75 экз.: 72 – из черного кремня плохого качества, 3 – из светло-серой кремнистой породы. Чешуек и осколков 75 экз.: 74 – из черного кремня, 1 – из светло-серой кремнистой породы. Расколотых галек пять фрагментов: 3 – из кварцита, 2 – из темно-серой яшмы. Основное количество предметов представлено черным кремнем, встречающимся в известняках западного склона Южного Урала. Отбиралось ли сырье в виде плиток или галек, проследить не удалось.

Ребристая пластина изготовлена из черного кремня и имеет размеры $6,4 \times 1,2 \times 0,8$ см (рис. 2, 11).

Пластин без ретуши и их фрагментов 12 экз. Из черного кремня изготовлены 10 предметов, 2 – из светло-серого кремня. Целых пластин три, их

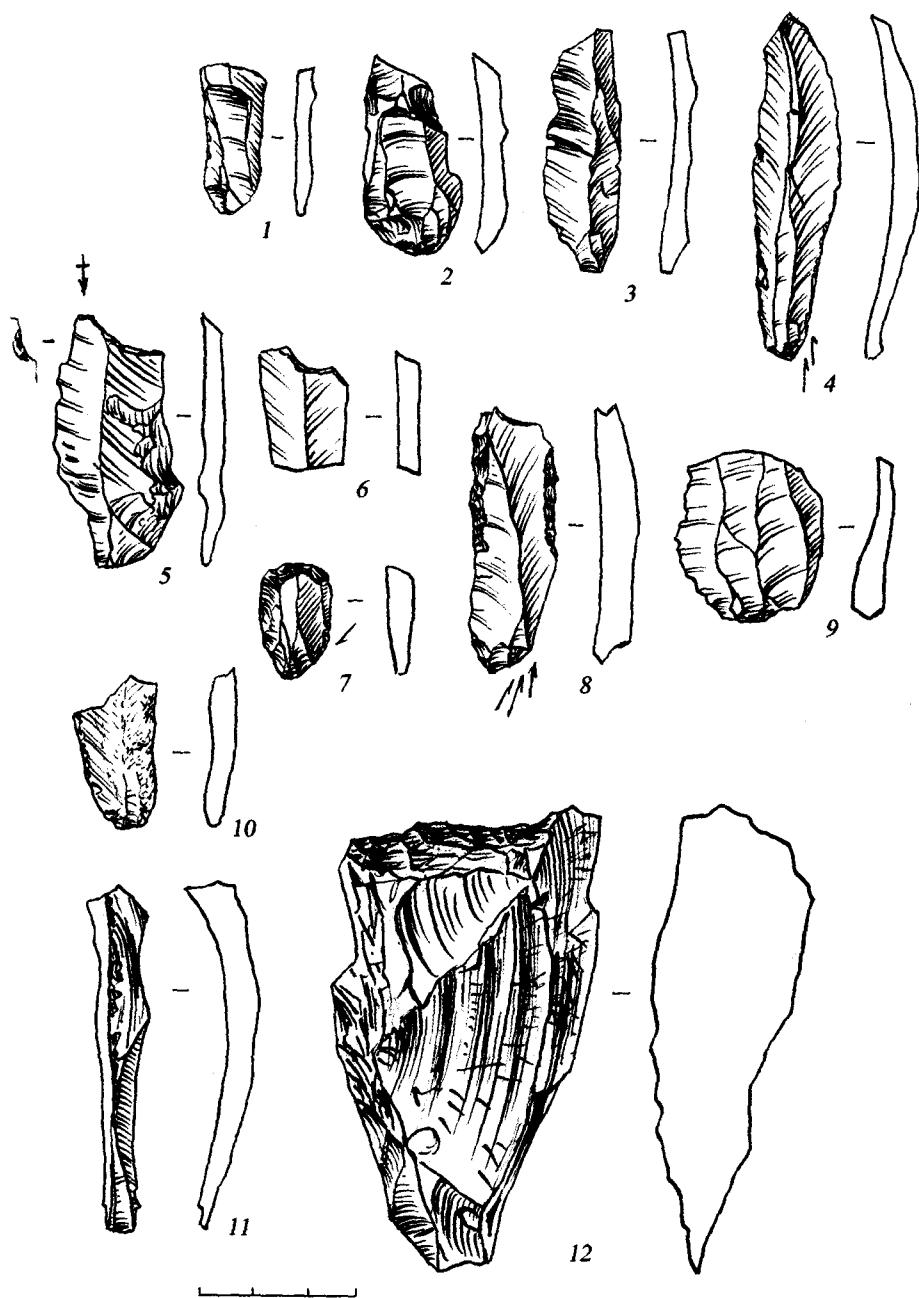

Рис. 2. Каменные изделия стоянки Игнатиевская II

размеры: $4,5 \times 1,5 \times 0,4$ см; $3,7 \times 1,5 \times 0,6$ см и $2,8 \times 1,3 \times 0,3$ см. У двух отсутствуют проксимальные части ($2,6 \times 1 \times 0,3$ см; $1,9 \times 0,7 \times 0,2$ см), у одной ($3,7 \times 2 \times 0,5$ см) – дистальная часть. Три являются медиальными сечениями ($2 \times 1,4 \times 0,3$ см; $1,3 \times 1,4 \times 0,3$ см; $1 \times 1,3 \times 0,3$ см), две – отсеченными проксимальными частями ($1,5 \times 1,6 \times 0,5$ см; $1,5 \times 1,5 \times 0,5$ см), одна – отсеченной дистальной частью ($1,6 \times 1,3 \times 0,5$ см).

Концевой скребок ($2,1 \times 1,4 \times 0,4$ см) изготовлен на пластине из темно-серого кремня. Лезвие выпуклой формы выполнено крутой дорсальной субпараллельной ретушью на дистальном торце заготовки (рис. 2, 7).

Концевой скребок ($8,5 \times 5 \times 2,9$ см) изготовлен на массивном нуклевидном сколе из черного кремня. Лезвие прямой формы, расположенное на дистальном торце заготовки, оформлено грубой крутой и отвесной дорсальной ретушью (рис. 2, 12).

Пластина с ретушью ($4,9 \times 1,8 \times 0,7$ см) из серого кремня. Правая латераль на 2/3 длины оформлена крутой дорсальной субпараллельной ретушью. Левая латераль на 1/2 длины заготовки оформлена аналогично правой. На проксимальном конце фиксируются три резцовых снятия (рис. 2, 8).

Две косовыемчато-усеченные пластины изготовлены из черного кремнистого сланца. Первая ($4,7 \times 2,3 \times 0,6$ см) имеет выемку, оформленную отвесной дорсальной ретушью на проксимальном конце заготовки. Со стороны брюшка видны фасетки ретуши (рис. 2, 5). У второго орудия ($2,3 \times 1,7 \times 0,6$ см) выемка также оформлена отвесной дорсальной ретушью на дистальном конце (рис. 2, 6).

Пластины с ретушью утилизации две, обе изготовлены из черного кремня. Первая имеет размеры $6,4 \times 1,7 \times 0,6$ см, на обеих латералах фиксируется мельчайшая краевая двухсторонняя выкрошенность. Со стороны площадки видны два резцовых снятия (рис. 2, 4). Вторая пластина ($2,8 \times 1,6 \times 0,5$ см) фрагментирована, на левой латерали имеется мельчайшая краевая дорсальная ретушь утилизации (рис. 2, 10).

Морфология заготовок орудий, технических сколов и отходов производства свидетельствует о параллельной технике расщепления с использованием призматических и плоских ядрищ. Несмотря на незначительное количество орудий в коллекции, они очень выразительны и находят аналогии в материалах конца верхнего палеолита. Имеются в виде пластины с усеченным ретушью концом. Они обработаны отвесной ретушью, образующей скошенные выемки. Подобные изделия встречены в Игнатиевской пещере, но особенно характерны они для стоянки Горная Талица [4]. На ее поверхности, в значительной степени разрушенной, А.Ф. Мельничуком и П.Ю. Павловым были отмечены три скопления каменных изделий на площади около 35 кв. м каждое, которые, по мнению авторов, остались на месте жилых или производственных построек.

При исследовании стоянки ими обнаружена значительная коллекция каменных изделий – более 2000 экз. Ее анализ показал, что обработка камня и изготовление орудий производились на месте. Большая часть коллекции представлена отходами производства – расколотыми гальками и желваками, отщепами, различного рода сколами и чешуйками. Сырьем служили кремнистые сланцы, яшмы, кремень различных оттенков, горный хрусталь, окремненный известняк и др. Для получения заготовок использовались в основном призматические и плоские нуклеусы, среди которых есть экземпляры размером до 10 см. Основными заготовками для

орудий служили пластины различного размера, среди которых отмечены и микропластиинки. Орудия составляют 9% всего инвентаря. Самая большая категория орудий представлена пластинами с усеченным ретушью концом, много резцов, среди которых преобладают боковые и угловые, и шиповидные изделия. Скребки в основном концевые, имеются пластины с краевой ретушью и притупленной спинкой, долотовидные изделия. Небольшое количество изделий отнесено к скреблам, рубящим орудиям, ножам и скошенным остриям. Очень любопытна плитка из зеленого сланца с гравированной на одной стороне головой лося. Хотя она и была найдена на поверхности, авторы исследований склонны считать ее возраст одновременным возрасту стоянки.

Изотопные даты для стоянки Горная Талица отсутствуют, возраст ее определен стратиграфическим методом: около 11 тыс. лет назад. По мнению авторов исследования, «...стоянка Горная Талица по ряду признаков – технике первичного раскалывания, набору орудий и некоторым их типам – весьма схожа с более ранними палеолитическими памятниками Приуралья» [4, с. 17]. Имеются в виду стоянки в Медвежьей пещере, гроте Столбовом и им. Талицкого. Сравнивая их материалы с материалами стоянки Горная Талица, авторы выделяют наиболее значимые черты сходства в их индустриях: «Техника первичного раскалывания на всех сравниваемых памятниках основывается на нуклеусах параллельного принципа скальвания – призматических и плоских. В небольшом числе представлены также и многоплощадочные поддисковидные нуклеусы. В качестве заготовок для орудий использовались только пластины (исключение – стоянка им. Талицкого). В состав инвентаря стоянок входят скребки, усеченные пластины, пластины с притупленной спинкой, шиповидные и зубчато-выемчатые изделия, *pieces escaillées*, крупные грубо обработанные орудия типа чопперов и чоппингов. В наборе орудий Горной Талицы ведущее место принадлежит усеченным пластинам» [4, с. 16].

Как видим, индустрия стоянки Горная Талица аналогична материалам стоянки Игнатиевская II, что позволяет датировать последнюю финальным палеолитом. В свое время на сходство каменной индустрии Игнатиевской пещеры и Горной Талицы обращал внимание В.Т. Петрин [1, с. 145]. Наше знакомство с коллекцией каменных изделий из Игнатиевской пещеры позволило отметить вещи, тождественные найденным на стоянке Игнатиевская II как по сырью, так и типологически. В этой связи радиокарбоновую дату 10400 ± 465 для слоя посещения Игнатиевской пещеры следует принять как ориентировочный хронологический рубеж завершения функционирования декорированного верхнепалеолитического святилища в Игнатиевской пещере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрин В.Т. Верхнепалеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
2. Scelinskij V.E., Sirokov V.N. Hohlemalerei im Ural. Karova und Ignatiievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. Thorbecke, 1999.
3. Широков В.Н. Проблема возраста настенных изображений Игнатиевской пещеры в связи с первыми датировками красочного пигмента // Мир наскального искусства. М., 2005.
4. Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннегого мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.

E.B. Вилисов

МИКРОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СВЯТИЛИЩА КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ

Кокшаровский холм, материалы которого легли в основу данной работы, расположен на южном берегу Юрьянского озера, в 0,7 км к востоку от бывшего Второго поселка Басыновского торфопредприятия (Верхнесалдинский район Свердловской области). Холм расположен в центре Юрьянского поселения эпохи неолита, население которого, по мнению исследователей, и воздвигло данный памятник [1, с. 162]. Интерес к холму и окружающему его поселению возник еще в XIX в. С тех пор памятник неоднократно исследовался археологами и местными краеведами. С 1995 г. исследования на холме проводит Среднеуральская археолого-этнографическая экспедиция под руководством А.Ф. Шорина*.

Предварительные итоги изучения Кокшаровского холма на сегодняшний день выглядят следующим образом. Памятник представляет собой насыпное сооружение. Выделяется не менее трех этапов подсыпки (слои 6, 3 и 2). В создании холма принимали участие носители всех известных в Среднем Зауралье неолитических орнаментальных традиций. На памятнике зафиксировано более 10 объектов, которые интерпретируются как культовые сооружения. Внутри или рядом с ними обнаружены перевернутые вверх дном сосуды кокшаровско-юрьянского, кошкинского и басыновского типов. Скорее всего, после совершения каких-либо обрядовых действий данные сооружения преднамеренно сжигались, о чем свидетельствует насыщенность холма углистыми прослойками и прокалами [1, с. 165 – 168].

В целом характер функционирования памятника более или менее обозначен, но остается и ряд нерешенных вопросов, прежде всего – насыщенность культурных слоев холма каменными изделиями. А.Ф. Шорин отмечает, что часть материала не связана с функционированием самого памятника, а привнесена извне (скорее всего, с Юрьянского поселения) в ходе подсыпок [1, с. 165]. Кроме того, существует предположение, что часть каменного инвентаря на холме может быть представлена остатками других эпох, прежде всего мезолита. В этом убеждены некоторые исследователи, ссылаясь на присутствие в материалах памятника большого количества изделий микролитического облика, характерных для эпохи мезолита.

Чтобы решить проблемы хронологии микролитического инвентаря и путей его появления на холме, было необходимо произвести типолого-статистическую классификацию микрокомплекса и выявить схожие и отличительные черты каменных индустрий мезолита и неолита Среднего Зауралья, а также проследить возможные закономерности залегания артефактов в основных слоях памятника и выявленных на нем объектах.

К микролитическому комплексу были отнесены все пластины шириной до 1 см, орудия на них, а также нуклеусы для производства таких пластин. Выбор данного метрического показателя обусловлен рядом причин. Во-первых, по мнению ряда исследователей, микролитические индустрии были ориентированы на производство вкладышевых орудий. Вкладыши

*Автор благодарит А.Ф. Шорина за предоставленные материалы.

обычно имеют ширину не более 1 см (в основном 5 – 8 мм) [2, с. 34]. Во-вторых, в мезолитических комплексах Среднего Зауралья около 90 % пластин имеет ширину до 1 см. Поэтому отобранная по данному критерию часть пластинчатого комплекса холма выглядит наиболее репрезентативно для сравнения с материалами эпохи мезолита.

В ходе полевых исследований Кокшаровского холма в 1995 – 2003 гг. собрана почти 11-тысячная коллекция находок из камня. Из 10 960 каменных предметов 614 не несут следов преднамеренной обработки, 577 представлены расколотыми гальками, 311 – фрагментами плиток.

Формально каменная индустрия Кокшаровского холма носит отщеповый характер. Количественно отщепы преобладают над пластинами (4765 и 2138 соответственно). Но орудий на пластинах несколько больше, чем на отщепах (704 и 623 экз.), причем последние представлены в основном скребками (385 экз.). Заготовками для других типов орудий служили большей частью пластины. Около половины (48 %) всех пластин имеет ширину до 1 см.

Из 135 нуклеусов коллекции 1995 – 2003 гг. 133 предназначены для изготовления микропластин. Сырьем служил в основном кремень серого (43), серо-зеленого (41), зеленого (8), черного (23) цвета. Из этих пород изготовлено 84 % нуклеусов. В девяти случаях использовались кремнистые породы различных оттенков. Нуклеусы из сланцев, яшмы, кварца и опоки единичны. Их количество не превышает 2 – 3 экз. Ведущими видами нуклеусов являются **призматические** и **торцовые** (их соотношение примерно одинаково). Остальные типы представлены гораздо меньшими сериями. Высота изделий колеблется от 6,3 до 1,4 см, но большей частью 2,2 – 2,8 см. Ширина негативов сколов находится в пределах 2 – 15 мм, составляя в среднем 5 – 8 мм.

Наиболее представительна (52 экз.) категория **призматических нуклеусов** (рис. 1, 8 – 16). Выделяются следующие типы.

Призматические однофронтальные одноплощадочные (42 экз.). Изготовлены в основном из кремня серого (21), черного (4), серо-зеленого (12) цвета; два нуклеуса – из коричневой, один из полосчатой яшмы, а также по одному – из серой и зеленоватой кремнистой породы. Высота нуклеусов колеблется от 50 до 15 мм, но большинство находится в интервале 20 – 28 мм. Скалывание по всему периметру производилось лишь с трех нуклеусов. Фронты остальных нуклеусов не замкнуты и составляют от половины до трех четвертей периметра. Необработанная часть покрыта коркой. Ударные площадки оформлялись одним-двумя широкими сколами. Углы скальвания составляют 75 – 90°, реже до 65°. Ширина негативов сколов от 2 до 15 мм (в основном 5 – 8 мм).

Призматические однофронтальные двухплощадочные (9 экз.) – со встречным принципом скальвания. Изготовлены из зеленого (3), серого (3), черного (2) и серо-зеленого кремня (1), у двух нуклеусов скальвание производилось по всей окружности. У двух нуклеусов одна из площадок сильно скошена (под углом 60 и 40°).

Еще один нуклеус *двоихфронтальный двухплощадочный* изготовлен из коричневой яшмы. Скалывание производилось в противоположном направлении с разных сторон нуклеуса, углы скальвания 85 и 60°. Фронты разделены поверхностями, покрытыми галечной коркой.

Торцовые нуклеусы насчитывают 49 экз. (рис. 1, 2 – 7). Были выделены следующие типы.

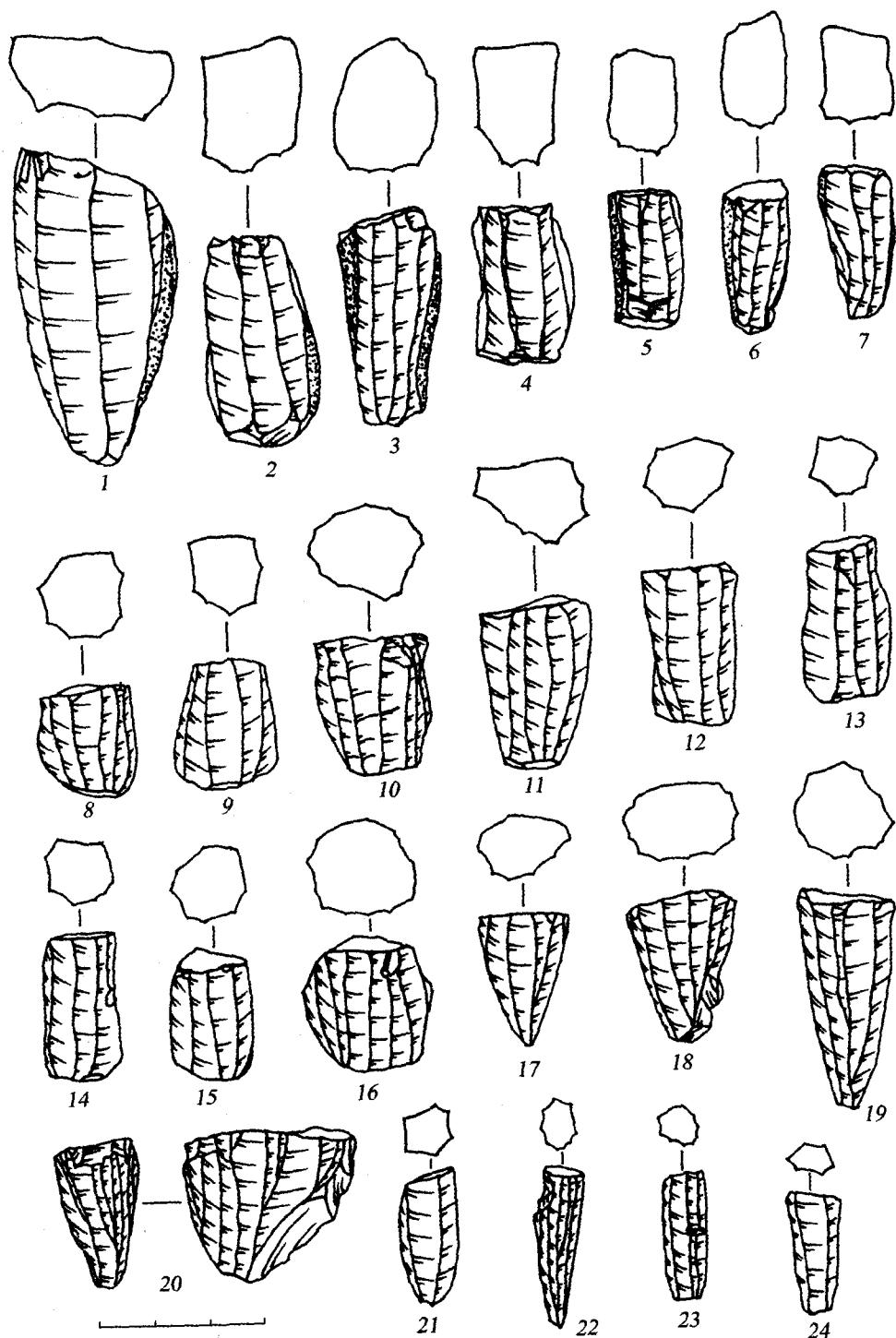

Рис. 1. Нуклеусы

Торцовые однофронтальные одноплощадочные (36 экз.). В основном изготовлены из кремня серо-зеленого (12), серого (10), зеленого (3) и черного (5) цвета. По одному нуклеусу изготовлено из коричневого сланца, серой кремнистой породы, белого кремня, серой мелкозернистой породы, опоки и молочного кварца. Высота нуклеусов колеблется от 43 до 19 мм. Скалывание велось по узкой части нуклеуса (ширина фронта составляет иногда всего 8 мм). Около половины нуклеусов имеют негативы всего двух-трех снятий, ширина которых составляет 2 – 9 мм. Большая часть находится в промежутке 4 – 7 мм. Угол скальвания 70 – 90°, лишь у одного нуклеуса из серо-зеленого кремня он равен 95°.

Торцовые однофронтальные двухплощадочные (2 экз.) – со встречным принципом скальвания, изготовлены из серо-зеленого кремня (31×16×24 мм) и серой кремнистой породы (34×19×17 мм). Контрфронт и боковые поверхности покрыты коркой. Угол скальвания составляет 85 – 90°.

Торцовые двухфронтальные одноплощадочные (6 экз.) – с двумя плоскостями скальвания, расположенными на противоположных сторонах нуклеуса. Сырьем служили серо-зеленый (3), серый (2), черный (1) кремень. Высота нуклеусов колеблется от 19 до 29 мм. Угол скальвания составляет 60 – 90°.

Торцовые двухфронтальные двухплощадочные (5 экз.) – со скальванием с двух плоскостей в противоположном направлении. Три нуклеуса изготовлены из черного кремня, два – из серо-зеленого.

Конические нуклеусы (18 экз.) (рис. 1, 17 – 19, 21, 22) изготовлены из черного (6), серого (3), серо-зеленого (6) кремня, серого сланца (2) и один из полосчатой яшмы. У 11 нуклеусов площадки скошены, в семи случаях – прямые; обычно оформлены одним-двумя сколами. В одном случае площадкой служила ровная необработанная плоскость плитки. Скалывание велось в основном на трех четвертях периметра (15 экз.), у трех нуклеусов снятие пластин производилось по всей окружности. Морфологически они приближаются к карандашевидным. Спинка у семи нуклеусов подработана серией сколов, у восьми покрыта коркой. Угол скальвания колеблется от 75 до 90°. Ширина негативов сколов составляет 2 – 8 мм.

Килевидные нуклеусы насчитывают 8 экз. (рис. 1, 20). Сырьем для них служили серо-зеленый (3), серый (2), черный (1) кремень, черный сланец и коричневая кремнистая порода. Размеры нуклеусов 33 – 21×15 – 9×30 – 15 мм. В шести случаях снятие пластин велось с торца, в двух – с торца и с одной из боковых сторон. Только у двух нуклеусов киль образован двухсторонними сколами, у остальных основание имеет одностороннюю обработку, другая плоскость покрыта коркой.

Карандашевидные нуклеусы (3 экз.) (рис. 1, 23, 24) изготовлены из серого (23×8×7 мм), серо-зеленого (21×10×8 мм) и черного (28×10×8 мм) кремня. Заготовкой для первого нуклеуса служила галька, два других сделаны из плитчатого сырья. Площадки подработаны сколами. Угол скальвания 85 – 90°. Фронты не замкнуты на ширину одного скола. Ширина негативов не превышает 5 мм.

Уплощенные нуклеусы (2 экз.). Один (63×37×22 мм) изготовлен из зеленого кремня. Площадка, образованная серией сколов, скошена под углом 85°. Контрфронт оформлен несколькими крупными сколами. На одной из латералей присутствуют остатки желвачной корки. Фронт скальвания имеет слабовыпуклую форму. Ширина негативов сколов составляет 5 – 17 мм.

Другой нуклеус уплощенный, из розоватой кремнистой породы ($55 \times 27 \times 16$ мм), имеет подконусовидную форму (рис. 1, 1). Площадка обработана серией сколов и скошена под углом 70° . Спинка оформлена двумя крупными сколами. Фронт скальвания слабовыпуклый. Негативы сколов имеют ширину 8 – 12 мм.

Ортогональные нуклеусы (2 экз.). Нуклеус серого кремня с двух торцов, расположенных перпендикулярно друг другу, несет следы встречного скальвания. У второго нуклеуса из зеленого кремня два фронта также перпендикулярны, но расположены таким образом, что при двух площадках он имеет одно основание.

Микропластины без вторичной обработки насчитывают 744 экз., что составляет 51,9 % от всех пластин. Ширина микропластин колеблется от 4 до 10 мм, около 80 % из них имеют ширину 6 – 9 мм (40,5 % пластинчатого комплекса). Целых пластин в коллекции 193 экз. (25,9 %). Их длина 12 – 44 мм, большинство (62,7 %) имеют длину 17 – 27 мм. Остальные пластины представлены в основном медиальными сечениями и сколами с отсеченной дистальной частью, реже – проксимальными и дистальными частями. Их длина колеблется от 7 до 44 мм, из них 89,6 % имеют длину 11 – 28 мм.

Сырьем для изготовления микропластин служили около 20 различных видов пород. Из кремня серого изготовлено 72,6 % пластин – 258 экз., серо-зеленого – 144, зеленого – 101 и черного – 37. Часть микропластин (15,7 %) – 117 экз. выполнена из серой (58), коричневой (45) и других оттенков кремнистой породы. Серии микропластин, сырьем для которых служили яшмы, кремнистые сланцы, кварцит, окварцованные породы, халцедон, опока, незначительны и насчитывают не более 14 – 16 экз. В коллекции присутствует одна микропластина из хрустала.

Около половины (46,1 %) пластин без вторичной обработки являются техническими сколами. Это полупервичные снятия (199 экз.) и ребристые пластины (144 экз.).

Остальная часть микропластинчатого комплекса представлена орудиями.

Микропластины с ретушью (90 экз.). Ширина пластин колеблется от 0,4 до 1,0 см. Большинство имеет ширину 0,5 – 0,7 см (44 экз. – 49,9 %).

Целых микропластин всего 12 экз. (13,5 %). Их длина составляет 2,2 – 4,1 см; у семи из них не превышает 2,7 см. Остальные орудия представлены в основном пластинами с отсеченной дистальной частью (32 экз.) и медиальными сечениями (29 экз.). Их длина от 1,0 до 5,8 см, 63 % имеют длину 1,2 – 2,3 см.

Большинство орудий имеет правильную огранку, лишь одно изготовлено на ребристой пластине, три орудия – на полупервичных сколах.

Сырьем для изготовления орудий служили полупрозрачный кремень зеленого (17), серого (10) цвета; черный (12) и желтый кремень; серая (11), сургучная (2), розовая и полосчатая (по 2 экз.) яшма; окварцовенная порода бежевого и серого (по 3 экз.) цвета, а также кремнистые породы хорошего качества (14). Два орудия изготовлены из кварцита и одно – из серой опоки.

Микропластины с дорсальной ретушью насчитывают 34 экз. (рис. 2, 1 – 20; 3, 21 – 24). Пластина из зеленого кремня ($40 \times 10 \times 2,5$ мм) обработана по одной латерали в проксимальной части крутой мелкой ретушью, остальная часть латералей – вертикальной средней (см. рис. 2, 7). Девять пластин оформлены полукруглой захватывающей ретушью (см. рис. 2, 8, 12, 15). Рабочие края 24 орудий оформлены крутой ретушью. Обработка в большинстве случаев краевая. Лишь на трех орудиях отмечена захватывающая ретушь.

Вентральной ретушью оформлены края 25 микропластин (рис. 2, 22–24; 3, 25–44). Четыре из них обработаны полукруглой захватывающей ретушью, остальные изделия – крутой краевой.

Микропластины с двухсторонней (бифасиальной) ретушью насчитывают 7 экз. Изделие из серой яшмы ($59 \times 9 \times 3,5$ мм) (рис. 3, 1) обработано по одной латерали: с дорсала – полукруглой средней захватывающей ретушью (причем на проксимальном конце пластины расположены две параллельные удлиненные фасетки, близкие к следам обработки косоструйчатой ретушью); с вентрала пластина частично обработана мелкой плоской ретушью. Орудие из черного кремня ($42 \times 8,5 \times 3$ мм) (рис. 3, 2) по одной латерали с дорсала до середины пластины обработано крутой мелкой ретушью, остальная часть спинки и брюшка – плоской средней захватывающей ретушью. По другой латерали пластина обработана крутой мелкой краевой ретушью – со спинки в дистальной части, плоской средней захватывающей ретушью – с брюшком. Пластина ($31 \times 9 \times 3$ мм) из розовой яшмы (рис. 3, 3) обработана по одной латерали дорсальной крутой мелкой ретушью, по другой с дорсала – полукруглой средней захватывающей, с вентрала – нижняя половина орудия несет следы стелющейся ретуши. Микропластина ($16 \times 10 \times 3$ мм) из светло-коричневой кремнистой породы (рис. 3, 4) по одной латерали обработана плоской средней (доходящей до середины спинки) распространенной ретушью, с брюшка – полукруглой средней захватывающей ретушью. Такая же ретушь покрывает дорсал второй латерали, на брюшке – нерегулярные фасетки стелющейся ретуши. Остальные орудия обработаны крутой мелкой ретушью (рис. 3, 49–51).

Микропластины с противолежащей ретушью представлены 6 экз. Одно орудие изготовлено из серой опоки (рис. 2, 26). Обе латерали покрыты полукруглой средней захватывающей ретушью. Еще одно орудие изготовлено из черного кремня (рис. 2, 27), латерали обработаны крутой мелкой ретушью, одна полностью, другая – частично. Остальные орудия обработаны мелкой крутой краевой ретушью. Лишь одно орудие (см. рис. 3, 46) имеет полностью ретушированные латерали. У остальных отретушированы края только со спинки, а с брюшка – лишь частично (рис. 3, 45, 47, 48).

К микропластинам с попеременной ретушью отнесены два орудия. Одно изготовлено на достаточно массивной ребристой пластине зеленого кремня ($40 \times 10 \times 3,5$ мм) (рис. 3, 5), второе – из черного кремня ($20 \times 7 \times 2,2$ мм) (рис. 3, 9). Группы из двух-трех фасеток покрывают попеременно дорсал и вентрал одной из латералей.

Три орудия определены как *микропластины с пильчатой ретушью* (рис. 3, 6 – 8). Одна или обе латерали микропластин из серо-зеленого кремня (2 экз.) и серой кремнистой породы обработаны мелкими выемками величиной 1 – 3 мм, которые и оформляют «зубцы» орудий.

У 13 микропластин крутой мелкой ретушью обработан *торцовый край* (рис. 3, 10 – 20; 4, 31). У одной микропластины из серо-зеленого кремня ретушью на конце оформлена выемка диаметром 4 мм (см. рис. 4, 31). Еще одно орудие из черного кремня имеет ступенчатый рабочий край (см. рис. 3, 15).

В микролитическом комплексе Кокшаровского холма выделен тип *микропластины с отретушированными выемками* (37 экз.) (рис. 4, 1 – 20). Орудия изготовлены на пластинах шириной 5 – 10 мм, 27 из них (72,9 %) – на пластинах шириной 8 – 10 мм. Толщина пластин колеблется от 1 до 4,5 мм. Преобладают орудия толщиной 2 – 2,5 мм (29 экз. – 78,4 %). Длина изделий 12 – 32 мм, но в основном использовались пластины длиной от 17 до 28 мм

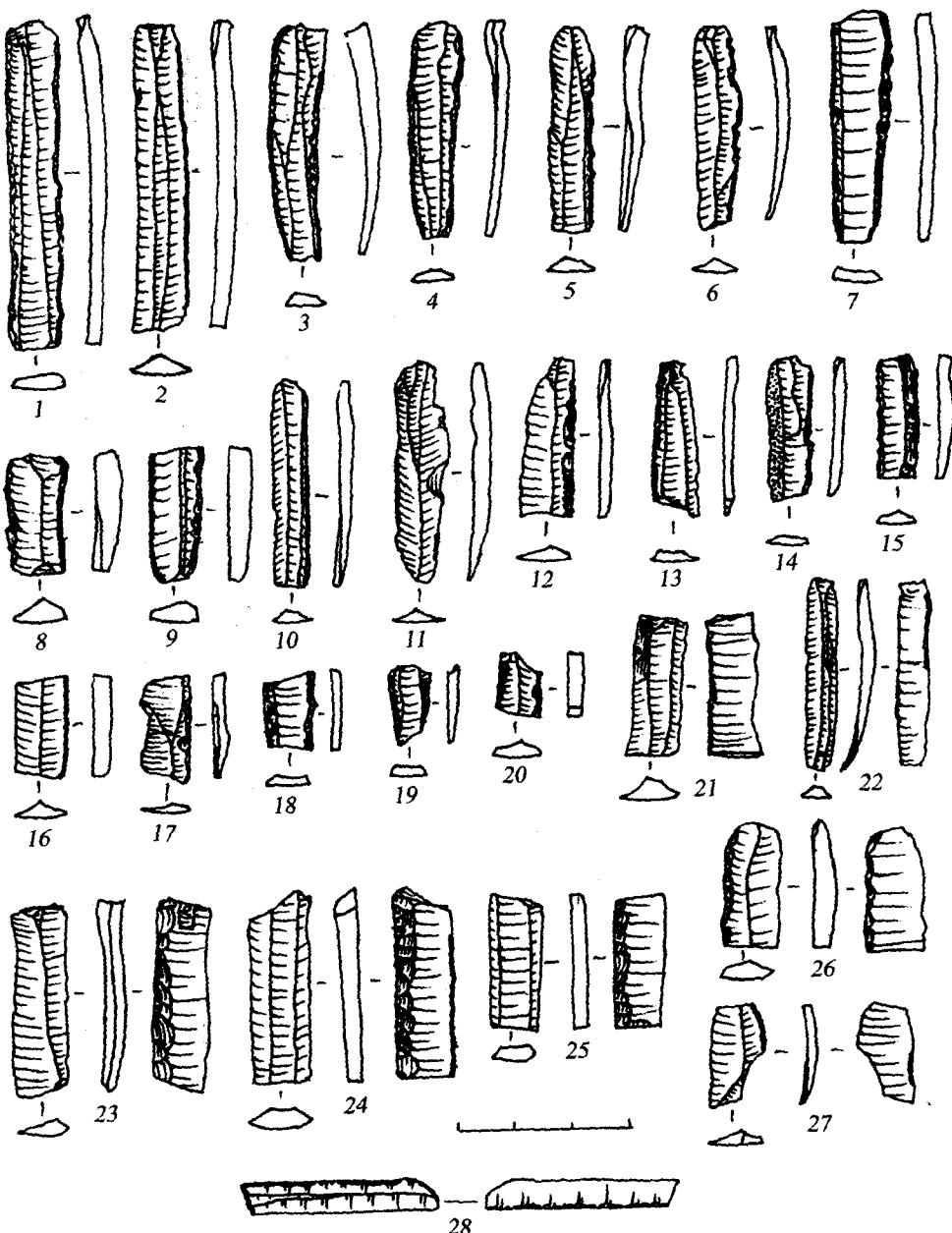

Рис. 2. Орудия на микропластинах.

1 – 27 – микропластины с ретушью; 28 – геометрический микролит

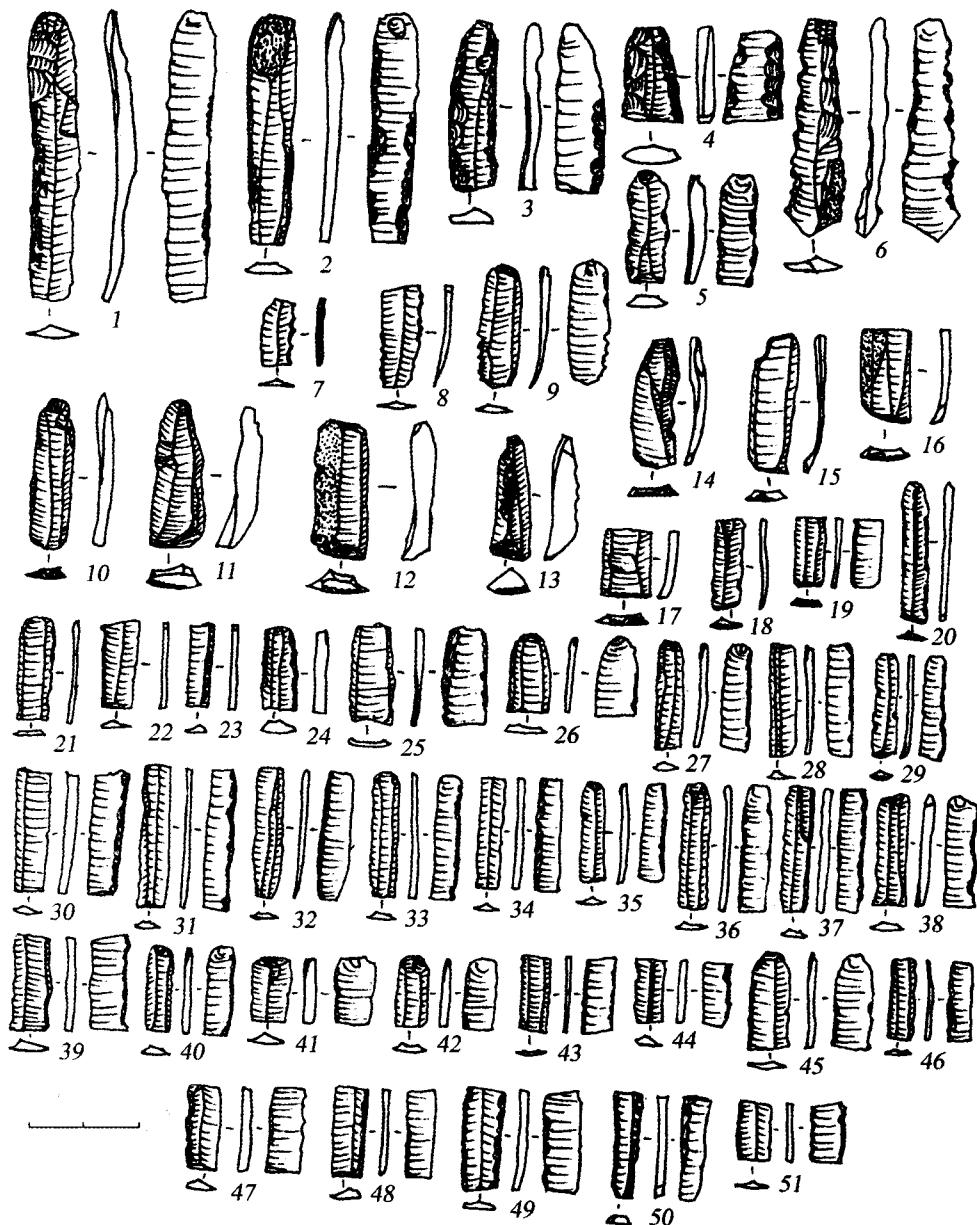

Рис. 3. Микропластины с ретушью

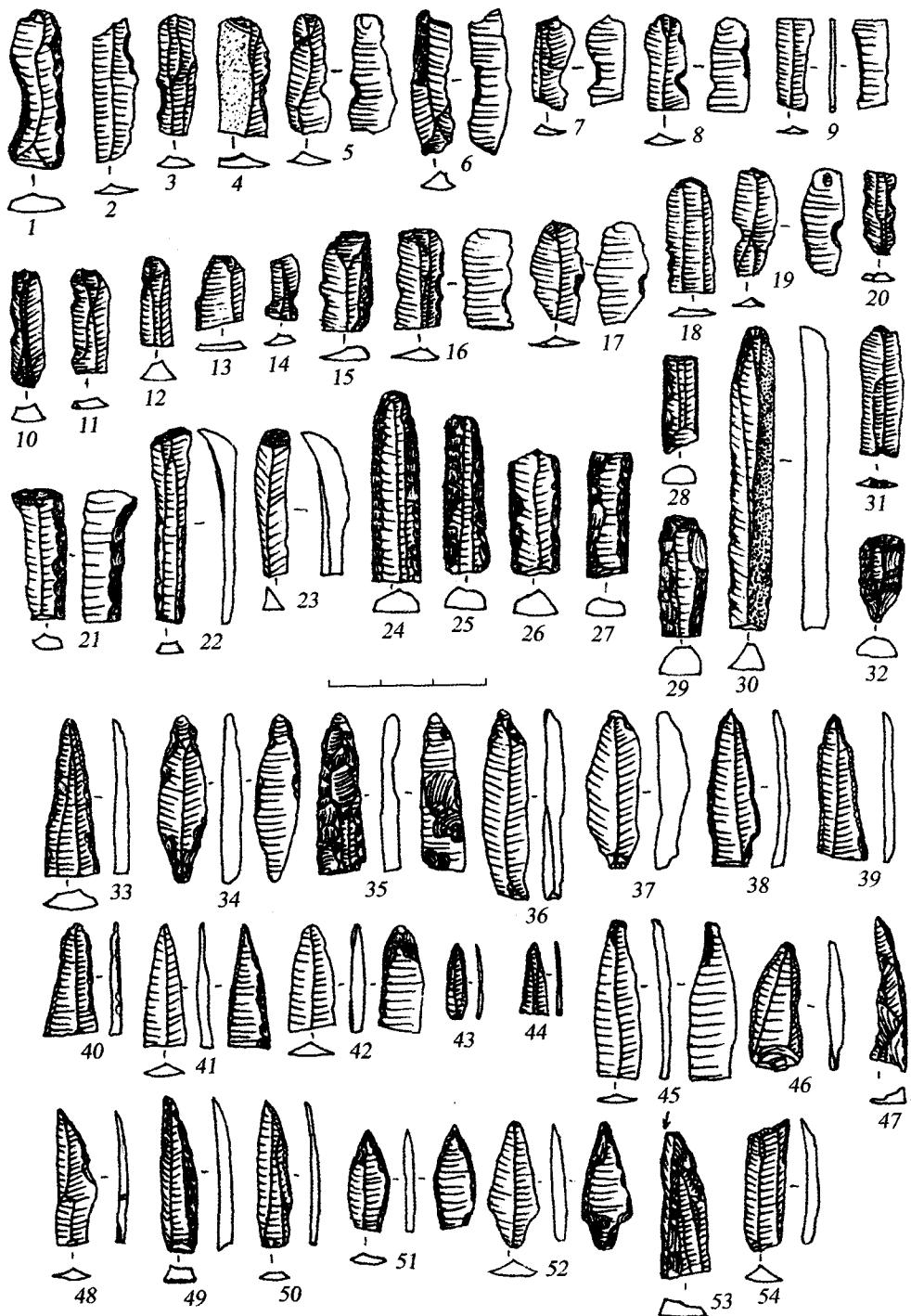

Рис. 4. Орудия на микропластинах.

1 – 20, 31 – с отретушированными выемками; 21 – 30, 32 – скребки; 33 – 50, 53, 54 – остирия; 51, 52 – наконечники стрел

(29 экз. – 78,4 %). Основная часть орудий представлена пластинами с отсеченной дистальной (15 экз.) и проксимальной (8 экз.) частями. Более трети орудий изготовлены на неправильных пластинах (14 экз.), часть изделий (8 экз.) представляет собой полупервичные сколы, в одном случае использовалась ребристая пластина.

Большая часть орудий изготовлена из кремня серо-зеленого (13), зеленого (4), серого (3) и черного (2) цвета. Заготовкой для пяти изделий служила яшма серого (4) и коричневого цвета. Кроме того, использовались серая кремнистая порода (4), опока (2), а также коричневая и серо-зеленая кремнистые породы, серая окварцованныя порода и халцедон (по 1 экз.).

Одну выемку имеют 22 изделия, 15 – две и более выемок. Их длина колеблется от 2 до 17 мм. Выемки оформлены в основном полукруглой и круглой (по 18 экз.) ретушью. В одном случае ретушь вертикальная. Ретушь наносилась с дорсала (23 экз.), реже – с вентрала (10 экз.) орудия. В четырех случаях отмечена противолежащая ретушь. Фасетки в большинстве мелкие, средняя ретушь обнаружена только в трех случаях. На двух орудиях нанесен анкош (рис. 5, 17, 30).

Существенное место в коллекции занимают **резцы** (55 экз.). Орудия изготовлены на пластинах шириной от 4 до 10 мм. Большинство из них (41 экз. – 74,5%) имеет ширину 6 – 8 мм. Толщина заготовок колеблется от 1 до 5 мм, но преобладают орудия толщиной 1 – 2 мм (42 экз. – 76,4%). Длина изделий составляет 7 – 41 мм, у 46 она 10 – 24 мм. Длину свыше 25 мм имеют лишь шесть орудий.

Заготовками для большинства резцов служили правильные пластины (45 экз.), представленные в основном медиальными частями (14) и с отсеченным дисталом (14). Резцов на целых пластинах всего пять.

Преобладающим сырьем для изготовления орудий был кремень серо-зеленого (17), серого (14), зеленого (9) и черного (4) цвета. Пять орудий выполнены на пластинах серой кремнистой породы, три – из кварца, два – из опоки и одно – из серой яшмы.

Преобладают **угловые резцы** (47 экз.) (рис. 5, 1 – 29). Семь из них двойные (см. рис. 5, 2 – 25), изготовлены из серо-зеленого (4) и серого (3) кремня. Пять резцов тройные (см. рис. 5, 27, 28), сырьем для них служили зеленый и серый кремень (по 2 экз.) и серая кремнистая порода.

Срединные резцы (5 экз.) образованы двумя сколами, направленными под углом друг к другу (рис. 5, 30 – 33). Рабочий край двух изделий симметричен центральной оси заготовки, у трех – асимметричен (см. рис. 5, 32, 33). Орудия изготовлены из серой кремнистой породы (2), серо-зеленого (2) и черного кремня.

Боковые резцы (3 экз.) – с резцовым сколом, нанесенным с подработанного ретушью конца. Один изготовлен на достаточно массивной пластине серого кремня (19×8×4 мм) (рис. 5, 35). Скол нанесен с обработанного вертикальной средней ретушью дистального конца. Остальные два резца – из черного (22×6×2 мм) (рис. 5, 34) и зеленого (10×7×2 мм) (рис. 5, 36) кремня – с одного из торцов обработаны кругой мелкой ретушью.

Резчики в коллекции насчитывается 42 экз. Большинство (34 экз.) изготовлено на пластинах шириной 8 – 10 мм, 8 экз. – 6 – 7 мм. Длина орудий составляет от 11 до 42 мм. Резчики изготавливались на пластинах толщиной от 1 до 5 мм, но большая часть (36 экз.) имеет толщину 2 – 3 мм, в основном на медиальных сечениях (15) и пластинах с отсеченным дисталом (13).

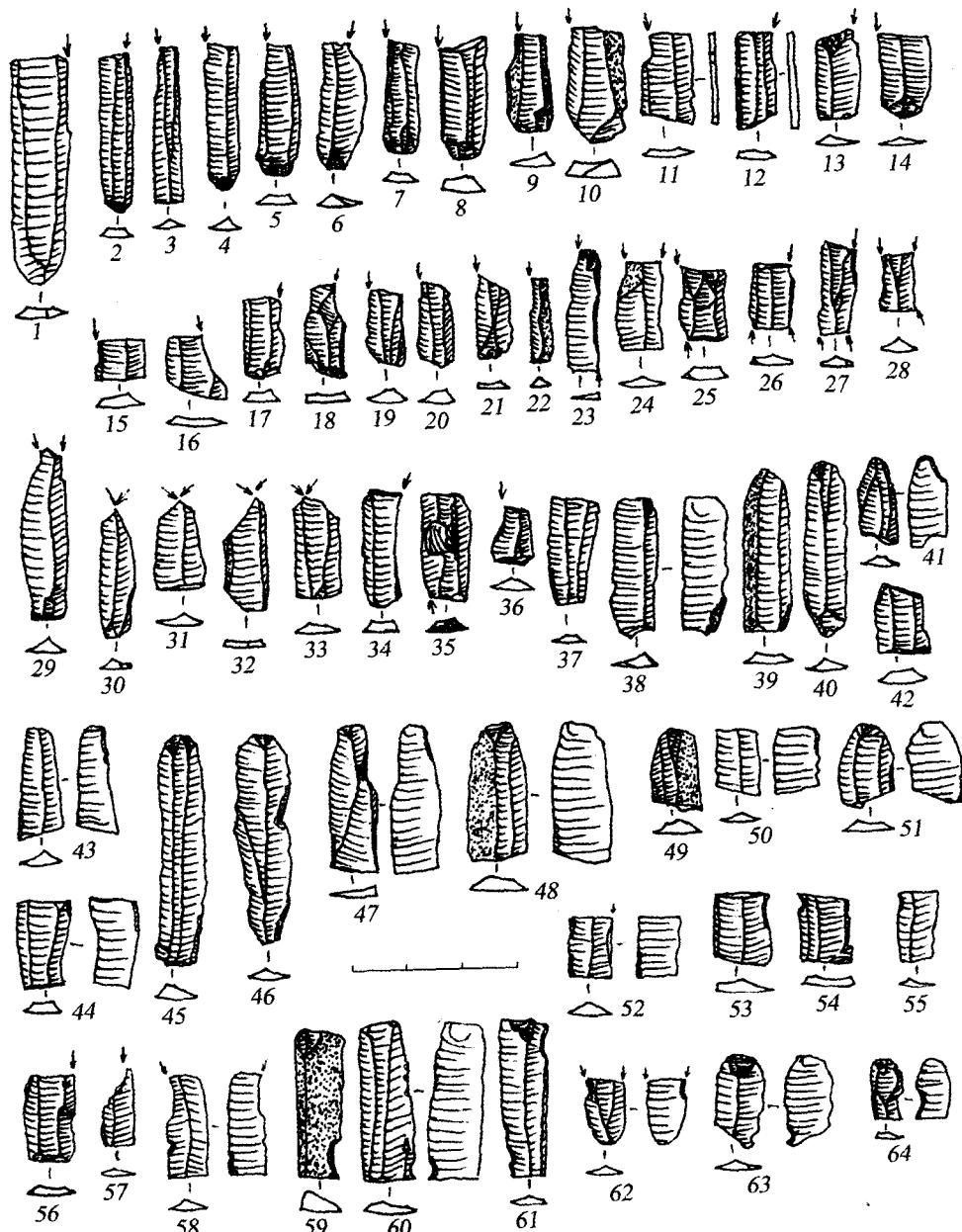

Рис. 5. Орудия на микропластинах.

1 – 36 – резцы; 37 – 51, 53 – 55, 59 – 61, 63, 64 – резчики; 52, 56 – 58, 62 – комбинированные орудия

Сырьем для большинства изделий служил кремень серого (10), серо-зеленого (10), зеленого (9) оттенков. Шесть резчиков изготовлены на пластинах кремнистых пород, два – из сланца, по одному – из опоки, коричневой и полосчатой яшмы.

Орудия распределяются по трем основным видам.

Резчики со скошенным рабочим краем – 16 экз. (рис. 5, 37 – 42, 45, 46). Из них четыре представлены целыми достаточно крупными пластинами длиной 32 – 42 мм и шириной 8 – 10 мм. Изготовлены из серо-зеленого, зеленого кремня и коричневой кремнистой породы. Рабочие края во всех случаях оформлены дорсальной крутой (3 экз.) и полукрутой (1 экз.) ретушью. Остальные резчики имеют меньшие размеры. Шесть из них также обработаны с дорсала крутой (5 экз.) и полукрутой мелкой ретушью. Остальные орудия оформлены вентральной крутой (4 экз.) и полукрутой (2 экз.) ретушью.

Резчики с прямым рабочим краем насчитывают 8 экз. (рис. 5, 48–50). Три резчика имеют крутую дорсальную подправку. На пяти орудиях ретушь вентральная, в трех случаях полукрувая, в двух – крутая.

Резчики с клювовидным рабочим краем – 11 экз. (рис. 5, 53–55, 59, 60, 63, 64). С дорсала оформлены рабочие края шести орудий, ретушь в четырех случаях полукрувая, в двух – крутая. Пять изделий оформлены вентральной ретушью.

Шесть изделий являются *двойными резчиками*. Три из них (рис. 5, 43, 44, 51) имеют прямой рабочий край, оформленный противолежащей ретушью. Еще три орудия (рис. 5, 47, 61) с клювовидными рабочими краями. Одно из серо-зеленого кремня оформлено противолежащей крутой ретушью, два из зеленого кремня несут на рабочих краях следы дорсальной полукрувой подработки.

Один резчик в коллекции *тройной*, изготовлен из полосчатой яшмы. Один рабочий край у него скошен дорсальной крутой ретушью, два других оформлены полукрувой ретушью с брюшком.

Комбинированные орудия представлены различными комбинациями резцов-резчиков (9 экз.) (рис. 5, 52, 56 – 58, 62). В восьми изделиях сочетаются один резец и один резчик. Изготовлены они из серого (2), зеленого (3), черного кремня, полосчатой яшмы и коричневой кремнистой породы. Резцовый скол у этих орудий сочетается с прямым (3), клювовидным (3), в двух случаях – со скошенным рабочим лезвием, оформленным со спинки (6) мелкой крутой ретушью, реже – с брюшка (2) полукрувой ретушью. Кроме того, у двух орудий одна из латералей покрыта нерегулярной мелкой крутой ретушью, что, скорее всего, является результатом утилизации.

Еще одно изделие представляет собой резец-тройной резчик. Оно изготовлено на медиальном сечении пластины зеленого кремня. Резцовый скол нанесен с одного из углов пластины. Остальные ее углы обработаны по одной латерали дорсальной, по другой – вентральной крутой ретушью.

Скребков на микропластинах насчитывается в коллекции 11 экз. (рис. 4, 21 – 30, 32). Выделены следующие виды изделий.

Концевой скребок – 1 экз. (см. рис. 4, 23). Выполнен на пластине зеленого кремня с отсеченной проксимальной частью и ныряющим окончанием. Рабочий край имеет округлую форму.

Концевой скребок с дополнительной подработкой латералей – 3 экз. Один (см. рис. 4, 22) изготовлен на пластине серой яшмы с ныряющим окончанием. Рабочий край орудия скошен, лезвие заострено на 60°. По обеим латералям со спинки изделие подработано нерегулярной крутой мелкой

ретушью. Второй скребок из сургучной яшмы (см. рис. 4, 21) имеет подокруглый рабочий край с углом заострения 75°. Латерали обработаны по-лукрутой захватывающей ретушью. Третий изготовлен из серой яшмы (см. рис. 4, 29). Один торец и оба боковых края обработаны субпараллельной крутой ретушью. Угол заострения рабочих краев составляет 70 – 85°.

Концевой скребок с подработкой аккомодационной части – 1 экз. (см. рис. 4, 32). Изготовлен из серой яшмы. Рабочий край изделия слегка скосшен. Угол заострения составляет 80°. Латерали и место насада обработаны полукрутой распространенной ретушью.

В коллекции присутствует один *угловой скребок*, изготовленный на длинной полувервичной пластине белой опоки (58×8×4 мм) (см. рис. 4, 30).

Остальные пять орудий формально являются пластинами с дорсальной ретушью. Но характер заготовки (высокие пластины толщиной 4 – 5,5 мм) и вторичной обработки (скребковая ретушь), а также следы использования в виде сильной смятости и выкрошенности рабочего края позволяют отнести данные изделия к боковым скребкам (рис. 4, 24 – 28). Параллельная крутая высокая ретушь покрывает обе латерали орудий. Угол заострения рабочих краев составляет 60 – 85°. Изготовлены орудия из зеленого кремня, полосчатой и сургучной яшмы, кварца и серого сланца.

На микропластинках выполнено также 34 *острия* (рис. 4, 35 – 50).

В качестве *перфораторов* употреблялись пять изделий (рис. 4, 34 – 37). Для всех орудий характерны смятость и заглаженность рабочего конца. Одно (33×9×4 мм), изготовленное из серой кремнистой породы, имеет биконическую форму (см. рис. 4, 34). Рабочий конец орудия обработан двухсторонней ретушью, другой, служивший, видимо, насадом, оформлен крутой средней ретушью. Одно орудие из коричневой кремнистой породы (см. рис. 4, 35) почти полностью покрыто ретушью. Латерали обработаны по дорсалу плоской средней ретушью, а брюшко частично покрыто разновеликими фасетками стелющейся ретуши таким образом, что пластина в медиальной части утоньшена примерно наполовину. Еще три изделия имеют минимальную подработку. Ретушь оформляет лишь плечики орудий. Одно из них из серого кремня (см. рис. 4, 36), видимо, подвергалось термическому воздействию: пластина с рабочего конца до середины имеет цвет в диапазоне от темно-коричневого до желтоватого.

Среди острий выделяется также группа изделий с *оформленными ретушью плечиками* – 4 экз. (рис. 4, 38 – 40). Изготовлены они из серой кремнистой породы и зеленого кремня (по 2 экз.). Все изделия обработаны крутой ретушью. В одном случае ретушь оформляет на противоположном от рабочего конца орудия две выемки, образуя что-то вроде насада (см. рис. 4, 38).

Симметричные острия, у которых оба края орудия покрыты ретушью и симметричны относительно оси заготовки, насчитывают 14 экз. (рис. 4, 41 – 44). Большинство из них обработано по одной или двум латералим крутым ретушью. В двух случаях отмечена полукрупная обработка.

Асимметричные острия – с рабочим концом, не симметричным относительно продольной оси заготовки, представлены 5 экз. (рис. 4, 45 – 47, 53). Одно изготовлено на ребристой пластине черного кремня. Ребро пластины со стороны рабочего края обработано уплощающей ретушью (см. рис. 4, 47). Ретушь на ребре присутствует еще у одного острия. Оно изготовлено на полувервичной пластине зеленого кремня толщиной 5,5 мм. Функции ретуши установить сложно. Возможно, она уточняет профиль пластины.

Скошенные острия насчитывают 5 экз. (рис. 4, 48 – 50, 54). У одного изделия из серо-зеленого кремня угол скоса торца составляет 65° (см. рис. 4, 54). У остальных угол схождения краев $40 - 20^\circ$. Изготовлены орудия из зеленого кремня (2), по одному – из сланца и серой кремнистой породы. У двух пластин ретуширована лишь часть латерали (на одну и две трети длины) (см. рис. 4, 48, 50), две другие обработаны полностью. Данные орудия могли использоваться в качестве наконечников стрел [33, с. 106 – 107].

В коллекции присутствуют и типологически выраженные **наконечники стрел** (3 экз.). Наконечник подлистовидной формы с намеченным черешком обработан полукруглой мелкой двухсторонней ретушью (рис. 4, 51). Сырьем для орудия служила коричневая кремнистая порода. Из аналогичного сырья изготовлен наконечник стрелы треугольной формы с черешком. Он обработан по всему периметру полукруглой вентральной ретушью (рис. 4, 52). И, наконец, миниатюрный ($18 \times 4 \times 1$ мм) наконечник ромбовидной формы изготовлен из серой яшмы. Перо оформлено двухсторонней мелкой ретушью, хорошо выраженный черешок – двухсторонней покрывающей.

В коллекции Кокшаровского холма выявлен также один **геометрический микролит** из серой яшмы с размерами $34 \times 5,5 \times 1,5$ мм (см. рис. 2, 28). Он представляет собой низкий асимметричный параллограмм (подтип 1г по Ю.Б. Серикову) [3, с. 119]. Торцы изделия обработаны дорсальной крутой ретушью. Латерали изделия покрывает противолежащая нерегулярная ретушь.

Для установления хронологической принадлежности микролитического комплекса Кокшаровского холма произведен его сравнительный анализ с каменными индустриями мезолитических и неолитических памятников Среднего Зауралья по следующим критериям: сырье, уровень микролитичности комплексов; доля пластин, подвергнутых вторичной обработке; основные виды ретуши; типы нуклеусов; типы орудий на пластинах и их соотношение. Для сравнительного анализа были привлечены материалы публикаций однослойных либо хорошо стратифицированных памятников, где принадлежность комплексов к определенной эпохе или культуре не вызывала у исследователей сомнений. Это мезолитические памятники Сухирно I [4, с. 72 – 84; 5, с. 85 – 88], Кокшарово-Юрынская I [6, с. 131 – 147], Юрыно VI, VII [7, с. 37 – 48], Выйка II [8, с. 17 – 32], Серый Камень [9, с. 15 – 26], Крутяки I [10, с. 127 – 151], Атымья IV [11, с. 39 – 41] и памятники эпохи неолита Евстюниха 1 [12, с. 185 – 190], Уральские Зори II [13, с. 32 – 45], Ташково I [14, 112 – 131], Исетское Правобережное [15, с. 46 – 67], ЮАО XV, ЮАО XIIIa [16, с. 146 – 153], ЮАО XII [17, с. 42 – 47], Пикишка I [18, с. 90 – 118], Ново-Шадрино I [19, с. 105 – 108], Двухозерное I [20, с. 21 – 23].

Основным видом сырья для изготовления орудий в мезолите Среднего Зауралья признается кремнистый сланец (до 96,2 % – Выйка II). Сланцы в микропластинчатом комплексе Кокшаровского холма не превышают 2 %. Основная же часть предметов изготовлена из кремня и кремнистых пород различных оттенков, что более характерно для неолитической эпохи. Кроме того, набор минералов в мезолите ограничен и не превышает семи–восьми видов [21, с. 39 – 40]. В неолите использовалось до 60 различных минералов [22, с. 14]. В рассматриваемом комплексе насчитывается около 20 наименований пород камня.

Микропластин в комплексах эпохи мезолита около 90 % [31, с. 100]. В неолите этот показатель гораздо ниже – от 27 % (Ташково I) до 82 % (Исетское

Правобережное), в среднем 30 – 40 %. На Кокшаровском холме доля микропластин составляет 48 % от пластинчатого комплекса.

Доля микропластин с вторичной обработкой в виде ретуши в мезолите редко превышает 16 – 17 % (Выйка II), в среднем 9 – 13 %. На холме доля орудий на микропластинах составляет 22,2 %, а для пластинчатого комплекса в целом 30,4 %, что характерно для неолитических памятников.

В мезолите более всего распространена дорсальная обработка орудий (75 %), реже – вентральная. Двухсторонняя и противолежащая ретушь наносилась на изделия крайне редко [31, с. 101]. В неолите орудий с подобной ретушью больше, особенно на боборыкинских памятниках – до 15 % (Пикушка I) и 25 % (ЮАО XII). Микропластины холма в половине случаев обработаны со спинки (52 %), с брюшком (25,5 %), противолежащей ретушью 8,3 %, двухсторонней – 6 %. В мезолите ретушь почти всегда крутая, в неолите часто встречается полукрученая и плоская – на холме 28,2 и 3,7 % соответственно.

Наиболее распространены в мезолите Среднего Зауралья торцевые нуклеусы (до 89 % – Кокшаровско-Юрынская стоянка). В неолите наблюдается переход к призматическим и коническим формам. На Кокшаровском холме соотношение торцевых и призматических нуклеусов одинаково. Кроме того, 6,6 % нуклеусов представлено килевидным типом, встречающимся в кошкинских и козловских комплексах (ЮАО XIIIa, Евстюниха I). Есть и уплощенные нуклеусы, аналогичные боборыкинским (ЮАО XII, Ново-Шадрино I).

Доля пластин с ретушью от всего количества орудий на пластинах в мезолите составляет от 23 % (Крутяки I) до 64 % (Сухирено I), в среднем – около 40 %. В неолите этот показатель возрастает до 78 % (ЮАО XV) (в среднем 65 %). В комплексе Кокшаровского холма данный тип изделий составляет 36 %. Еще одной отличительной особенностью неолитических комплексов является почти полное отсутствие пластин с обработанным торцом, тогда как в мезолите они составляют около половины всех пластин с ретушью [1, табл. II]. На холме этот вид изделий насчитывает 13,5 % от микропластин с ретушью.

Доля резцов и резчиков в комплексе холма составляет 22 и 16 % (7,8 и 6 % от орудий на пластинах). В мезолите доля данных изделий несколько выше, а в неолите – ниже и они встречаются не на всех памятниках.

В типологии острий эпохи мезолита и неолита сложно выделить какие-либо существенные различия. Единственное исключение – склоненные острия, которые встречаются в крупных мезолитических комплексах (Выйка II, Крутяки I, Серый камень). Для неолита подобные изделия практически неизвестны (исключение – ЮАО XIIIa). На холме этот тип острий представлен всего 5 экз.

Единственный в коллекции холма геометрический микролит имеет ближайшие аналоги в мезолитических комплексах [1, с. 109].

Таким образом, микролитический комплекс холма имеет сходные черты как с мезолитическими, так и с неолитическими индустриями, но большее сходство по статистико-типологическим характеристикам обнаруживается все-таки с последними, хотя полностью исключать присутствие изделий мезолитической эпохи нельзя. Неолитический возраст большей части комплекса подтвержден стратиграфическим и планиграфическим анализами залегания находок.

Раскопками 1995 – 2003 гг. было выявлено более 10 объектов, которые представляли собой подпрямоугольные в плане сооружения размерами 2×2 м и более. Внутри некоторых сооружений или около них обнаружены по одному-два сосуда или их значительные части.

Микролитический инвентарь залегал во всех основных слоях памятника. Из 1164 находок, отнесенных к микролитическому комплексу, 314 изделий были обнаружены в переотложенных слоях (27 % от всего материала), 78 происходят из сборов с поверхности (6,7 %). Положение еще 106 находок определить, к сожалению, не представляется возможным. Остальной материал располагался по основным слоям и частям холма следующим образом.

Более половины находок (56,8 %) расположено в нижнем насыпном слое 6 и его вариантах. В залегании материала в данных слоях прослеживается ряд закономерностей (рис. 6). Во-первых, микролитический инвентарь тяготеет к периферии холма, особенно к северной и юго-восточной его частям. Здесь сконцентрирована подавляющая часть находок. Во-вторых, скопления инвентаря совпадают с планиграфией некоторых объектов. Так, внутри объекта 12 на площади 3 кв.м найдены три нуклеуса, семь микропластин и одна пластина с ретушью.

Наибольшее скопление материала наблюдается севернее этого участка и приурочено к объекту 13. Микропластины, орудия и нуклеусы залегают внутри и широкой полосой (от 0,7 до 3 м) вокруг объекта. В залегании отдельных типов орудий также прослеживаются некоторые закономерности. Основная часть резцов и резчиков, а также большинство пластин без обработки располагались севернее объекта. Внутри постройки находилось семь вкладышей, оформленных центральной ретушью. Более половины нуклеусов были найдены внутри или располагались по периметру сооружения.

Еще одно скопление находок наблюдается в юго-восточной периферийной части холма, где зафиксированы объекты 6 и 14. Большая часть артефактов расположена юго-восточнее сооружений. Какие-либо закономерности в залегании материала выявить сложно, за исключением нуклеусов. Как и в случае с объектом 13, они находятся либо внутри объектов, либо в непосредственной близости от них (не далее 1 м).

Наконец, еще одно небольшое скопление материала обнаружено юго-восточнее объекта 8. Здесь найдены два нуклеуса, 11 пластин, две пластины с выемкой и один резчик.

Около четверти всех находок располагалось в средних насыпных слоях 3, За, 20 (рис. 7, Б). В планиграфии залегания материала наблюдаются те же закономерности (хотя и в меньшей степени), что и в предыдущих слоях. Часть комплекса связана с объектом 12, где в слое 3 обнаружены четыре нуклеуса, 21 пластина, одна – с выемкой, три резца и два резчика. Кроме того, в непосредственной близости залегали один нуклеус, две пластины с ретушью и три – без обработки.

Северо-восточнее данного скопления находится еще одно, на наш взгляд, связанное с объектом 13. Большая часть инвентаря залегает вокруг очертаний объекта, как бы оконтуривая его. Причем глубины залегания находок и их планиграфия мало чем отличаются от предыдущего слоя.

И, наконец, 14% находок расположено в верхнем культурном слое 2 (рис. 7, А). Большинство находок сконцентрировано здесь в виде неправильного овала на площади около 15 кв. м. Обращает на себя внимание не-

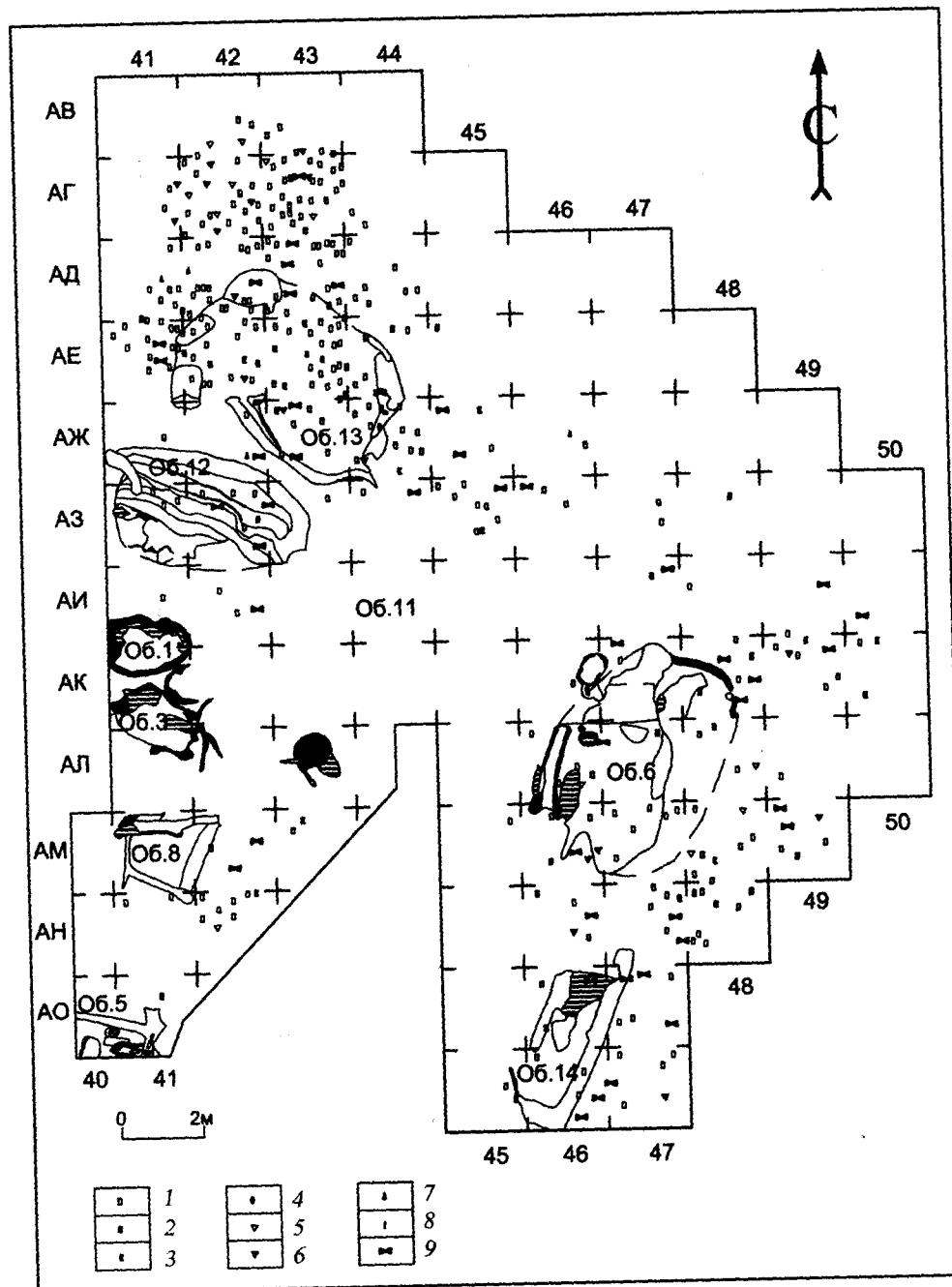

Рис. 6. Планиграфия залегания микролитического инвентаря в нижних слоях Кокшаровского холма.

1 – микропластина; 2 – микропластина с ретушью; 3 – то же с выемкой; 4 – скребок; 5 – резец; 6 – резчик; 7 – острие; 8 – наконечник стрелы; 9 – нуклеус

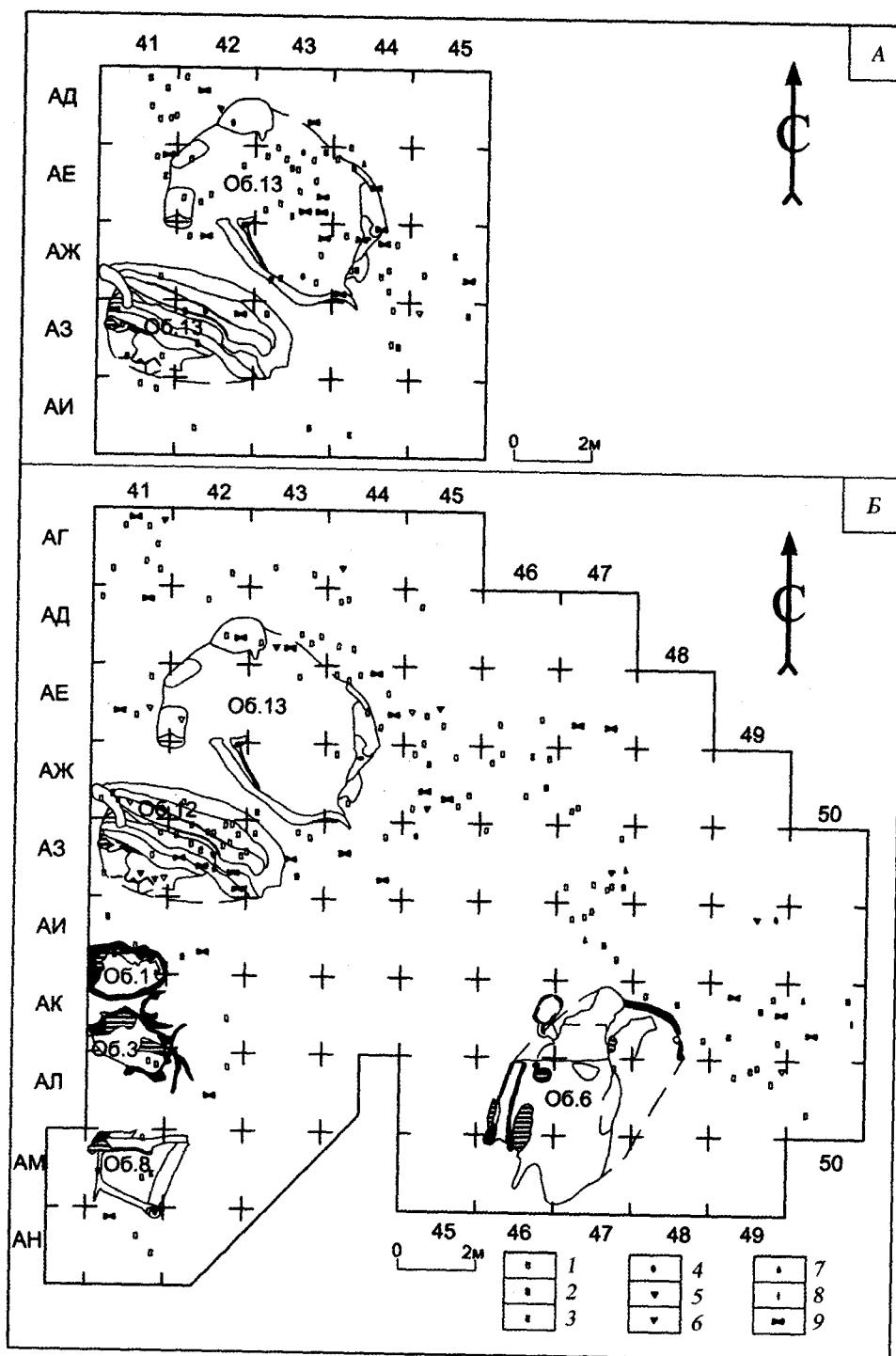

Рис. 7. Планиграфия залегания микролитического инвентаря в верхних (А) и средних (Б) слоях Кокшаровского холма.

1 – микропластина; 2 – микропластина с ретушью; 3 – то же с выемкой; 4 – скребок; 5 – резец; 6 – резчик; 7 – острие; 8 – наконечник стрелы; 9 – нуклеус.

обычайно большое для такой площади количество нуклеусов (14 экз.), причем 10 из них залегали на площади 6 кв. м. Кроме нуклеусов в скоплении присутствуют 37 микропластин, пять пластин с ретушью, четыре – с выемками, три скребка, острие, резец, резчик. Остальная немногочисленная часть инвентаря не образует каких-либо видимых групп.

Таким образом, микролитический комплекс Кокшаровского холма в свете сравнительного типолого-статистического анализа и особенностей стратиграфии и планиграфии залегания, скорее всего, относится к неолитической, нежели мезолитической эпохе. Кроме того, большинство материала каким-то образом связано с зафиксированными на памятнике объектами (6, 8, 12–14) и располагалось либо внутри, либо в непосредственной близости от них. Этот факт, возможно, свидетельствует о применении камня в ритуальной практике древнего населения, обслуживавшего святилище. Ответ на вопрос о характере ритуалов, проводившихся на Холме, а также месте и роли в них предметов из камня может быть дан лишь при анализе всего комплекса каменных изделий этого памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шорин А.Ф. Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок в 1995, 1997 – 1999 гг.) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.
2. Беспрованный Е.М., Мосин В.С. К характеристике мезолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
3. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
4. Стоянов В.Е., Крикевская Л.Я., Старков В.Ф. Мезолитическая стоянка Сухрино I на Исети // ВАУ, 1977. Вып. 14.
5. Сериков Ю.Б. Трасологический анализ каменных орудий с мезолитической стоянки Сухрино I // ВАУ, 1977. Вып. 14.
6. Сериков Ю.Б. Кокшаровско-Юрыинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // РА, 1992. № 4.
7. Сериков Ю.Б. Мезолитические памятники Юрьянского озера (Среднее Зауралье) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2002. Вып. 4.
8. Сериков Ю.Б. Выйка II – опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье // СА, 1988. № 1.
9. Сериков Ю.Б. Серый Камень – древнейший памятник Горбуновского торфяника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1.
10. Сериков Ю.Б. Мезолитические памятники полуострова Крутяки (Среднее Зауралье) // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987.
11. Сериков Ю.Б. Атымья – самое северное мезолитическое поселение Свердловской области // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1.
12. Россадович А.И., Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. Древнейшая скульптура лесного Зауралья // СА, 1976. № 4.
13. Сериков Ю.Б. Уральские Зори III – однослоиный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
14. Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
15. Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
16. Шаманаев А.В. Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевского) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.
17. Ковалева В.Т., Сериков Ю.Б. Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982.
18. Шилов С.Н., Эзырянова С.Ю., Шаманаев А.В. Комплекс боборыкинской культуры поселения Пикушка I // ВАУ, 2002. Вып. 24.

19. Корякова Л.Н., Стефанова Н.К. Памятники у д. Ново-Шадрино на юге Тюменской области // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
20. Волков Е.Н. Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное I // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.
21. Сериков Ю.Б. Минеральное сырье и его использование в каменном и бронзовом веках Среднего Зауралья // Минералы в материальной культуре древних уральских народов. Свердловск, 1988.
22. Иванов О.К., Кернер В.Ф. Использование местных пород камня неолитическим населением Зауралья // Минералы в материальной культуре древних уральских народов. Свердловск, 1988.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНАТОЛИЯ ХАРИТОНОВИЧА ПШЕНИЧНЮКА

В начале 2006 г. исполнилось 70 лет Анатолию Харитоновичу Пшеничнюку, кандидату исторических наук, заведующему отделом археологии ИИЯЛ УНЦ РАН, ведущему специалисту по проблеме раннего железного века Южного Урала.

А.Х. Пшеничнюк родился 2 января 1936 г. в д. Литенка Аургазинского района БАССР в семье колхозников.

В 1950 г. после окончания 7-го класса Уршаковской средней школы поступил на I курс Давлекановского педагогического училища, которое окончил в 1954 г. В том же году стал студентом историко-филологического факультета Башкирского государственного университета. В июле 1959 г. после окончания университета принят лаборантом в сектор археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР, где впервые участвовал в раскопках Бирского могильника в экспедиции Н.А. Мажитова, а затем под руководством М.Х. Садыковой – в раскопках Киишкинского могильника. С приходом в институт заведующего отделом археологии и этнографии К.В. Сальникова Анатолий Харитонович под его руководством изучает памятники эпохи бронзы.

В 1961 г. А.Х. Пшеничнюк переведен на должность младшего научного сотрудника. С этого времени Анатолий Харитонович начинает проводить самостоятельные археологические исследования в центральных районах республики. Им осуществлены широкомасштабные раскопки уникальных археологических комплексов, таких как Биктимировский, Охлебининский, Шиповский, куда входили городища и могильники. Исследуются поселения Воронки, Дудкино, а также Воскресенское и Кара-Аташское городища. Полученные материалы позволили поставить на прочную источниковедческую базу изучение кара-абызской культуры и этнического состава населения края на рубеже нашей эры.

Результаты научных исследований отразились в успешно защищенной в апреле 1968 г. в Московском государственном университете кандидатской диссертации на тему «Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры (卡拉-Абызская культура)».

В 1969 г. А.Х. Пшеничнюк переведен на должность старшего научного сотрудника. С 1965 по 1970 г. отдел археологии работает над коллективной темой «Археологическая карта Башкирии». Карта опубликована издательством «Наука» в 1976 г. Анатолий Харитонович был одним из основных исполнителей этой темы. Им осмотрены десятки речных бассейнов, пройдена не одна сотня километров. Много сил отдано археологическим изысканиям в разных районах республики: здесь и южные районы – Баймакский, Кумертауский, Милякинский, и северные – Бураевский, Мишкинский, Бир-

ский, Караидельский, и многие другие районы в центральной части Башкирии. Им открыты и исследованы сотни археологических памятников, которые в дальнейшем изучались следующим поколением археологов.

Работая с памятниками лесных оседлых племен кара-абызской культуры, Анатолий Харитонович отмечает влияние на них степного кочевнического мира сарматских племен. В 1970-е годы он уделяет большое внимание раскопкам курганов ранних кочевников – Бекешевских, Тавлыкаевых, Комсомольских, Альмухаметовских, Сибайских и др. Итогом этих исследований стал выход в 1983 г. в издательстве «Наука» монографии «Культура ранних кочевников Южного Урала».

В 1979 г. А.Х. Пшеничнюк избирается заведующим сектором археологии, кем и является до сегодняшнего дня. За эти годы он руководил темами «Памятники Южного Урала эпохи бронзы и раннего железа», «Древняя и средневековая история Южного Урала», «История Башкирской АССР», «Этнокультурный состав населения Южного Урала и Поволжья в эпоху древности и средневековья», «Археология среднего Поволжья и Приуралья» и др.

Под его руководством сектор установил контакты с научными учреждениями, занимающимися изучением древней истории Урало-Поволжья: Институтом археологии АН СССР (Москва), Ленинградским отделением Института археологии, Челябинским университетом, Оренбургским пединститутом. Заключены договоры о содружестве с Башкирским госуниверситетом, Башкирским госпедуниверситетом, Волгоградским университетом. Организуются совместные экспедиции, результаты которых публикуются в тематических сборниках.

Открытие Музея археологии и этнографии в декабре 1980 г. стало крупным событием в научной жизни республики и всего Урало-Поволжского региона. А.Х. Пшеничнюк участвует в создании плана будущей экспозиции. Вместе с художниками посещает известные историко-археологические музеи страны для ознакомления с их оформлением и принципами создания археологической экспозиции. Следует вспомнить, что Анатолий Харитонович с группой художников ездил в Бурзянский район, где в Каповой пещере принимал участие в съемке наскальных палеолитических рисунков. В настоящее время их копии экспонируются на стенах макета пещеры в Музее археологии и этнографии УНЦ РАН.

Анатолий Харитонович – наиболее авторитетный исследователь археологических памятников Южного Урала, оставленных оседлым населением кара-абызских племен и древними кочевниками. Особенно существенным вкладом не только в отечественную, но и в мировую науку и культуру явилось его открытие в середине 1980-х годов «царских» курганов в Оренбургской области. Это открытие продемонстрировало не только высокий профессионализм А.Х. Пшеничнюка, но и его интуицию опытного полевика. Семнадцать раскопанных им курганов дали очень богатый и разнообразный материал по истории, культуре и искусству древних кочевников Южного Урала.

Эта коллекция обошла многие музеи мира, включая Метрополитен в Нью-Йорке, Палаццо Реаль в Милане, Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Материалу курганов посвящено немало публикаций, но, как считает автор, впереди еще много работы по научной интерпретации этой коллекции.

Многолетняя научная и организаторская деятельность А.Х. Пшеничнюка получила широкое признание. Анатолий Харитонович награжден грамотой Верховного Совета Башкирской АССР (1980 г.), дипломом Пре-

зициума Академии наук Республики Башкортостан (2000 г.), грамотой Российской академии наук (1999 г.). В 2003 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан». Научный авторитет у А.Х. Пшеничнюка высок, доклады содержательны, изданные работы оригинальны. Он автор около 100 научных работ, изданных не только в России, но и за рубежом.

Давние друзья Анатолия Харитоновича, бывшие участники его археологических экспедиций знают его как общительного, доброжелательного и обаятельного человека. Все друзья, коллеги и ученики поздравляют его с семидесятилетием, желают ему крепкого здоровья, больших успехов и новых достижений в научной деятельности.

Ю.А. Морозов

ВСЕГДА В ПУТИ: К ЮБИЛЕЮ Ю.Б. СЕРИКОВА

Нередко жизненный путь человека предопределяют детская мечта и господин Великий случай. В полной мере это относится к Ю.Б. Серикову.

В детстве Юра, как и многие мальчишки послевоенного времени (а родился юбиляр 13 декабря 1945 г. в г. Тамбове), читал запоем, благо, в доме была хорошая библиотека, немалую часть которой составляла научно-популярная литература. К 11 годам, одолев домашнюю библиотеку, мальчик отправился записываться во взрослую. Пришлось сдавать своеобразный экзамен на качество чтения строгим библиотекарям, прежде чем было в порядке исключения получено право на пользование взрослой библиотекой (обычно это право подростки получали в 14 лет). Случайно в руки попала книга Г.А. Федорова-Давыдова «Дневная поверхность» – о романтичной науке археологии. Появилась мечта – стать археологом. Только вот здоровье было неважным, постоянно мучали простуды, врачи даже высказывали подозрение о туберкулезе. Желая победить нескончаемые болячки и подготовить себя к будущей нелегкой экспедиционной профессии, Юра начал ежедневные изнурительные тренировки. Набив рюкзак песком, долговязый подросток водружал его на плечи и отправлялся колесить по окрестностям родного шахтерского городка (к тому времени семья Сериковых жила в г. Макеевка Донецкой области).

К концу 9 класса мальчик понял, что к своей первой экспедиции физически готов. Едва дождавшись летних каникул, Юра с двумя закадычными друзьями отправился в Мекку археологов- античников. За 33 дня мальчишки преодолели 440 км, от Керчи до Севастополя. В пути ребята нередко встречали таблички такого рода: «Раскопки на этом памятнике ведутся с 18... г.». И тут Юра загрустил: «Чем же я займусь в античной археологии, если все уже давно раскопано?»

Случайно на одном из памятников ему в руки попала красивая кремневая пластина, беленъкая, с голубыми разводами. В краеведческом музее родной Макеевки, куда друзья принесли свой «летний улов», пластину датировали эпохой палеолита. В голове Серикова мелькнула мысль: «А не заняться ли изучением этой эпохи?» Так что, когда юноша поехал поступать на исторический факультет МГУ, он точно знал, чем будет заниматься.

Студенческие годы пролетели незаметно. Студенты, специализирующиеся по археологии, с весны и до поздней осени – всегда в пути: разведки, раскопки. Ю.Б. Серикову посчастливилось участвовать в раскопках греческой фактории под Евпаторией, палеолитических стоянок Сунгирь и Каменная Балка, освоить под руководством С.А. Семенова трасологический метод изучения поверхности каменных орудий.

Но пришло время выбора места своей профессиональной деятельности. В длинном списке вакансий, предлагаемых выпускникам кафедры археологии, значился и город Нижний Тагил. Вспомнились прочитанные в детстве сказы П. Бажова, научно-популярные очерки А.Ферсмана о несметных минеральных богатствах Урала... К этому добавились личные впечатления от разведки по Южному Уралу, в которую он отправился в 1966 г. со своим однокурсником В. Сидоровым по заданию научного руководителя О.Н. Бадера. Тогда, обследовав 32 пещеры, палеолита они, увы, не обнаружили. Но вдруг еще повезет... И Сериков решил поехать в Нижний Тагил.

Проработав год заведующим кабинетом политической экономии и научного коммунизма (обязательного атрибута всех вузов советской эпохи) в Нижнетагильском государственном педагогическом институте, он в 1970 г. перебрался в Нижнетагильский краеведческий музей, поближе к археологическим фондам, в надежде начать собственные исследования уральских древностей. В музее пришлось осваивать премудрости создания новых экспозиций, написания путеводителей. Получив в 1973 г. открытый лист первой формы, наконец-то отправился в свою первую самостоятельную экспедицию. Помощниками стали тагильские школьники: В. Арефьев, С. Каушурников и другие участники археологического кружка, созданного Сериковым при музее. Поначалу этот кружок был своеобразным мужским закрытым обществом. По негласной договоренности девчонок, желавших отведать археологической романтики, записывала к себе А.И. Россадович. Однако гендерный подход в наборе кружковцев продержался недолго. В 1976 г. в мужской команде появились и девочки, среди них Е. Устинова (Гаджиева). Вот уже более 30 лет Ю.Б. Сериков – лидер школьной археологии не только в Нижнем Тагиле, но и в Уральском регионе. В последние годы эту хлопотную ношу все чаще помогают нести его неизменные спутницы, помощницы – жена Люба и дочь Анна. Совместными усилиями на базе средней школы № 87, а затем МОУ Лицей они создали школьный археологический музей, которому – единственному в Свердловской области – присвоен статус «Школьный музей».

Но вернемся в далекие 1970-е годы. Мечта об уральском палеолите стала почти наваждением. Отложив музейные дела, Ю.Б. Сериков отправился в Гары. И чудо свершилось. В мерзлотном клине, среди костей мамонта, была обнаружена палеолитическая кремневая пластина. С какой гордостью телеграфировал Юрий Борисович в Москву своему Учителю: «Палеолит в Гарях найден!» О.Н. Бадер сразу же выехал на Урал, желая непосредственно на месте оценить ситуацию. С тех пор ежегодно осенью по низкой воде Ю.Б. Сериков совершает «Гаринский ритуал».

В 1975 г. Юрий Борисович был приглашен в Уральский государственный университет им. Горького, где проработал в должности младшего, а затем старшего научного сотрудника до 1985 г. 25 апреля 1984 г. в знаменитом дубовом зале Ленинградского отделения Института археологии АН СССР он защитил кандидатскую диссертацию «Мезолит Среднего Зауралья». Спустя 17 лет, в 2001 г. в этом же зале тоже 25 апреля он защитит докторскую диссертацию «Палеолит и мезолит Среднего Зауралья».

С 1985 г. юбиляр работает в Нижнетагильском государственном педагогическом институте (с 2003 г. - НТГСПА) в должности старшего преподавателя, доцента (с 1988 г.) и профессора (с 1997 г.). В течение 5 лет Юрий Борисович руководил хоздоговорной археологической экспедицией, которая проводила охранные раскопки археологических памятников не только на Урале (Свердловская и Челябинская области), но и в Краснодарском крае. Значительно расширяется круг его научных интересов. Он продолжает заниматься трасологическими исследованиями, проводит поиск и раскопки торфяниковых памятников, организует первую на Урале подводную археологическую экспедицию, участвует в новом направлении исследований — минералогической археологии. Постепенно его научные интересы перемещаются в область изучения духовной культуры Урала.

Активную научную работу Юрий Борисович сочетает с педагогической деятельностью. Он разработал и читает общие курсы по археологии, вспомогательным историческим дисциплинам. Все эти годы неизменно руководит студенческим археологическим кружком, создал учебный археологический музей.

Заветная мечта мальчишки из небольшого шахтерского городка сбылась — он стал археологом, с его мнением считаются в научном мире. Но и в свои 60 лет Ю.Б. Сериков не останавливается, он всегда в пути. Хочется пожелать ему удачи, новых открытий и озарений!

O.B. Рыжкова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
АСА – Ассоциация северной археологии
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГПБ – Государственная публичная библиотека
ЗУОЛЕ – Записки Уральского общества любителей естествознания
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
КА УрГУ – Кабинет археологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии
НТГСПА – Нижне-Тагильская государственная социально-педагогическая академия
ПИДО – Проблемы истории докапиталистического общества
ПНИАЛ УрГУ – Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория Уральского государственного университета им. А.М. Горького
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СЭ – Советская этнография
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
Тр. ИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

-
Тр. ИЭ	- Труды Института этнографии
Тр. КААЭ ПГПУ	- Труды Камской археолого-этнографической
экспедиции Пермского государственного
педагогического университета
ТХЭ	- Труды Хорезмской экспедиции
ЭО	- Этнографическое обозрение

OUR AUTHORS

ALEKSASHENKO Natalia Anatolievn – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

BERSENEVA Natalia Aleksandrovna – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

VICTOROVA Valentina Domentianovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

VILISOV Eugenie Vladimirovich – Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

VOLKOV Roman Borisovich – Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

KALININA Irina Vsevolodovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Eastern European Branch of State Hermitage.

KARACHAROV Konstantin Gennadievich – Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

KERNER Valentina Fridrikhovna – Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

KORYAKOVA Ludmila Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Major Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

KURLAEV Eugenie Anatolievich – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

MOROZOV Yuri Alekseevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences.

POGODIN Andrei Albertovich – Senior Researcher at the Urals State University.

POGORELOV Sergey Nikolayevich – Vice-Director of the Department of Archaeological Investigations at the Regional culture institution “Sverdlovsk regional scientific integrated center for historical and cultural sites protection and exploration”.

RYZHKOVA Olga Vasilievn – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Nizhny Tagil Social-Pedagogical Academy.

SERIKOV Yuri Borisovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Nizhny Tagil Social-Pedagogical Academy.

USACHEVA Irina Vitalievna – Researcher at the Institute of Problems connected with exploitations North, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

FEDOROVA Natalia Victorovna – Candidate of Historical Sciences, Yamalo-Nenetz Regional Museum and Exhibition Assemblage by I.S. Shemanovskiy, Salekhard, Russia.

CHEMYAKIN Yuri Petrovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Urals State University.

SHARAPOVA Svetlana Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

SHIROKOV Vladimir Nikolayevich – Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences

НАШИ АВТОРЫ

- АЛЕКСАШЕНКО Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН
- БЕРСЕНЕВА Наталья Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН
- ВИКТОРОВА Валентина Домельяновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН
- ВИЛИСОВ Евгений Владимирович – младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН
- ВОЛКОВ Роман Борисович – младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН
- КАЛИНИНА Ирина Всеволодовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы Государственного Эрмитажа
- КАРАЧАРОВ Константин Геннадьевич – научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН
- КЕРНЕР Валентина Фридриховна – научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН
- КОРЯКОВА Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН
- КУРЛАЕВ Евгений Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН
- МОРОЗОВ Юрий Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
- ПОГОДИН Андрей Альбертович – старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории Уральского государственного университета им. А.М. Горького
- ПОГОРЕЛОВ Сергей Николаевич – заместитель начальника отдела археологических исследований по истории городов Свердловской области областного государственного учреждения «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области»
- РЫЖКОВА Ольга Васильевна – кандидат исторических наук, доцент Нижнетагильской социально-педагогической академии
- СЕРИКОВ Юрий Борисович – доктор исторических наук, профессор Нижнетагильской социально-педагогической академии
- УСАЧЕВА Ирина Витальевна – научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень
- ФЕДОРОВА Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, заместитель директора Ямало-Ненецкого музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского
- ЧЕМЯКИН Юрий Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории Уральского государственного университета им. А.М. Горького
- ШАРАПОВА Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН
- ШИРОКОВ Владимир Николаевич, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

CONTENTS

Publications of this issue	3
Papers	5
KORYAKOVA L.N. Social trend at the southern part of Northern Eurasia at of bronze and early iron ages	5
SHARAPOVA S.V., BERSENEVA N.A. Social symbolism: Paradigm and basic studies	25
VICTOROVA V.D. Evolution of the one sign and its significance	35
KERNER V.F. Representation of "Miraculous container" in the culture of the Northern Peoples	51
USACHEVA I.V. Those enigmatic "utyuzhki": function revisited	63
SERIKOV Yu.B. Micro-flake complex from the sanctuary at Kamen (Rock) Dyrovaty	75
POGORELOV S.N. Wooden spade-shaped tools from peat-bog sites of the Middle urals	92
KALININA I.V. Head of the elk-cow from the collection "Shigir Antiquites"	98
ALEXASHENKO N.A. Ust'-polui: technique of artistic bone working	105
POGODIN A.A., CHEMYAKIN Y.U.P. Origin of the beloyarskaya culture revisited (from materials of Barsova gora III/76 settlement site).	117
KARACHAROV K.G. The Vozhpal archaeological culture	135
FEDOROVA N.V. Migration two thousand years long: man and deer in the north of Western Siberia	149
KURLAEV E.A. Integrated historical and archaeological study of the industrial sites of the XVII-XVIII centuries revisited	157
Publication	
SHIROKOV V.N., VOLKOV R.B. Materials of Stone Age site Ignatievskaya II	171
VILISOV E.V. Microlitical assemblage of the sanctuary Koksharovskiy hille	177
Our jubilees	
To the 70-aniversaire of A.H. Pshenichnyuk. Yu.A. MOROZOV	197
Always on the way: to the 60-anniversaire of Yu.B. Serikov. O.V. RYZHKOVA.	199
List of abbreviations	202
Our authors	204

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер	3
Статьи	5
КОРЯКОВА Л.Н. Социальный тренд в южной части Северной Евразии в эпоху бронзы и раннего железа	5
ШАРАПОВА С.В., БЕРСЕНЕВА Н.А. Социальная символика: система понятий и проблемы изучения	25
ВИКТОРОВА В.Д. Эволюция одного знака и его значения	35
КЕРНЕР В.Ф. Образ «чудесной емкости» в традиционной культуре народов Севера ..	51
УСАЧЕВА И.В. Эти загадочные «утюжки»: к вопросу о функциональном назначении	63
СЕРИКОВ Ю.Б. Микропластиначатый комплекс святилища на Камне Дыроватом ..	75
ПОГОРЕЛОВ С.Н. Деревянные лопатообразные орудия из торфяниковых памятников Среднего Урала	92
КАЛИНИНА И.В. Изображение головы лосихи из коллекции «Шигирские древности»	98
АЛЕКСАШЕНКО Н.А. Усть-Полуй: техника художественной резьбы по кости ..	105
ПОГОДИН А.А., ЧЕМЯКИН Ю.П. К вопросу о происхождении белоярской культуры ..	117
КАРАЧАРОВ К.Г. Вожпайская археологическая культура	135
ФЕДОРОВА Н.В. Касление длиной в две тысячи лет: человек и олень на севере Западной Сибири	149
КУРЛАЕВ Е.А. К вопросу о комплексном историко-археологическом исследовании памятников промышленности XVII-XVIII вв.	157
Публикации	
ШИРОКОВ В.Н., ВОЛКОВ Р.Б. Материалы стоянки каменного века Игнатиевская II	171
ВИЛИСОВ Е.В. Микролитический комплекс святилища Кокшаровский холм	177
Наши юбиляры	
К 70-летию со дня рождения Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Ю.А. МОРОЗОВ	197
Всегда в пути: к юбилею Ю.Б. Серикова. О.В. РЫЖКОВА	199
Список сокращений	202
Наши авторы	204

Научное издание

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 14

**Материалы к II Международному
Северному археологическому конгрессу**

Специальный выпуск

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии
и НИСО УрО РАН

Редактор А.И. Пономарева
Технический редактор Е.М. Бородулина
Корректор Г.Н. Старкова
Компьютерная верстка О.С. Николаевой

ЛП № 020764 от 24.04.98 г.

НИСО УрО РАН № 24(06)–236. Сдано в набор 15.06.07. Подписано в печать 13.07.06.
Формат 70×100 1/16. Бумага типографская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,77.
Уч.-изд. л. 20. Тираж 500. Заказ 117.

Оригинал-макет изготовлен в РИО УрО РАН.
620219, Екатеринбург, ГСП-169, ул. Первомайская, 91.

Отпечатано в типографии
“Уральский центр академического обслуживания”.
620219, Екатеринбург, ул. Первомайская, 91.